

СБОРНИКЪ
Учено - Литературнаго
Общества

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Юрьевскомъ Университетѣ

Томъ IX.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1905.

СБОРНІКЪ

Лито-Интервалъ

Оддѣлъ

Х. В. Бугаевъ.

Лито-Интервалъ

Лито-Интервалъ

СБОРНИКЪ
Учено - Литературнаго
Общества

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Юрьевскомъ Университетѣ

Томъ IX.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Маттисена.
1905.

Печатано по опредѣленію Учено - Литературнаго Общества при
Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества:

проф. М. Красноженъ.

Содержаніе.

Отдѣлъ научный.¹⁾

1. Проф. В. Г. Алексѣевъ. Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской математической школы. (Съ портретомъ Н. В. Бугаева) 1 — 60
2. М. І. Гредингеръ. Къ характеристикѣ гражданскаго права ливляндскихъ крестьянъ 61 — 99
3. М. А. Тростниковъ. Обученіе сознательному чтенію 100 — 142
4. П. К. Грунскій. Объ основахъ педагогической дѣятельности 143 — 158
5. Л. Ильинскій. Памяти Н. И. Пирогова (подъ редакціею Н. К. Грунскаго) 159 — 178
6. Проф. М. Е. Красноженъ. Къ вопросу о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости 179 — 194
7. Проф. С. К. Богушевскій. Къ вопросу объ оцѣнкѣ земель въ Ливляндской губ. 195 — 211
8. И. С. Проданъ. Организациа души. (Отрывокъ изъ новой эволюціонной монадологін) 212 — 267
9. Проф. М. Е. Красноженъ. Современные вопросы (4 рецензіи) 268 — 285

¹⁾ Отчетъ о дѣятельности Общества за 1904—1905 г. будетъ помѣшенъ въ слѣдующемъ X томѣ Сборника.

Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской математической школы.

Не прошло еще и девяти лѣтъ со дня кончины гениальнаго русскаго математика, сочлена московской математической школы П. Л. Чебышева († 26 ноября 1894 г.), и вотъ новая могила похитила незабвеннаго Николая Васильевича Бугаева († 29 мая 1903 г.), одного изъ самыхъ выдающихся представителей этой школы, воплотившаго въ себѣ всю характерную особенность дѣятельности Московскаго Математическаго Общества и посему имѣющаго всѣ права на наименованіе главы московской школы математиковъ. Слѣдовательно, біографія Николая Васильевича, описаніе его научныхъ изслѣдованій и философскихъ обобщеній дадутъ намъ также въ краткихъ чертахъ и очеркъ жизни Московскаго Математическаго Общества, очеркъ тѣхъ идеаловъ, которые давно уже зрѣли въ этомъ Обществѣ, проявляясь лишь отчасти въ дѣятельности различныхъ его членовъ, пока не вылились въ весьма опредѣленные, ярко выраженные и гармоничныя формы въ научно-философскомъ міровоззрѣніи Николая Васильевича.

И дѣйствительно, на всемъ протяженіи своего существованія Московское Математическое Общество было неразрывно связано со своимъ наиболѣе дѣятельнымъ, отзывчивымъ на всѣ возникавшіе въ немъ вопросы членомъ-основателемъ — Н. В. Бугаевымъ. Трудно представить себѣ это Общество

безъ Н. В. Бугаева. Трудно представить и изданіе Общества, его „Сборникъ“ безъ ставшихъ столь характерными для него аритмологическихъ формулъ Н. В. Бугаева, раскрывавшихъ все новые и новые горизонты въ области прерывныхъ закономѣрностей, тѣхъ закономѣрностей, громадное значеніе которыхъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ начинается въ настоящее время мало-по-малу признаваться учеными весьма различныхъ специальностей.

Скоро ли Математическое Общество оправится отъ столь тяжелой, невознагражденной утраты? Найдется ли новый гений среди сочленовъ Общества, которому будетъ суждено прозрѣть новыя тайны прерывныхъ закономѣрностей и продолжить титаническій трудъ покойнаго мыслителя, или же всѣ желанія и стремленія Николая Васильевича временно замрутъ, предадутся забвенію съ тѣмъ, чтобы по прошествіи долгаго времени снова возродиться и заблестать съ новою силою?

Родился Николай Васильевичъ Бугаевъ на Кавказѣ, въ Душетѣ, въ 1837 году. Его отецъ былъ военнымъ врачомъ Кавказскихъ войскъ. Десяти лѣтъ отъ роду, Николай Васильевичъ былъ посланъ въ Москву для вступленія въ 1-ую гимназію. Этотъ періодъ жизни Николая Васильевича — за время пребыванія въ гимназіи до 7-го класса мнѣ совсѣмъ не извѣстенъ. Но относительно его образа жизни, начиная съ 7-го класса и далѣе — въ теченіе университетскаго курса имѣются весьма цѣнные воспоминанія его сослуживца и пріятеля, профессора Московскаго Университета Н. И. Стороженко¹⁾, которыя я позволю себѣ привести здѣсь въ главныхъ чертахъ.

Н. И. Стороженко пріѣхалъ въ Москву осенью 1854 года для вступленія въ Московскій университетъ. Судьба

1) „Научное Слово“, февраль 1904.

привела его поселиться какъ разъ на томъ же дворѣ, гдѣ жилъ и Николай Васильевичъ (Малый Афанасьевскій переулокъ на Арбатской площади, домъ Милославскаго). Н. И. Стороженко пришлось обѣдать у того повара, у котораго Николай Васильевичъ занималъ небольшую комнату въ подвальномъ этажѣ, рядомъ съ кухней. Эта комната отдѣлялась отъ кухни лишь перегородкой, не доходившей до потолка, и посему не представляла удобствъ для жилья ни въ смыслѣ гигиѣны, ни даже въ смыслѣ покоя; но Николай Васильевичъ никакихъ неудобствъ повидимому не замѣчалъ и даже какъ-будто привыкъ къ угару, которымъ часто надѣляло его помещеніе сосѣдство кухни. По крайней мѣрѣ Н. И. Стороженко, въ первое свое посѣщеніе Николая Васильевича, но истеченіи четверти часа почувствовалъ уже сильную головную боль отъ угара и просилъ Николая Васильевича открыть окно, а послѣдній какъ-будто не чувствовалъ угара и расписывалъ достоинства своей комнаты, называя ее сухой, теплой, а главное дешевой (онъ платилъ за нее три рубля въ мѣсяцъ).

Н. И. Стороженко познакомился такимъ образомъ съ Николаемъ Васильевичемъ и часто видался съ нимъ. Въ это время Николай Васильевичъ былъ воспитанникомъ 7-го класса 1-ой Московской гимназіи. Его посѣщали также нѣкоторые изъ его гимназическихъ товарищей, но особенной близости онъ ни къ кому изъ товарищей не питалъ. Послѣднее объясняется крайней замкнутостью характера Николая Васильевича, образовавшагося вслѣдствіе матеріальной необезпеченности его, что заставило его уже съ 4-го класса гимназіи самому добывать себѣ хлѣбъ насущный даваніемъ частныхъ уроковъ. Никому изъ товарищей Николай Васильевичъ не говорилъ о своей матеріальной необезпеченности, но они, конечно, догадывались и старались снабжать Николая Васильевича уроками. Такимъ образомъ Николай Васильевичъ черезъ одного изъ своихъ товарищей нашелъ мѣсто репетитора математики въ пансіонѣ, содержаниемъ французомъ Могато. Весьма любопытную сцену, характерную для Николая Васильевича даже въ позднѣйшій

періодъ его жизни, описываетъ Н. И. Стороженко: „И французъ (Могато), и Н. В. были страстные патріоты, и ежедневно послѣ уроковъ между ними поднимались споры о Севастополѣ, на который въ то время были обращены взоры всего міра. Французъ доказывалъ, что рано или поздно союзники возьмутъ Севастополь. Н. В. утверждалъ, что никогда этого не будетъ, и такъ какъ по-французки онъ говорилъ плохо, то ограничивался многократнымъ повтореніемъ слова — *jamais!*, но зато это слово онъ выкрикивалъ съ такою силой, что совершенно заглушалъ старческой голосъ француза“.

Весной 1855 года Николай Васильевичъ блестяще окончилъ курсъ гимназіи — съ золотою медалью и поступилъ въ Московскій университетъ на физико-математическій факультетъ.

Въ университетѣ Николай Васильевичъ кромѣ лекцій по математикѣ профессоровъ Н. Е. Зернова, Н. Д. Брашмана и др. посѣщалъ также нѣкоторыя лекціи на факультетахъ юридическомъ и историко-филологическомъ — профессоровъ Рулье, Кудрявцева, Буслаева и др. Въ матеріальномъ отношеніи счастье ему улыбнулось: онъ нашелъ мѣсто домашняго учителя у г-жи С., гдѣ прожилъ около трехъ лѣтъ, не имѣя надобности бѣгать по грошевымъ урокамъ изъ одного конца Москвы въ другой. Благодаря этому Николай Васильевичъ имѣлъ достаточно свободнаго времени, которое посвящалъ на пополненіе своего общаго образованія не только посѣщеніемъ лекцій другихъ факультетовъ, но также изученіемъ капитальныхъ сочиненій по философіи и политической экономіи. Въ минуты же отдыха онъ любилъ предаваться поэзіи, читая нараспѣвъ стихотворенія своего любимаго поэта Майкова; особенно приводила его въ восхищеніе какъ гармонія, такъ и глубина мысли драматической поэмы этого поэта: „Три смерти“.

Въ концѣ третьяго или началѣ четвертаго курса Николаю Васильевичу пришлось разстаться съ его мѣстомъ домашняго учителя, гдѣ онъ благоденствовалъ три года, и испытать всѣ прелести жизни въ дешевыхъ меблированныхъ комнатахъ.

Судьба привела теперь Николая Васильевича въ меблированныя комнаты весьма извѣстной въ то время среди студентовъ Татьяны Ѳедотовны — въ домъ Смирнова на Пречистенскомъ бульварѣ. Это была одна изъ типичнѣйшихъ хозяекъ студенческихъ меблированныхъ комнатъ: бодрая старуха лѣтъ за 50, на видъ весьма важная и даже суровая, но на самомъ дѣлѣ существо добрѣйшее. Всѣхъ комнатъ у Татьяны Ѳедотовны было пять, которыя она сдавала жильцамъ; сама же хозяйка жила въ небольшой каморкѣ, рядомъ съ кухней. Комнаты Татьяны Ѳедотовны были по внѣшности весьма не презентабельны и грязноваты, но имѣли внутреннія, весьма большія для студенческихъ комнатъ, достоинства: были сухи и теплы. Каждого новаго жильца Татьяна Ѳедотовна встрѣчала суровымъ основнымъ обязательнымъ постановленіемъ для жильцовъ ея учрежденія: „у меня, батюшка, такое правило: жильцы платятъ по первымъ числамъ; кто же не заплатитъ въ срокъ, не прогнѣвайтесь, я второго числа сдаю комнату новому жильцу“. Но студенты и другіе жильцы обыкновенно уже въ теченіи мѣсяца знакомились со слабостями несложной натуры ихъ хозяйки и находили лазейки обходить неоднократно это суровое обязательное постановленіе ихъ общежитія; однимъ изъ средствъ смягчать суровую натуру Татьяны Ѳедотовны и заставлять ее хотя бы на время забывать ея основное правило по отношенію къ жильцамъ — были мятныя пряники, которые она очень любила.

Во всякомъ солидномъ учрежденіи обыкновенно имѣются лица, сжившіяся съ учрежденіемъ, служащія носителями традицій учрежденія. Это имѣло мѣсто и въ почтенномъ институтѣ Татьяны Ѳедотовны. Такимъ носителемъ традицій здѣсь являлся старѣйшій и любимѣйшій жилецъ Татьяны Ѳедотовны — художникъ Селезневъ, человекъ талантливыи и честный, но совершенно спившійся съ круга. Когда-то Селезневъ подавалъ большія надежды и мечталъ о поѣздкѣ въ Италію, но не успѣлъ сдать послѣдней работы на золотую медаль и окончилъ свою художественную карьеру, сдѣлавшись ретушеромъ у одного фотографа.

Въ одной изъ этихъ меблированныхъ комнатъ Татьяны Оедотовны поселился въ 1858 году Николай Васильевичъ.

Николай Васильевичъ близко сошелся съ художникомъ Селезневымъ, и они часто коротали вечера вмѣстѣ, при чемъ Николай Васильевичъ обыкновенно читалъ вслухъ либо Тургенева, либо Майкова, а художникъ, покуривая папироску, слушалъ его со своею загадочною улыбкой и иногда вставлялъ свои замѣчанія. Николай Васильевичъ пытался иногда просвѣщать своего пріятеля и сообщалъ ему различныя свои философскія размысленія, плодъ своихъ занятій по философскимъ трактатамъ, но, по видимому, художникъ былъ тугъ къ воспріятію какихъ бы то ни было философскихъ воззрѣній и оставался вѣренъ лишь своей философской системѣ — *in vino veritas*.

По словамъ Н. И. Стороженко, Николай Васильевичъ былъ занятъ въ это время выработкой собственнаго философскаго міровоззрѣнія, въ основѣ котораго лежало положеніе какъ бы примиряющее идеализмъ съ реализмомъ: „все относительно и только въ предѣлахъ данныхъ условій становится абсолютнымъ“. Вотъ это положеніе Николай Васильевичъ и развивалъ передъ своимъ пріятелемъ. Стараясь сдѣлать свои мысли понятными, онъ иллюстрировалъ ихъ примѣрами изъ наукъ естественныхъ, исторіи, литературы, но Селезневъ все таки понималъ очень мало или даже ничего не понималъ изъ этихъ разъясненій, и часто въ упоеніи отъ учености Николая Васильевича восклицалъ: „Николай Васильевичъ! если я хоть слово понимаю, — продолжайте!“

Въ началѣ іюня 1859 г. Николай Васильевичъ окончилъ курсъ Московскаго университета по математическому отдѣленію, а осенью того же года уже поступилъ въ Николаевское Инженерное училище въ С.-Петербургъ.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о жизни Николая Васильевича, послѣ окончанія университетскаго курса, я заимствую изъ некролога Н. В. Бугаева, прекрасно составленнаго ученикомъ и сослуживцемъ покойнаго, ректоромъ Московскаго Универ-

ситета Л. К. Лахтинымъ для университетскаго отчета за 1903 годъ, а также изъ статьи Л. К. Лахтина, помѣщенной въ журналъ „Научное Слово“. Не премину также привести и свои личныя воспоминанія о дорогомъ учителѣ, хотя мнѣ приходилось лишь весьма рѣдко бесѣдовать съ нимъ, такъ какъ въ теченіе университетскаго курса и во время подготовки къ профессорскому званію я специализировался по геометріи, подъ руководствомъ другого талантливаго профессора Московскаго Университета Василія Яковлевича Цингера, создавшаго тоже весьма характерное для школы московскихъ математиковъ геометрическое направленіе; вслѣдствіе этого я весьма мало удѣлялъ времени на изученіе изслѣдованій Николая Васильевича и занимался ими лишь въ предѣлахъ программы экзаменовъ на званіе магистра. Мнѣ приходилось лишь изрѣдка бесѣдовать съ Николаемъ Васильевичемъ по поводу требованій его отъ экзаменующихся на магистерскихъ экзаменахъ, но впрочемъ эти бесѣды обыкновенно переходили на другія общія темы, и въ нихъ раскрывалась высокоодаренная, проникнутая безграничною любовью къ наукѣ и къ родинѣ натура русскаго математика-философа, всегда глубоковозмущавшагося всякими ложными тенденціями, какъ въ наукѣ такъ и практической жизни; особенно же возмущали его стремленія нашей интеллигенціи, направленныя противъ исторически сложившихся, вѣковыхъ устоевъ нашего отечества.

Какъ было уже выше сказано, Николай Васильевичъ осенью 1859 года переѣхалъ изъ Москвы въ С. Петербургъ и поступилъ экстерномъ въ Николаевское Инженерное училище. Предварительно ему пришлось зачислиться унтеръ-офицеромъ въ гренадерскій саперный батальонъ съ прикомандированіемъ къ лейбъ-гвардіи саперному батальону.

На слѣдующій годъ Николай Васильевичъ сдалъ выпускной экзаменъ Инженернаго училища, былъ произведенъ въ военные инженеръ-прапорщики съ оставленіемъ при Николаевской Инженерной Академіи. Здѣсь ему пришлось слушать лекціи знаменитаго математика М. В. Остроградскаго.

Окончить академическій курсъ Николаю Васильевичу не удалось по совершенно непредвиденнымъ обстоятельствамъ : вслѣдствіе увольненія изъ Академіи инженеръ-праиорщика Никонова по распоряженію начальства, его товарищи подали, въ видѣ протеста этому распоряженію начальства, прошенія объ ихъ увольненіи, они были немедленно отчислены отъ Академіи и опредѣлены въ саперные батальоны. Насколько былъ виновенъ Николай Васильевичъ въ этомъ дѣлѣ, остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности, потому что онъ не любилъ вспоминать объ этомъ, во всякомъ случаѣ неприятномъ въ его жизни, событіи.

Не будучи удовлетворенъ однообразной службой сапернаго офицера, Николай Васильевичъ оставилъ военную службу и сталъ готовиться къ экзаменамъ на степень магистра.

„Но два года“, говоритъ Л. К. Лахтинъ, „проведенные Николаемъ Васильевичемъ въ Инженерномъ Училищѣ и Инженерной Академіи, оставили слѣдъ въ его характерѣ. Николай Васильевичъ высоко цѣнилъ военную дисциплину, порядокъ и точность въ исполненіи работъ. Кромѣ того, онъ получилъ вкусъ къ прикладнымъ знаніямъ и часто проводилъ мысль, что теорія и практика не должны жить обособленно: практика выдвигаетъ интересныя задачи, будитъ мысль, удерживаетъ отъ безплодныхъ темъ и доктринерства; съ другой стороны только серьезная теоретическая подготовка даетъ чело-вѣку практики, инженеру возможность быть хозяиномъ своего дѣла. Эту мысль Николай Васильевичъ развивалъ въ запискѣ „о пользѣ учрежденія техническихъ отдѣленій при физико-математическихъ факультетахъ университетовъ“. Къ той же мысли онъ любилъ возвращаться въ своихъ рѣчахъ въ Обществѣ Распространенія Техническихъ Знаній и въ качествѣ декана факультета. Николай Васильевичъ любилъ видѣть приложенія чистой науки; отсюда его расположеніе къ Обществу Распространенія Техническихъ Знаній и къ Константиновскому Межевому Институту, который Николай Васильевичъ очень цѣнилъ за его здоровое направленіе, и гдѣ

читалъ два года лекціи по высшей математикѣ. Было одно время, когда Николай Васильевичъ склонялся принять на себя чтеніе лекцій въ Московскомъ Техническомъ Училищѣ“.

Въ 1863 году Николай Васильевичъ уже сдалъ свой магистерскій экзаменъ и по защитѣ диссертациі „Сходимость безконечныхъ рядовъ но ихъ внѣшнему виду“ получилъ степень магистра. Эта работа и въ настоящее время имѣетъ большое научное значеніе, такъ какъ содержитъ множество признаковъ сходимости безконечныхъ строкъ, этого краеугольнаго камня современнаго математическаго анализа. Весьма жаль, что это сочиненіе сдѣлалось библиографической рѣдкостью; слѣдовало бы приготовить второе изданіе его, тѣмъ болѣе что ни въ русской, ни въ иностранной литературѣ, на сколько мнѣ извѣстно, не имѣется такого полнаго трактата о сходимости безконечныхъ строкъ.

Въ этомъ же 1863 году Николай Васильевичъ отправился въ заграничную командировку и провелъ цѣлыхъ два года съ половиной за границей. Главнымъ образомъ его заинтересовали французскіе математики, и онъ прослушалъ рядъ университетскихъ курсовъ у Лиувилля, Бертрана, Серре, Шаля, Ламе и Дюгамеля. Нѣмецкіе математики нравились ему меньше: они не соответствовали, по моему мнѣнію, крайне живому, горячему темпераменту Николая Васильевича. Кромѣ того научное творчество въ области точныхъ знаній въ то время было несравненно выше во Франціи, чѣмъ въ Германіи. Изъ нѣмецкихъ математиковъ Николай Васильевичъ особенно цѣнилъ Куммера, у котораго онъ слушалъ лекціи по теоріи чиселъ, теоріи поверхностей, теоріи гипергеометрическихъ рядовъ и по аналитической механикѣ. Николай Васильевичъ посѣщалъ также лекціи Вейерштрасса, но, на сколько мнѣ не измѣняетъ память, онъ не вполне раздѣлялъ, даже въ послѣднее время, восторговъ ученыхъ по поводу изслѣдованій Вейерштрасса, распространившихся далеко за предѣлы Германіи. Подобное же скептическое отношеніе Николай Васильевичъ нѣкоторое время обнаруживалъ и къ изслѣдованіямъ Софуса Ли, по мало-по-

малу мнѣ удалось разъяснить ему всю глубину идей знаменитаго норвежскаго математика, послѣ того какъ я прослушалъ курсы послѣдняго въ Лейцигскомъ Университетѣ. Мнѣ выяснилось, что Николая Васильевича отталкивала отъ изысканій Софуса Ли та общность и отвлеченность, въ которой эти изысканія были изложены въ обработкѣ Энгеля. Привыкнувъ доводить свои изслѣдованія до крайней простоты и очевидности, Николай Васильевичъ вообще не любилъ излишнихъ мудрствованій въ ученыхъ работахъ и всегда требовалъ отъ научныхъ изслѣдованій вполне ясныхъ цѣлей.

Въ 1865 году Николай Васильевичъ вернулся изъ-за границы съ докторскою диссертациею, посвященной уже аритмологіи: „Числовыя тождества, находящіяся въ связи со свойствами символа E .“ Въ этомъ же году онъ былъ единогласно избранъ факультетомъ въ доценты по кафедрѣ чистой математики.

На своей вступительной лекціи Николай Васильевичъ впервые высказалъ вполне опредѣленно ту мысль, что теорія чиселъ должна занять со временемъ самостоятельное положеніе въ математикѣ, совершенно равноправное съ анализомъ. Этотъ взглядъ Николая Васильевича на теоріи чиселъ, весьма новый и смѣлый для того времени, въ настоящее время блистательно оправдался, благодаря замѣчательнымъ открытіямъ самого Николая Васильевича въ области прерывныхъ функцій. По поводу этихъ своихъ мыслей, о самостоятельномъ и важномъ значеніи теоріи чиселъ, Николай Васильевичъ въ это время такъ говорилъ: „Конечно, научный матеріалъ, добытый въ этомъ направленіи, не настолько богатъ, чтобы давать полное оправданіе этимъ мыслямъ. То, что сдѣлано, весьма ничтожно сравнительно съ тѣмъ, что необходимо сдѣлать, чтобы эти идеи перешли въ область дѣйствительности; но то, что уже сдѣлано въ теоріи чиселъ, достаточно, чтобы побуждать сознание къ высшимъ научнымъ цѣлямъ и осмыслить полученный матеріалъ болѣе глубокимъ пониманіемъ.“ Эти немногія слова даютъ какъ бы программу всей дальнѣйшей блестящей научной дѣятельности Николая Васильевича, приведшей его къ

глубоко-философскому пониманію значенія аритмологіи не только въ ряду математическихъ знаній, но и въ отношеніи къ другимъ областямъ человѣческаго знанія. Послѣднія воззрѣнія Николая Васильевича отчасти послужили основаніемъ его трудовъ: „О свободѣ воли“ и „Основы эволюціонной монадологіи“.

Я попытаюсь изложить сущность этихъ двухъ статей, при чемъ воспользуюсь прекрасною рѣчью проф. Л. М. Лопатина¹⁾, дающею параллель философской системы Н. В. Бугаева съ монадологіей Лейбница.

Уже въ первой статьѣ довольно ясно выражены основанія метафизической теоріи Николая Васильевича, его „монадологіи“, навѣянной знаменитой системой Лейбница, но переработанной Николаемъ Васильевичемъ вполне самостоятельно. Во второй статьѣ эта теорія изложена хотя и въ короткихъ тезисахъ, но довольно опредѣленно.

Основною мыслью въ системѣ Лейбница, отличающею ее отъ другихъ метафизическихъ системъ, можно считать объединеніе понятій — внѣшняго и внутренняго. Онъ утверждаетъ, что эти понятія соотносительныя: внѣшнее, если оно реально, должно обладать и внутреннимъ бытіемъ, какъ источникомъ внѣшнихъ проявленій. Внѣшнія проявленія сводятся къ сопротивленіямъ нѣкоторыхъ центровъ силъ; безъ послѣднихъ же нѣтъ реальности: матеріальныя величины считаются реальными, потому что они оказываютъ сопротивленія нашимъ усиліямъ сдвинуть ихъ съ мѣста. Сопротивленію же извнѣ соответствуетъ внутри стремленіе и самоопредѣленіе къ сопротивленію или усиліе сопротивляться.

Дѣйствія сопротивленія, непроницаемости, мы воспринимаемъ какъ факты физическіе; напротивъ, стремленіе, усиліе, самоопредѣленіе суть факты психическаго опыта. Слѣдовательно, все физическое имѣетъ духовное основаніе и все матеріальное внутри себя духовно, т. е. элементы всѣхъ вещей

1) Эта рѣчь была прочитана 16 марта 1904 г. въ торжественномъ засѣданіи Матем. Общества, посвященномъ памяти Н. В. Бугаева, и напечатана въ журналѣ: „Вопросы философіи и психологіи“. 1904 г. кн. 72 (II).

представляютъ изъ себя какъ бы матеріализованныя души, изъ которыхъ слагается все матеріальное. Такія души должны обладать совершеннымъ внутреннимъ единствомъ, ибо никакое психическое бытіе безъ единства не мыслимо. Эти единицы внутренней психической силы Лейбницъ назвалъ монадами. Имъ приписалъ онъ безконечное разнообразіе по внутреннимъ качествамъ и по ихъ степени совершенства. Монады суть истинные атомы матеріальныхъ тѣлъ, но также наша душа, какъ носитель личнаго сознанія, есть монада, и высшее Божество, своею безграничною волею сотворившее реальный міръ, есть тоже монада.

Николай Васильевичъ въ своей статьѣ „О свободѣ воли“¹⁾ уже ищетъ возможность примирить понятія внѣшняго и внутренняго по отношенію къ человѣческому индивидууму, т. е. примирить антиноміи причинности, законмѣрности внѣшняго міра и цѣлесообразности, разумной свободы внутренняго міра человѣка.

Разсмотрѣвъ въ своей статьѣ различныя условія проявленія конкретной воли, — воли, подлежащей наблюденію и постоянно сопутствуемой чувствомъ преодолеваемого сопротивленія, Николай Васильевичъ заключаетъ, что при активной дѣятельности устанавливается математически точное соотвѣтствіе между сопротивленіемъ внѣшней среды и содержаніемъ, качествомъ воли. „Чувство работы“, говоритъ Николай Васильевичъ, „имѣетъ высокое практическое значеніе. Оно присутствіемъ своимъ указываетъ, въ какой мѣрѣ мы руководимся реальными мотивами, способными къ осуществленію, а не побужденіями фиктивными и несообразными. Оно ослабленіемъ своимъ указываетъ, что воля дѣйствуетъ въ направленіи цѣлесообразномъ и вѣрномъ“. Тотъ факторъ, который регулируетъ соотвѣтствіе между внѣшнимъ сопротивленіемъ и внутреннимъ содержаніемъ воли, есть сознаніе, какъ знаніе чего-нибудь одного въ его отношеніи къ другому. Сознаніе соразмѣряетъ чувство работы, среду для дѣятельности и ре-

1) Труды Московскаго Психологическаго Общества вып. III. 1889.

зультаты дѣятельности, оно даетъ имъ соотнoсительную разцѣнку. Вмѣненіе и отвѣтственность могутъ воздѣйствовать лишь на сознаніе, воспитывая его въ опредѣленныхъ рамкахъ, нужныхъ для координаціи цѣлей — для подчиненія низшихъ цѣлей высшимъ. „Гдѣ нѣтъ сознанія, тамъ нѣтъ и вмѣненія, нѣтъ и отвѣтственности“ — говоритъ Николай Васильевичъ.

Сознаніе есть главное условіе силы, иптенсивности воли, такъ какъ оно даетъ возможность направлять дѣятельность съ большею пользою, съ большею цѣлесообразностью. Оно практически освобождаетъ дѣятельность отъ нѣкоторыхъ препятствій и сопротивленій и тѣмъ дѣлаетъ волю болѣе свободной. Но одного сознанія недостаточно для проявленія силы воли, для этого необходимо имѣть еще желаніе. „Желаніе“, говоритъ Николай Васильевичъ, „на первой ступени своего развитія, не освѣщенное вполне сознаніемъ, является въ формѣ волевого зуда. Оно есть смутное стремленіе удовлетворить той или другой потребности. Этотъ зудъ и есть та метафизическая воля, которая въ нѣкоторыхъ философскихъ системахъ является основаніемъ дальнѣйшихъ построеній. Переходя на высшихъ ступеняхъ развитія въ стремленіе и мотивъ, освѣщаемое сознаніемъ средствъ и цѣлей, опираясь на организацію и среду, оно служитъ главнымъ и необходимымъ элементомъ для проявленія сильной воли“.

Подводя итогъ всѣмъ подобнымъ соображеніямъ, Николай Васильевичъ приходитъ къ двумъ слѣдующимъ положеніямъ.

1. Воля проявляется только тамъ, гдѣ есть сознательная, мотивированная, активная и цѣлесообразная дѣятельность.

2. Воля проявляется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ энергичнѣе, разумнѣе, свободнѣе и цѣлесообразнѣе дѣятельность, чѣмъ шире, богаче сознаніе, полнѣе и глубже область самосознанія, сильнѣе, постояннѣе и общѣе мотивы для дѣятельности, т. е. чѣмъ цѣльнѣе, полнѣе и совершеннѣе раскрывается вся личность человѣка.

Затѣмъ, разобравъ условія проявленія свободы, Николай Васильевичъ ириходитъ къ новому тезису :

3. Условія, при которыхъ проявляются свобода и воля, одни и тѣ же.

Въ заключеніе своей статьи, Николай Васильевичъ даетъ сильный отпоръ стремленію многихъ ученыхъ связывать самыя существенныя вопросы конкретной морали, права, воспитанія и общественности съ отвлеченно поставленнымъ вопросомъ о свободѣ воли. Онъ находитъ гораздо болѣе правильнымъ „эти существенныя вопросы человѣческой жизни поставить въ связъ съ вопросомъ о самостоятельности воли или лучше — объ автономіи человѣка. Этотъ вопросъ важнѣе вопроса о свободѣ воли. Онъ важнѣе для нравственныхъ цѣлей, для развитія личности и для общественнаго блага“.

Послѣдній вопросъ Николай Васильевичъ рѣшаетъ въ утвердительномъ смыслѣ. Замѣчая, что въ общемъ ходѣ міровыхъ событій носителями всѣхъ явленій и источниками всѣхъ міровыхъ силъ являются элементы міра, онъ говоритъ: „если въ мірѣ есть самостоятельныя и самодѣятельныя творческія силы, то онѣ заключаются и въ его элементахъ. Каждый элементъ вноситъ въ міровую физіономію свою черту, вліяетъ и измѣняетъ его судьбу“. Такъ какъ человѣкъ является существеннымъ элементомъ міра, то онъ играетъ крупную роль въ ходѣ міровыхъ событій и имѣетъ право, и даже обязанъ смотрѣть на себя, какъ на одинъ изъ самодѣятельныхъ и самостоятельныхъ источниковъ міровыхъ силъ. Конечно, судьба человѣка зависитъ отъ хода міровыхъ событій, но также и судьба всего міра зависитъ до нѣкоторой степени отъ человѣка.

Свою статью „О свободѣ воли“ Николай Васильевичъ заканчиваетъ своими выводами о назначеніи человѣка и объ его отношеніи къ безграничной вселенной, которые я позволяю себѣ привести здѣсь въ подлинникѣ :

„Въ виду автономіи человѣка съ точки зрѣнія простого научнаго наблюденія, дѣлаются также излишними отвлеченныя

сообразенія о томъ, существуетъ или не существуетъ случайность въ мірѣ, подчинено или не подчинено все законамъ необходимости. Эти трансцендентные вопросы не должны имѣть никакого вліянія на законы права, морали, воспитанія и общестственности. Человѣкъ въ своей дѣятельности разумной, самостоятельной, цѣлесообразной и солидарной съ другими силами долженъ искать истиннаго и справедливаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ. Человѣкъ прежде всего самъ для себя является основнымъ источникомъ своей воли. Въ себѣ самомъ и въ своей солидарности со всѣми окружающими его силами онъ долженъ самостоятельно искать разумной свободы, высшей правды, внутренней гармоніи и примиренія всѣхъ антиномій, которыя встрѣчаются на пути его дѣятельности“.

„При такомъ философскомъ взглядѣ человѣкъ не подавляется цѣлою вселенной, а стоитъ съ пей рядомъ. Внѣшнему великолѣпію этого міра, безграничности, закономѣрности и причинности, человѣкъ противопоставляетъ внутреннюю гармонію, безконечную глубину, свободу своей личности и цѣлесообразность“.

„При такомъ міросозерцаніи нашему уму вполне доступны и дорогъ нашему духу истинный смыслъ слѣдующихъ поэтическихъ словъ“.

Говорятъ широко мірозданье,
 Человѣкъ-же ничтоженъ и малъ,
 Но гордись человѣка названьемъ,
 Ты кто мыслилъ, любилъ и страдалъ.
 И пустыней какой безъисходной
 Безъ тебя показался бы міръ.
 И какой красотою безплодной
 Пламенѣлъ бы лучистый эфиръ.
 И безмысленно грустной громадой
 Въ его свѣтѣ земля-бы плыла.
 И тогда-бы она не отрадой,
 Но укоромъ Зевесу была.

„При такомъ воззрѣніи дѣлается понятнѣе нашему разуму и глубже проникаетъ въ наше сердце мудрое евангельское изрѣченіе: „Царствіе божіе внутрь васъ есть“.

Во второй статьѣ своей: „Основныя начала эволюціонной монадологіи“ Николай Васильевичъ уже восходитъ отъ своихъ частныхъ воззрѣній, изложенныхъ въ первой статьѣ — „О свободѣ воли“ къ построенію общей философской системы, въ основныхъ чертахъ сходной съ монадологіей Лейбница.

„Монада“, говоритъ Николай Васильевичъ, „есть живая единица, живой элементъ. Она есть самостоятельный и самодѣятельный индивидуумъ“.

Монада есть единица въ томъ смыслѣ, что при данныхъ условіяхъ разсмотрѣнія бытія она остается неразложимой. Она есть при томъ живая единица, т. е. измѣняющаяся въ извѣстномъ порядкѣ, съ извѣстною цѣлью и оцѣнивающая это измѣненіе. Послѣднее качество монады оцѣнивать содержаніе въ своихъ измѣненіяхъ называется ея психизмомъ.

Монады бываютъ весьма разнообразны и по взаимному отношенію другъ къ другу. Николай Васильевичъ дѣлитъ ихъ на порядки: онѣ бываютъ перваго, второго, третьяго и т. д. Напримѣръ, если человѣкъ символически представляетъ монаду перваго порядка, то клѣточка будетъ монадою второго, молекула — третьяго, атомъ — четвертаго порядка. Народъ или государство будетъ монадой перваго высшаго порядка и т. д.

Николай Васильевичъ разсматриваетъ комплексъ однородныхъ монадъ какъ сложную монаду. Напримѣръ, семья есть сложная монада, а члены семьи простыя монады.

Впрочемъ, проф. П. М. Лопатинъ считаетъ это понятіе о сложной монадѣ не достаточно выясненнымъ въ системѣ Николая Васильевича и находитъ, что оно какъ будто идетъ въ разрѣзъ съ признаніемъ монады за самостоятельный духовный центръ, обладающій психическимъ, конкретнымъ единствомъ.

Далѣе, Николай Васильевичъ во взаимномъ отношеніи монадъ усматриваетъ два закона: законъ монадологической

косности (инерціи) и законъ монадологической солидарности. Первый законъ состоитъ въ томъ, что монада самостоятельно не можетъ измѣнить своего психическаго содержанія, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ его сторонъ. Она совершенствуется вслѣдствіе общенія съ другими монадами: она можетъ дѣйствовать на другую монаду, измѣнять ея психическое состояніе и параллельно измѣнять собственное психическое состояніе — это есть законъ солидарности монадъ.

Кромѣ этихъ двухъ законовъ Николай Васильевичъ усматриваетъ еще третій законъ — законъ сохраненія, капитализаціи прошлаго, состоящій въ томъ, что монады капитализируютъ, накаплиютъ свое прошлое и прошлое комплекса, къ которому онѣ принадлежатъ, въ привычкахъ, способностяхъ, инстинктахъ и т. д. Такимъ образомъ назначеніе монады чисто этическое: совершенствоваться и совершенствовать другихъ.

Сложныя монады, въ своемъ стремленіи къ идеаламъ высшаго развитія, вступаютъ между собою въ борьбу, которую Николай Васильевичъ называетъ борьбою за абстрактные и конкретные идеалы. Ближайшею цѣлью жизни монады есть другая монада и міръ. Вслѣдствіе закона солидарности, который для высшихъ монадъ есть любовь, какъ самодѣятельное и свободное стремленіе къ своему и чужому совершенству, монада стремится снять различіе между собою и міромъ, т. е. поднять свое психическое содержаніе до духовнаго содержанія всего міра и съ другой стороны — сдѣлать весь міръ единою монадою, т. е. обратить его въ художественное зданіе, въ которомъ части соотвѣтствовали бы цѣлому и цѣлое — частямъ.

Въ этомъ міросозерцаніи Николай Васильевичъ хотѣлъ найти возможность окончательно примирить антиноміи: физической науки и исторіи, духа и матеріи, пантеизма и индивидуализма, свободы и необходимости; первая попытка этого примиренія, мы уже знаемъ, была имъ сдѣлана въ его статьѣ о свободѣ воли.

И въ самомъ дѣлѣ, монада, надѣленная сознаниемъ, можетъ толковать свои отношенія къ другимъ монадамъ или въ терминахъ внѣшняго измѣненія, т. е. протяженія и движенія, или въ терминахъ внутренняго измѣненія ея психическаго содержанія, т. е. ощущенія, чувства, побужденія къ бытію, къ благу и т. д. Слѣдовательно, матерія и духъ суть только двѣ формы толкованія отношеній одной монады къ другимъ.

Подобно этому въ монадологіи Николая Васильевича при-
миряется антиномія законѣрности, необходимости и свободы.

Черезъ совмѣстную жизнь монадъ вырабатываются общія формы ихъ соціальной жизни, носящія названія законовъ, инстинктовъ, иривычекъ, обычаевъ, учреждений. Наиболѣе простыя формы вырабатываются раньше другихъ и составляютъ наиболѣе постоянныя, наиболѣе законѣрныя привычки и обычаи монадъ — это физическіе законы. Затѣмъ слѣдуютъ инстинкты и простѣйшія формы органической жизни. И наконецъ, все это завершается свободными отъ привычекъ и зависящими лишь отъ высшихъ цѣлей формами соціальной жизни, носящими уже характеръ большей или меньшей случайности и произвола.

Капитализированная въ монадѣ прошлая эволюція, какъ ея самой такъ и вселенной, въ видѣ привычекъ и инстинктовъ монады, носить характеръ необходимости, а активная духовная дѣятельность монады, разцѣнивающая ея предыдущее потенціальное содержаніе съ цѣлію избрать тотъ или другой путь въ своей дальнѣйшей эволюціи, носить характеръ свободы, или зависимости отъ самой себя.

Съ этой монадологической точки зрѣнія эволюція міра представляется Николаю Васильевичу въ такомъ видѣ:

Первоначальное состояніе міра былъ хаосъ, въ которомъ царили лишь вѣроятности и случайности. Съ развитіемъ и совершенствованіемъ монадъ вселенной, вѣроятности и случайности переходятъ въ достовѣрность и законность, какъ результаты самодѣятельной работы монадъ. Но при этомъ болѣе сложныя формы соціальной жизни монадъ еще удерживаютъ

характеръ случайности и произвола. Такова общая картина космической эволюціи по монадологіи Николая Васильевича.

Монадологическое міросозерцаніе, утверждаетъ Николай Васильевичъ, не противорѣчитъ наукѣ, оно основывается на ней и въ тоже время идетъ рука объ руку съ идеальными задачами этики, соціологіи и со всѣми глубочайшими ученіями о Безусловномъ, что часто признается лишь иллюзіями, противорѣчащими научнымъ даннымъ.

Въ заключеніе своей статьи Николай Васильевичъ предлагаетъ свои общія воззрѣнія къ рѣшенію антропологической проблемы о назначеніи человѣка и его отношеніи ко вселенной. Въ человѣкѣ извѣстный комплексъ монадъ уже достигъ высокой степени совершенства и является уже гармоничнымъ во всѣхъ своихъ частяхъ, художественнымъ зданіемъ, проникнутымъ всюду жизнію и духомъ, т. е. онъ является единою монадою. Дальнѣйшее назначеніе человѣка — поднять свое психическое содержаніе до духовнаго содержанія всего міра и съ другой стороны сдѣлать весь міръ такимъ же художественнымъ, гармоничнымъ во всѣхъ своихъ частяхъ зданіемъ, какъ самъ человѣкъ. Но процессъ этотъ безконечный, потому что міръ не остается прежнимъ, не остается себѣ равнымъ: онъ самъ совершенствуется съ усовершенствованіемъ отдѣльныхъ монадъ.

Въ засѣданіи (7-го ноября 1892 г.) Психологическаго Общества, посвященномъ заслушанію и обсужденію доклада Н. В. Бугаева объ его эволюціонной монадологіи, въ преніяхъ приняли участіе: П. Е. Астафьевъ, Л. М. Лопатинъ, Н. Я. Гротъ, А. А. Токарскій, кн. С. Н. Трубецкой.

П. Е. Астафьевъ заявилъ, что тема реферата Н. В. Бугаева необыкновенно интересна и касается самыхъ жизненныхъ вопросовъ философіи, что по его мнѣнію, также, задача метафизики сводится къ познанію субъекта, а потому монадологія должна служить основаніемъ метафизики. Но, затѣмъ, П. Е. Астафьевъ указалъ на существенный недостатокъ системы, предложенной Н. В. Бугаевымъ: отсутствіе прочнаго обоснованія отношенія монадъ другъ къ другу, отсутствіе указаній,

какимъ образомъ въ механическія отношенія между ними привходитъ психическій элементъ. Этотъ существенный вопросъ монадологіи Лейбницъ разрѣшилъ допущеніемъ предустановленной гармоніи, въ системѣ же Н. В. Бугаева этотъ вопросъ обойденъ безъ надлежащихъ разъясненій. Около этого вопроса въ общемъ вращались и возраженія другихъ опонентовъ, впрочемъ послѣдніе упрекали еще Н. В. Бугаева въ нѣкоторомъ злоупотребленіи антропоморфизмомъ: въ приписываніи монадамъ привычекъ, инстинктовъ, стремленія къ идеаламъ и т. д.

Николай Васильевичъ, въ отвѣтъ на эти возраженія, разъяснилъ, что онъ былъ далекъ отъ мысли дать вполне обоснованную систему, для чего потребовалось бы ему просмотрѣть и переработать всѣ философскія системы: онъ имѣлъ лишь въ виду въ короткихъ положеніяхъ представить результатъ долгой и сложной работы своей мысли, онъ старался разгадать по-своему загадку жизни; разгадывая же одну загадку обыкновенно создаютъ другую, а раскрыть всѣ тайны природы человѣку, вѣроятно, не дано. „Существенное же отличіе его теоріи отъ монадологіи Лейбница въ томъ, что въ опредѣленіе монады внесено больше общности и отвлеченности. Монада есть живая единица, нѣчто конкретное. Съ другой стороны, до наступленія для монады міра объекта, она — потенциальный субъектъ-объектъ. Наконецъ, по существу своему монада не можетъ быть опредѣлена точно, а лишь символически; она получаетъ различное освѣщеніе въ зависимости отъ различной терминологіи“.

Что касается до обвиненія Н. В. Бугаева въ антропоморфизмѣ, то оно устраняется его же указаніемъ на символизмъ монадологіи. Кромѣ того, безъ антропоморфизма нельзя совершенно обойтись даже при менѣе общихъ разсмотрѣніяхъ, вѣдь говорятъ же о сродствѣ химическихъ элементовъ и считаютъ это вполне яснымъ. При изложеніи же болѣе отвлеченныхъ началъ, прибавлю я отъ себя, тѣмъ болѣе приходится прибѣгать къ антропоморфнымъ иносказаніямъ; такъ напри- мѣръ, — глубочайшіе принципы христіанскаго ученія объ

отношеніяхъ человѣка къ Богу и къ своему ближнему истолковываются главнымъ образомъ при помощи притчъ, сравненій, которыя не слѣдуетъ понимать буквально, такъ какъ они даютъ только понятія объ отвлеченныхъ состояніяхъ души человѣка въ примѣрахъ обыденной жизни.

Н. В. Бугаевъ объяснилъ въ этихъ иреніяхъ, что при истолкованіи дѣйствительности обыкновенно стараются обойти индивидуальность, тогда какъ научное міровоззрѣніе непременно должно имѣть въ своемъ основаніи понятіе единицы, индивидуума, такъ какъ отдѣльныя науки это понятіе содержатъ: механика — идею о матеріальной точкѣ, физика — молекулу, химія — атомъ, въ органическомъ мірѣ — клѣтка, въ социологіи — человѣческая личность. Такое всеобщее стремленіе устранить индивидуальность при построеніи міровоззрѣнія Н. В. Бугаевъ впервые объясняетъ здѣсь, уже довольно опредѣленно, при помощи своихъ воззрѣній изъ области чистой математики, — воззрѣній, которымъ онъ сообщилъ нѣсколько позже гораздо большее развитіе и большую силу.

„При современномъ состояніи науки“, говоритъ Н. В. Бугаевъ, „явленія можно объяснять, рассматривая ихъ съ точки зрѣнія непрерывности и прерывности. Объясняя ихъ съ точки зрѣнія непрерывности, обыкновенно стараются выработать законы непрерывнаго теченія явленій; при этомъ значеніе индивидуальности устраняется. Въ этомъ случаѣ объясненія отличаются своей универсальностью, но они недостаточны. Устраняя совсѣмъ роль индивидуальности, мы не можемъ понять многихъ сторонъ въ явленіяхъ. Необходимо принимать во вниманіе вліяніе индивидуальностей, какъ прерывныхъ единицъ, ибо въ связи съ ними и въ явленіяхъ замѣчается прерывность. Сама чистая математика въ современномъ ея состояніи можетъ быть раздѣлена на теорію непрерывныхъ и теорію прерывныхъ функцій. Идея эта была высказана докладчикомъ еще въ 1865 году, а въ 1882 г. въ извѣстномъ курсѣ Жордана мы уже встрѣчаемъ эту точку зрѣнія подробно проведенною“.

Весьма жаль, что монадология Николая Васильевича изложена въ видѣ короткихъ положеній и нѣкоторые изъ ея постулатовъ не обладаютъ достаточной ясностію. Проф. Л. М. Лопатинъ считаетъ, на примѣръ, довольно произвольнымъ допущеніе, что всѣ элементы міра, даже самые простые, стремятся къ идеаламъ, ищутъ своего и чужого совершенствованія, что законы природы суть выработанные самими элементами путемъ индукціи обычаи и привычки, такъ какъ даже душамъ животныхъ не приписываютъ ничего подобнаго. „Въ этомъ крупная неясность“, говоритъ проф. Л. М. Лопатинъ, „системы Бугаева. Но въ самомъ этомъ недостаткѣ сказывается важное положительное качество его философскихъ идей. Покойнаго иногда считали холоднымъ и сухимъ человѣкомъ. Между тѣмъ, какъ много въ его міровоззрѣніи моральнаго паюса, широкой и глубокой, чисто юношеской вѣры въ красоту жизни, въ совершенство ея законовъ и путей развитія, въ окончательную и полную побѣду добра и абсолютной гармоніи надъ всѣми противоборствующими силами!“

Наконецъ, философское міровоззрѣніе Николая Васильевича вылилось въ совершенно опредѣленную форму въ его рѣчи „Математика и научно-философское міросозерцаніе“ на Цюрихскомъ конгрессѣ математиковъ и на X-мъ Съѣздѣ естествоиспытателей въ Кіевѣ. Эта рѣчь помѣщена въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ за 1898 г. (кн. 45). Содержаніе этой рѣчи въ главныхъ чертахъ приведено въ моемъ сочиненіи „Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія“, помѣщенномъ въ VII томѣ Сборника Учено-Литературнаго Общества и доложенномъ мною въ одномъ изъ прежнихъ засѣданій Общества. Вслѣдствіе этого я не буду подробно останавливаться на выясненіи философскихъ воззрѣній Николая Васильевича, явившихся плодомъ его долготѣльныхъ научныхъ изысканій въ новыхъ областяхъ точныхъ знаній, въ областяхъ прерывныхъ закономерностей: мнѣ пришлось бы повторить первую половину прежняго реферата. Скажу только вкратцѣ объ этихъ замѣчательныхъ результатахъ изслѣдованій

русскаго генія, а сначала приведу эти воззрѣнія Николая Васильевича въ изложеніи не-математиковъ. Въ такомъ видѣ, я полагаю, они будутъ болѣе доступны для лицъ, незнакомыхъ съ высшей математикой.

Изслѣдованіями Николая Васильевича заинтересовался между многими другими профессоръ нашего университета С. Д. Михновъ и въ своей рѣчи „О цѣлительной силѣ природы“, на университетскомъ актѣ 12 декабря прошлаго 1903 года, напечатанной въ № 4 газеты „Русскій Врачъ“ за 1904 г., слѣдующимъ образомъ резюмируетъ научно-философское міровоззрѣніе Николая Васильевича въ его отношеніи къ современнымъ направленіямъ въ изученіи природы :

„Всѣми новѣйшими научными побѣдами мы обязаны чрезвычайно плодотворному матеріалистическому методу изслѣдованія современнаго естествознанія. Нельзя сомнѣваться, что при дальнѣйшемъ развитіи естественныхъ наукъ процессы жизни будутъ изучены еще полнѣе, и наше міросозерцаніе будетъ еще болѣе правильнымъ. Конечно, будущее намъ неизвѣстно, и никакихъ предсказаній о будущихъ усіѣхахъ человѣческаго знанія дѣлать мы не имѣемъ права; но и теперь уже долженъ возникнуть вопросъ, можетъ-ли наше нынѣшнее механическое міровоззрѣніе вмѣститъ всѣ законы природы, не можетъ-ли изученіе природы потребовать и иныхъ точекъ зрѣнія“.

„Поднять этотъ вопросъ вполне своевременно, такъ какъ теперь точная наука уже не находитъ возможнымъ держаться одной механической точки зрѣнія. Чрезвычайно важнымъ трудомъ въ этомъ отношеніи необходимо признать недавно появившуюся работу проф. Н. В. Бугаева, въ которой изложены весьма цѣнныя мысли, касающіяся сути интересующаго насъ предмета. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи нѣсколько остановиться на глубокой по своему содержанію статьѣ проф. Н. В. Бугаева“.

„Современное знаніе находится въ тѣснѣйшей связи съ

математикой, такъ какъ число и мѣра, которыми оперируетъ математика, служатъ самымъ могучимъ средствомъ для оцѣнки явленій природы“.

„Такъ какъ величины могутъ измѣняться непрерывно или прерывно, то математика распадается на 2 огромныхъ отдѣла: теорію непрерывныхъ функцій и теорію прерывныхъ функцій. 1-ый отдѣлъ называется математическимъ анализомъ, 2-ой — аритмологіей“.

„Обширное примѣненіе математическаго анализа къ изученію явленій природы кладетъ особый отпечатокъ на господствующее теперь міросозерцаніе, которое поэтому, но всей справедливости, можетъ быть названо аналитическимъ“.

„Благодаря математическому анализу въ явленіяхъ природы, можно установить слѣдующія основныя свойства: 1) непрерывность явленій, 2) постоянство и неизмѣнность ихъ законовъ, 3) возможность понять и оцѣнить явленіе въ его элементарныхъ обнаруженіяхъ, 4) возможность складывать элементарныя явленія въ одно цѣлое и, наконецъ, 5) возможность точно и опредѣленно обрисовать явленіе для всѣхъ прошлыхъ и предсказать для всѣхъ будущихъ моментовъ времени“.

„Поразительные успѣхи современной науки зависѣли отъ удачнаго примѣненія математическаго анализа къ изученію явленій природы“.

„Идея о непрерывности явленій природы стала проникать въ біологію. Ученія Ламарка и Дарвина суть ничто иное, какъ попытка примѣнить къ біологіи тѣ воззрѣнія на непрерывную измѣняемость явленій, которыя господствуютъ въ механикѣ и физикѣ“.

„Подъ вліяніемъ аналитическаго міровоззрѣнія все болѣе и болѣе развивалась идея, что въ природѣ имѣетъ значеніе одна причинность и не играетъ никакой роли цѣлесообразность“.

„Но, вѣдь, кромѣ анализа, математика обладаетъ и аритмологіей; анализъ есть 1-ая ступень въ развитіи научныхъ математическихъ истинъ; въ настоящее-же время можно уже думать, что аритмологія, по обширности матеріала, не усту-

пить анализу, такъ какъ прерывность мажетъ являться въ гораздо болѣе разнообразныхъ формахъ, нежели непрерывность; поэтому вопросы аритмологіи гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ соотвѣтствующіе вопросы анализа. Можно привести много примѣровъ, которые указывали-бы на значеніе аритмологіи, такъ какъ не всѣ явленія природы могутъ быть разсматриваемы съ точки зрѣнія одной непрерывности; напр., таблица простыхъ тѣлъ не подчиняется закону непрерывности, непрерывность непримѣнима при объясненіи химическихъ явленій и т. д. Прерывность обнаруживается тамъ, гдѣ появляется самостоятельная индивидуальность, гдѣ выступаютъ вопросы о цѣлесообразности, гдѣ появляются эстетическія и этическія задачи“.

„Однимъ словомъ истинное научно-философское міросозерцаніе образуется лишь изъ совокупнаго примѣненія всѣхъ отдѣловъ математики. Таковъ окончательный выводъ проф. Н. В. Бугаева“.

Идеи Николая Васильевича начинаютъ уже захватывать даже неуниверситетскіе круги: съ ними уже знакомы многочисленные читатели такого распространеннаго органа нашей прессы какъ „Новое Время“, благодаря талантливому и художественному изложенію ихъ въ статьяхъ извѣстнаго публициста М. О. Меньшикова: „Звѣзды и числа“¹⁾ — въ прошло-

1) По поводу этой статьи въ № 9992 „Новаго Времени“ было напечатано мое письмо въ редакцію: М. г. Въ № 9990 (25-го декабря) „Новаго Времени“ съ большимъ интересомъ прочелъ я короткую, но весьма богатую содержаніемъ статью г. М. Меньшикова: „Звѣзды и числа“. Какъ ученикъ незабвеннаго Николая Васильевича Бугаева († 29-го мая 1903 г.) и послѣдователь его философско-математическаго направленія, я весьма благодаренъ почтенному сотруднику вашей газеты за художественную популяризацію основныхъ идей главы цѣлой школы московскихъ математиковъ, но позволю себѣ сдѣлать нѣкоторую поправку въ этой статьѣ почтеннаго публициста.

Капитальныя открытія Н. В. Бугаева въ области аритмологіи, готовящія „событія важности колоссальной“, готовящія измѣненіе всего современнаго міропониманія, не забыты, не погребены заживо: они живутъ въ ученикахъ покойнаго труженника науки и даже начали развиваться дальше въ недавно появившемся трудѣ ученика Н. В. Бугаева — П. А.

годнемъ рождественскомъ номерѣ „Новаго Времени“ и „Вѣчное воскресеніе“ въ первомъ насхальномъ номерѣ этого года.

Приведу нѣкоторыя мѣста изъ первой статьи талантливаго публициста :

„У насъ мыслителей или нѣтъ вовсе, или они заживо хоронятъ себя въ журнальныхъ катакомбахъ, въ складѣ мумій, куда рѣдко кто заглядываетъ, такъ какъ тамъ дышать иногда совѣмъ нечѣмъ. Въ одной изъ подобныхъ усыпальницъ была

Некрасова : „Философія и логика пауки о массовыхъ проявленіяхъ чело-вѣческой дѣятельности. (Пересмотръ основаній соціальной физики Кетле)“. Москва. 1902. Въ этомъ сочиненіи не только подтверждается мысль Н. В. Бугаева, формулируемая г. М. Меньшиковымъ словами : „не всякая причина имѣетъ соразмѣрное слѣдствіе, не все подчинено року, есть нѣкая тайна, повелѣвающая неизбѣжному, и наша индивидуальность можетъ быть сильнѣе смерти“, но дѣлаются уже шаги къ разъясненію законмѣрности этой тайны при помощи теоріи вѣроятности.

Всѣ эти изслѣдованія изложены мною во-первыхъ въ моихъ статьяхъ, изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ : „Die Mathematik als Grundlage der Kritik wissenschaftlich-philosophischer Weltanschauung“ (Jurjew. 1903). „Ueber die Entwicklung des Begriffes der höheren arithmologischen Gesetzmässigkeit in Natur- und Geisteswissenschaften“ (Jurjew. 1903). Во-вторыхъ, этимъ же изслѣдованіемъ посвящена моя недавно изданная статья : „Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія“ (Юрьевъ. 1903). Въ этихъ работахъ я пытаюсь изложить въ общедоступной формѣ не только изслѣдованія Н. В. Бугаева и П. А. Некрасова, но также и нѣкоторыя идеи о высшей аритмологической (скачкообразной) законмѣрности въ трудахъ бывшихъ дерптскихъ профессоровъ : философа Г. Тейхмюллера, мораль-статистика и богослова А. ф. Эттингена ; кромѣ того всѣ основныя положенія моихъ работъ я интерпретирую при помощи своихъ самостоятельныхъ изслѣдованій въ аритмологическихъ областяхъ геометріи и алгебры, а въ особенности — въ области формальной химіи ; послѣднія мои изслѣдованія обнаружили замѣчательный фактъ : совпаденіе формальныхъ методовъ основной въ современной химіи атомистической-структурной теоріи съ методами весьма спеціальной теоріи высшей математики — символической теоріи инвариантовъ, имѣющей несомнѣнно аритмологическій характеръ (Журн. рус. ф. хим. общ., т. 33, вып. 3 и 4).

Изъ этихъ немногихъ давныхъ, мнѣ кажется, уже выясняется, что основныя идеи знаменитаго русскаго аритмолога-философа Н. В. Бугаева не забыты, не погребены заживо, а живутъ и развиваются, хотя еще и не сдѣлались общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей и даже не извѣстны многимъ математикамъ. Статья г. М. Меньшикова, во всемъ остальномъ, замѣчательно вѣрно, ярко и художественно рисуетъ основныя идеи покойнаго мыслителя и несомнѣнно возбудитъ къ нимъ интересъ русскаго общества.

недавно похоронена крайне интересная статья другого известнаго профессора нашего — математика Н. В. Бугаева. Подобно Менделѣвской статьѣ и эта прошла совершенно незамѣченной въ обществѣ: ее прослушали на X съѣздѣ естествоиспытателей и забыли. Читателю сострадательному, который хотѣлъ бы откопать эту заживо зарытую статью, полную жизни, укажу могилу ея: „Вопросы Ф.-П.“, книга 45“.

„Не думайте, что только въ химіи и физикѣ ученые дошли почти до волшебства. Оказывается и въ чистой математикѣ готовятся событія важности колоссальной. И тамъ мерцаютъ новые лучи, угрожающіе установившемуся міропониманію. Известно ли вамъ, что такое аритмологія? Изъ нѣдръ величественнаго метода, разработаннаго съ художественной тонкостью, развивается новая математика совсѣмъ иного принципа, новый огромный отдѣлъ, колеблющій ни болѣе, ни менѣе, какъ законъ причинности — гранитный материкъ нынѣшняго міросозерцанія. Не всякая причина имѣетъ соразмѣрное слѣдствіе, не все подчинено року, есть нѣкая тайна, повелѣвающая неизбежному, и наша индивидуальность можетъ быть сильнѣе смерти. Въ теоріи чиселъ мысль ученыхъ нащупываетъ возможность совсѣмъ иного, чѣмъ теперь, человѣческаго сознанія, совсѣмъ иного отношенія къ міру, возможность давно потерянной и многими оплакиваемой вѣры въ Бога. Вѣры не только наслѣдственной, не внушенной воспитаніемъ, а вѣры въ смыслъ очевидности философской, еще болѣе неопровержимой, чѣмъ законъ причинности въ остальной природѣ. Если механика природы отклонила насъ отъ постиженія Живого Бога, — то физиологія природы насъ возвращаетъ къ Нему. Одинъ отдѣлъ математики — анализъ — убилъ вѣру, но другой, высшій отдѣлъ ея — аритмологія ведетъ къ возстановленію вѣры, достойной мудрецовъ“.

„Я шелъ, глядя на звѣзды, и думалъ: вотъ такъ же, съ нѣмымъ вопросомъ глядѣли на тѣ же звѣзды ученики Пифагора 2 1/2 тысячи лѣтъ назадъ. Говорятъ, великій философъ вынесъ религію чиселъ изъ Вавилона, какъ преданіе

можетъ быть самой древней на свѣтѣ суммерійской цивилизаціи. Но мнѣ кажется, зачѣмъ ему было ѣздить въ Вавилонъ? Само небо не есть ли необъятный математическій трактатъ, развернутый надъ землей? Алмазными искрами тутъ начертаны единицы и въ уборѣ созвѣздій — готовые числа. Линіи, треугольники, квадраты, круги (луны и солнца) — тутъ всѣ элементы математическаго счета и мѣры. Болѣе глубокому, востороженному уму доступны и гармонія сферъ, и мистическія отношенія между единствомъ и множествомъ. На Пивагора и его общину созерцаніе неба навѣвало такую святость, что задолго до христіанскаго монашества эта община установила для себя обѣты чистоты, воздержанія, молчанія, того ангельскаго стоянія передъ Лицомъ Вѣчнаго, которое было бы бессмысленно, если бы не было глубокой увѣренности, что Онъ есть. По свидѣтельству Аристотеля, пивагорейцы вѣрили въ нравственное значеніе нѣкоторыхъ чиселъ. Они думали, что числа не только управляютъ міромъ, но и мечтой, и что поэзія, любовь, справедливость закономѣрны, какъ теченіе звѣздъ. Какая догадка! Аритмологіи предстоитъ подтвердить ее“.

Во второмъ фельетонѣ говорится о моей статьѣ „Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія“, хотя и въ связи съ изслѣдованіями Николая Васильевича.

Разбору послѣднихъ философско-математическихъ изысканій Николая Васильевича — посвящена вторая половина вышеуказанной рѣчи¹⁾ профессора Л. М. Лопатина. „Опять повторю“, говоритъ почтенный профессоръ философіи въ заключеніе этого разбора, „что наиболѣе сильнымъ и прочнымъ элементомъ философскихъ воззрѣній покойнаго являются эти его глубокіе и своеобразные выводы объ условіяхъ математической мыслимости такихъ понятій, которыя до сихъ иоръ всегда выключались изъ области выразимаго и опредѣлимаго

1) См. выше стр. 11, примѣчаніе.

математическими формулами. Подчиненіе какихъ-нибудь явленій дѣйствительности строгимъ математическимъ законамъ всегда представляло синонимъ господства роковой необходимости надъ всѣмъ ихъ теченіемъ, безусловной предопредѣленности каждаго изъ нихъ, въ его конкретномъ составѣ, изъ предшествующихъ обстоятельствъ, всецѣлаго детерминизма во всѣхъ деталяхъ ихъ развитія. Н. В. Бугаевъ первый, или одинъ изъ первыхъ, съ страстнымъ и серьезно иродуманнымъ убѣжденіемъ показалъ, что этотъ весьма обычный взглядъ есть только предразсудокъ. Свобода есть столь же хорошо мыслимое и хорошо обоснованное понятіе, какъ и необходимость. Онъ сдѣлалъ еще больше: онъ не только показалъ математическую мыслимость и возможность свободы, онъ показалъ ея совершенную математическую необходимость при опредѣленныхъ обстоятельствахъ. Математическая необходимость свободы — вотъ та глубокая идея, которую онъ раскрывалъ и защищалъ настойчиво, разнообразно, проникнутый непоколебимой вѣрой въ ея огромное значеніе“.

Недавно мною опубликована еще новая статья: „Ueber die Entwicklung des Begriffes der höheren arithmologischen Gesetzmässigkeit in Natur- und Geisteswissenschaften“ — въ мартовской книжкѣ с. г. журнала: „Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Sociologie“, а резюме ея помѣщено въ Ученыхъ Запискахъ Ю. У. (№ 2, 1904 г.). Въ этой статьѣ я указываю послѣдовательныя стадіи развитія понятія о высшей аритмологической закономерности въ наукахъ естественныхъ и соціальныхъ. Первые слѣды, болѣе или менѣе ясно выраженные, этого понятія имѣются въ изслѣдованіяхъ бывшихъ дерптскихъ профессоровъ: философа Г. Тейхмюллера и мораль-статистика, богослова Александра ф.-Эттингена. У Н. В. Бугаева это понятіе пріобрѣтаетъ вполне опредѣленныя формы. Затѣмъ, въ моихъ изслѣдованіяхъ въ аритмологическихъ областяхъ геометріи и алгебры, а въ особенности въ новѣйшихъ моихъ изслѣдованіяхъ по формальной химіи находятся много фактическихъ подтвержденій

отвлеченныхъ философскихъ воззрѣній Николая Васильевича. Наконецъ, въ недавно опубликованныхъ изслѣдованіяхъ ученика Николая Васильевича — П. А. Некрасова находятъ себѣ полное оправданіе воззрѣнія Николая Васильевича на закономерность социальныхъ явленій. Вотъ эти стадіи развитія изложены въ моей только-что упомянутой статьѣ.

Теперь я постараюсь изложить сущность послѣднихъ философскихъ изслѣдованій Николая Васильевича въ связи съ моими изслѣдованіями по формальной химіи и изслѣдованіями П. А. Некрасова по теоріи вѣроятностей. Въ нижеизложенномъ очеркѣ мнѣ удастся, кажется, опредѣленно и удобопонятно представить эти изслѣдованія¹⁾.

Вся чистая математика дѣлится на два громадныхъ отдѣла: математическій анализъ, который изучаетъ непрерывную закономерность, и аритмологію, которая трактуетъ о весьма различныхъ видахъ прерывной закономерности. Первый отдѣлъ математики находится уже въ настоящее время на высокой степени совершенства — вслѣдствіе своей сравнительной простоты, а второй отдѣлъ ея, можно сказать, лишь зарождается и представляетъ громадныя затрудненія изслѣдователямъ въ раскрытіи свойствъ прерывныхъ (скачкообразныхъ) закономерностей; наиболѣе развита та часть аритмологіи, которая называется теоріей чиселъ и въ которой разсматриваются функціи отъ переменныхъ, измѣняющихся скачками по цѣлымъ числамъ.

Для того, чтобы уяснить различіе анализа и аритмологіи, приведу слѣдующій примѣръ:

Положимъ, что мы изучаемъ какое-нибудь физическое свойство твердаго тѣла, наприм. теплопроводность. Конечно, мы должны начать это изученіе съ наиболѣе простаго случая,

1) Болѣе подробно изложены въ моей вышепоименованной статьѣ: „Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія“. 2-ое изданіе. Юрьевъ. 1904.

когда тѣло имѣеть однородное строеніе во всей массѣ и теплота непрерывно сообщается тѣлу; въ этомъ случаѣ теплота въ тѣлѣ будетъ распространяться непрерывно и равномерно во всѣ стороны; здѣсь будетъ приложимъ анализъ. Послѣ такого простого случая идутъ крайне разнообразныя случаи тѣлъ съ неоднородными строеніями, гдѣ теплота распространяется то непрерывно, то скачками, и гдѣ при изслѣдованіи необходимо уже имѣть дѣло съ аритмологическими соображеніями.

Универсальность и безусловная необходимость или роковая неизбѣжность суть характерныя черты аналитической, непрерывной закономерности. Наоборотъ, индивидуальность и свобода суть спутники закономерностей аритмологическихъ.

Явленія физическія и астрономическія даютъ полный просторъ приложеніямъ математическаго анализа, что доказываютъ блестящія открытія послѣднихъ столѣтій въ физикѣ и астрономіи, полученныя исключительно примѣненіемъ аналитической механики къ изученію этихъ явленій. Слѣдовательно, эти явленія обладаютъ характеромъ универсальности и роковой неизбѣжности, иначе они не помѣстились бы въ рамки аналитической, непрерывной закономерности, не вошли бы въ схемы изслѣдованій математическаго анализа съ его главными методами: бесконечно-малыхъ величинъ и предѣловъ.

Всѣ остальныя явленія, изучаемыя въ наукахъ, требуютъ уже преимущественнаго примѣненія аритмологіи, такъ какъ обладаютъ прерывною закономерностію. Это суть явленія химическія, біологическія, психическія и, наконецъ, социальныя. Конечно, совершенно не основательно навязывать этой категоріи явленій понятій универсальности и роковой неизбѣжности, необходимыхъ лишь для примѣненій математическаго анализа и весьма часто совершенно неумѣстныхъ въ примѣненіяхъ аритмологіи. Къ сожалѣнію, исторія развитія химіи, наукъ біологическихъ и социальныхъ даетъ весьма много фактовъ, гдѣ ученые съ насиліемъ, наперекоръ дѣйствительности ста-

рались привить этимъ наукамъ несвойственныя имъ аналитическія воззрѣнія и аналитическую закономерность изучаемыхъ въ нихъ явленій. Особенно ясно удалось мнѣ это показать относительно химіи.

Въ цѣломъ рядѣ статей (особенно подробно въ статьѣ „О совпаденіи методовъ формальной химіи и символической теоріи инвариантовъ“. СПб. 1901.) мною доказано вполне точно, что химическія изслѣдованія, не смотря на всѣ старанія знаменитаго французскаго химика Бертолле (еще въ началѣ прошлаго столѣтія) ихъ механизировать и вдвинуть въ схемы математическаго анализа, выбились на путь аритмологическій и обнаружили такимъ образомъ прерывную закономерность химическихъ явленій. Я показалъ, кромѣ того, что выработанная химиками, съ большимъ трудомъ и послѣ многихъ споровъ, атомистическая-структурная теорія, давшая почти всѣ блестящія открытія современной химіи, совершенно совпадаетъ своими формальными методами съ особымъ, весьма спеціальнымъ отдѣломъ высшей математики — символической теоріей инвариантовъ, которая несомнѣнно носитъ аритмологическій характеръ.

Не показываетъ ли этотъ фактъ совпаденія формальной, спекулятивной теоріи, выработанной химиками вполне самостоятельно, съ однимъ изъ весьма спеціальныхъ отдѣловъ математики, совершенно неизвѣстнаго даже многимъ математикамъ, — громаднаго, мірового значенія математическихъ воззрѣній? Хотя изслѣдованія чистой математики слагаются по доброй волѣ и даже прихоти ученаго и помимо всѣхъ практическихъ цѣлей, но изъ указаннаго факта совпаденія двухъ теорій ясно видно, что эти изслѣдованія имѣютъ какую-то таинственную цѣлесообразность, и что рано или поздно къ математическимъ воззрѣніямъ и схемамъ приведутъ торные пути другихъ наукъ. Все это раскрываетъ намъ грандіозный порядокъ и совершенную гармонію нашего внутренняго міра, нашего автономнаго мікрокосма, озаряемаго лучами изъ царства совершеннѣйшаго Интеллекта.

Если химическіе атомы потребовали аритмологическихъ пріемовъ изслѣдованія, оставляющихъ свободу и просторъ проявленіямъ ихъ индивидуальныхъ качествъ, то безсиорно элементы біологическіе, а тѣмъ болѣе соціальныя, обладающіе болѣе сложными индивидуальными качествами, съ несомнѣнными началами свободы, должны подлежать изученію по схемамъ аритмологіи.

Знаменитая теорія Дарвина о непрерывномъ происхожденіи видовъ, приведенная наиболѣе крайнихъ послѣдователей ея даже къ атеизму, служитъ прекраснымъ примѣромъ навязыванія міру живыхъ существъ, вообще говоря несвойственной ему или, по крайней мѣрѣ, неисчерпывающей въ немъ всѣхъ явленій — непрерывной закономѣрности.

И дѣйствительно, въ настоящее время въ біологіи вырабатываются уже аритмологическія теоріи съ идеями прерывной закономѣрности; это — теорія мутаціонная де-Фриза и теорія гетерогенезиса покойнаго академика Коржинскаго. Все это было съ замѣчательною категоричностью предусмотрено Г. Тейхмюллеромъ еще четверть вѣка тому назадъ посредствомъ отвлеченныхъ умозаключеній, отчасти математическаго характера, въ его знаменитой критикѣ дарвинизма (*Darwinismus und Philosophie*. Dorpat. 1877.).

Что касается соціологіи, то здѣсь много фальши и много крайне превратныхъ воззрѣній на сущность человѣческаго бытія внесъ кетлеизмъ, возникшій изъ неправильныхъ постулатовъ „соціальной физики“ знаменитаго бельгійскаго астронома и соціолога Кетле.

Само названіе „соціальная физика“ вполне характеризуетъ тѣ заблужденія, которыя породилъ кетлеизмъ. Навязываніе соціальнымъ явленіямъ, при изученіи этихъ явленій, наблюновъ явленій физическихъ, съ ихъ непрерывною закономѣрностью, съ ихъ универсальностью и фатальною неизбежностью, породило столько печальныхъ заблужденій, уже болѣе полувѣка тяготѣющихъ надъ интеллигентными классами. Эти заблужденія явились главнымъ образомъ вслѣдствіе отрицанія

свободы воли и свободы дѣйствій человѣка и подчиненія его роковой физической необходимости. Отсюда произошли: съ одной стороны — современный пессимизмъ, съ другой — грубая, безобразная идея Ницше о сверхчеловѣкѣ; и то, и другое суть результаты крайняго отчаянія человѣка, лишеннаго индивидуальности, свободы и закованнаго, въ его воззрѣнїяхъ, въ цѣпи роковой судьбы.

Александръ ф.-Эттингенъ далъ сильныя возраженія ложнымъ предпосылкамъ кетлеизма въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Moralstatistik“ (3. Aufl. Erlangen. 1882.).

Н. В. Бугаевъ показалъ своими философско-математическими изслѣдованїями, что понятіе о свободѣ не исключается математическимъ детерминизмомъ, если въ основаніе послѣдняго, на ряду съ функціями аналитическими, класть и функціи аритмологическія.

П. А. Некрасовъ въ сочиненіи „Философія и логика науки о массовыхъ проявленїяхъ человѣческой дѣятельности“ (Москва. 1902.) окончательно разрушилъ эти заблужденія, доказавъ строго математически, что свобода воли человѣка не только совмѣстима съ грандіозною закономѣрностью социальныхъ явленій, но есть даже неотъемлемое условіе этой закономѣрности. Такое замѣчательное предложеніе П. А. Некрасовъ получилъ какъ прямое слѣдствіе главнаго условія въ одной теоремѣ П. Л. Чебышева о средне-ариѳметической нѣсколькихъ величинъ: случайныя массовыя явленія должны быть независимы между собой; только въ такомъ случаѣ примѣненіе средне-ариѳметической даетъ вѣрные результаты, иначе же — никогда.

Такъ какъ результаты примѣненія средне-ариѳметической къ социальнымъ явленїямъ дѣйствительно дали многія вѣрныя, изъ года въ годъ повторяющіяся числа, то надо признать, что въ дѣятельности человѣка имѣется факторъ съ разумными цѣлеположенїями, изолирующій разумно дѣятельности отдѣльныхъ лицъ.

Для поясненія этого воспользуемся слѣдующимъ нагляднымъ примѣромъ:

Если въ какомъ-нибудь большомъ городѣ число пожаровъ отдѣльныхъ домовъ повторяется изъ года въ годъ съ незначительными колебаніями, то на основаніи главнаго условія въ теоремѣ П. Л. Чебышева мы можемъ утверждать, что городъ обладаетъ разумно организованной изоляціей (посредствомъ брандмауэровъ, значительныхъ разстояній, хорошихъ средствъ тушенія огня и т. д.), т. е. въ городѣ пожаръ одного дома есть случайное явленіе, независящее отъ пожаровъ сосѣднихъ домовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что одинъ изъ главныхъ методовъ теоріи вѣроятности, аритмологическій методъ среднихъ величинъ только въ томъ случаѣ примѣнимъ, когда случайныя явленія соціальной жизни людей матеріально разграничены, индивидуализированы, а связь ихъ остается лишь гдѣ-то внѣ нашего чувственнаго міра, связь чисто метафизическая, но вполне законѣрная, ибо она поддается точному изученію при помощи теоріи вѣроятностей. Эта метафизическая связь случайныхъ явленій и есть та „тайна, повелѣвающая неизбѣжному“, о которой говоритъ г. М. Меншиковъ въ своей газетной статьѣ. Эта связь есть связь разумная, потому что ея законѣрность познается, какъ мы видимъ, при помощи теоріи вѣроятностей, а „теорія вѣроятностей“, сказалъ Лапласъ, „въ сущности есть ни что иное, какъ здравый смыслъ, переложенный на счеты: она доставляетъ средства опредѣлять съ точностью то, что вѣрный умъ постигаетъ по инстинкту, часто не давая себѣ сознательнаго отчета“. Слѣдовательно, случайныя явленія въ соціальной жизни людей, кажуціяся на первый взглядъ неподчиненными никакому закону, при ближайшемъ разсмотрѣніи обладаютъ законѣрностью, но законѣрностью совсѣмъ особаго характера, не основанною на законѣ причинности, а покоящеюся на законахъ цѣлей, поставляемыхъ ограниченному уму человѣка абсолютнымъ Интеллектомъ.

Вообще свободно волевыя дѣйствія человѣка, съ одной стороны, зависятъ отъ условій окружающей человѣка физической среды на точномъ основаніи закона причинности, съ другой — отъ разумно поставляемыхъ цѣлей, восходящихъ отъ его частныхъ цѣлей до цѣлей общественныхъ и, наконецъ, до цѣлей универсальныхъ — нравственнаго, божественнаго міропорядка. Физическія условія такого сложнаго механизма, какъ человѣкъ съ его физиологическими и психическими процессами, заставляютъ этотъ организмъ совершать въ нѣкоторыхъ промежуткахъ времени исполнѣ опредѣленные движенія, но въ нѣкоторые моменты, повторяющіеся даже весьма часто, направленіе движенія можетъ быть неопредѣленно — или въ одну сторону, или въ другую, или въ третью и т. д. безъ нарушенія законовъ ограничивающихъ его физическихъ условій; въ такихъ критическихъ точкахъ направленіе избирается взвѣшиваніемъ цѣлей, т. е. работой чисто духовной и безъ затраты матеріальной энергіи.

Въ аритмологіи имѣются особыя функціи, обратныя прерывнымъ или функціи произвольныхъ величинъ. Каждому значенію независимаго переменнаго такой функціи соответствуетъ безчисленное множество значеній самой функціи, подобно тому, какъ въ соотношеніи между ощущеніемъ и впечатлѣніемъ: каждое ощущеніе можетъ быть результатомъ весьма разнообразныхъ впечатлѣній, или одного измѣняющагося въ извѣстныхъ предѣлахъ впечатлѣнія, но каждое впечатлѣніе даетъ въ данномъ лицѣ опредѣленное ощущеніе; здѣсь ощущеніе есть прерывная функція впечатлѣнія, а впечатлѣніе есть произвольная величина въ извѣстныхъ предѣлахъ для даннаго ощущенія. Вотъ такой классъ аритмологическихъ функцій и наводитъ насъ на мысль о возможности нѣкоторой доли закономѣрной свободы нашихъ поступковъ и нашихъ чувствъ, управляемой координаціей нравственныхъ цѣлей.

Все вышеизложенное о научно-философскомъ міровоззрѣніи Николая Васильевича носитъ чисто теоретическій характеръ,

но оно имѣеть, конечно, и громадное практическое значеніе, а самое главное то, что самъ Николай Васильевичъ уже въ различныхъ своихъ рѣчахъ, статьяхъ и замѣткахъ неоднократно примѣнялъ свои весьма общія и отвлеченныя точки зрѣнія къ рѣшенію животрепещущихъ практическихъ вопросовъ. Такъ, напримѣръ, онъ даетъ вполне опредѣленное рѣшеніе вопросу, столь часто поднимаемому въ послѣднее время: имѣеть ли право русскій человѣкъ, особенно интеллигентный, служить развитію своего народа на началахъ исконно-русскихъ, или же его долгъ и обязанность — стремиться оторвать этотъ народъ отъ уклада его старины, стереть его индивидуальность и слить его въ общее русло эволюціи всего человѣчества?

Рѣшеніе этого вопроса мы находимъ, въ наиболѣе опредѣленной формѣ, въ некрологѣ С. А. Усова, прекрасно составленномъ Н. В. Бугаевымъ и помѣщенномъ въ отчетѣ Московскаго Университета за 1886 г. Посмотримъ же, какими выраженіями и оттѣнками своего всегда глубокопродукманнаго и независимаго слова Николай Васильевичъ интерпретируетъ свое положеніе, отмѣченное имъ курсивомъ: „Наконецъ, Сергѣй Алексѣевичъ былъ истинно-русскій человѣкъ“. Это выяснитъ намъ воззрѣнія Николая Васильевича на права и задачи истинно-русскаго человѣка, вытекающія изъ аритмо-монадологическаго міровоззрѣнія покойнаго философа-математика.

„Всѣми корнями своего духовнаго бытія онъ (Усовъ) приросъ къ своей странѣ, владѣлъ всѣми тайнами русскаго языка, любилъ всѣ бытовыя проявленія русской жизни. Впрочемъ не это одно хочу я сказать. Я желаю выразить, что, живя духомъ со всѣмъ человѣчествомъ, чувствуя себя членомъ всего космоса, онъ относился къ этому космосу не рабски, а самостоятельно. Какъ ни великъ, какъ ни грандіозенъ этотъ космосъ, онъ не заслонялъ для него своего народа“.

„Его отношенія къ своей странѣ проникнуты были чувствомъ долга“.

„Народъ русскій много страдалъ. Ему трудно было отстоять свою самобытную личность. Повсюду его окружали физическія преграды, неумолимые враги. Съ большимъ трудомъ, проливая потоками свюю кровь, онъ не только отбилъ отъ нихъ, но и завоевалъ себѣ великое всемірно-историческое значеніе. Наше настоящее и наше будущее покоится на могучихъ плечахъ этого великаго русскаго народа. Мы не должны забывать объ этомъ и свято хранить дорогіе завѣты его исторіи. Мы всѣ въ долгу у него. На каждомъ русскомъ образованномъ человѣкѣ лежатъ по отношенію къ своей странѣ великія обязанности. Ихъ понималъ С. А. весьма серьезно. Онъ живо чувствовалъ, неуклонно выполнялъ ихъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ наукѣ и искусству онъ не былъ только просвѣщеннымъ эиикурейцемъ. Онъ не искалъ въ нихъ только тонкихъ и высокихъ наслажденій. Помимо личнаго духовнаго блага, онъ видѣлъ въ знаніи могучее орудіе для развитія и совершенствованія своего народа, считалъ своимъ долгомъ смиренно послужить этому развитію. Онъ служилъ космосу черезъ свой народъ, а не помимо его. Онъ зналъ, что плодотворное служеніе наукѣ и человѣчеству получаетъ особую силу только тогда, когда оно поднимаетъ и развиваетъ близкую ему родную среду“.

„Въ выраженіяхъ отвлеченнаго космополитизма онъ видѣлъ проявленіе жалкой иллюзіи, грубаго обмана или расчетливаго эгоизма, желающаго отдѣлаться отъ обязанностей и отвѣтственности. Онъ былъ врагомъ и грубаго, и тонкаго эгоизма“.

„Я сказалъ о долгѣ. Это только первая низшая стадія въ оцѣнкѣ его отношеній къ своей странѣ. Это чувство доступно всякому честному человѣку. Нѣтъ не долгомъ только, а чувствомъ глубокой любви къ своей родинѣ онъ руководился. Это то чувство, которое не задаетъ вопросовъ: за что и почему? Оно не покупается, не продается ни за матеріальныя, ни за духовныя блага. Оно не нуждается ни въ благодарности, ни въ наградахъ“.

„С. А. смотрѣлъ на людей, не обладавшихъ этимъ чувствомъ, какъ на людей нравственно изуродованныхъ, духовно искалѣченныхъ. Онъ глубоко сожалѣлъ объ нихъ“.

Затѣмъ, Николай Васильевичъ весьма живо интересовался вопросами воспитанія и обученія, — вопросами, которые у насъ за послѣднее время такъ много волнуютъ общество и о которыхъ приходится слышать такъ много превратныхъ и тенденціозныхъ мнѣній. Конечно, этими вопросами интересуются всѣ — наши друзья и недруги, потому что отъ постановки воспитанія и обученія въ нашей школѣ, находящейся наканунѣ большихъ реформъ, зависятъ будущія судьбы нашего отечества. Значеніе правильной постановки школьнаго дѣла давно уже оцѣнили наши сосѣди — нѣмцы и воспользовались ею для своего національнаго объединенія. Съ гордостью говорятъ они о войнѣ 1870 г. съ Франціей: „Unser Schulmeister hat Frankreich besiegt“¹⁾.

Этимъ вопросамъ отчасти была посвящена актовая рѣчь Николая Васильевича: „Математика, какъ орудіе научное и педагогическое“, произнесенная имъ 12 января 1869 г. Николай Васильевичъ напомнилъ въ своей рѣчи, что уже въ древности математикѣ придавали большое научное и педагогическое значеніе. Платонъ на дверяхъ своей академіи сдѣлалъ надпись: „никто, незнающій геометріи, сюда да не входитъ“. Въ настоящее время тоже, не смотря на все разнообразіе системъ воспитанія и обученія, математикѣ вездѣ отводится почетное мѣсто, и правильная постановка ея находится въ тѣсной связи съ рѣшеніемъ многихъ не только научныхъ, но и педагогическихъ, культурныхъ и общественныхъ задачъ. Но, къ сожалѣнію, замѣчаетъ Николай Васильевичъ, объемъ и обстановка математическаго образованія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ далеко не соотвѣтствуетъ высокимъ требованіямъ современной цивилизаціи, и по сему математика не оказываетъ полной воспитывающей силы: преподаваніе ея

1) Нашъ народный учитель побѣдилъ Францію.

обрывається тамъ, гдѣ только починаєть опредѣляться ея глибоке значеніє, уясняющее законы природы и мысли.

Для достиженія полного дѣйствія воспитывающей силы преподаванія математики необходимо имѣть въ виду: теорію, механизмъ вычисленія и приложенія теоріи къ рѣшенію практическихъ задачъ. Только пользованіє этими тремя сторонами преподаванія математики, нераздѣльно, ведетъ къ развитію ума, наиболѣе цѣлесообразному и всестороннему.

Наиболѣе благопріятнымъ условіємъ для распространенія математическихъ знаній въ странѣ Николай Васильевичъ считалъ правильно развитую педагогическую систему, опирающуюся на хорошо организованное сословіє педагоговъ. Благодаря такой организаціи постепенно формируются нужныя традиціи педагогическаго дѣла; вырабатывается опытность въ дѣлѣ воспитанія, и все это передается преданіями и литературою новымъ поколѣніямъ педагоговъ. Въ заключеніє своей рѣчи Николай Васильевичъ вспомнилъ о своемъ учителѣ Н. Е. Зерновѣ, бывшемъ профессорѣ чистой математики въ Московскомъ Университетѣ, такъ много способствовавшемъ распространенію математическихъ знаній своимъ простымъ, свѣтлымъ и вразумительнымъ словомъ. Николай Васильевичъ обратилъ вниманіє своихъ слушателей на завѣты, преподаанные его учителемъ: стремиться къ простотѣ и ясности въ изложеніи математики, не увлекаться ложнымъ глубокомысліємъ, измѣряемымъ темнотою и запутанностью изслѣдованій, а помнить, что высшее глубокомысліє въ математикѣ есть очевидность и простота.

Наконецъ, Николай Васильевичъ высказалъ свои взгляды на постановку отечественнаго воспитанія и обученія по поводу предполагаемыхъ реформъ средней школы. Эти мнѣнія покойнаго философа-педагога содержатъ много оригинальнаго, и можно усмотрѣть, что они въ существенныхъ чертахъ являются естественнымъ слѣдствіємъ изложеннаго нами выше аритмо-монадологическаго міровоззрѣнія Николая Васильевича. Эти мнѣнія были изложены Николаемъ Васильевичемъ въ до-

кладахъ Высочайше учрежденной Комиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ среднихъ учебныхъ заведеній, труды которой въ настоящее время уже изданы. Нѣкоторыя изъ этихъ мыслей приведены также въ только что опубликованномъ сочиненіи П. А. Некрасова: „Московская философско-математическая школа и ея основатели“ (Москва. 1904 г., стр. 210—214 и 240—242).

Николай Васильевичъ является здѣсь горячимъ поборникомъ того, чтобы школа озаботилась воспитаніемъ и развитіемъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, потому что ощущенія даютъ реальное содержаніе и конкретную форму нашимъ представленіямъ; а, слѣдовательно, и нашимъ понятіямъ и сужденіямъ. Для развитія органовъ внѣшнихъ чувствъ, прежде всего требуется гигиеническій уходъ за ихъ отправленіями, а затѣмъ — упражненіе этихъ органовъ при помощи изученія такихъ предметовъ, гдѣ приходится прибѣгать къ наблюденію дѣйствительности, природы, дѣлать описанія, сравненія, гдѣ имѣются формы и краски. Даже общими мускульными упражненіями нельзя пренебрегать, такъ какъ они способствуютъ правильному развитію всего организма вообще и органовъ внѣшнихъ чувствъ въ частности. Слѣдовательно, Николай Васильевичъ въ этихъ взглядахъ даетъ лишь подробное развитіе древней пословицы: *mens sana in corpore sano*. Приведу дословно часть дальнѣйшихъ сужденій Николая Васильевича объ этомъ злободневномъ вопросѣ, — сужденій, тѣмъ болѣе интересныхъ для насъ, что въ нихъ Николай Васильевичъ, какъ это легко замѣтить, остается строго нослѣдовательнымъ въ своемъ ритмо-монадологическомъ міровоззрѣніи — съ началами индивидуальности, гармоніи внѣшняго съ внутреннимъ и съ идеей активности, цѣлесообразнаго творчества.

„Здоровье, внѣшнія чувства и эмоціи, правильно развитыя воспитаніемъ и наблюденіемъ“, говоритъ Н. В. Бугаевъ, „это та черноземная почва, на которой покоятся и самыя дарованія и великіе таланты“.

„Только на почвѣ правильно развитыхъ внѣшнихъ чувствъ

может сформироваться и большой здравый смысл — элементъ, столь необходимый для всякой личной и общественной жизни“.

„Повторяю, плохо развитыя внѣшнія чувства ослабляютъ содержаніе и силу интеллектуальныхъ проявленій человѣка“.

„Мало того, они притупляютъ и развитіе многихъ эмоцій, и въ особенности одной наиболѣе важной эмоціи — эстетической. Не даромъ говорятъ нѣкоторые художники, что искусство есть мышленіе въ образахъ“.

„Какъ же правильно развиться эстетическому чувству, если за мышленіемъ или вовсе не стоитъ, или стоитъ блѣдный и безсодержательный образъ?“

„Правильное развитіе эстетической эмоціи нужно не одному писателю и художнику; оно необходимо и ученому. Умственные операціи пріобрѣтаютъ особую силу, когда онѣ сопровождаются стройностію и художественностію изложенія. Ученому необходимо не только доказывать, но и убѣждать“.

„Мы въ значительной степени замѣчаемъ упадокъ эстетическихъ эмоцій и на литературномъ стилѣ теперешнихъ писателей и на нашемъ неуваженіи къ родному языку. Богатый русскій языкъ загрязняется и обезличивается на нашихъ глазахъ“.

„Какъ далеко мы ушли въ этомъ направленіи отъ Пушкина и Лермонтова. Конечно, не вся вина въ этомъ лежитъ на одномъ утилитарномъ направленіи нашего общества. Значительная часть вины въ этомъ падаетъ на нашу школу, которая въ погонѣ за формами разныхъ языковъ позабыла то, что придаетъ особенную силу, конкретность, гармонію и художественную красоту рѣчи“.

„Эстетическія эмоціи нужны для облагороженія человѣка и для внесенія идеальнаго элемента въ наше общежитіе. Они необходимы также для правильнаго проявленія воли“.

„Идеи цѣлесообразности и активности лежатъ въ тѣсной связи съ эстетическими чувствами гармоніи, соответствія и свободнаго художественнаго творчества. Наконецъ, конкрет-

ное содержаніе, даваемое внѣшними чувствами, и эстетическія волненія необходимы для того, чтобы человѣкъ въ своей активной дѣятельности зналъ мѣру и содержаніе своихъ дѣйствій“.

„Не должно въ школѣ все направляться такъ, чтобы въ учащемся развивались только одни пассивныя добродѣтели и таланты. Не одно пассивное знаніе имѣетъ значеніе. Для человека необходимо, чтобы знаніе было дѣятельно, чтобы оно могло приспособляться къ проявленію активной стороны человека“.

„Знаніе должно служить на пользу окружающей среды, должно возбуждать волю къ дальнѣйшему самостоятельному и самодѣятельному развитію. Гдѣ нѣтъ активности, тамъ нѣтъ и творчества. Творчество же играетъ великую роль въ жизни каждаго общества“.

„Настоящая школа, воспитывая и отдавая предпочтеніе пассивной сторонѣ духа надъ активной, какъ бы обнаруживаетъ сочувствіе буддійской нравственности“.

„Наша христіанская точка зрѣнія требуетъ, чтобы человекъ свободно, самодѣятельно и самостоятельно стремился къ совершенствованію себя и другихъ“.

„Въ словахъ Спасителя „Царствіе Божіе завоевывается силою“ (усиліемъ) мы должны находить основаніе для пріученія нашихъ молодыхъ поколѣній къ свободному и самодѣятельному развитію“.

„Изъ этихъ общихъ соображеній само собою видно, въ какомъ направленіи мы должны идти, обдумывая улучшенія теперешней школы“.

„Во-первыхъ нужно обратить вниманіе на физическое воспитаніе и развитіе внѣшнихъ чувствъ, прибѣгая къ тѣмъ средствамъ, которыя даетъ современная наука, и вводя тѣ предметы, которые развиваютъ наблюдательность не въ одной только области слова, но и въ области природы и человѣческаго общества“.

„Во-вторыхъ необходимо развить эстетическое чувство, поставить на правильную дорогу русскую словесность и русскій языкъ“.

„Въ-третьихъ необходимо такъ поставить школу, чтобы учащемуся оставалось время для самостоятельнаго и самостоятельнаго развитія“.

„Этому развитію должны помогать не только изученіе наукъ, но также изученіе искусствъ, ремеслъ, если у учащагося есть къ тому способности и силы“.

Давъ такимъ образомъ краткій очеркъ научно-философскаго міровоззрѣнія Николая Васильевича, зачатки котораго можно уже замѣтить въ его вступительной лекціи въ качествѣ доцента Московскаго университета, мы познакомимся теперь съ дѣятельностью Николая Васильевича въ Московскомъ Математическомъ Обществѣ. Мы увидимъ, что въ этомъ Обществѣ уже зрѣли тѣ идеалы, которые вылились въ столь опредѣленные, строго научныя формы въ міровоззрѣніи его маститаго президента.

Въ 1864 г. нѣсколько молодыхъ профессоровъ и преподавателей математическаго отдѣленія Московскаго Университета составили кружокъ съ цѣлью оригинальными рефератами и отчетами о новыхъ работахъ другихъ ученыхъ знакомить другъ друга съ развитіемъ различныхъ отдѣловъ математики. Къ этому кружку примкнули также лица, не принадлежавшія къ числу университетскихъ преподавателей. Центромъ кружка былъ заслуженный профессоръ Н. Д. Брашманъ¹⁾, въ то время только что оставившій службу въ Московскомъ Университетѣ.

1) Н. Д. Брашманъ род. въ 1796 г. въ Моравіи близъ г. Брюнна. Образованіе получилъ въ Вѣнскомъ политехническомъ институтѣ и въ Вѣнскомъ университетѣ; въ послѣднемъ былъ репетиторомъ по высшей матем. Въ 1823 г. переселился въ СПБ., гдѣ былъ преподавателемъ матем. и физики въ петропавловскомъ училищѣ, а 11 марта 1825 г. былъ назначенъ адъюнктомъ математ. въ Казанскій университетъ. Въ 1834 г. былъ перемѣщенъ профессоромъ прикладной математ. въ Московскій университетъ. Въ 1839 г. принялъ русское подданство. Учредилъ при Московскомъ университетѣ премію своего имени, присуждаемую каждые два года за сочиненія по чистой и прикладной математикѣ. Кромѣ спеціальныхъ статей по математикѣ напечаталъ свою „Рѣчь о вліяніи математики на развитіе умственныхъ способностей“. (Москва. 1841 г.)

Кромѣ Брашмана въ этомъ кружкѣ были А. Ю. Давидовъ, Н. Н. Алексѣевъ, А. В. Лѣтниковъ, К. М. Петерсонъ, О. А. Бредихинъ, О. А. Слудскій, В. Я. Цингеръ, М. О. Хандриковъ, К. А. Рачинскій, Р. О. Блажеевскій, Н. В. Бугаевъ, Е. О. Сабининъ, кн. С. С. Урусовъ и С. А. Юрьевъ; затѣмъ присоединился еще П. Л. Чебышевъ.

Этотъ кружокъ собирался разъ въ мѣсяць въ теченіе 1864, 1865 и 1866 г. совершенно частнымъ образомъ. Съ 1867 г. (28 января) онъ получилъ уже официальное утвержденіе какъ Московское Математическое Общество.

Послѣ смерти Брашмана въ маѣ 1866 г. руководителемъ кружка сдѣлался незабвенный Августъ Юліевичъ Давидовъ¹⁾, съ января 1867 г. въ качествѣ президента Общества.

Въ теченіе 22 лѣтъ до самой своей смерти А. Ю. Давидовъ стоялъ во главѣ Математическаго Общества и, обладая обширными познаніями въ различныхъ частяхъ математики, проявлялъ энергичную ученую дѣятельность. А. Ю. Давидовъ не былъ типомъ кабинетнаго ученаго: онъ интересовался многими областями знанія, любилъ общественную дѣятельность и не былъ въ состояніи замкнуться въ какой-нибудь ограниченный отдѣлъ науки, чтобы изучать его во всѣхъ деталяхъ. Но такой ученый и былъ необходимъ для поддержанія молодого ученаго общества. Мало-по-малу Математическое Общество стало накапливать матеріалъ, и явилась потребность въ періодическомъ изданіи трудовъ Общества. Таковое изданіе, наконецъ, появилось въ видѣ „Сборника“ трудовъ Общества въ 1865 г. и въ настоящее время насчитываетъ 24 тома, каждый томъ объемомъ до 600 страницъ. Наконецъ, благо-

1) А. Ю. Давидовъ род. въ 1823 г. въ Либавѣ. Его отецъ въ 1839 г. переселился со всѣмъ семействомъ въ Москву, гдѣ получилъ мѣсто врача при Воспитательномъ Домѣ. Братъ А. Ю. Давидова — Карлъ Юліевичъ Давидовъ былъ весьма извѣстный въ СПБ. виолончелистъ и композиторъ, онъ былъ профессоромъ и нѣкоторое время директоромъ С.-Петербургской Консерваторіи. (Дальнѣйшія біографическія подробности объ А. Ю. Давидовѣ имѣются въ некрологѣ, составленномъ его ученикомъ В. Я. Цингеромъ. См. отчетъ Московск. универс. за 1885 г.)

даря ходатайству А. Ю. Давидова министерство ассигновало 1000 руб. ежегодной субсидии Обществу.

Последние 10 летъ своей жизни А. Ю. Давидовъ, отчасти вслѣдствіе расширенія своей служебной и общественной дѣятельности, отчасти вслѣдствіе утомленія, уже меньше удѣлялъ времени Математическому Обществу, и завѣдываніе дѣлами послѣдняго перешло къ Н. В. Бугаеву, состоявшему секретаремъ Общества съ 15 ноября 1869 г., т. е. почти съ основанія Общества.

Послѣ смерти А. Ю. Давидова, послѣдовавшей 22 декабря 1885 г., короткое время 1886—1891 г. Президентомъ Общества состоялъ В. Я. Цингеръ, а съ 16 сентября 1891 г. президентство перешло къ Н. В. Бугаеву, хотя фактически Н. В. Бугаевъ уже задолго до этого завѣдывалъ дѣлами Общества.

Николай Васильевичъ соединялъ въ себѣ два совершенно несоединимыхъ типа научнаго дѣятеля: онъ былъ въ одно время и кабинетнымъ ученымъ, ушедшимъ въ свою любимую область аритмологическихъ изслѣдованій, и весьма живымъ общественнымъ дѣтелемъ, отзывчивымъ па всякіе научные и даже общественные вопросы. Онъ вносилъ много энергіи въ занятія Математическаго Общества и собственными рефератами, и привлеченіемъ молодыхъ ученыхъ къ дѣланію сообщеній въ засѣданіяхъ Общества. По его предложенію, между многими другими и я былъ избранъ, одновременно съ моимъ товарищемъ по выпуску Г. Г. Аппельротомъ, въ члены Математическаго Общества, вскорѣ послѣ окончанія университетскаго курса.

Последнее десятилѣтіе Николай Васильевичъ значительно расширилъ дѣятельность Математическаго Общества привлеченіемъ студентовъ старшихъ курсовъ къ реферированію какъ оригинальныхъ, такъ и заимствованныхъ изъ текущей литературы изслѣдованій по различнымъ отдѣламъ математики, при чемъ для этихъ студенческихъ сообщеній устраиваются отдѣльныя засѣданія подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Общества.

Благодаря настойчивымъ ходатайствамъ Николая Васильевича, Математическое Общество стало получать 2000 руб. ежегодной субсидіи изъ средствъ Государственнаго Казначейства.

Говоря о дѣятельности Николая Васильевича въ Математическомъ Обществѣ, нельзя пройти молчаніемъ одного факта, имѣвшаго мѣсто въ самомъ началѣ существованія Общества, но положившаго отпечатокъ на характеръ Сборника Общества.

Когда возникъ вопросъ о языкѣ статей Сборника, то сначала перевѣшивало мнѣніе въ сторону иностранныхъ языковъ, мотивированное необходимостью общенія научныхъ изслѣдованій русскихъ ученыхъ съ заграничными. Николай Васильевичъ энергично защищалъ право русскаго научнаго языка. Хотя Николай Васильевичъ прекрасно зналъ наиболѣе употребительные европейскіе языки, зналъ европейскую научную литературу и былъ знакомъ со многими западными учеными, но онъ требовалъ отъ иностранцевъ и отъ насъ самихъ уваженія къ русскому языку. Николай Васильевичъ постоянно повторялъ, что кто не уважаетъ родного языка, тотъ самого себя не уважаетъ и не заслуживаетъ уваженія другихъ. Онъ говорилъ также, что современемъ иностранцы будутъ принуждены изучать нашъ языкъ, когда у насъ появятся серьезныя изслѣдованія. И въ настоящее время, дѣйствительно, нѣкоторые германскіе профессора математики уже изучили русскій языкъ и знакомятся съ русской математической литературой по оригинальнымъ статьямъ; а нѣкоторые изъ нихъ пожелали вступить въ члены Московскаго Математическаго Общества.

Изслѣдованія Николая Васильевича, напечатанныя почти исключительно по русски, между ирочимъ, послужили причиной этому распространенію интереса къ математическимъ изслѣдованіямъ на русскомъ языкѣ между заграничными учеными.

Французскій ученый Лувилль, занимавшійся теоріей чиселъ, имѣлъ обыкновение давать въ издаваемомъ имъ журналѣ множество числовыхъ теоремъ, не открывая методы ихъ до-

казательства. Многие ученые бились надъ разгадкою этихъ методовъ, но почти безрезультатно. Николай Васильевичъ, открывъ такія общія теоріи, какъ ученіе о числовыхъ производныхъ и другія, не только разгадалъ всѣ загадки Ліувилля, но сталъ предлагать и свои теоремы, которыя не могъ бы доказать даже Ліувилль своими методами.

Другой французскій ученый Гальфенъ, составляя весьма полный трактатъ объ эллиптическихъ функціяхъ, обратился къ Николаю Васильевичу съ просьбой познакомить его съ изслѣдованіями въ области приложеній этихъ функцій къ теоріи чиселъ, имѣющимися въ русской литературѣ. Вслѣдствіе смерти Гальфена третій томъ этого трактата, посвященный приложеніямъ эллиптическихъ функцій къ теоріи чиселъ, не вышелъ въ свѣтъ. Николай Васильевичъ шутилъ, что Гальфенъ умеръ съ горя, не будучи въ состояніи познакомиться съ весьма интересовавшими его русскими изслѣдованіями въ этой области¹⁾.

Во время президенства Николая Васильевича, Математическое Общество торжественно отпраздновало 25-лѣтіе своего существованія, въ соединенномъ засѣданіи²⁾ съ IX Съѣздомъ русскихъ естествоиспытателей и врачей, 9 января 1894 года. Хотя 25-лѣтіе Общества исполнилось 28 января 1892 года, но Общество отложило празднованіе до предстоявшаго въ Москвѣ Съѣзда, дабы дать возможность большому числу русскихъ математиковъ принять участіе въ этомъ празднованіи.

Маститый Президентъ Общества при открытіи юбилейнаго засѣданія произнесъ блестящую рѣчь объ отношеніи математики къ другимъ наукамъ и о значеніи Математическаго Общества для русскаго просвѣщенія.

Въ президенство же Николая Васильевича состоялось

1) Эти свѣдѣнія о научной дѣятельности Ліувилля и Гальфена, на сколько мнѣ не измѣняетъ память, сообщилъ мнѣ самъ Николай Васильевичъ.

2) Подробное описаніе этого засѣданія помѣщено въ т. XVIII „Математическаго Сборника“.

торжественное засѣданіе ¹⁾ Математическаго Общества по поводу выхода въ свѣтъ двадцати томовъ издаваемаго Обществомъ „Математическаго Сборника“. Это засѣданіе имѣло мѣсто 21 марта 1900 года и было открыто рѣчью Николая Васильевича, гдѣ снова раскрываются его глубокія мысли объ отношеніи математики къ другимъ областямъ знанія и о значеніи Математическаго Общества въ дѣлѣ просвѣщенія страны. Я позволю себѣ дословно привести одно мѣсто изъ этой послѣдней публичной рѣчи покойнаго математика-философа:

„Любовь къ истинѣ, великій двигатель новѣйшей цивилизации, служитъ самымъ лучшимъ побужденіемъ для ученаго, разрабатывающаго отвлеченныя области математическихъ наукъ. При своихъ изысканіяхъ математическій изслѣдователь ничего не имѣетъ въ виду кромѣ истины“.

„Математика кромѣ истины, непосредственно даетъ мыслителю весьма слабое вознагражденіе, сравнительно съ другими областями знанія. Здѣсь нѣтъ ни вопросовъ дня, ни общественныхъ эмоцій, ни картинъ, дѣйствующихъ на воображеніе и чувства“.

„Слабое распространеніе математическихъ наукъ дѣлаетъ ученаго почти уединеннымъ. Только одна истина, только достовѣрность результата, только увѣренность, что трудъ его войдетъ какъ необходимое звено въ общее зданіе науки и культуры, непосредственно вознаграждаютъ его за умственные усилія. Ученый въ математическихъ наукахъ постоянно руководится соображеніемъ, что его усилія возвышаются тѣмъ значеніемъ, которое имѣютъ эти науки для другихъ сферъ знанія. Онъ понимаетъ, что при помощи математическихъ наукъ, съ одной стороны, складывается самымъ лучшимъ образомъ удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ общества, съ другой — вносится гармонія и порядокъ въ міросозерцаніе“.

„Кромѣ того въ математикѣ сказывается въ самой явной формѣ дедуктивная мощь чловѣческаго духа. Все свое науч-

1) Подробное описаніе этого засѣданія помѣщено въ XXI томѣ „Математическаго Сборника“.

ное содержаніе ученых математикъ черпаетъ и развиваетъ изнутри самого себя, изъ безконечной глубины челвѣческаго духа. Въ исторіи развитія этой науки проявляются въ наибольшей степени идеальныя стремленія человѣческаго духа, его духовная красота и сила“.

Въ этомъ же засѣданіи сочлены Математическаго Общества устроили чествованіе Николая Васильевича, какъ Президента Общества и ученаго, неутомимая дѣятельность котораго была неразрывно связана съ жизнью Математическаго Общества съ самаго его основанія. Николай Васильевичъ ничего не зналъ заранѣе объ этомъ чествованіи его заслугъ, такъ какъ всѣ приготовленія этого чествованія велись отъ него втайнѣ. Отъ различныхъ лицъ и учрежденій были присланы привѣтствія маститому ученому. Между прочимъ былъ прочитанъ адресъ отъ студентовъ-посѣтителей засѣданій Московскаго Математическаго Общества, для которыхъ Николай Васильевичъ организовалъ особыя, неочередныя засѣданія этого Общества. Отъ членовъ Московскаго Математическаго Общества привѣстіе было прочитанно Вице-президентомъ П. А. Некрасовымъ, и отъ товарищей по факультету — профессоромъ К. А. Тимирязевымъ.

Въ отвѣтъ на эти привѣтствія, Николай Васильевичъ высказалъ въ прочувствованныхъ словахъ свою глубокую благодарность всѣмъ, почтившимъ его своими привѣтствіями:

„Приношу глубокую благодарность за ту высокую честь, которую Вы оказываете мнѣ“.

„Скажу откровенно, что я не заслуживаю этой чести. Служа интересамъ Математическаго Общества и работая на пользу русской науки, я руководился только чувствомъ долга и присущими каждому человѣку побужденіями къ добру и благу. Если я иногда видѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ осуществленіи своихъ научныхъ цѣлей и задачъ, то этотъ успѣхъ и былъ нравственною наградою для меня. Значить, я уже получилъ вознагражденіе за свою дѣятельность“.

„Не смотря на это, Ване благосклонное отношеніе ко мнѣ

доставляетъ мнѣ великое удовольствіе. Оно происходитъ отъ того, что я въ вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ вижу съ Вашей стороны проявленіе высокихъ и благородныхъ чувствъ. Вы любите науку, заботитесь о процвѣтаніи Математическаго Общества, беззавѣтно преданы дѣлу образованія и развитія русскаго юношества, и въ данномъ случаѣ я случайно являюсь лицомъ, по поводу котораго Вы проявляете Ваши собственныя высокія и благородныя побужденія“.

„Мое преимущество передъ Вами состоитъ только въ томъ, что я родился нѣсколько раньше Васъ. Я убѣжденъ, что каждый изъ Васъ, если бы ему выпало на долю родиться раньше, осуществилъ бы въ своей дѣятельности то же самое, что и я и даже лучше меня“.

„Если я пользуюсь этимъ примуществомъ, то я могу и долженъ также позавидовать Вамъ. Если бы я родился нѣсколько позднѣе, можетъ быть, я имѣлъ бы возможность осуществить и болѣе высокіе идеалы“.

„Мнѣ пріятно, меня радуетъ то, что я вижу вокругъ себя людей, которые такъ горячо любятъ наше Общество, съ такою энергіею осуществляютъ въ своей дѣятельности его задачи и цѣли. Это укрѣпляетъ во мнѣ увѣренность, что блестящее будущее обеспечено нашему Обществу“.

„Позволю себѣ высказать пожеланіе, чтобы надолго процвѣтали какъ Московское Математическое Общество, такъ и нашъ Университетъ, подъ сѣнію котораго оно выросло и развилось“.

„Да будетъ нашъ Университетъ навсегда тѣмъ учрежденіемъ, которое высоко держитъ знамя науки на пользу русскаго юношества и на благо родной страны“.

Въ заключеніе этого краткаго очерка дѣятельности Николая Васильевича въ Московскомъ Математическомъ Обществѣ я нахожу нужнымъ сказать, что характеръ Николая Васильевича, его твердыя убѣжденія, проникнутыя глубокою любовью къ родинѣ, его идеалистическія стремленія трудиться на благо русской науки и русскаго народа, явились, по моему

мнѣнію, результатомъ взаимныхъ вліяній сочленовъ того же Математическаго Общества. Многое въ этомъ направленіи было заложено уже высокогуманною, талантливою личностью перваго Президента Общества — А. Ю. Давидовымъ, столь мѣтко охарактеризованнымъ въ его некрологѣ ¹⁾, составленномъ его ученикомъ В. Я. Цингеромъ: „ . . . въ нашей памяти водворится навсегда свѣтлый образъ этого прекраснѣйшаго изъ людей, этого талантливаго ученаго, замѣчательнаго дѣятеля на разныхъ поприщахъ общественнаго служенія, но преимуществу же учителя, который училъ не только съ каѳедры своимъ даровитымъ словомъ, но училъ каждымъ шагомъ своей жизни, всегда исполненной чести, истиннаго достоинства и сознательнаго чувства долга, училъ, можетъ-быть болѣе всего, своимъ чистосердечіемъ и добродушіемъ къ чужому мнѣнію, своею снисходительностію и теплою любовію къ ближнимъ . . .“

Затѣмъ, нельзя пройти молчаніемъ еще выдающагося дѣятеля Общества — А. В. Лѣтникова, способствовавшаго своимъ талантомъ, силою воли и стойкостью убѣдешей созданію драгоценныхъ традицій Московскаго Математическаго Общества, столь ярко вылившихся уже въ гармоничной формѣ въ Николаѣ Васильевичѣ. А. В. Лѣтниковъ прошелъ суровую школу въ военномъ въ то время Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ въ Москвѣ, гдѣ его способности были достойно оцѣнены тогдашнимъ поечителемъ института, знаменитымъ государственнымъ дѣятелемъ и патріотомъ М. Н. Муравьевымъ, покровительству котораго молодой межевикъ былъ обязанъ двухлѣтней командировкой за-границу для усовершенствованія своихъ познаній по высшей математикѣ и такимъ образомъ выбился на научную дорогу. Чтобы судить объ убѣжденіяхъ А. В. Лѣтникова, приведу его слова, сказанныя въ 1879 г. на юбилейномъ обѣдѣ Межевого Института ²⁾, въ

1) Отчетъ Московскаго Университета за 1885 г.

2) Эти слова приведены въ превосходномъ очеркѣ жизни и дѣятельности А. В. Лѣтникова, составленномъ Э. А. Слудскимъ. Математическій Сборникъ т. XIV.

этихъ словахъ находить себѣ простое рѣшеніе животренищій, особенно въ настоящее время, вопросъ объ основахъ воспитанія юношества :

„Институтъ былъ намъ не мачихою. Нѣтъ, онъ былъ намъ матерью, и при томъ тою любящею, справедливою и разумною матерью, въ строгихъ и выразительныхъ чертахъ которой больше глубокаго и самоотверженнаго чувства, чѣмъ въ нѣжныхъ чертахъ матери баловницы, потакающей слабостямъ своего питомца. Съ благоговѣйнымъ чувствомъ сыновняго почитанія останавливаюсь я иредѣ благороднымъ образомъ нашего незабвеннаго директора Н. П. Смецкаго, всю свою душу положившаго въ дѣло нашего воспитанія. Кто изъ насъ можетъ забыть этого непреклоннаго и стойкаго исполнителя своего долга, кто изъ насъ не помнитъ его строгаго и проникательнаго взгляда, иногда заставляшаго насъ трепетать, и въ которомъ мы видѣли столько безконечной и безкорыстной отеческой любви въ другихъ случаяхъ? Не забудутъ мои современники суровой и величавой фигуры попечителя М. Н. Муравьева¹⁾, знаменитаго государственнаго дѣятеля и патріота, который подѣ бременемъ управленія тремя обширными вѣдомствами находилъ возможнымъ вникать во всѣ мелочи преподаванія, класснаго ученія и экзаменовъ, который зналъ насъ всѣхъ лично и интересовался занятіями каждаго, не только во время нашего ученія, но и на службѣ; для котораго, при всей его изумительной и плодотворной дѣятельности, не было какъ будто дѣла важнѣе и интереснѣе нашего ученія и вос-

1) М. Н. Муравьевъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и нѣкоторое время самъ былъ преподавателемъ математики въ школахъ колонновожатыхъ. Дѣдъ его — Николай Ерооевичъ Муравьевъ былъ военнымъ инженеромъ и въ 1752 г. издалъ первое сочиненіе по алгебрѣ на русскомъ языкѣ; послѣдніе годы своей жизни М. Е. былъ лифляндскимъ губернаторомъ. Отецъ М. Н. Муравьева получилъ высшее образованіе въ Страсбургскомъ университетѣ; служилъ сначала во флотѣ, потомъ въ арміи; основалъ въ одномъ имѣніи близъ Москвы частное учебное заведеніе для офицеровъ генеральнаго штаба, получившее въ 1816 г. названіе Императорскаго. (См. нѣмецкое изданіе энциклопедическаго словаря Meyer'a. 4-te Aufl. XI-te Band. 1889.)

питанія; и который въ тѣхъ лѣтахъ, когда люди всего болѣе думаютъ о собственномъ спокойствіи, сиднемъ сидѣлъ цѣлые дни на нашихъ экзаменахъ, утомляя неутомимыхъ, предлагая каждому особые вопросы, пополняя свой списокъ своими собственными отмѣтками¹⁾. Суровыя и энергическія черты Михаила Николаевича дѣлались мягкими и невыразимо добродушными при блестящихъ экзаменныхъ отвѣтахъ нѣкоторыхъ воспитанниковъ; лицо его сіяло счастьемъ, довольствомъ и молодостью, когда ему приходилось радоваться исполненію своихъ предначертаній. Впечатлѣніе, которое производилъ Муравьевъ своимъ личнымъ горячимъ участіемъ въ дѣлахъ института, было громадно, и неисчислимы благія послѣдствія этой стороны его дѣятельности. Онъ своимъ великимъ подавляющимъ примѣромъ училъ насъ исполненію своихъ обязанностей, онъ дѣлалъ для насъ святымъ дѣломъ исполненіе долга службы, онъ научилъ насъ любить трудъ и понимать любовь къ отечеству. Въ наше тяжелое время шатанія понятій, слабости мысли и воли, въ наше время кажущагося торжества идола-матеріи нерѣдко слышатся рѣчи о новыхъ принципахъ воспитанія, которые будто бы идутъ на замѣну старыхъ, отжившихъ Но неужели же на самомъ дѣлѣ въ тридцать послѣднихъ лѣтъ человѣкъ измыслилъ такъ много, передумалъ и пережилъ столько, что прожитыя тысячелѣтія ему стали ни почемъ? Или въ наше время измѣнились понятія о нравственномъ долгѣ, совѣсти и чести, или мы чтонибудь прибавили къ великому ученію о всепрощающей христіанской любви, или наконецъ преподанные намъ историческіе

1) О степени строгости требованій Муравьева можетъ дать понятіе слѣдующій фактъ. Въ 1860 году, во время пребыванія Михаила Николаевича въ Парижѣ, А. В. Лѣтниковъ былъ приглашенъ къ нему сдѣлать сообщеніе о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ области математическихъ наукъ. Двое сутокъ готовился Алексѣй Васильевичъ къ этому реферату, и въ назначенный вечеръ явился къ Муравьеву въ большомъ страхѣ и весьма возбужденномъ состояніи. Бесѣда длилась два съ половиной часа. Все обошлось благополучно; но Лѣтниковъ признавался своимъ друзьямъ, что такой пытки, какую онъ вынесъ въ этотъ вечеръ, ему не приходилось испытывать ни на одномъ экзаменѣ.

примѣры гражданской доблести и любви къ отечеству перестали быть для насъ поучительными? Основа воспитанія лежитъ въ старомъ неизблемомъ и вѣчномъ ученіи о христіанской нравственности. Будемъ же хранить эту старую школу и ея преданія, и скажемъ слово благодарности межевому институту, который съумѣлъ устоять среди искушеній и сохранить въ себѣ тѣ начала порядка, нравственной и умственной дисциплины, которыя всегда были и будутъ истинными для школы ведущей свое дѣло серьезно и съ сознаниемъ той величайшей, страшной отвѣтственности, которую она несетъ передъ обществомъ настоящимъ и будущимъ“.

Наконецъ, приведу слова моего глубокоуважаемаго учителя, талантливаго геометра-философа, извѣстнаго также своими ботаническими трудами ¹⁾ по флорѣ средней полосы Россіи — В. Я. Цингера, бывшаго секретаремъ, вице-президентомъ и президентомъ Математическаго Общества. Эти слова, взятая изъ его статьи: „Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи“ ²⁾, характеризуютъ все тѣже высоко-идеальныя традиціи Московскаго Математическаго Общества, благодаря которымъ послѣднее достигло замѣчательнаго развитія, поборовъ многія ложныя тенденціи въ современномъ просвѣщеніи нашей родины.

Разобравъ въ своей живо и художественно написанной статьѣ всевозможныя недоразумѣнія во взглядахъ различныхъ ученыхъ на основанія геометріи и показавъ, что эмпиризмъ никоимъ образомъ не можетъ утвердить достовѣрность, опредѣленность и точность этихъ основаній, а скорѣе можетъ разрушить ихъ, В. Я. Цингеръ весьма убѣдительно объясняетъ, что эти основанія имѣютъ чисто идеальныя, апріорныя характеръ, суть неотъемлемыя качества нашей способности созерцанія или пространственнаго представленія. Эта способность

1) За эти труды В. Я. Цингеръ былъ удостоенъ въ 1898 году Юрьевскимъ Университетомъ степени почетнаго доктора ботаники.

2) Вопросы философіи и психологіи. Кн. 22. 1894.

созерцанія внѣшнихъ предметовъ несомнѣнно шире и разнообразнѣе, чѣмъ простое наблюденіе дѣйствительности. Эта способность совершенно не подчинена никакимъ физическимъ законамъ, нимало не стѣснена ни размѣрами, ни разстояніями, ни временемъ. Она безусловно подчинена законамъ математическимъ, которые составляютъ ея существенное качество. Въ заключеніе своей статьи В. Я. Цингеръ высказываетъ слѣдующія многозначительныя для нашего времени слова:

„Если возможны недоразумѣнія и заблужденія даже въ такой простой области познаній, какъ науки математическія, то въ необозримой, чрезвычайно разнообразной и сложной области естествовѣдѣнія, безъ сомнѣнія, еще болѣе опасности попасть на ложный путь неправильныхъ выводовъ и незаконныхъ обобщеній. Въ эту область, гдѣ опытъ доставляетъ и матеріаль для научнаго изслѣдованія и средство для контроля гипотезъ и теоретическихъ выводовъ, гдѣ глубина замысла, остроуміе и искусство въ производствѣ опыта составляютъ высокое умственное наслажденіе естествоиспытателя и нерѣдко его славу, въ эту область чаще всего проникаютъ тлетворныя воззрѣнія эмпиризма, которыя, унижая достоинство человѣка отрицаніемъ его духовной природы, стремятся сдѣлать его рабомъ матеріи. Для всякаго безпристрастнаго мыслящаго человѣка эмпиризмъ опровергается строго логическими доказательствами, но еще болѣе возмущается противъ него нравственное чувство, такъ какъ отрицаніемъ духовнаго бытія уничтожается единственная прочная опора нравственности и подавляются всѣ высшія идеальныя стремленія человѣка“.

„Наука и истинное знаніе не должны быть рабами опыта: они должны надъ нимъ господствовать и заставить его служить своимъ задачамъ. Вѣрно то, что наука должна руководиться не матеріальными, а идеальными стремленіями; но еще вѣрнѣе то, что она основывается не на матеріальныхъ, а на идеальныхъ началахъ. Высшія качества науки — это ясность, простота, искренность и добросовѣстность мысли; свѣточъ науки — это идеаль истины. Но наука есть только

одна изъ сторонъ духовнаго бытія и жизни чловѣка; тотъ же идеаль истины является съ другихъ сторонъ, то какъ идеаль красоты и гармоніи, то какъ идеаль добра и чести, правды и чловѣколюбія; это одинъ и тотъ же идеаль, — тотъ, передъ которымъ мы всё безъ различія возрастовъ и положеній, безъ различія взглядовъ и убѣжденій, безъ различія заслугъ и талантовъ, благоговѣнно преклоняемся, какъ передъ идеаломъ божественной мудрости и любви!“

Я могъ бы привести еще много подтвержденій моего положенія, что высоко-идеальныя воззрѣнія Николая Васильевича не стояли особнякомъ въ томъ кругу, гдѣ особенно ярко проявлялась его дѣятельность, въ кругу сочленовъ Математическаго Общества, но это слишкомъ отвлекло бы меня въ сторону.

Въ этой статьѣ я воздерживаюсь также давать подробную оцѣнку и систематизацію всѣхъ проблемъ идеализма, выдвинутыхъ сочленами Московскаго Математическаго Общества. Я старался только сдѣлать фактическія указанія, что идеалистическія воззрѣнія сочленовъ Общества захватываютъ весьма многіе животрепещущіе вопросы естествознанія, права, морали, воспитанія, педагогики и обществѣнности¹⁾.

Въ настоящее время я сдѣлаю еще краткій очеркъ дѣятельности Николая Васильевича въ Московскомъ Университетѣ въ качествѣ профессора и декана физико-математическаго факультета.

Мы уже знаемъ, что въ 1865 г. Николай Васильевичъ, по своему возвращеніи изъ-за границы былъ единогласно избранъ доцентомъ на кафедрѣ чистой математики. Въ февралѣ

1) Когда эта статья была уже въ печати, появилось капитальное сочиненіе П. А. Некрасова: „Московская философско-математическая школа и ея основатели“. (Москва. 1904.) Въ этомъ сочиненіи авторъ дѣлаетъ опытъ систематизаціи означенныхъ проблемъ математическаго идеализма въ связи съ христіанскими воззрѣніями, но встрѣчаетъ еще большія затрудненія въ терминахъ, вслѣдствіе чего это сочиненіе, имѣющее несомнѣнно большое научное значеніе, по моему мнѣнію, требуетъ еще нѣкоторыхъ интерпретацій.

1866 года онъ защитилъ докторскую диссертацию и въ январѣ слѣдующаго 1867 года былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ по той же кафедрѣ. Николай Васильевичъ сталъ читать теорію чиселъ, исчисленіе конечныхъ разностей, варіаціонное исчисленіе, теорію эллиптическихъ функцій и теорію функцій комплекснаго переменнаго. Послѣдній курсъ, кажется, былъ впервые прочитанъ въ русскомъ Университетѣ Николаемъ Васильевичемъ.

Въ декабрѣ 1869 г. Николай Васильевичъ былъ избранъ Совѣтомъ и утвержденъ министерствомъ въ должности ординарнаго профессора¹⁾.

Николай Васильевичъ былъ дѣятельнымъ членомъ Совѣта, но никогда не принадлежалъ къ сплоченной партіи, потому что обладалъ слишкомъ твердыми, здравыми убѣжденіями и ярко выраженной индивидуальностью, — качествами, которыя не мирятся съ партійной дѣятельностію. Особенно замѣтно выразилась совѣтская дѣятельность Николая Васильевича въ дѣлѣ избранія замѣстителей профессуры и доцентуры по кафедрѣ философіи. Кандидатомъ на профессуру явился весьма извѣстный въ послѣдствіи психологъ М. М. Троицкій, а на доцентуру В. С. Соловьевъ. Факультетъ забаллотировалъ Троицкаго и дѣло поступило на рѣшеніе Совѣта. Нѣсколько профессоровъ и въ томъ числѣ Николай Васильевичъ представили по этому дѣлу свои письменныя заявленія. Николай Васильевичъ въ своей докладной запискѣ подробно разсматриваетъ мнѣніе противной партіи, подчеркивавшей противорѣчіе во взглядахъ Троицкаго

1) Слѣдуетъ еще прибавить, что около этого времени Николай Васильевичъ принималъ дѣятельное участіе въ Обществѣ Распространенія Техническихъ Знаній и особенно въ основаніи и организаціи зарождавшагося въ то время Учебнаго Отдѣла; въ послѣднемъ онъ былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя. Ученый Отдѣлъ въ первый же годъ достигъ значительнаго развитія (насчитывалъ до 500 членовъ), но въ скоромъ времени, вслѣдствіе павѣтовъ нѣкоторыхъ лицъ, предсѣдатель Отдѣла — Стоюнинъ долженъ былъ сложить съ себя это знаніе. Учебный Отдѣлъ два года послѣ этого не проявлялъ своей дѣятельности, и его считали уже погибшимъ; но 8 апрѣля 1875 г. горячая рѣчь Николая Васильевича снова вызвала къ жизни этотъ Отдѣлъ, существующій и по сіе время.

и Соловьева; онъ доказываетъ, что противорѣчія совѣмъ нѣтъ, а есть только различіе во взглядахъ, что даже весьма цѣнно для полнаго освѣщенія преподаваемаго предмета. Это мнѣніе Николая Васильевича повліяло на членовъ Совѣта и оба кандидата были избраны. Въ 1878 г. Николай Васильевичъ былъ избранъ секретаремъ ф.-м. факультета, а въ 1886 г. былъ назначенъ деканомъ. Въ послѣдней должности Николай Васильевичъ оставался до конца жизни, съ небольшимъ перерывомъ въ 2 года, когда онъ былъ сильно боленъ ревматизмомъ.

„Весь этотъ длинный періодъ“, говоритъ проф. Л. К. Лахтинъ, бывший нѣкоторое время секретаремъ ф.-м. факультета, „отмѣченъ непрерывнымъ энергичнымъ участіемъ Николая Васильевича въ дѣлахъ факультета. Нерѣдко случалось, что интересы отдѣльныхъ членовъ сталкивались между собою, возникали горячія пренія, приводившія спорившихъ къ недоувольствію другъ противъ друга. Въ такихъ случаяхъ Николай Васильевичъ былъ незамѣнимымъ деканомъ. Всегда спокойный, но съ нѣкоторымъ юморомъ, объективный, но настойчивый, — Николай Васильевичъ былъ, по собственному его выраженію, пожарный, умѣвшій искусно тушить всякія вспышки гнѣва и раздраженія. Обыкновенно дѣло, грозившее большими непріятностями, кончалось къ общему удовольствію“.

Послѣдніе годы, начиная съ 1890 г., Николай Васильевичъ постоянно былъ назначаемъ предсѣдателемъ государственныхъ испытательныхъ комиссій въ различныхъ университетахъ. Такимъ образомъ ему пришлось быть предсѣдателемъ испытательныхъ комиссій 3 раза въ Одессѣ, 3 раза въ Харьковѣ, 3 раза въ Казани, 2 раза въ С. Петербургѣ, по одному разу въ Кіевѣ и Москвѣ. Вездѣ онъ оставилъ по себѣ добрую память и при отъѣздѣ получалъ выраженіе признательности какъ отъ сочленовъ испытательной комиссіи, такъ и отъ экзаменовавшихся.

За свою многостороннюю научную и педагогическую дѣятельность Николай Васильевичъ былъ избранъ почетнымъ

членомъ Университета Казанскаго и Юрьевскаго ¹⁾, почетнымъ членомъ Общества Любителей Естествознанія, Казанскаго Физико - Математическаго Общества, членомъ - корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительнымъ членомъ Чешскаго Королевскаго Общества въ Прагѣ и многихъ русскихъ ученыхъ обществъ.

Въ прошломъ году, въ концѣ мая, Николай Васильевичъ закончилъ уже свою дѣятельность въ качествѣ декана и председателя государственной комиссіи въ Московскомъ Университетѣ и вечеромъ 28 мая, вернувшись домой, радостно рассказывалъ домашнимъ объ успѣшномъ окончаніи экзаменовъ его учениками. Утромъ 29 мая его уже не стало — приступъ сердечной болѣзни, развившейся у него съ 1902 г., прервалъ кипучую дѣятельность русскаго математика-философа.

1) Юрьевскій Университетъ избралъ Николая Васильевича въ свои почетные члены къ столѣтнему юбилею Университета — 12 декабря 1902 года. Одновременно съ Николаемъ Васильевичемъ былъ избранъ въ почетные члены Ю. У. извѣстный германскій математикъ, профессоръ Эрлангенскаго Университета П. Горданъ.

В. Алексѣевъ.

Къ характеристикѣ гражданскаго права лифляндскихъ крестьянъ.

Мм. Гг.!

Вопросъ о томъ, что значить гражданское право и гдѣ его предѣлы, есть вѣчно юная проблема, унаслѣдованная новымъ міромъ отъ одного изъ корифеевъ римской юриспруденціи, Домиція Ульпіана. Не смотря на цѣлую вереницу болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ и попытокъ, направленныхъ къ тому, чтобы разрубить этотъ Гордіевъ узелъ, она понынѣ не можетъ считаться удачно разрѣшенной! Было время, когда казалось, что ключъ къ этой загадкѣ найденъ. Думали, что частное право обнимаетъ всѣ тѣ правомочія, стѣсненіе которыхъ защищается въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства и что, слѣдовательно, гдѣ не допускается вчинанія иска, тамъ нѣтъ гражданскаго права, а обнаруживается область либо публично-правовыхъ интересовъ, либо простыхъ, бытовыхъ отношеній.

Это несложное, заманчивое по своей кристаллической прозрачности, открытіе сразу обезпечило за его авторомъ, германскимъ ученымъ Августомъ Тономъ (*Rechtsnorm und subjectives Recht*, 1878), славу необычайно талантливаго писателя. Мысли Тона нигдѣ не были встрѣчены съ такимъ неподдѣльнымъ восторгомъ какъ у насъ, хотя справедливость требуетъ признать, что и на родинѣ онъ пользуется большимъ сочувствіемъ, и даже самый выдающійся изъ современныхъ пандектистовъ,

общій учитель нынѣшнихъ нашихъ романистовъ, именитый профессоръ берлинскаго университета Г. Дербургъ находится подъ замѣтнымъ вліяніемъ чарующей его теоріи. (См. Derburg, Pandekten, I, § 21, 1884).

Въ то время, однако, какъ на Западѣ Тонъ на первыхъ же порахъ встрѣтилъ сильную оппозицію, наши присяжные цивилисты съ большимъ увлеченіемъ бросились ему въ объятія, оставаясь глухими ко всѣмъ возраженіямъ, которыя дѣлались и дѣлаются противъ правильности точки зрѣнія Тона. Что это именно такъ и что въ словахъ моихъ не заключается ни малѣйшаго преувеличенія, — въ доказательство этой мысли я ссылаюсь навывшедшіе за иослѣднія двадцать лѣтъ университетскіе курсы русскаго или римскаго гражданскаго права, за очень немногими исключеніями, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести т. н. большой курсъ (къ сожалѣнію еще только начатый) даровитаго казанскаго профессора Г. Ф. Шершеневича. Такъ, напр., Н. Л. Дювернуа („Чтенія по гражд. праву“) слѣд. обр. передаетъ ученіе Тона: „За нарушеніемъ нормы слѣдуетъ извѣстная реакція. Въ массѣ случаевъ такая реакція будетъ исходить непосредственно отъ органовъ, ограждающихъ публичные, общіе, всѣмъ одинаково близкіе интересы. Но возможны условія, гдѣ огражденіе нарушенныхъ нормъ права вовсе не вызываетъ непосредственно такой реакціи. Противодѣйствіе этому нарушенію ставится въ зависимость отъ воли заинтересованныхъ.“ „Не государство защищаетъ меня,“ картинно выражается г. Дювернуа, „въ ту же минуту, когда мнѣ N не заплатилъ долга, займетъ часть принадлежащей мнѣ земли подъ постройку, перейдетъ предѣлы дозволеннаго въ сближеніи съ моею женою. Нормы права, ограждающія силу обязательствъ, неприкосновенность вещныхъ правъ, чистоту семейныхъ нравовъ (?!), существуютъ для всѣхъ и cadaго, но интересъ, ими огражденный, есть въ той мѣрѣ личный для cadaго, что притязаніе къ защитѣ нормы можетъ, безъ всякой опасности для права, быть предоставлено самому заинтересованному. Вотъ этотъ диспозитив-

ный характер ограждения юридических нормъ и опредѣляетъ особенность известной группы нормъ и даетъ имъ свойство частно-правовыхъ.“

Итакъ маститый петербургскій профессоръ слѣпо преклоняется предъ теоріею Тона, не взирая на то, что еще за нѣсколько лѣтъ до появленія его „чтеній“, Дернбургъ (тамъ-же, стр. 47) нашелъ умѣстнымъ подчеркнуть, что 1) не всѣ частно-правныя полномочія допускаютъ отреченіе (*unterliegen dem Verzicht*) и 2) существуютъ публичныя права, отъ которыхъ можно отказаться (напр. отреченіе отъ престола). Но еслибы критеріемъ гражданскаго права дѣйствительно былъ формальный моментъ допустимости частной инициативы въ возбужденіи иска, сфинксъ остался бы всетаки неразгаданнымъ, такъ какъ характеръ требующаго защиты интереса съ этимъ моментомъ, очевидно, часто не будетъ имѣть ничего общаго. Право же положительное не даетъ и даже не можетъ дать достаточныхъ указаній, кому въ каждомъ конкретномъ случаѣ, при нарушеніи нормы, принадлежитъ починъ защиты; а тамъ, гдѣ это опредѣленно выражено, для теоріи Тона получились бы далеко неудобные результаты, могущіе въ корнѣ подорвать къ ней всякое довѣріе. Возьмемъ, ради примѣра, случаи оскорбленія словомъ или дѣйствіемъ. Инициатива защиты принадлежитъ въ нихъ непосредственно заинтересованнымъ, обиженнымъ частнымъ лицамъ. Но слѣдуетъ-ли, поэтому, отнести ихъ къ области гражданскаго права?

Такимъ образомъ очевидно, на сколько рискованно признаніе за формальнымъ моментомъ защиты того рѣшающаго значенія, которое Тонъ и его послѣдователи съ нимъ связываютъ.

Однако, если это такъ и, стало быть, открытіе Тона при тщательной провѣркѣ оказывается, съ догматической точки зрѣнія, несостоятельнымъ, то не будетъ-ли лучше вовсе отказаться отъ этой теоріи и признать, что не существуетъ демаркаціонной линіи между частнымъ и публичнымъ правами, ибо право въ объективномъ смыслѣ, въ какихъ бы нормахъ оно

не выразилось, всегда имѣетъ задачею достиженіе общаго, общественнаго блага. Публичный элементъ, говоритъ проф. А. И. Загоровскій, присущъ всѣмъ институтамъ частнаго права, но въ однихъ онъ преобладаетъ больше, въ другихъ — меньше. Только г. Загоровскій, какъ и слѣдовало ожидать отъ профессора гражданскаго права, отсюда не выводитъ отрицанія гражданскаго права. Другіе въ этомъ отношеніи ноступаютъ гораздо радикальнѣе. Если, говорятъ они, все право существуетъ для общаго блага и достиженія нравственныхъ задачъ общежитія, то въ такомъ случаѣ нечего стѣсняться съ текстами римскаго права, съ этимъ основнымъ положеніемъ не согласующимися. И въ этомъ модномъ стремленіи (напоминаю, кстати, также о т. н. охотѣ за интерполяціями, на которой многіе сдѣлали ученую карьеру!) знаменитыя слова Ульпіана (1 § 2 D 1, 1: *Publicum jus est quod ad statum rei Romanae spectat, privatum quod ad utilitatem singulorum pertinet*) этими буревѣстниками объявлены были за мимолетную мысль, которой авторъ, какъ увѣряютъ эти сердцевѣды, практическаго значенія не придавалъ.

И всетаки принципиальная важность занимающаго насъ дѣленія права не подлежитъ сомнѣнію.

Выдѣленіе права частнаго, какъ оно понимается нынѣ, справедливо замѣтилъ сенаторъ С. В. Пахманъ (См. журналъ гр. и уг. пр., 1884 г., VII), есть необходимое слѣдствіе появленія политической, государственной жизни. Съ этихъ поръ вмѣсто прежняго неограниченнаго господства частное сводится къ обособленію своихъ интересовъ. Теоретическое же выраженіе эта дифференціація права впервые нашла не въ Римѣ, какъ думаютъ обыкновенно, но уже въ древней Греціи. Дѣленіе права на частное и публичное извѣстно было еще Аристотелю (*Rhetorica*, I, 13,) который, какъ Августъ Тонъ въ наши дни, основываетъ его на моментѣ нарушенія.

И дѣйствительно: именно въ этотъ моментъ преимущественно обнаруживается характеръ защищаемыхъ отношеній. Но къ несчастію для теоріи и къ счастью для общежитія

такія патологическія явленія не составляютъ общаго правила. Поэтому только полная характеристика отдѣльныхъ отношеній, но не тотъ или иной единичный признакъ — какъ, напр., требованіе имущественности или переводимости на деньги, какъ того хотѣлъ покойный Д. И. Кавелинъ — даетъ основаніе къ отнесенію ихъ къ области публичнаго или частнаго права.

Такимъ образомъ нашъ вопросъ, какъ думается мнѣ, естественно расчлениется на два вопроса въ зависимости отъ того, будемъ-ли мы разсматривать его съ точки зрѣнія догмы или *de lege ferenda*, съ точки зрѣнія политики права. Несомнѣнно, что будущее гражданское право должно будетъ проникнуться въ значительно большей степени чѣмъ нынѣшнее альтруистическими или, вѣрнѣе, народно-хозяйственными началами, и когда это осуществится, тогда только будетъ положенъ предѣлъ Ницшеанскому *Übermensch'u*, который не встрѣчаетъ препятствій въ пропитанномъ чрезмѣрнымъ индивидуализмомъ правѣ. Что именно будетъ признано надежною „частною станціею“ распределенія народнаго дохода (выраженіе Л. І. Петражицкаго), вопросъ будущей, быть можетъ, очень отдаленной отъ насъ соціальной эволюціи. Но несомнѣнно, что со временемъ рѣшеніе загадки о предѣлахъ гражданскаго права утратитъ значительную степень трудности.

2.

Въ видахъ лучшаго пониманія основныхъ моментовъ въ историческомъ развитіи системы частнаго права лифляндскихъ крестьянъ необходимо, прежде всего, обозначить поле наблюденій. Съ этою цѣлью я и позволилъ себѣ занять ваше вниманіе вопросами общаго свойства, проблемою о томъ, что значитъ гражданское право.

Въ области, къ обзору которой мы теперь переходимъ, частно — и публично — правовые интересы находятся между собою въ особенно близкомъ соприкосновеніи и такъ тѣсно между собою связаны, что разграниченіе ихъ точною демаркаціонною чертою — въ высшей степени трудно. Ради

общественнаго блага и для достиженія нравственныхъ задачъ общежитія законодателю пришлось окупать здѣсь многія отношенія, сами по себѣ частнаго характера, публично-правнымъ покровомъ; какіе же получились отъ этого результаты, мы этотъ вопросъ пока оставляемъ открытымъ.

Дѣйствующіе законы о лифляндскихъ крестьянахъ вообще производятъ впечатлѣніе какой-то пестрой мозаики, состоящей изъ элементовъ плохо согласованныхъ между собою, относящихся къ различнымъ историческимъ эпохамъ и кажущихся чѣмъ-то неготовымъ, нестройнымъ, разрозненнымъ и остановившимся въ своемъ развитіи. Множество неясностей, противорѣчій, недомолвокъ и, что еще хуже, историческихъ пережитковъ, сохраненіе которыхъ не можетъ быть оправдано сколько-нибудь основательно, довершаетъ характеристику этого законодательства.

Упомянуть-ли о причинахъ этого явленія? Аграрные порядки нигдѣ не утвердились безъ борьбы. Но въ Лифляндіи эта борьба была особенно продолжительна. Какъ результатъ тянувшагося шесть вѣковъ процесса умиротворенія противоположающихся элементовъ, положеніе 1860 г. мало удовлетворительно. Не задача нынѣшней бесѣды нашей шагъ за шагомъ прослѣдить этотъ процессъ. Интересующихся этимъ вопросомъ я отсылаю къ обстоятельно написаннымъ очеркамъ г. Башмакова („Очерки поземельнаго устройства прибалтійскихъ крестьянъ“, помѣщ. въ Журналѣ СПБ. Юридическаго Общества, 1895, VI, стр. 1—66). Для нашей цѣли достаточно будетъ коснуться этой темы лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Ниже мы увидимъ, какъ неблагопріятна была почва для образованія нормъ гражданскаго права, регулирующихъ взаимныя частныя отношенія крестьянъ, въ періодъ наибольшаго стѣсненія ихъ личности. Можно считать установленнымъ, что къ концу 14 столѣтія процессъ закрѣпощенія мѣстныхъ крестьянъ завершился (Bunge, *Gesch. Entwicklung der Standesverhältnisse*, стр. 7). Съ тѣхъ поръ въ ихъ рукахъ могли находиться земельные участки только на пре-

карныхъ началахъ и то лишь фактически, а не на основаніи права. Но воспоминанія о лучшихъ временахъ, когда туземное населеніе пользовалось правомъ собственности на землю (Генрихъ Латышскій, см. его хронику въ „*Origines Gruberi*“, стр. 34, и „*Mittler. Livl. Ritter-Recht*“, гл. 89—95 даютъ основаніе заключить, что крестьянская поземельная собственность продолжала существовать до 14 стол. (Срв. *Helmersen, Geschichte des Livl. Adelsrechts*, § 61), не исчезали изъ памяти обездоленныхъ, служа причиною безпрестаннаго броженія. Поэтому введеніе шведскимъ правительствомъ въ 1680 г. оцѣночныхъ правилъ, долженствовавшихъ нормировать крестьянскія повинности, было настоящимъ актомъ государственной мудрости. Правда, эти правила вскорѣ пришли въ забвеніе, утративъ на время свою практическую силу, такъ какъ при воссоединеніи Лифляндіи съ Россією заинтересованныя сферы благоразумно воздержались отъ обнаруженія ихъ; да вообще детали быта мѣстнаго крестьянства въ ту пору не такъ занимали центральную власть, всецѣло озабоченную устройеніемъ края *en gros*. Позднѣе, впрочемъ, дѣлалось нѣсколько попытокъ къ улучшенію быта крестьянъ; но главный толчекъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ безспорно знаменитому ректору дерптскаго университета, швейцарцу Парроту. Вліяніемъ этого благороднаго дѣятеля на императора Александра Павловича объясняется рѣшительный поворотъ въ аграрной политикѣ остзейскаго края, благодаря которому лифляндскому дворянству приказано было безотлагательно приступить къ выработкѣ проекта положенія о крестьянахъ. Однако, не взирая на то, что въ Ригѣ находился подъ спудомъ готовый проектъ поземельнаго уложенія, составленный по повелѣнію императрицы Екатерины II, казалось, что выработка новаго проекта затянется на долго, — что, вѣроятно, и случилось бы, если бы это дѣло не было сосредоточено въ С.-Петербургѣ.

Выработанный проектъ 20 февраля 1804 г. удостоился Высочайшаго утвержденія. Въ немъ признано было неотъ-

емлемое право крестьянъ на наследственное владѣніе отведенными имъ земельными участками, обложенными точно опредѣленными повинностями на основаніи т. н. вакенбуховъ, т. е. уставныхъ грамотъ. Тогда же крестьяне приобрѣли право покупать, продавать и наследовать поземельную собственность. Къ этому надо еще прибавить, что вся предоставленная въ пользованіе крестьянъ земля объявлена была неприкосновенною, такъ что присоединеніе ихъ къ господскимъ угодьямъ, къ мызамъ строго возбранялось. (Замѣтимъ, кстати, что этимологическое объясненіе слова „вакъ“ до сихъ поръ составляетъ открытый вопросъ. Вѣроятно, что выраженіе это ведетъ свое начало отъ эстонскаго слова „wak“, что означаетъ мѣру зерна. Подъ ваками во времена Ливонскаго Ордена подразумѣвались такія рыцарскія имѣнія, въ составъ которыхъ входило по нѣсколько деревень и множество крестьянскихъ дворовъ. Ваками назывались также сборы и подати, взимавшіеся съ крестьянъ въ пользу вотчинниковъ и, наконецъ, сроки, въ которые эти сборы подлежали платежу. Объ этомъ см. весьма цѣнный трудъ г. Тобина, *die Agrargesetzgebung Livlands im 19 Jahrh.*, т. I, 1899, стр. 57, примѣч. 2).

Положеніе 1804 г. несомнѣнно явилось крупнѣйшимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ разрѣшенія аграрнаго вопроса въ Лифляндіи. Важнѣйшій упрекъ, который можетъ быть посланъ по адресу этого положенія, это — то, что оно слишкомъ рѣзко старалось оправдать правило: *beati possidentes!* Устроенною оказалась только незначительная часть крестьянства, большинство же: бобыли и батраки очутились въ положеніи настоящихъ пасынковъ. Впрочемъ въ 1809 г. послѣднимъ отведены были мелкіе участки. Весьма понятно, что вновь созданный порядокъ не находилъ сочувствія среди владѣльческаго класса. Заиретъ по своему усмотрѣнію увеличивать барщину, въ связи съ отсутствіемъ свободнаго труда очень затруднялъ прежнюю систему веденія хозяйства, въ виду чего расчеты на постепенное повышеніе доходности въ большинствѣ случаевъ стали несбыточными. Вотъ почему трудовая

стремленія мѣстныхъ помѣщиковъ съ этого времени направляются къ тому, чтобы, пользуясь шумомъ великихъ міровыхъ событій начала истекшаго столѣтія, добиться — если не права — то по крайней мѣрѣ фактической возможности расширенія барщинныхъ работъ. Въ общемъ, однако, эти домогательства успѣхомъ не увѣнчались. Въ эту пору произошло событіе, которое имѣло рѣшающее значеніе для дальнѣйшаго хода развитія лифляндскаго крестьянскаго законодательства: „Мучительный призракъ шведской аграрной политики, вставшій будто изъ могилы съ напоминаніемъ о неоплатномъ долгѣ“ въ 1811 г. заставилъ эстляндское дворянство войти къ правительству съ ходатайствомъ объ освобожденіи крестьянъ губерніи отъ крѣпостной зависимости, но при условіи оставленія за дворянами полного права собственности и неограниченнаго права распоряженія всею помѣстною землею. Мысль о раскрѣпощеніи въ ту эпоху носилась въ воздухѣ и при томъ о раскрѣпощеніи на началахъ, діаметрально противоположныхъ тѣмъ, которые были изобрѣтены эстляндскими „освободителями.“ Въ результатѣ ненавистный законъ 1804 г. уступилъ мѣсто положенію 1819 г., по которому, подобно тому какъ крестьянамъ въ Эстляндіи въ 1816 и въ Курляндіи въ 1817 г., лифляндскимъ крестьянамъ дарована была личная свобода безъ надѣленія ихъ землею. Мы уже видѣли, что этимъ положеніемъ дворянству предоставлено было полное право собственности на помѣстную землю; право по взаимному соглашенію съ крестьянами опредѣлять размѣръ барщинныхъ повинностей, а при отсутствіи подобнаго соглашения удалять ихъ изъ усадебъ довершило печальную фазу, въ которую отнынѣ вступилъ крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи. Къ этому присоединилось дѣленіе земель на податныя и неподатныя, слѣдствіемъ чего было полное переложеніе всѣхъ повинностей на изнемогавшее подъ гнетомъ тяжести ихъ крестьянство. Изданныя затѣмъ семьдесятъ семь дополнительныхъ правилъ, между прочимъ, возстановившихъ силу вакенбуховъ, были только слабымъ палліативомъ, который не могъ

оживить этотъ мертворожденный, съ точки зрѣнія разумной и справедливой аграрной политики, законъ. Новое аграрное и крестьянское уложеніе (Livl. Agrar- u. Bauergesetzbuch) 1849 г. имѣло задачей исправленіе ирежнихъ ошибокъ, удовлетворяющее требованіямъ противоборствующихъ элементовъ. Основныя начала этого уложенія, являющагося особенно важнымъ потому, что нынѣ дѣйствующее въ лифляндской губерніи крестьянское положеніе есть только неточная копія его, заключаются въ слѣдующемъ :

1) Помѣщику предоставлено было право во всякое время превратить барщинно-оброчныя повинности въ денежно-оброчныя, размѣръ которыхъ поставленъ былъ въ зависимость отъ взаимнаго соглашенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Но всякому хорошо извѣстно, что значить „взаимное соглашеніе“ между сытымъ и голоднымъ, особенно же когда, какъ въ данномъ случаѣ, непринятіе условій было равносильно изгнанію арендатора изъ усадьбы. Впослѣдствіи, впрочемъ, издѣльныя и смѣшанныя повинности съ арендаторовъ были запрещены (съ 23 апрѣля 1868 г.);

2) помѣщики обязаны пользоваться опредѣленною частью помѣстныхъ податныхъ дачъ (см. выше), т. н. повинностною землею „не иначе какъ посредствомъ отдачи въ оброчное содержаніе или продажи оной членамъ крестьянскихъ волостныхъ обществъ,“ при чемъ пространство этой земли должно было равняться совокупности участковъ, отведенныхъ въ началѣ столѣтія въ пользованіе крестьянъ. Въ то же время 3) „извѣстная доля пространства, при регулированіи названнаго въ совокупности крестьянскою землею и доселѣ во владѣніи крестьянъ состоящаго, присоединяется къ мызной землѣ“. Эта доля составляла на каждый гакъ (т. е. 80 талеровъ земли) 36 лофштелей пашни съ соотв. количествомъ выгона и луговъ.

Насъ завело бы слишкомъ далеко, еслибы мы пожелали подробно разсмотрѣть исторію этой „извѣстной доли пространства, при регулированіи (случайно-ли?) названнаго въ сово-

купности крестьянской земле.“ Скажемъ только, что судьба этой отобранной у крестьянъ земли пока еще *in pendent*. Изданный по этому поводу указъ 18 февраля 1893 г. объ обращеніи квоты къ законному ея назначенію все еще ждетъ надлежащаго исполненія.

Уложеніе 1849 г. было введено въ видъ опыта на шесть лѣтъ. Расчеты и надежды владѣльческаго класса оно вполнѣ оправдало, тѣмъ болѣе, что открывало полную возможность продавать повинностные участки не только лицамъ крестьянскаго сословія, которыя, казалось бы, одни лишь могли претендовать на это, но кому угодно, незамѣтно расширяя въ этомъ отношеніи ионятіе мѣстнаго волостного общества въ понятіе волости всесословной, что едвали соотвѣтствовало первоначальнымъ намѣреніямъ законодателя. Во всякомъ случаѣ опытъ уложенія 1849 г. признанъ былъ столь удачнымъ, что новый проектъ, представленный лифляндскимъ ландтагомъ, есть ни болѣе ни менѣе какъ слегка модифицированный снимокъ уложенія 1849 г. Незабвенный періодъ, подготовлявшій почву великимъ реформамъ шестидесятыхъ годовъ, не возымѣлъ ни малѣйшаго вліянія на выработку положенія о лифляндскихъ крестьянахъ 1860 г.

Если я выше замѣтилъ, что дѣйствующіе законы о мѣстныхъ крестьянахъ иредставляютъ какую-то пеструю мозаику, то, въ частности, примѣнительно къ только-что названному положенію, я долженъ еще прибавить, что это въ полномъ смыслѣ слова законодательная развалина. Въ самомъ дѣлѣ, хоронѣ кодексъ, въ которомъ свыше 700 статей оказываются отмѣненными, замѣненными или измѣненными и изъ 1140 статей его въ силѣ осталось только около трети?! Но и отъ этой трети немногое бы уцѣлѣло отъ ударовъ самой скромной научной критики!

Наиболѣе крупныя измѣненія въ узаконеніяхъ объ устройствѣ быта мѣстныхъ крестьянъ произведены были иоложеніемъ о волостномъ общественномъ управленіи 19 февраля 1866 г., правилами объ общественномъ благосостояніи въ волостяхъ

Остз. губ. 11 іюля 1866 г. и положеніемъ о преобразованіи крестьянск. ирис. мѣстъ (волостной уставъ). Судебная реформа въ здѣшнемъ краѣ, конечно, дала блестящіе результаты, которые сказались также на бытѣ крестьянъ. Но, не охватывая самыхъ существенныхъ сторонъ матеріальнаго законодательства, она, по справедливому замѣчанію г. Башмакова, „оказалась одностороннею“, ибо безъ измѣненія матеріальнаго закона „даже улучшенная юстиція не въ силахъ дать народнымъ массамъ матеріальную справедливость“. Потому-то нынѣ, на зарѣ грядущихъ трудовъ по крестьянскому вопросу, самъ собою напрашивается на очередь вопросъ о своевременности новой кодификаціи также и мѣстныхъ крестьянскихъ узаконеній, кодификаціи, соотвѣтствующей требованіямъ матеріальной правды и устраняющей, насколько это достижимо, нынѣшніе неясности, противорѣчія и пробѣлы.

3.

Итакъ, Мм. Гг., я старался въ главныхъ чертахъ охарактеризовать предъ вами ту публичную, юридическую атмосферу, среди которой мѣстному крестьянству, на отдѣльныхъ ступеняхъ развитія его соціального быта, приходилось завязывать, осуществлять, а гдѣ нужно, охранять частно-правовыя отношенія не только между собою, но и съ помѣстнымъ классомъ. Тѣсная связь между указанными двумя областями права заставила насъ предпослать изложенную замѣтку спеціальному предмету нынѣшней бесѣды.

Мы не ошибемся, если станемъ утверждать, что кодифицированное гражданское право лифляндскихъ крестьянъ носить въ высшей степени искусственный, лишенный всякой самобытности отпечатокъ. Подобный отзывъ объ этой кодификаціи находитъ себѣ подкрѣпленіе въ вышедшемъ въ 1862 г. офиціальномъ историческомъ обзорѣніи мѣстнаго права, гдѣ, между прочимъ, указывается, что частныя крестьянскія права населенія мало примыкаютъ къ прежнимъ правамъ (стр. 212). Составитель этого историческаго очерка, извѣстный балтій-

скій юристъ Бунге, какъ-бы въ оправданіе этой исторической безпочвенности „кодифицированнаго“ (тѣмъ не менѣе) крестьянскаго частнаго права, подчеркиваетъ то обстоятельство, что до появленія этого кодекса общихъ, связующихъ всѣхъ крестьянъ края юридическихъ началъ частно-правнаго характера не было. Справедливость этой мысли, оспариваемая нѣкоторыми писателями, напр. г. Шёлеромъ (*Baltische Monatschrift*, 1902), не требуетъ пространныхъ доказательствъ, потому что ходъ историческаго развитія событій въ краѣ въ достаточной мѣрѣ объясняетъ, почему господствовавшія когда-то среди населенія правовоззрѣнія, при полномъ обезличеніи его, должны были почти окончательно заглухнуть.

Обратимся къ рассмотрѣнію кодифицированнаго частнаго права лифляндскихъ крестьянъ. Оно втиснуто во вторую книгу Высочайше утв. 13 ноября 1860 г. положенія, въ качествѣ главы II раздѣла 2-го. Глава эта обнимаетъ всего 90 нормъ (§§ 938—1028), которыми, однако, правила, опредѣляющія частно-юридическія отношенія крестьянъ, не исчерпываются, такъ какъ въ числѣ прочихъ постановленій названнаго положенія насчитывается до ста двадцати постановленій, имѣющихъ прямое отношеніе къ гражданскому обороту крестьянъ. Тѣмъ не менѣе большая часть частно-правныхъ интересовъ ихъ осталась бы безъ всякой юридической нормировки, если бы не § 938, который спѣшитъ предупредить о томъ, что „въ случаяхъ, о которыхъ въ семъ положеніи не упомянуто, слѣдуетъ руководствоваться прежними узаконившимися обычаями, мѣстными и общими государственными узаконеніями“. Но такъ какъ роль обычнаго права въ мѣстномъ, крестьянскомъ юридическомъ быту, какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ (см. мою статью „необходима-ли отдѣльная кодификація гражданскаго права крестьянъ,“ напечат. въ „Юридической Газ.“ №№ 68—69 (1903 г.), крайне ограничена, то и понятно, почему первенствующее значеніе, въ качествѣ права вспомогательнаго, получили именно мѣстныя некрестьянскія узаконенія, какъ это, въ частности, признано было, примѣ-

нительно къ мѣстнымъ земскимъ правамъ, и въ отд. XII введенія къ своду гражданскихъ узаконеній остз. губерній 1864 г.

Скудость историко-юридическихъ свѣдѣній не даетъ возможности прослѣживать лифляндское крестьянское право въ его древнѣйшихъ зачаткахъ и дальнѣйшемъ, постепенномъ развитіи. О существованіи у туземцевъ края извѣстныхъ юридическихъ правилъ, нормъ обычнаго права, можно судить по хроникѣ Генриха Латышскаго и другимъ источникамъ, отчасти по тѣмъ, правда, очень немногочисленнымъ отголоскамъ, которые сохранились, какъ давно забытыя мелодіи, въ обычаяхъ современныхъ эстонцевъ и латышей. Въ этихъ указаніяхъ открываются слѣды существованія и признанія лично-семейственныхъ и имущественныхъ правъ, при чемъ въ гражданскомъ оборотѣ мѣна, какъ особенно доступная наивному юридическому мышленію (см. М. Гредингеръ, опытъ изслѣдованія безыменныхъ договоровъ, стр. 32, 104), играла самую важную роль.

Было бы естественно ожидать, что въ древнѣйшихъ памятникахъ лифляндскаго права заключаются извѣстныя позаимствованія изъ права лишеннаго своей самостоятельности туземнаго населенія. Какъ извѣстно (Кенигсбергскій орденскій архивъ) при первомъ рижскомъ епископѣ, Альбертѣ, составлено было т. н. Ливское крестьянское право. Далѣе, мы узнаемъ, что это право въ 1267 г. распространено было на только-что передъ тѣмъ покоренныхъ куровъ.

Не въ этомъ-ли сборникѣ намъ искать слѣдовъ обычнаго права туземнаго населенія? Однако встрѣчаемая въ немъ древне-германская такса буссъ, совмѣщавшая двойную функцію наказанія и удовлетворенія потерпѣвшаго, какъ еще замѣтилъ покойный профессоръ мѣстнаго университета О. Шмидтъ (*Rechtsgeschichte Liv.- Est.- u. Curl.*, стр. 118), свидѣтельствуемъ о томъ, что въ основаніе Ливскаго сборника едвали было положено обычное право туземнаго населенія Среди постановленій Ливскаго права особенное вниманіе обыкновенно останавливаетъ на себѣ правило, касающееся самовольнаго

оставленія работникомъ своего господина. Оно гласитъ (цитирую по изданію Paucker'a, *Sammlung der Rechtsquellen Liv.- Est.- u. Curl.*, стр. 87—91): *So soll er (т. е. слуга) seinen Lohn verloren haben und soll nicht herechnet seyn die Zeit, die er seinem Herrn gedient hat.* Съ нѣкоторою натяжкою за этимъ (41) постановленіемъ можно признать гражданско-правовое значеніе, хотя штрафной элементъ, установленный въ пользу господствующаго класса, явно указываетъ на то, что и здѣсь не существуетъ связи съ древнимъ обычнымъ нравомъ туземцевъ. Не болѣе замѣтно вліяніе послѣдняго на другихъ древнѣйшихъ памятникахъ мѣстнаго права: переработкѣ Ливскаго крестьянскаго права 1329 г. и на крестьянскомъ правѣ, составляющемъ IV книгу Викъ-Эзельскаго леннаго права (впрочемъ, это — работа частнаго происхожденія; см. Erdmann, *Provincielle Rechtsgeschichte*, лекціи).

Къ концу 14 столѣтія, какъ я сказалъ, процессъ закрѣпощенія мѣстнаго населенія завершился. Погибли-ли вмѣстѣ съ свободою и поземельною собственностью также интуитивныя нормы права? Вопросъ — щекотливый и при наличномъ запасѣ историческихъ свѣдѣній до крайности трудный. Одно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: нормы эти должны были отличаться необычайною шаткостью, такъ какъ охрана ихъ основывалась на полномъ произволѣ господина, только отчасти сдерживаемомъ экономическимъ расчетомъ. Такимъ образомъ регуляторъ частно-правовыхъ отношеній долженъ былъ поневолѣ принять преимущественно фидуціарный характеръ, чуждый постояннаго элемента принужденія. Въ результатѣ вмѣсто единства въ правѣ получилось крайнее разнообразіе его, отмѣченное впоследствии однимъ изъ видныхъ изслѣдователей балтійской старины (Samson, *histor. Versuch über die Aufhebung der Leibeigenschaft*) и признанное лифляндскимъ ландтагомъ 1803 г. причиною невозможности составленія общаго для всѣхъ крестьянъ губерніи гражданского уложенія („zu verschieden nach dem Lokal“).

Первая кодификація лифляндскаго гражданскаго крестьянскаго права обязана своимъ происхожденіемъ частной инициативѣ и имѣла лишь ограниченное значеніе. Въ 1764 г. владѣлецъ имѣній Ашераденъ и Рёмерсгофъ, фонъ-Шоульцъ, освободивъ своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, составилъ для нихъ небольшой сводъ нормъ гражданскаго права. „Барская затѣя“ этого благороднаго дѣятеля, какъ и надо было ожидать, вызвала раздраженіе въ правящихъ сферахъ мѣстнаго края. „Затѣя“, однако, не осталась безъ вліянія на позднѣйшую кодификацію частнаго крестьянскаго права. (Объ этомъ сводѣ: Transehe, Gutsherr u. Bauer, 1890, стр. 152).

Мы уже видѣли, что почва для формулировки понятій о частныхъ правахъ крестьянъ, вплоть до 19 столѣтія, была крайне неблагоприятна въ виду полного порабощенія ихъ личности и неограниченной патримоніальной власти. Такая формулировка могла явиться только какъ результатъ продолжительной борьбы противоположныхъ интересовъ, точно опредѣлившій для крестьянъ извѣстную мѣру индивидуальной свободы. Поэтому встрѣчающіяся въ положеніи 1804 г., созданнаго для крѣпостнаго населенія (г. Тобинъ въ вышеприведенномъ трудѣ, стр. 268—269, опираясь на разсужденіе Knapp'a, die Bauernbefreiung u. der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens, I, находитъ, что положеніе 1804 г. уже покончило съ крѣпостнымъ правомъ, замѣнивъ его болѣе смягченною формою зависимости, „Erbunterthänigkeit“; но это субъективное мнѣніе автора, опровергаемое п. 1 именнаго указа, даннаго сенату 26 марта 1819 г., изъ котораго видно, что лифляндское дворянство отрекается отъ всѣхъ правъ своихъ на крѣпостную и наслѣдственную зависимость крестьянъ, — не можетъ быть принято на вѣру), нормы гражданскаго права очень ограничены не только количественно, но — что гораздо важнѣе — и по содержанію. Крестьянамъ даровано было право собственности на движимыя вещи, право приобрѣтать посредствомъ купли находившіяся

въ ихъ владѣніи земельные участки, право свободного вступленія въ бракъ, безъ разрѣшенія помѣщика ; далѣе, право продавать, закладывать, дарить и завѣщать свое имущество. Въ то же время урегулированы были отношенія, вытекающія изъ найма въ услуженіе и нѣк. другія. Для разрѣшенія же споровъ между крестьянами вызванъ былъ къ жизни особый крестьянскій судъ (§ 79), состоявшій изъ трехъ членовъ, одинъ изъ которыхъ назначался помѣщикомъ. Судъ этотъ поставленъ былъ (§ 95) въ трудное положеніе руководствоваться преимущественно мѣстными обычаями, искони соблюдавшимися и получившими какъ-бы силу законовъ.

Во 2-ой книгѣ части II положенія 26 марта 1819 г. частное право лифляндскихъ крестьянъ получило довольно систематическое выраженіе. Послѣ вводнаго § 351, названная книга въ пяти главахъ излагаетъ спеціальное крестьянское гражданское право. Ея система близко подходитъ къ той, которая впоследствии повторена была въ сводѣ гражданскихъ узаконеній губерніи остзейскихъ и давно уже пользовалась симпатіями мѣстныхъ юристовъ, почему замѣчаніе проф. Шершеневича (курсъ гражд. права, томъ I, вып. 2, стр. 441), будто система балтійскаго свода „приближена“ была къ системѣ т. X, ч. 1, представляется нѣсколько апріорнымъ. Въ частности, все гражданское право лифляндскихъ крестьянъ въ указанной книгѣ положенія 1819 г. расположено такимъ образомъ : I глава — о бракѣ и незаконнорожденныхъ дѣтяхъ (§§ 352—369) ; II глава — объ опека и попечительствѣ (§§ 370—388) ; III глава — о правѣ собственности (§§ 389—398) ; IV глава — о правѣ наслѣдства (§ 399), а именно а) о наслѣдованіи безъ завѣщанія (§§ 400—420), б) о наслѣдованіи по завѣщанію (§§ 421—438) и в) о дарственныхъ записяхъ (§§ 439—444). V глава — о договорахъ (§§ 445—447) и, въ частности, а) о наймѣ въ услуженіе (§§ 448—478), б) объ арендномъ договорѣ (§§ 479—497).

Если мы сравнимъ съ этимъ перечнемъ гражданско-правовыхъ нормъ нынѣ дѣйствующее частное право лифляндскихъ крестьянъ, какъ оно изображено въ §§ 938—1028 положенія 1860 г.,

то прежде всего бросится въ глаза то обстоятельство, что весь отдѣлъ о договорныхъ обязательствахъ въ спеціальной главѣ о частномъ правѣ по положенію 1860 г. опущенъ. Постановленія о договорѣ найма въ служеніе въ новой кодификаціи были перенесены въ §§ 349—394, изъ которыхъ многіе, напр. §§ 358—366, 372, 381 отмѣнены послѣдующими узаконеніями; правила объ арендѣ и арендныхъ контрактахъ также фигурируютъ только въ отдѣлѣ о публичномъ правѣ. Много-ли отъ этой перестановки выигралъ собственно гражданскій кодексъ крестьянъ? Нисколько: въ отношеніи систематизаціи онъ несомнѣнно уступаетъ редакціи 1819 г.

Въ виду ограниченности времени, отведеннаго мнѣ для собесѣдованія съ вами, м. м. г. г., я лишенъ возможности представить полное догматическое изложеніе дѣйствующаго гражданскаго права лифляндскихъ крестьянъ. Я позволю себѣ, поэтому, остановиться только на наиболѣе интересныхъ, въ моихъ глазахъ, отдѣлахъ этого права, настоятельно требующихъ законодательной поправки.

Двумя вопросами, прежде всего, займу ваше благосклонное вниманіе: 1) положеніемъ внѣбрачныхъ дѣтей и 2) опекою и попечительствомъ по лифляндскому крестьянскому праву. Извѣстенъ афоризмъ Савиньи, что бракъ только одною стороною входитъ въ область права: другая сторона его относится къ міру нравственности (Savigny, vom Beruf unserer Zeit, стр. 46). Поэтому разсмотрѣніе института брака внѣ связи съ опредѣляющими его моральными элементами никогда не дастъ полной и достаточно яркой картины его сущности и значенія. Формальныя опредѣленія брака, даваемыя положительными законодательствами, захватываютъ только нѣкоторыя, характерныя его признаки, такъ что къ брачному праву особенно приложимо старинное правило: „*omnis definitio juris periculosa est.*“ То же надобно сказать о союзѣ между родителями и дѣтьми. И здѣсь опредѣленія права оказываются далеко не исчерпывающими содержанія этого уста-

новленія. Отношенія между родителями и дѣтьми, какъ выразился нашъ талантливый цивилистъ старой школы Д. И. Мейеръ, (см. его курсъ, стр. 601, изд. 1873) „основываются преимущественно на любви родителей къ дѣтямъ, любви невольной, безсознательной, чуждой всякаго разсчета.“ „Точно также и дѣти, по закону природы любятъ своихъ родителей, а по закону нравственному — сознаютъ себя обязанными по отношенію къ нимъ“ (тамъ-же, стр. 602). Но эта внутренняя, интимная сторона разсматриваемыхъ отношеній окружена извѣстною внѣшнею оболочкою, поддающеюся юридической нормировкѣ, при помощи которой обозначается та грань, переступленіе которой влечетъ за собою опредѣленные правовыя послѣдствія. Въ подобной нормировкѣ ощущается тѣмъ большая потребность, что 1) основанная на физиологическомъ законѣ взаимная привязанность родителей и дѣтей не только не всегда выражается одинаково сильно, но часто допускаетъ уродливыя уклоненія отъ обычнаго типа и 2) законъ нравственности, лишенный элемента принужденія въ видѣ угрозы страданіемъ на случай нарушенія его, недостаточно обезпечиваетъ нормальныя отношенія между родителями и дѣтьми.

Къ числу аномалій, могущихъ претендовать на усиленное вниманіе законодателя, въ особенности принадлежатъ обычныя отношенія между внѣбрачными дѣтьми и ихъ родителями, такъ какъ вліяніе законовъ нравственности въ этихъ отношеніяхъ обнаруживаются значительно слабѣе чѣмъ въ освященномъ публичнымъ правомъ союзѣ между родителями и дѣтьми. Между тѣмъ установленіе болѣе тѣсной связи между т. н. незаконнорожденными (не велѣно имъ появляться на свѣтъ Вожіи!) и семьею — вопросъ общественной совѣсти, дѣло государственной мудрости, какъ на это въ свое время энергически указывалъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ и даровитыхъ нашихъ юристовъ, покойный профессоръ К. Д. Кавелинъ. Правило, убаякивающее общественную совѣсть, „*mater semper certa est*“, превращается въ жестокою насмѣшку надъ дѣвками-матерями (*fille-mère*), покинутыми своими соблазнительями!

Поэтому нельзя не отозваться съ похвалою о тѣхъ законодательствахъ, по которымъ юридическая связь между родившимся внѣ брака ребенкомъ и его отцомъ основывается на вытекающемъ изъ самаго закона обязательствѣ. На такой именно почвѣ стоятъ, между прочимъ, гражданскія узаконенія губерній прибалтійскихъ и крестьянское положеніе 1860 г. Внѣбрачнымъ дѣтямъ послѣднее посвятило четыре специальныхъ §§ (948—949 ; 990—991). Но такъ какъ ими нормируются далеко не всѣ, возникающія по поводу рожденія внѣбрачнаго ребенка отношенія и послѣдствія, то, согласно общему правилу, изложенному въ § 938 положенія, и въ соотвѣтствіи съ отд. XII введенія къ своду мѣстныхъ гражданскихъ узаконеній, необходимо допустить въ этихъ случаяхъ, въ качествѣ субсидіарнаго права, лифляндскія земскія права и постановленія названнаго свода (см. указъ Лиф. губ. прав. 1896 г. № 61).

Было-бы напраснымъ трудомъ искать историческаго происхожденія приведенныхъ четырехъ §§ крестьянскаго положенія 1860 г. въ глубокой старинѣ. Они перенесены туда изъ положенія 1819 г. (§§ 948—949 соотвѣтствуютъ §§ 365—366 этого изданія). Но въ положеніи 1819 г. встрѣчается одно постановленіе, имѣющее отношеніе къ внѣбрачнымъ дѣтямъ, котораго нѣтъ въ дѣйствующемъ правѣ. Это — § 364, гласящій: „Дѣти, внѣ брака отъ лифляндской крестьянки рожденныя, получаютъ званіе своей матери. Буде же отецъ ихъ женится на ихъ матери, то они пріобрѣтаютъ чрезъ то право законныхъ дѣтей и вступаютъ въ званіе своего отца“. Этимъ постановленіемъ опредѣлялось 1) положеніе внѣбрачныхъ дѣтей на случай невступленія родителей ихъ въ бракъ между собою и 2) т. н. *legitimatio per subsequens matrimonium*. За невоспроизведеніемъ означеннаго § положенія 1819 г. въ кодификаціи 1860 г. практикѣ пришлось прибѣгать, въ подлежащихъ случаяхъ, къ помощи субсидіарнаго права. Такимъ образомъ и въ виду того, что незаконнорожденные вообще приписываются къ сельскимъ и

городскимъ обществамъ, установилось правило (Рѣшеніе Прав. Сената отъ 11 іюня 1885 г. № 2908), что внѣбрачныя дѣти лифляндскихъ крестьянокъ должны считаться членами тѣхъ волостей, къ которымъ, во время рожденія ихъ, принадлежали ихъ матери. Съ другой стороны узаконеніе добрачныхъ дѣтей *per subsequens matrimonium* крестьянъ не можетъ быть признано недопустимымъ потому только, что касавшееся этого порядка правило § 364 прежняго крестьянскаго положенія въ новое не попало. Напротивъ, основываясь на § 938 положенія 1860 г., отд. XII введенія къ своду гражд. узак. губ. приб. и ст. 90 правилъ о производствѣ гражд. дѣлъ вол. суд. устава 9 іюля 1889 г., необходимо прійти къ заключенію, что въ данномъ случаѣ, ст. 173 свода мѣстныхъ гражд. узакон. должна получить примѣненіе въ крестьянскомъ быту. Въ силу этой статьи: „Послѣдующій бракъ между собою родителей незаконнорожденныхъ дѣтей сообщаетъ имъ всѣ права законныхъ, не только семейственныя и по наслѣдству, но также въ отношеніи къ званію отца, считая, впрочемъ, лишь со времени совершенія брака, безъ обратнаго дѣйствія“. Впрочемъ, предположеніе мое, что *legitimatio per subsequens matrimonium* слѣдуетъ считать дѣйствующимъ въ крестьянскомъ юридическомъ быту институтомъ, подтверждается § 990 положенія 1860 г., по которому „дѣти, рожденныя до брака, но потомъ, чрезъ послѣдовавшій бракъ введенныя въ права законныхъ, наслѣдуютъ съ прочими въ равныхъ доляхъ“. Крайне сомнительнаго достоинства постановленіе, содержащееся въ § 948 (въ пол. 1819 г. § 365). Оно гласитъ: „Если отецъ внѣ брака рожденнаго дитяти — каковымъ почитается тотъ, кто признался или уличенъ въ непозволительной связи съ родившею крестьянкою — не можетъ доказать, что она кромѣ него имѣла связь съ другими, то онъ обязанъ младенца кормить и одѣвать, доколѣ самъ находится въ живыхъ и доколѣ дитя не достигло десятилѣтняго возраста и не въ состояніи снискивать себѣ пропитаніе“. По буквальному смыслу этого

постановленія выходить, будто мужчина, хотя и уличенный и признавшійся на судѣ въ незаконной связи съ крестьянкою, но въ то же время доказавшій, что она имѣла половыя сношенія съ другимъ, тѣмъ самымъ освобождается отъ всякой гражданской отвѣтственности. Едвали, однако, такая несообразность имѣлась въ виду законодателемъ. Если мать внѣбрачнаго ребенка была въ связи съ другимъ мужчиною, напр., за нѣсколько лѣтъ до рожденія этого ребенка, то, очевидно, это обстоятельство не должно имѣть никакого вліянія на вопросъ о выдачѣ въ пользу послѣдняго алиментовъ. Но какъ-бы ни было абсурдно обратное заключеніе, оно, къ сожалѣнію, не совсѣмъ лишено практическаго дѣйствія, если принять во вниманіе, что въ судахъ, опредѣляющихъ значеніе и силу доказательствъ по т. н. убѣжденію совѣсти, очень распространено мнѣніе, будто-бы для присужденія алиментовъ рѣшающею является репутація, которою пользуется мать родившагося внѣ брака ребенка. Придавать этому обстоятельству подобное значеніе, понятно, отнюдь не слѣдуетъ. Основаніемъ же для обязательства выдачи алиментовъ долженъ служить самый фактъ рожденія ребенка, какъ слѣдствіе половой связи отвѣтчика съ истицею. Конечно, ссылка эта можетъ быть отвѣтчикомъ опровергнута, но только въ томъ случаѣ, если онъ докажетъ, что истица имѣла половыя сношенія съ другимъ мужчиною въ періодъ времени, признаваемый необходимымъ для рожденія ребенка. Какъ извѣстно, по ученію Гиппократова утробная жизнь длится отъ 181—300 дней. Крестьянское положеніе этого вопроса не касается, почему для уясненія его необходимо обратиться къ вспомогательному источнику права. На основаніи ст. 165 свода гражд. узак. губ. приб. „отцемъ незаконнорожденнаго признается тотъ, кто или добровольно сознался въ его прижитіи или же въ судѣ признается или будетъ обличенъ, что онъ имѣлъ плотскую связь съ матерью этого лица, впрочемъ, не ранѣе чѣмъ за десять мѣсяцевъ и не позднѣе чѣмъ за сто семьдесятъ два дня до его рожденія. Но онъ освобождается

отъ отцовскихъ обязанностей, если докажетъ или если мать незаконнорожденнаго сама сознается, что она, въ тотъ-же промежутокъ времени, имѣла плотскую связь и съ другими“. Согласно § 948 обязанность заботиться о внѣбрачномъ ребенкѣ къ наслѣдникамъ отца его не переходитъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ смерти отца внѣбрачнаго ребенка, не достигшаго возраста трудоспособности, послѣдній — если и мать не въ состояніи его содержать — ложится бременемъ на волостное общество, къ которому мать его приписана. Такое положеніе дѣлъ несправедливо и нелогично: несправедливо потому, что отецъ можетъ оставить большое состояніе, нелогично потому, что противорѣчитъ основной точкѣ зрѣнія балтійскаго законодательства и, въ частности, крестьянскаго кодекса, въ которомъ обязанность заботиться о внѣбрачныхъ дѣтяхъ разсматривается какъ обязательство гражданскаго характера, не имѣя вовсе пенальнаго значенія. Прямое подтвержденіе принципіальной несправедливости къ несчастнымъ, и безъ того обиженнымъ судьбою дѣтямъ, мы находимъ въ § 991 указаннаго положенія, согласно которому дѣти, прижитыя лифляндскою крестьянкою внѣ брака, наслѣдуютъ только въ имѣніи своей матери, но не отца.

Съ разрѣшенія вашего я перехожу къ изложенію второго изъ намѣченныхъ выше вопросовъ. Онъ находится съ предыдущимъ въ нѣкоторой внутренней связи потому, что какъ внѣбрачныя дѣти, такъ и опекаемые нуждаются въ существенной и продолжительной помощи другихъ лицъ.

Исслѣдователи, старавшіеся ограничить систему гражданскаго права предѣлами „чисто“ имущественныхъ отношеній, никакъ не могли примириться съ фактомъ, что опека и попечительству отведено соотвѣтственное мѣсто во всѣхъ современныхъ кодексахъ частнаго права. Такъ, напр., К. Д. Кавелинъ, по мнѣнію котораго включенію въ составъ гражданскаго права подлежатъ исключительно юридическія отношенія между лицами объ имуществахъ и вообще о цѣнныхъ, стоимость которыхъ можетъ быть опредѣлена на деньги

(см. его брошюру „Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы“, стр. 137 и „Права и обязанности по имуществамъ и обязательетвамъ“, стр. 2), опеку и попечительство, вмѣстѣ съ личнымъ семейственнымъ правомъ, выдѣляетъ изъ системы гражданскаго права. По соображеніямъ дидактическаго свойства Д. И. Мейеръ проявилъ въ этомъ отношеніи меньшую послѣдовательность. Установивъ, что „имущественныя права имѣютъ самостоятельный характеръ, рѣзко отличающій ихъ отъ другихъ правъ, и что, слѣдовательно, должна быть особая, самостоятельная наука объ имущественныхъ правахъ, которую мы и называемъ гражданскимъ правомъ“ (русск. гр. право, стр. 6; изд. 5-е), нашъ извѣстный цивилистъ (стр. 620, тамъ-же) сдѣлалъ нѣкоторую уступку господствующему ученію, говоря, что „опека, насколько она касается имущественныхъ отношеній, можетъ занять мѣсто въ системѣ гражданскаго права“. Поиски за единымъ началомъ, опредѣляющимъ институты частнаго права, — началомъ, покоящимся на условіяхъ хозяйственныхъ или логическихъ, — привели, между прочимъ, къ признанію опеки и попечительства учрежденіями права государственнаго, въ силу того соображенія, что они находятся подъ сильнымъ контролемъ государственной власти. Но если принять за мѣрило принадлежности къ той или другой области права контроль государственной власти, то, пожалуй, должно-бы прійти къ заключенію, что и право собственности на землю подчасъ (вспомнимъ законы о лѣсоохраненіи и пр.) подходитъ подъ типъ публичныхъ правъ. Къ тому же публичное право отличается принудительностью *par excellence*; нельзя, напр., отказываться отъ отбыванія воинской повинности, отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя и пр. Совершенно иное наблюдается въ отношеніи опеки и попечительства. Отсутствіе въ этихъ институтахъ момента дѣйствительнаго принужденія, примѣнительно къ нашему общеимперскому законодательству, доказывается двумя принципиальными рѣшеніями общаго собранія I-го и кассационныхъ департаментовъ Прав. Сената 1890 года за №№ 10

и 11, коими разъяснено было: 1) что действующий законъ не установилъ особыхъ уголовныхъ взысканій за неисполненіе или нерадивое исполненіе опекунами своихъ обязанностей и 2) что, по действующему закону, опекунство не признается общественною повинностью, а лица, отказывающіяся отъ исполненія обязанностей опекуновъ по назначенію опекунскихъ учреждений, никакому взысканію не подлежатъ.

Трудно согласовать изложенный взглядъ на опеку нашего высшаго судилища съ присваиваемымъ ей характеромъ *juris cogentis* (срав., кстати, Merkel, *jurist. Encyclopaedie*, § 99).

Прибалтійскіе законы объ опекѣ и попечительствѣ, по сравненію съ русскими, отличаются большою степенью развитія и могутъ, по отзыву К. П. Побѣдоносцева (курсъ гр. пр., III, стр. 184), служить образцомъ для послѣднихъ. Но и прибалтійскіе кодексы—общій и крестьянскіе—не знаютъ карательныхъ мѣръ на случай отказа принять опеку или попечительство, хотя ст. 329 свода гражд. узакон. губерній прибалт. и устанавливаетъ, что опекунская должность составляетъ общественную повинность, отъ которой никто не можетъ отказываться безъ законной къ тому причины, а ст. 330 и § 958 положенія о лифляндскихъ крестьянахъ указываютъ на причины, освобождающія отъ опекунства, не упоминая, однако, о послѣдствіяхъ, сопряженныхъ съ отказомъ отъ него. Къ тому-же надобно замѣтить, что и прибалтійскіе законы объ опекѣ и попечительствѣ во многихъ отношеніяхъ не соответвуютъ требованіямъ современной жизни, такъ какъ и въ нихъ буква закона часто расходится съ насущными интересами практики а разнобразіе и сословность опекунскихъ учреждений въ прибалтійскомъ краѣ не совсѣмъ оправдываютъ лестный отзывъ о нихъ г. Побѣдоносцева, Постановленія объ опекѣ и попечительствѣ надъ лифляндскими крестьянами изложены въ двухъ законодательныхъ актахъ: 1) въ Высочайше утв., 13 ноября 1860 г., положеніи о лифляндскихъ крестьянахъ (ст. 953—

972 отд. II, гл. II, разд. II) и 2) въ волостномъ судебномъ уставѣ приб. губ. 9 Іюля 1889 г. (отд. 2, ст. 242—275).

А такъ какъ, въ силу ст. 938 названнаго иоложенія, „въ случаяхъ, о которыхъ въ семъ положеніи не упомянуто, слѣдуетъ руководствоваться прежними обычаями (срав. мою статью: „Замѣтка объ обязательственномъ правѣ лпфл. крестьянъ“ въ № 32 „Юрид. Газ.“, за 1903 г.), мѣстными и общими государственными узаконеніями“, то, на ряду съ указанными выше, выступаютъ еще три источника частнаго крестьянскаго права. Въ виду, однако, сравнительной полноты спеціального закона, и отсутствія нормъ обычнаго права практически важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ только часть III свода мѣстныхъ узаконеній, которою опекуны, согласно ст. 246 вол. суд. уст., должны руководствоваться въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ крестьянскимъ положеніемъ.

Теоретически опека опредѣляется какъ забота и представительство, установленныя для такихъ лицъ, которыя или вовсе не могутъ или могутъ только въ недостаточной степени заботиться о своей личности и своемъ имуществѣ (Baron, System, § 368). При попечительствѣ, полнаго представительства не замѣчается; попечитель, по выраженію Мейера, только дополняетъ личность состоящаго подъ попечительствомъ лица. Въ подобномъ же видѣ эти институты представляются и по лифляндскому крестьянскому праву, признающему слѣдующіе поводы къ ихъ установленію (§ 954 тамъ-же): несовершеннолѣтіе, отсутствіе и безвѣстное отсутствіе (этотъ случай регулируется не спеціальнымъ закономъ, а ст. 516—528 свода гр. узак. губ. приб.), расточительность, слабоуміе (примѣняя распространительное толкованіе и по аналогіи съ ст. 498—499 помянутаго свода: вообще психическая болѣзнь) и принадлежность къ женскому полу.

Обратимся, прежде всего, къ опекѣ надъ совершеннолѣтними.

По § 953 положенія, „лифляндскіе крестьяне и крестьянки считаются до 17-лѣтняго возраста малолѣтними и только по достиженіи двадцати одного года вступаютъ въ свободное управленіе своимъ имуществомъ“. Несмотря на всю опредѣленность текста, эта статья возбудила существенное разногласіе. Еще недавно прис. повѣр. Шелеръ въ пространной замѣткѣ (помѣщенной въ „Balt. Monatsschrift, 1902 г., т. 53, стр. 401—407) нашелъ нужнымъ доказывать, что совершеннолѣтіе лифляндскими крестьянами достигается только по истеченіи 21-го года, но отнюдь не при наступленіи его. Въ подкрѣпленіе этого взгляда, г. Шелеръ привелъ рядъ соображеній и ссылокъ на нѣмецкій текстъ нынѣшняго и прежняго законодательства о лифляндскихъ крестьянахъ, устраняющихъ-де, всякое сомнѣніе въ правильности выставленнаго положенія. Къ чему, однако-же подобное рвеніе? Причина—та, что практика мѣстныхъ волостныхъ судовъ (какъ и намъ привелось установить въ двухъ случаяхъ) иногда невѣрно опредѣляетъ моментъ наступленія совершеннолѣтія, несмотря на то, что, какъ русская, такъ и нѣмецкая редакціи приведеннаго § отличаются полною ясностью. Такъ, по послѣдней изображено, что крестьяне „erst mit dem 21. (scil.: годъ) treten in die freie Disposition ihres Vermögens“. Очевидно, что употребленное въ текстѣ выраженіе „съ 21 годомъ“ равнозначительно выраженію: „по достиженіи двадцати одного года“ или „по окончаніи 21-го года“. Сильнымъ аргументомъ въ пользу указаннаго толкованія служитъ, далѣе, § 941 (тамъ-же), на основаніи котораго „для совершенія брака лицъ, еще не имѣющихъ 21 года отъ рожденія, требуется согласіе родителей“. Да и трудно было-бы уразумѣть смыслъ ничѣмъ не мотивированной привилегіи въ пользу лицъ крестьянскаго сословія, въ отношеніи свободнаго вступленія въ бракъ и свободнаго управленія своимъ имуществомъ, въ то время, какъ, согласно ст. 319 свода зак. т. XI, ч. 1 (обт. упр. дух. дѣлъ христ. испов.), „не достигшіе полного, закономъ опредѣленнаго совершеннолѣтія, т. е. 22-го года“ не могутъ вступить въ бракъ безъ разрѣшенія родителей

(или опекуновъ), а на основаніи ст. 269 св. гр. уз. губ. приб., „несовершеннолѣтіе считается, для лицъ обоого пола, до достиженія ими двадцати лѣтъ съ годомъ“.

Итакъ, предѣльнымъ моментомъ для продолженія опеки надъ несовершеннолѣтними крестьянами Лифляндской губерніи надобно считать послѣдній день 21-го года опекаемаго, послѣ чего опека можетъ быть снята. Что-же касается начала послѣдней, то, по § 955, „опекуны малолѣтнихъ назначаются родителями ихъ предъ смертью, а буде сего не учинено, то волостнымъ судомъ“ (срав. также § 968 положенія и ст. 247 отд. 2 вол. суд. уст. приб. губ.).

Если, однако, мать малолѣтняго находится въ живыхъ и отецъ при жизни не сдѣлалъ иного распоряженія, то она считается опекуншею (§ 959), при чемъ въ помощь ей назначается особый попечитель, обязанный давать вдовѣ совѣты и надлежащее пособіе (?). Самыя обязанности опекуна, по § 954 упомянутаго положенія, сводятся: 1) къ управленію имѣніемъ и 2) къ воспитанію несовершеннолѣтняго. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что согласно § 951, родительская власть ограничена тѣмъ, что ни одинъ крестьянинъ, безъ собственнаго согласія дѣтей своихъ, не можетъ ихъ отдать въ работу постороннему лицу, коль скоро они достигнутъ 17-лѣтняго возраста. Соотвѣтственно этому, по правилу *nemo plus juris transferre potest quam ipse habet*, и опекунъ, будучи замѣстителемъ отца для опекаемаго, не вправе отдавать послѣдняго, разъ онъ достигъ 17 лѣтъ, въ услуженіе, безъ его согласія. Этотъ-же возрастъ имѣетъ значеніе также для лицъ мужскаго пола въ отношеніи выборки видовъ на жительство безъ разрѣшенія опекуна (ст. 11 пол. о вид. на жит. 3 іюня 1894 г.). Такимъ образомъ, періодъ отъ 17—21 г. характеризуется сравнительно большею свободою дѣйствій, нежели періодъ до 17-лѣтняго возраста. Это такъ называемая *pubertas minor* лифляндскаго крестьянскаго права, на гражданскую сторону которой оказало извѣстное вліяніе лифляндское земское право (Bunge, *Privatr.* I, стр. 86).

Изъ постановленій лифляндскаго крестьянскаго законодательства объ опекаѣ, по своей типичности, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ § 961 полож. 1860 г., который гласитъ: „Буде наслѣдственное имѣніе состоитъ въ скотѣ и лошадахъ, на содержаніе коихъ потребны издержки, или въ другихъ непрочныхъ вещахъ; способовъ-же къ употребленію оныхъ съ выгодною не имѣется, а наслѣдники не всѣ достигли 15-ти лѣтняго возраста, то сіе имущество немедленно должно быть продано съ разрѣшенія волостного суда. . . Но буде наслѣдники достигли означеннаго возраста, то опекуны не могутъ, безъ ихъ согласія, приступить къ таковой продажѣ“.

Такимъ образомъ, наряду съ указанною „*pubertas minor*“ появляется еще „*pubertas minima*“, опредѣляемая 15-ти лѣтнимъ возрастомъ.

Въ установленіи этой своеобразной „*pubertas minima*“ можно усмотрѣть вліяніе древне-германскаго права; по крайней мѣрѣ 15-ти лѣтній возрастъ у большинства германскихъ племенъ, напр., по закону Визиготовъ (*lex Salica* объ этомъ молчитъ), считался началомъ совершеннолѣтія (см. Михайловъ, лекціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, стр. 9). Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ разсматриваемый кодексъ не отличается самобытностью. (См. мой очеркъ въ № 60 Юридической газеты“, 1903 г.).

Что касается самихъ опекуновъ, то за небрежное управление опекою и неисполненіе распоряженій волостного суда, завѣдывающаго опеками, учреждаемыми надъ крестьянами (ст. 242 прав. о производствѣ гражданскихъ дѣлъ въ вол. суд. губ. приб.), они подвергаются выговоромъ или денежнымъ взысканіямъ до десяти рублей (ст. 262). Независимо отъ этого опекуны несутъ гражданскую отвѣтственность за причиненные опекаемому убытки (ст. 263), а за преступленія по управленію опекою подлежатъ уголовному суду (ст. 261).

Изъ поводовъ, служащихъ основаніемъ къ учрежденію

попечительства, нашему разсмотрѣнію, согласно вышесказанному, подлежатъ только два: расточительность и принадлежность къ женскому полу. Замѣтимъ при этомъ, что, въ силу ст. 274 отд. 2, вол. суд. уст. приб. губ., къ попечительствамъ примѣняются правила, изложенныя въ ст. 242 и 244—273 того же устава, т. е. правила объ опекаѣ. Прежде всего, скажемъ нѣсколько словъ о попечительствѣ надъ расточителями, по началамъ лифляндскаго крестьянскаго права, а затѣмъ обратимся къ попечительству надъ совершеннолѣтними женщинами. По своему юридическому положенію, лифляндскій крестьянинъ, признанный мотомъ, въ имущественномъ отношеніи почти уподобляется малолѣтнему (*impubes infantia maior*). Попечитель его не является только совѣтникомъ, соучастіе котораго необходимо для дѣйствительности процессуальныхъ и частноправныхъ дѣйствій опекаемаго, какъ это, напр., имѣетъ мѣсто по французскому гражданскому кодексу (art. 513), но становится какъ-бы „начальникомъ“ его, приказаніямъ котораго онъ долженъ повиноваться безусловно. „Къ нерадивому хозяину, т. е. къ такому крестьянину, поясняетъ § 969, который отъ лѣности или распутства разстроилъ свое состояніе, не выполняетъ ни казенныхъ, ни господскихъ повинностей и не соблюдаетъ семейственныхъ своихъ обязанностей, волостной судъ назначаетъ попечителя и, если возможно, то изъ крестьянъ того-же волостного округа и изъ разряда хозяевъ. Такому попечителю нерадивый хозяинъ обязанъ повиноваться подъ опасеніемъ судебного наказанія“. Слѣдующій 970-й § подробно указываетъ, въ чемъ заключаются функціи попечителя: онъ долженъ строго наблюдать, чтобы опекаемый выполнялъ всѣ свои обязанности и имѣлъ должное за своимъ хозяйствомъ смотрѣніе и немедленно, по окончаніи жатвы, дѣлать съ опекаемымъ расчетъ, достаточно-ли будетъ, для собственнаго его пропитанія, собраннаго имъ хлѣба, и сколько его можетъ быть обращено въ продажу. Самъ-же хозяинъ или арендаторъ, отданный за нерадивость подъ опеку (попечительство), не можетъ ничего изъ собраннаго имъ хлѣба

ни продать, ни инымъ образомъ отчудить, безъ вѣдома и согласія попечителя. Къ тому еще всякая продажа или закладъ, или какой-либо другой договоръ, безъ вѣдома попечителя таковымъ крестьяниномъ заключенный, не только признается недѣйствительнымъ, но и подвергаетъ заключившаго его наказанію. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что выписанныя статьи въ значительной мѣрѣ утратили свое практическое значеніе, особенно въ виду отмѣны главы II раздѣла III положенія 1860 года, гдѣ содержались постановленія о полицейскихъ проступкахъ, изъ которыхъ не всѣ соотвѣтствуютъ подлежащимъ статьямъ волостного устава.

Свойственная попечительству, идея правовой защиты, устанавливаемой въ интересахъ опекаемыхъ и напоминающей собою проникнутыя довѣріемъ отношенія членовъ семьи другъ къ другу, особенно проявляется въ попечительствѣ надъ совершеннолѣтними женщинами (срав. Erdmann, System des Privatr. Liv. Est. u. Curl., I, стр. 498).

Основное положеніе, опредѣляющее такъ называемую *tutela mulieris*, — правильнѣе: *cura mulieris* — по лифляндскому крестьянскому праву, изложено въ § 954 положенія 1860 г., по которому „беспомощныя совершеннолѣтнія женщины сами избираютъ попечителей“.

По своему объему и значенію, права и обязанности попечителей совершеннолѣтнихъ крестьянокъ не могутъ сравниться съ ролью другихъ попечителей (срав., кстати, Гасманъ-Нолькенъ, II, стр. 92). Такъ въ § 967 (тамъ-же) мы читаемъ: „установленныя для опекуновъ предписанія на счетъ того попеченія, которое они обязаны имѣть о сиротахъ и объ имѣннн, относятся и къ попечителямъ . . . кромѣ только (попечителей) совершеннолѣтнихъ женскаго пола“. Такой „*curator mulieris*“, по духу лифляндскаго крестьянскаго права, есть не болѣе какъ совѣтникъ, при чемъ взаимныя между нимъ и опекаемою отношенія основаны болѣе на почвѣ „*bonaefidei*“, чѣмъ на почвѣ положительнаго права. Серьезнаго практическаго значенія этотъ видъ попечительства вообще не

имѣть, такъ что приходится сожалѣть о томъ, что, при введеніи въ краѣ судебной реформы, „*sua mulieris*“ не была упразднена. Отсутствіе практическаго интереса къ ней еще недавно заставило одного изъ частныхъ издателей лифляндскаго крестьянскаго положенія, г. Кизерицкаго (см. его „*Livl. Bauer-Verordn.*“ I, стр. 112, примѣч. 2) высказать предположеніе, что попечительство, установленное для незамужнихъ крестьянокъ по положенію 1860 г., въ отношеніи заключенія крестьянками контрактовъ, слѣдуетъ считать отмѣненнымъ, съ момента утвержденія мѣстнаго гражданскаго кодекса (ст. 512—515 свода гр. узак. губ. приб.). На основаніи названнаго свода дѣвицы, по достиженіи ими совершеннолѣтія, вступаютъ въ управленіе своимъ имуществомъ, наравнѣ съ лицами мужескаго пола, при чемъ имъ не запрещается (!) пользоваться при управленіи совѣтомъ и содѣйствіемъ мужчины, въ качествѣ попечителя (совѣтника, ассистента), избираемаго самою дѣвицею, безъ всякаго утвержденія его правительственною властью, или опредѣляемаго, по ея просьбѣ, сиротскимъ судомъ. Однако, мнѣніе г. Кизерицкаго не можетъ считаться правильнымъ; онъ забываетъ, что сравниваетъ неравныя величины, сводъ гражданскихъ узаконеній, какъ „*jus commune*“, и крестьянское положеніе, какъ „*jus singulare*“.

На основаніи § 954 положенія 1860 г., какъ мы видѣли, „безпомощныя, совершеннолѣтнія женщины (крестьянки) сами избираютъ попечителей“. Подъ безпомощными-же женщинами, очевидно, слѣдуетъ разумѣть незамужнихъ и вдовъ. Между тѣмъ, въ силу предыдущаго § 953, „крестьянки, по достиженіи 21 года, вступаютъ въ свободное управленіе своимъ имуществомъ“. Естественно, что, при свободѣ управленія имуществомъ, предоставленной женщинѣ, практическая роль попечителя ея не можетъ быть значительною. Это доказывается, кромѣ того, и правомъ вдовы свободно завѣщать свое приданое (§ 1008) и приведеннымъ выше постановленіемъ (§ 959), по которому попечитель, по отношенію къ вдовѣ занимаетъ только положеніе совѣтника (см. также § 985). Мать-вдова является

естественною опекуншею надъ своими дѣтьми (ст. 247 отд. 2 вол. суд. уст.), при чемъ правила объ отчетности, какъ видно изъ примѣчанія къ ст. 255 названнаго устава, къ ней не относятся и она освобождена отъ представленія всякихъ отчетовъ.

Такимъ образомъ попечительство надъ лифляндскими крестьянками представляется институтомъ, блѣдно очерченнымъ въ законѣ, мало практичнымъ и еще менѣе способнымъ къ дальнѣйшему развитію.

Въ области имущественнаго и наслѣдственнаго права, какъ оно изображено въ положеніи о лифляндскихъ крестьянахъ, мы встрѣчаемъ то же отсутствіе оригинальности и самостоятельности, тотъ-же отпечатокъ искусственности, дѣланности, о которомъ мы неоднократно имѣли случай упомянуть втеченіе нашей бесѣды. На ряду съ этими характерными особенностями кодифицированнаго частнаго права мѣстныхъ крестьянъ обращаетъ на себя вниманіе крайняя неполнота его, вызывающая необходимость ностояннаго обращенія къ субсидіарному праву, къ своду гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ. Подъ заглавіемъ „право собственности“ специальный кодексъ, если не считать разбросанныхъ по другимъ отдѣламъ крестьянскаго положенія нормъ, иолучившихъ публично-нравную окраску, приводитъ десять постановленій (§§ 973—982). Однако нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., „actio redhibitoria“ (§ 978), правило о займахъ подъ закладъ вещей (§ 982), кореннымъ образомъ нарушаютъ порядокъ лежащей въ основѣ этого кодекса системы.

Согласно § 223 крестьянскіе земельные участки не могутъ быть раздробляемы на доли менѣе $\frac{1}{8}$ гака или 10 талеровъ. Опираясь на это постановленіе и на §§ 983 и 984, г. Змирловъ (Журналъ министерства юстиціи, 1898, IX, стр. 235) утверждаетъ, что образованіе участковъ, не соответствующихъ узаконенному минимуму, юридически не допустимо. Но ссылка на §§ 983—984 не удачна, такъ какъ они ровно ничего не доказываютъ въ пользу этого предположенія. Въ данномъ случаѣ нельзя не согласиться съ мнѣніемъ при-

сяжнаго повѣреннаго Шёлера (Baltische Monatsschrift, 1902, т. 44, стр. 2), глубокаго знатока мѣстнаго крестьянскаго права, полагающаго, что юридическая возможность образованія крестьянскихъ участковъ цѣнностью менѣе 10 талеровъ вовсе не исключена и не противорѣчитъ положенію. Этотъ случай можетъ наступить при наслѣдованіи ab intestato: нѣсколько лицъ получаютъ наслѣдство въ идеальныхъ доляхъ земельного участка и при реальномъ раздѣлѣ доли эти оказываются ниже $\frac{1}{8}$ гака (см. также Erdmann, System, I, стр. 148).

Своеобразную и нѣсколько отличную отъ свода мѣстныхъ гражданскихъ узаконеній постановку въ крестьянскомъ положеніи занялъ вопросъ о находкѣ (объ этомъ: моя статья „о находкѣ по проекту гражданского уложенія,“ Юридическая Газ. № 78/1903 г.). Крестьянское положеніе, судя по связи, въ которой излагается § 979, причисляетъ находку къ способамъ пріобрѣтенія права собственности. Но содержаніе этого закона такой точки зрѣнія не оправдываетъ. Способомъ пріобрѣтенія права собственности находка считается только въ Эстляндіи („за неявкою собственника въ срокъ . . . , говоритъ ст. 739 свода, найденная вещь или вырученныя чрезъ ея продажу деньги поступаютъ въ собственность нашедшаго“). Напротивъ, въ Лифляндіи во всякомъ случаѣ выдается только часть, „слѣдующая въ награду за находку“, остальные же двѣ трети (законъ долженъ бы гласить: остальные части) стоимости найденной вещи поступаютъ или въ приказъ общественнаго призрѣнія или — въ городахъ — въ городскую казну, а въ мѣстностяхъ, управляемыхъ по крестьянскому положенію — въ волостную кассу. На основаніи п. п. 3 и 4 § 979 находчикъ получаетъ третью часть вырученныхъ отъ продажи найденной вещи денегъ; по ст. 738 свода размѣръ награды зависитъ отъ опредѣленія суда, но не долженъ превышать одной трети стоимости вещи. Не слишкомъ-ли высока такая премія за честность? Во всякомъ случаѣ законодательная поправка только-что разсмотрѣнныхъ постановленій столь же желательна, какъ примѣнительно къ раніше изложеннымъ вопросамъ.

Больше всего контроверзъ возбуждаютъ постановленія о наследственномъ правѣ лифляндскихъ крестьянъ. Положеніе удѣляетъ ему тридцать восемь §§, изъ которыхъ о порядкѣ наследованія безъ завѣщанія трактуютъ 20, остальные же рассматриваютъ наследованіе по завѣщанію (§§ 1005—1022). Кроме того, имѣются еще два вводныхъ постановленія (§ 983—984). Этому отдѣлу, въ виду обширности его, я намѣренъ посвятить особый очеркъ, съ содержаніемъ котораго надѣюсь познакомить почтенное общество въ ближайшемъ будущемъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ обязательственномъ правѣ лифляндскихъ крестьянъ, выдѣленномъ, какъ мы видѣли, по положенію 1860 г. изъ собственно гражданскаго кодекса и занявшемъ мѣсто въ отдѣлахъ о публичномъ правѣ. Обязательственное право можно было бы назвать Ахиллесовою пятою частнаго права мѣстнаго крестьянства, если бы въ прочихъ частяхъ кодекса обстояло все благополучно. Но въ томъ-то и бѣда, что даже при самой снисходительной оцѣнкѣ этого кодекса не остается отъ него живого мѣста.

Обязательственныя отношенія, встрѣчаемыя въ гражданскомъ оборотѣ мѣстныхъ крестьянъ, регулируются главнымъ образомъ при помощи нормъ свода гражд. узак. губ. приб. Не говоря уже о томъ, что по поводу обязательствъ и договоровъ специальный крестьянскій кодексъ не содержитъ никакихъ объяснительныхъ положеній, — въ ч. III свода мѣстныхъ узаконеній такихъ объясненій имѣется цѣлое множество, хотя уровень развитія и подготовленность судебного персонала, который имѣла въ виду кодификація 1864 г., значительно выше юридическаго опыта и познаній полуграмотныхъ крестьянскихъ судей, — цѣлый рядъ договоровъ и обязательствъ въ названномъ кодексѣ совершенно не удостоился вниманія законодателя (см. мою „замѣтку объ обязательствен. правѣ лиф. кр.“; Юридич. Газ. № 42/1903 г.). А между тѣмъ именно обязательственному праву принадлежитъ доминирующая

роль въ современномъ оборотѣ, и Савиньи, этотъ величайшій юристъ 19. столѣтія (см. мой очеркъ „Столѣтній юбилей господствующей теоріи владѣнія и нашъ проектъ гражданскаго права“; Юрид. Газ. №№ 61—62/1903 г.), правъ, утверждая, что задача обязательственнаго права заключается въ томъ, чтобы связать членовъ общества и возстановить разрушаемую вещнымъ правомъ „общность правъ и интересовъ“ (Savigny, *Obligationenrecht* I, стр. 16). —

Къ какому же выводу должны мы прійти касательно сиеціального гражданскаго кодекса лифляндскихъ крестьянъ? Вотъ главнѣйшія, характерныя черты его: бессистемность, крайняя неполнота, неточность терминологіи, отсталость и несправедливость многихъ положеній. Такимъ образомъ разсматриваемый кодексъ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики.

При такой практической и научной несостоятельности кодифицированнаго частнаго права лифляндскихъ крестьянъ, при преобладающемъ значеніи для ихъ гражданско-правовыхъ отношеній ч. III свода мѣстныхъ узаконеній, спрашивается: не цѣлесообразнѣе-ли покончить съ спеціальною кодификаціею крестьянскаго гражданскаго права и, кстати, не раціональнѣе-ли создать такое уложеніе, которому въ одинаковой мѣрѣ подчинялись бы всеъ граждане края?

Отвѣтъ на первый изъ поставленныхъ вопросовъ не можетъ быть отрицательнымъ. Но и второй не долженъ допустить сомнѣній. Правда, систематичность и ясность изложенія балтійскаго гражданскаго кодекса составляютъ его безспорное преимущество. Но эта хорошая сторона свода блекнетъ предъ тенденціозностью и отсталостью его внутренняго содержания. Тѣмъ болѣе поражаютъ діаметрально противоположныя этому общеизвѣстному факту увѣренія нѣкоторыхъ писателей, подчеркивающихъ объективность, якобы присущую этому кодексу. „Никакія минутныя увлеченія, восклицаетъ проф. Эрдманъ („*Baltische Monatsschrift*“, 1899, т. XXXVI, стр. 753), не отразились на немъ, (т. е. на этомъ кодексе) ни малѣйшее

стремленіе въ пользу охраненія интересовъ обездоленныхъ . . .“ ! Отзывъ столь же откровенный, какъ и правильный !! Возможно-ли однако, сълегкимъ сердцемъ одобрить такую Ницшеанскую точку зрѣнія, не ставящую никакихъ препятствій экономически сильнымъ къ удовлетворенію ими своихъ эгоистическихъ интересовъ и прихотей? Возможно-ли восхищаться кодексомъ, главное достоинство котораго, по словамъ его защитниковъ, состоитъ въ томъ, что онъ, оставаясь на исторической почвѣ, глухъ и безпощаденъ къ нуждамъ обездоленныхъ, не стоящимъ-де, вниманія, какъ проявленія минутнаго увлеченія? Въ сохраненіи такъ называемой „исторической правды“, къ сожалѣнію, заключается роковая ошибка балтійскаго кодекса, красною нитью проходящая чрезъ всѣ его отдѣлы. А что составители свода не особенно щепетильны были въ отысканіи исторической правды, это мы видимъ, напр., изъ пресловутаго, единственнаго въ своемъ родѣ на весь міръ, постановленія ст. 1029 („Въ Эстляндіи собственники имѣній, находящихся у морскихъ береговъ, не имѣютъ обязанности оставлять свободнымъ бечевникъ и въ правѣ пользоваться всѣмъ прибрежьемъ неограниченно и исключительно“), въ оправданіе котораго приведена генераль-губернаторская резолюція.

Безспорно, конечно, что гражданское право, а потому и кодификація его, отличается большимъ консерватизмомъ. Но изъ этого еще не вытекаетъ, чтобы оно, непремѣнно было отсталымъ. Отсталое право приноситъ одинъ только вредъ, тогда какъ хорошій кодексъ всегда способствуетъ разумному удовлетворенію насущныхъ потребностей практической жизни. Вотъ эти два понятія — консерватизмъ и отсталость въ правѣ — слишкомъ часто смѣшиваются, что и служитъ причиною непоправимыхъ бѣдствій. Такой консерватизмъ, который играетъ роль „боязливаго участника общественнаго прогресса“, никогда не даетъ хорошихъ плодовъ. Между тѣмъ разсматриваемый кодексъ не только нынѣ не соотвѣтствуетъ требованіямъ современной жизни, но старческая дряхлость его обнаружилась еще въ моментъ его появленія на свѣтъ, представляя собою анахронизмъ,

по сравненію даже съ тѣми кодексами, которые, какъ говоритъ С. В. Пахманъ, должны были служить для него образцомъ. Если-бы пришлось когда-нибудь приступить къ пересмотру балтійскаго гражданскаго кодекса (намъ, впрочемъ, думается, что удачно составленное гражданское уложеніе, съ нѣкоторыми особенностями для отдѣльныхъ частей Имперіи, могло бы съ успѣхомъ распространиться на всю ея территорію (См. мои статьи: „Къ вопросу объ объединеніи гражд. права въ Россіи“; Юрид. Газ. № 36/1903 и „Еще объ унификаціи гражд. пр.“, тамъ-же № 45)), то прежде всего надлежало-бы кореннымъ образомъ измѣнить исходныя точки зрѣнія его. Не должно казаться банальнымъ требованіе дать въ будущемъ кодексѣ широкое мѣсто принципу любви къ ближнему, такъ какъ этимъ выраженіемъ лучше всего характеризуется необходимость охраны интересовъ обездоленныхъ, защита экономически слабыхъ, ибо давно уже пришла пора сократить просторъ, отведенный необузданному индивидуализму. Словомъ, въ основаніе будущей кодификаціи должна быть положена точка зрѣнія народно-хозяйственная, при которой дальнѣйшее сохраненіе такихъ гражданско-правовыхъ нормъ, какъ, напр., указанное постановленіе ст. 1029 или постановленіе, предоставляющее собственнику имѣнія исключительное право рыбной ловли на протяженіи трехъ верстъ отъ морского берега (ст. 1032), конечно, станетъ невыносимымъ. Въ то же время будущая кодификація должна устранить юридическую рознь въ гражданскомъ правѣ отдѣльныхъ губерній Прибалтійскаго края, пагубныя послѣдствія которой ясно сознавались еще составителемъ первоначальнаго проекта свода, Самсонъ-фонъ-Гиммельстернамъ. Къ сожалѣнію, позднѣйшій редакторъ свода, проф. Бунге, не послѣдовалъ благому примѣру своего предшественника; на него не подѣйствовала убѣдительная рѣчь Тибо, доказывавшаго, что юридическая рознь составляетъ скорѣе результатъ недальновиднаго сепаратизма и извѣстной инертности, чѣмъ дѣйствительную необходимость („Über die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerl. Rechts für Deutschland“, 1814, стр.

55—60). Но правовое разобщеніе не менѣе вредно, когда раздѣляетъ части одинаго государства. Франція и Германія не утрашились объединить дѣйствовавшія въ различныхъ провинціяхъ и княжествахъ нормы гражданскаго права въ единомъ кодексѣ. Будемъ же и мы надѣяться, что унификація гражданскаго права въ Россіи когда-нибудь да осуществится!

М. Гредингеръ.

Обученіє сознательному чтенію.

Введеніє.

Неопредѣленность вопроса о сознательномъ чтеніи; значеніє сознательнаго чтенія; средства, способствующія достиженію сознательности чтенія: а) объясненія непонятнаго, б) иересказъ читаемаго, в) повтореніє прочитаннаго.

Несмотря на то, что вопросъ о сознательномъ чтеніи есть самый важный вопросъ обученія и самообученія (такъ какъ безъ сознательнаго отношенія къ читаемому невысмыслимо хоть сколько нибудь разумное изученіє какаго бы то ни было предмета), однако онъ и до сихъ поръ остается не вполне яснымъ и опредѣленнымъ. Одни педагоги требуютъ вести къ сознательности путемъ самаго тщательнаго и всесторонняго разбора; другіє желаютъ, чтобы учащієся были возможно больше предоставлены самимъ себѣ, особенно при чтеніи поэтическихъ произведеній, потому де, что учитель при толкованіи поэтическаго произведенія допускаетъ субъективизмъ и зачастую толкуетъ его не такъ, какъ должно. Одни говорятъ, что поэтическихъ произведеній нельзя расчленять на части, нельзя пересказывать — нужно лишь читать и восхищаться; другіє утверждаютъ, что изъ нихъ должна быть выведена идея, а послѣдняя можетъ быть выведена лишь тогда, когда они раздѣлены на части, т. е. когда въ нихъ сначала ука-

заны частныя мысли. Что касается научных (прозаических) статей, то, по мнѣнію однихъ, совершенно излишне составлять ихъ планы, по мнѣнію другихъ, планы не только должны быть составляемы, но и заучиваемы наизусть. Есть преподаватели, которые исключительно занимаются составленіемъ плановъ читаемыхъ статей и требуютъ дословнаго заучиванія ихъ.

Не малая путаница происходитъ въ употребленіи и въ пониманіи терминовъ „сознательное чтеніе“, „воспитательное чтеніе“, „образовательное чтеніе“, „объяснительное чтеніе“. Совершенно не выяснено, въ какомъ отношеніи одно къ другому находятся всѣ эти чтенія. Дѣлаю посильную попытку хоть сколько нибудь разобраться во всемъ этомъ.

Сознательнымъ можно назвать лишь такое чтеніе, при которомъ читающій со словами читаемаго соединяетъ тѣ представленія, понятія и мысли, какія требуются содержаніемъ статьи; понимаетъ связь между отдѣльными мыслями и вытекающую изъ нихъ главную мысль.

Значеніе сознательнаго чтенія громадно. Благодаря ему, мы знакомимся со всѣмъ тѣмъ, до чего дошелъ человѣчскій умъ и что сохранила письменность. Благодаря сознательному чтенію, мы въ теченіе очень короткаго времени узнаемъ то, что узнавало человѣчество цѣлыя тысячелѣтія.

Сознательное чтеніе научныхъ произведеній обогащаетъ читателя знаніями, — это его образовательное значеніе; сознательное чтеніе художественныхъ произведеній содѣйствуетъ нравственному развитію, — это его воспитательное значеніе. Въ первомъ случаѣ сознательное чтеніе можно назвать образовательнымъ, во второмъ воспитательнымъ.

Строго говоря, трудно отдѣлить образовательную сторону чтенія отъ воспитательной, такъ какъ то, что образуетъ, въ то же время и воспитываетъ, а то, что воспитываетъ, не остается безъ образовательнаго воздѣйствія.

Сознательнымъ чтеніе можно сдѣлать путемъ объясненій читаемаго (путемъ такъ называемаго объяснительнаго чтенія). Кромѣ того, сознательному отношенію къ читаемому

въ значительной степени содѣйствуютъ пересказъ читаемаго и повтореніе черезъ извѣстный промежутокъ времени прочитаннаго. Такимъ образомъ полная и совершенная сознательность читаемаго достигается посредствомъ а) объясненій, б) пересказа и в) повторенія.

Разсмотримъ каждое изъ этихъ средствъ сознательнаго чтенія.

1.

Объяснительное чтеніе.

Понятіе объ объяснительномъ чтеніи; воззрѣнія на него; крайняя необходимость объясненій при чтеніи. Средства объяснительнаго чтенія. Способы веденія объяснительнаго чтенія.

Чтеніе, сопровождаемое объясненіями учителя, называется объяснительнымъ. Объяснительное чтеніе по какому-то непонятному недоразумѣнію отождествляютъ съ сознательнымъ чтеніемъ, забывая, что сознательно можно читать и безъ объясненій, а объясненія не всегда ведутъ къ сознательности, слѣдовательно, сознательное чтеніе — не то же, что объяснительное: послѣднее есть лишь одно изъ средствъ, ведущихъ къ сознательности чтенія. Если читающій сознательно относится къ читаемому, тогда нѣтъ никакой надобности въ объясненіяхъ. Послѣднее обстоятельство между прочимъ и даетъ поводъ многимъ говорить, что объясненія читаемаго не нужны. По свидѣтельству извѣстнаго педагога Шереметевскаго, въ среднеучебныхъ заведеніяхъ къ объяснительному чтенію и до сихъ поръ относятся довольно презрительно, считая его разслабляющимъ голову „элементаризмомъ“ и развращающимъ душу „энциклонедизмомъ“. Излишній элементаризмъ и неразумный энциклопедизмъ, конечно, крайне нежелательны въ школѣ, но въ этомъ нисколько не повинна идея объяснительнаго чтенія; виноваты тѣ, которые неумѣло ведутъ его. Если,

напримѣръ, по поводу слова „роса“, встрѣчаемаго въ выраженіи „на зарѣ трава покрыта росой“, цѣлый часъ толкуютъ о физическихъ явленіяхъ съ водой при теплѣ и холодѣ; если по поводу земледѣльческихъ орудій, упоминаемыхъ въ стихотвореніи Кольцова „Пѣсня пахаря“, говорятъ часа два-три, то въ данномъ случаѣ отвѣтственность всецѣло падаетъ на неразумно увлекающихся толкователей, а не на идею объяснительнаго чтенія 1).

1) Прекрасные примѣры излишнихъ подробностей и уклоненій приводитъ В. Зимницкій въ своемъ сочиненіи „Условія и ирѣмы объяснительнаго чтенія.“ Привожу ихъ. Они касаются чтенія слѣдующихъ предложепій: 1) „Свилъ себѣ на дубу дятель гнѣздо, снесъ три яичка и высидѣлъ трехъ дѣтенышей. Пронюхала объ этомъ лиса, ирибѣжала и — стукъ! стукъ! хвостичесемъ по сырому дубищу: „слѣзай, дятель, съ дуба долой; мнѣ дубъ надобенъ клепку дѣлать“. — 2) „Я пройдуся по лугамъ; мотылечки есть тамъ“. — 3) „Пѣтухъ нашель жемчужное зерно“.

Слово *пронюхала* можетъ быть замѣнено словомъ *узнала*. Такъ какъ органъ обонянія лисы весьма сильно развитъ, такъ что она издалека слышитъ запахъ, слышитъ его тамъ, гдѣ человѣкъ ничего не воспринимаетъ своимъ органомъ обонянія, поэтому словомъ „пронюхала“ удачно выражается то, что говорится здѣсь о лисѣ. Да и не одна лиса обладаетъ тонкимъ чутьемъ; подобное чутье находится у многихъ животныхъ. Даже о человѣкѣ нерѣдко говорится, что онъ „пронюхалъ“ то или другое. Это значитъ, что у него тонкое обоняніе; здѣсь словомъ *пронюхалъ* выражается то, что человѣкъ узналъ что-либо, благодаря тонкости и изворотливости своего ума и т. д. 2) Клепкой называютъ доски, изъ которыхъ дѣлаютъ кадушки, чаны, бочки и т. п. Слово *клепка* произошло отъ стариннаго слова *клепало*; такъ въ старину называли тѣ доски, въ которыя ударяли для того, чтобы созывать христіанъ къ церковной службѣ; колокола въ древнія времена не были въ употребленіи; они явились позднѣе. Даже и теперь во многихъ мѣстахъ караульщики въ ночное время ударяютъ палками въ деревянные доски и т. д. 3) Мотыльками называются бабочки. Бабочки рождаются слѣдующимъ образомъ: бабочка кладетъ яички; изъ яичекъ выходятъ червячки, червячки эти иначе называются гусеницами; они очень прожорливы. Гусеница обрашается затѣмъ въ куколку; наконецъ, изъ куколки уже выходитъ бабочка. Бабочка имѣетъ четыре крыла, шесть ногъ. Бабочки чрезвычайно вредны, когда онѣ находятся въ состояніи гусеницъ и т. д. 4) Жемчужныя зерна продаются по дорогой цѣнѣ. Они употребляются богатыми людьми на разнаго рода украшенія. По величинѣ они бываютъ различны, — отъ булавочной голвки до

Вполнѣ сознательное отношеніе къ читаемому можетъ выработаться или на урокахъ объяснительнаго чтенія, при содѣйствіи учителя, или путемъ самостоятельнаго чтенія. Цѣль чтенія — сознательность, а объясненія должны вести къ ней. Если же объясненія часто не достигаютъ цѣли, то виновато не то, что положено въ основаніе объяснительнаго чтенія, а то, что неумѣло пользуются имъ (объяснительнымъ чтеніемъ).

Неумѣлое веденіе объяснительнаго чтенія подало между прочимъ поводъ Шереметевскому, горячо защищавшему необходимость объяснять читаемое, неблагоклонно отнестись къ термину „объяснительное чтеніе“ и замѣнить его терминомъ „сознательное чтеніе“. По его мнѣнію, терминъ „объяснительное чтеніе“ подаетъ поводъ къ излишнимъ объясненіямъ, особенно малоопытными катехизаторами, считающими своей обязанностью объяснять „все и вся, вдоль и поперекъ, вкривь и вкось“. Терминъ тутъ ни при чемъ. Какимъ другимъ его ни замѣни, неопытный и неразумный учитель станетъ объяснять то, что не нужно объяснять, болѣе запутаетъ, чѣмъ объяснить. Между тѣмъ, какъ видно изъ сказаннаго раньше, между понятіями „сознательное чтеніе“ и „объяснительное чтеніе“ большая разница, и замѣнять одно выраженіе другимъ ни въ коемъ случаѣ нельзя ¹⁾).

Балталонъ въ статьѣ „Воспитательное чтеніе, какъ основа преподаванія русскаго языка“ пошелъ дальше Шереметевскаго :

грецкаго орѣха. Жемчужныя зерна добываются изъ раковинъ особаго рода морскихъ животныхъ и т. д“.

По поводу излишнихъ подробностей и уклоненій Зимницкій приводитъ очень дѣльные соображенія, почему они не должны быть допускаемы. Интересующихся его соображеніями отсылаю къ его книжкѣ „Условія и приемы объяснительнаго чтенія“ (стр. 33 и слѣд.).

1) Приведенныя Шереметевскимъ по этому поводу соображенія (см. „Сочиненія“, стр. 50 и 51) не опровергаютъ, а, напротивъ, убѣждаютъ въ необходимости термина „объяснительное чтеніе“. Изъ нихъ видно, что и при семейномъ чтеніи, когда выбирается легкой и понятный матеріалъ, читающій прибѣгаетъ къ объясненіямъ въ тѣхъ случаяхъ, если это необходимо для сознательности, Ясно, что злоупотребленіе объясненіями побудило почтеннаго педагога вооружиться противъ термина „объяснительное чтеніе“.

онъ не только неблагоклонно отнесся къ термину „объяснительное чтеніе“, но и къ самому объяснительному чтенію, иронически называя его „словотолковательнымъ“. Въ горячности онъ забываетъ, что словотолкованіе составляетъ незначительную часть объяснительнаго чтенія ¹⁾. Это видно и изъ примѣра, ириведеннаго имъ же самимъ. Онъ воспроизводитъ одинъ изъ уроковъ объяснительнаго чтенія, преподаваемого у насъ на многихъ педагогическихъ курсахъ для сельскихъ учителей. „Старшая группа. Слушайте, дѣти! Откройте 31 страницу въ книжкѣ. Прочитайте заглавіе статьи. Мальчикъ говоритъ: „Камень“. Что дальше написано (?) послѣ заглавія? — Написано (?): „Разсказъ Л. Толстого“. — Кто же написалъ этотъ разсказъ? — Толстой. — Читай разсказъ. — „Одинъ бѣдный пришелъ къ богатому и просить милостыню“. — Про кого мы здѣсь читали? — Про бѣднаго. — Какъ такіе бѣдные называются? — Нищими. — Къ кому онъ пришелъ? — Къ богатому просить милостыню. — Что значить милостыня? — Что подаютъ нищему: деньги, кусокъ хлѣба. . . — Читайте дальше. — „Богатый не далъ нищему ничего и сказалъ: „поди вонъ“ . . . — Такъ подалъ ли богатый бѣдному милостыню? — Нѣтъ, не подалъ. — Что онъ съ нимъ сдѣлалъ? — Прогналъ его. — Какъ же онъ его прогналъ? — Сказалъ: „поди вонъ“.

Изъ девяти вопросовъ одинъ только касается объясненія словъ, и его нельзя считать лишнимъ. Что же касается остальныхъ, то они, дѣйствительно, нисколько не содѣйствуютъ объясненію статьи. Но при чемъ же тутъ принципъ

1) Впрочемъ, у нѣкоторыхъ составителей методикъ, дѣйствительно, все дѣло объяснительнаго чтенія сводится къ одному только словотолкованію, напримѣръ, въ методикѣ Ионовой. Зелинскій составилъ методическую хрестоматію объяснительнаго чтенія изъ статей (Зимницкаго и Д. Тихомирова), въ которыхъ говорится только о томъ, какъ вести объяснительное чтеніе отдѣльныхъ словъ. Между тѣмъ, лучшими мѣстами „Методики“ Д. Тихомирова служатъ „приемы выясненія частныхъ мыслей“ и „приемы выясненія отношеній между мыслями“.

объяснительнаго чтенія? Нѣкоторые во имя христіанской любви къ ближнему истязаютъ его. Это, конечно, нисколько не умаляетъ высоты христіанскаго ученія. Точно также нисколько не должно умалять въ нашихъ глазахъ значенія объяснительнаго чтенія безтолковое веденіе его.

Вмѣсто объяснительнаго чтенія, Балталонъ предлагаетъ ввести въ школы воспитательное чтеніе. Балталонъ забываетъ, что воспитывающимъ или образовывающимъ чтеніе можетъ быть только въ томъ случаѣ, когда оно сознательное, а къ сознательному чтенію ведетъ объяснительное. Нужно, значитъ, бороться противъ неумѣнья вести объяснительное чтеніе, а не съ самымъ объяснительнымъ чтеніемъ.

Авторъ статьи „Педагогическіе парадоксы“, Заремба, тоже вооружается противъ объяснительнаго чтенія. Онъ говоритъ: „Напримѣръ, ученику задана „Птичка“ Пушкина; ну и пусть бы мальчикъ наслаждался этимъ прелестнымъ, вполне ему понятнымъ стихотвореніемъ. Не тутъ то было! Учитель не даетъ ученику произнести эту птичку, а забрасываетъ его при каждомъ словѣ вопросами: что такое птичка? что значить Божій? и т. д., и т. д. Словомъ, какъ кто-то посмѣялся, на крошечное стихотвореніе сто вопросовъ наводящихъ, сто вопросовъ основныхъ, сто вопросовъ объяснительныхъ и т. п. И послѣ такого анатомированія, расчлененія поэтическаго произведенія удивляются исчезновенію у насъ поэтическаго настроенія, поэтическихъ талантовъ!“¹⁾

Раньше Балталона и Зарембы въ одной изъ своихъ статей я писалъ: „Воспитательная сила поэтическихъ твореній заключается главнымъ образомъ въ томъ впечатлѣніи, которое они производятъ на читателя. Въ современной же школѣ, подъ вліяніемъ ученія о значеніи анализа и эвристической формы обученія, поэтическія произведенія обратились въ матеріалъ, на которомъ учитель изощряется въ анализѣ и эвристикѣ. Кромѣ того, поэтическія произведенія обезображи-

1) „Русская школа“ 1902 г. № 3, стр. 102.

ваются пересказами и переложениями, а нѣкоторые учителя заставляютъ заучивать стихотворенія только для того, чтобы потомъ производить надъ ними грамматическіе разборы. Такое отношеніе учителей къ поэтическимъ произведеніямъ отчасти способствуетъ тому, что у дѣтей развивается отвращеніе къ нимъ. Выразительнымъ и прочувствованнымъ чтеніемъ ихъ учитель достигъ бы несравненно лучшихъ результатовъ, чѣмъ самымъ подробнымъ разборомъ, произведеннымъ по всѣмъ правиламъ методики объяснительнаго чтенія“.

Такъ я думалъ, пока былъ знакомъ съ такой постановкой объяснительнаго чтенія, на которую нападаютъ и Шереметевскій, и Балталонъ, и Заремба, и многіе другіе.

Руководство уроками объяснительнаго чтенія, даваемыми ученицами VIII дополнительнаго класса, помогло мнѣ выработать правильный взглядъ на объяснительное чтеніе и убѣдило, что безъ него обойтись невозможно и что оно не можетъ быть ничѣмъ замѣнено, — нужно только позаботиться о разумной постановкѣ его.

При разумномъ отношеніи къ объяснительному чтенію, учитель не только не заставитъ учащихся наслаждаться стихотвореніемъ Пушкина „Птичка“, но совсѣмъ не станетъ его читать, потому что, прежде чѣмъ читать его, учащій задумается надъ его идеей и, къ удивленію своему, увидитъ, что оно, будучи вырвано изъ цѣлаго произведенія, становится ложнымъ по мысли стихотвореніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая же птичка, кромѣ бездомной, всѣми осуждаемой кукушки, не знаетъ ни заботы, ни труда и хлопотливо не свиваетъ себѣ гнѣзда? Всякая птичка, кромѣ кукушки, не только поетъ, но день деньской трудится, добывая себѣ и своимъ дѣтямъ кормъ; въ дальнія страны, въ теплый край, за сине море, она опять таки улетаётъ не для пѣнья, а для новыхъ заботъ и труда.

Стихи о беззаботной птичкѣ, а не просто птичкѣ приведены Пушкинымъ, какъ характеристика Алеко, котораго онъ уподобляетъ беззаботной птичкѣ; эти стихи — жестокой приговоръ гениальнаго поэта о людяхъ, подобныхъ Алеко.

Составители хрестоматій, плѣняясь гармоніей стиховъ, внесли его въ книгу для класнаго чтенія, не замѣтивъ, что оно не можетъ быть оторвано отъ цѣлаго произведенія. Этого они не сдѣлали бы, если бы, прежде чѣмъ помѣстить его въ хрестоматію, постарались примѣнить къ нему требованія объяснительнаго чтенія. Словомъ, объяснительное чтеніе необходимо. Оно одно въ состояніи оградить отъ безсознательнаго восторга звучными стихами и привести къ сознательному восхищенію какъ внутренней, такъ и внѣшней стороною произведенія.

Средствами объяснительнаго чтенія служатъ: 1) предварительная бесѣда, 2) выразительное чтеніе учащаго, 3) объясненіе словъ и выраженій (вещественный, или матеріальный разборъ); выясненіе связи между членами предложенія и между предложеніями (логическій разборъ), 4) выдѣленіе частныхъ мыслей и выводъ изъ нихъ главной въ поэтическихъ произведеніяхъ; составленіе плановъ научныхъ статей 1).

Скажу вкратцѣ о каждомъ изъ этихъ средствъ.

1) Если преподаватель находитъ, что въ выбранной статьѣ для чтенія говорится о такомъ предметѣ, о которомъ дѣти рѣшительно не имѣютъ никакого представленія и не могутъ составить его на основаніи статьи, тогда онъ старается дать понятіе о немъ до чтенія статьи.

Если встрѣчается такое слово, объясненіе котораго требуетъ продолжительной остановки, то его также лучше объяснить въ предварительной бесѣдѣ, чѣмъ во время самаго чтенія.

Такъ какъ въ предварительныхъ бесѣдахъ приходится касаться преимущественно конкретныхъ предметовъ, то лучше всего прибѣгать въ нихъ къ наглядности, т. е. къ тому, чтобы неизвѣстный предметъ былъ воспринятъ внѣшними чувствами. Удобнѣе всего знакомить съ предметами, воспринимаемыми посредствомъ зрѣнія, потому что, если нельзя

1) О средствахъ объяснительнаго чтенія говорится въ моей брошюрѣ „Обученіе чтенію правильному, сознательному и выразительному“. Сказанное тамъ предлагается здѣсь въ обработанномъ и дополненномъ видѣ.

показать самого предмета, то его модель или рисунокъ. Такъ, напимѣръ, приступая къ чтенію басни „Чиждъ и Голубъ“, необходимо показать западную и силки, объяснивъ, какъ посредствомъ ихъ ловятъ птицъ. До чтенія басни „Бѣлка“ хорошо показать клѣтку съ колесомъ, въ которой бѣгаетъ бѣлка; при неимѣніи клѣтки можно ограничиться моделью клѣтки и колеса, сдѣланныхъ изъ картона. При показываніи предметовъ необходимо обращать вниманіе лишь на то, что способствуетъ выясненію ихъ назначенія, напимѣръ, говоря о клѣткѣ-западнѣ, учитель обращаетъ вниманіе на среднее отдѣленіе, куда сажаютъ ручную птичку для приманки дикихъ и на устройство боковыхъ дверецъ, захлопывающихъ соблазнившуюся на приманку птичку. Прежде чѣмъ читать съ городскими дѣтьми стихотвореніе Майкова „Сѣнокосъ“, слѣдуетъ показать картину сѣнокоса, остановивъ сначала вниманіе дѣтей на орудіяхъ, употребляемыхъ для косыбы травы и уборки сѣна, а потомъ вести разсказъ, какъ косятъ траву, какъ ее переворачиваютъ, чтобы она скорѣе высохла, какъ сгребаютъ въ валы, какъ складываютъ въ копны или на возы.

По окончаніи предварительной бесѣды наглядныя пособія должны быть спрятаны, чтобы они не отвлекали вниманія дѣтей во время чтенія статьи и чтобы дѣти дѣлали усилія представить ихъ въ своемъ воображеніи.

Если нѣтъ возможности показать ни предмета, ни его модели, ни рисунка, тогда нужно прибѣгать къ сравнительному описанію съ предметомъ, хорошо знакомымъ дѣтямъ. Такъ, напр., о лебедѣ у дѣтей составится болѣе или менѣе надлежащее представленіе, если учитель скажетъ, что лебедь очень похожъ на совершенно бѣлаго гуся, туловище лебедя болѣе продолговато, чѣмъ туловище гуся; шея же длиннѣе раза въ полтора, ноги не красныя, а черныя. — Слонъ похожъ на огромную свинью съ вытянутымъ длиннымъ хоботомъ и ногами, похожими на столбы. Тигра можно сравнить съ большой полосатой кошкой. О большемъ городѣ Зимницкій совѣтуетъ дать представленіе слѣдующимъ образомъ: „Пред-

ставьте, что село ваше тянется не на полверсты или версту, а версть на пять и болѣе въ длину и версты на три-четыре и болѣе въ ширину. Представьте далѣе, что улицъ въ городѣ не двѣ-три, какъ у васъ, но нѣсколько десятковъ и дома не такіе маленькіе, какъ ваши, а большею частію значительной величины, иные дома больше церкви, и притомъ не деревянные, а по преимуществу каменные, да этажа въ два, три и болѣе. Улицы всѣ вымощены камнемъ. Церквей въ большомъ городѣ по нѣскольку десятковъ. Лавокъ трудно и пересчитать, да не мало такихъ, что въ одной изъ нихъ находится больше товара, чѣмъ на всемъ сельскомъ базарѣ и т. д.

Въ предварительной бесѣдѣ можно сказать, по какому поводу написана статья, кѣмъ она написана. Словомъ, можно сказать о статьѣ то, что могло бы возбудить къ ней интересъ.

Если статья очень трудна, слѣдуетъ познакомить съ ея содержаніемъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Такъ, на примѣръ, до чтенія повѣствованія Карамзина „Куликовская битва“ кстати сказать, когда и гдѣ она происходила, кто наибольшее участіе принималъ въ ней и чѣмъ она окончилась ¹⁾.

1) Нахожу интересной свою переписку съ учителемъ Демидовичемъ по поводу послѣдняго вопроса. „Историческія статьи“, говоритъ онъ, „въ народной школѣ полезнѣе рассказывать предварительно, освѣщая при этомъ попутно всѣ темныя мѣста статьи. Статья потомъ прочитывается, сличается съ рассказомъ и потомъ уже служить для прочнаго закрѣпленія историческихъ фактовъ. При такомъ веденіи дѣла ученики привыкаютъ улавливать устную рѣчь, научаются понимать и освѣжать уже усвоенное путемъ чтенія. Сосредоточиваясь главнымъ образомъ, на фактъ, ученикъ тверже и отчетливѣе усвоитъ его“.

На это я отвѣтилъ, что чтеніе подобныхъ статей можетъ быть ведено и тѣмъ и другимъ способомъ, но что мой способъ требуетъ большей самостоятельности. Г. Демидовичъ, въ свою очередь, отвѣтилъ: „Вполнѣ соглашаюсь съ Вами, только мнѣ хочется установить преэссенность обоихъ пріемовъ. Мнѣ часто приходилось встрѣчать, особенно среди малоразвитыхъ школьниковъ, такъ называемыхъ „зубруновъ“. Иные освобождались отъ зубряжки по прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, другіе же во весь школьный періодъ несли египетскій трудъ по усвоенію содержанія урока и формы изложенія его. Нѣкоторые изъ нихъ долго оставались на одной и той же ступени развитія и выглядѣли ту-

Учитель Демидовичъ находитъ даже нужнымъ предварительно разказать подобную статью, освѣщая при этомъ попутно всѣ темныя мѣста.

Предварительную бесѣду можно вести въ катехизической и монологической формѣ. Первая примѣнима при показываніи предметовъ, моделей и рисунковъ; вторая при сообщеніи чего-либо совершенно неизвѣстнаго учащимся. На нервыхъ иорахъ монологическая рѣчь учащаго должна быть очень коротка. Ею нужно пользоваться возможно чаще, потому что она постепенно пріучаетъ учащихся къ складыванію связной рѣчи. А это умѣнье очень важно и для будущаго образованія и въ жизни.

Примѣчаніе. Если статья не представляетъ особенныхъ затрудненій, то можно предложить дѣтямъ прочесть ее дома съ тѣмъ, чтобы они сами попытались разобраться въ ней, чтобы отмѣтили то, что не понятно для нихъ. Дѣти охотно и съ интересомъ прочтутъ незнакомую статью, а попытка понять ее принесетъ имъ большую пользу. При этомъ нужно рекомендовать дѣтямъ, чтобы непонятныя для нихъ слова и выраженія они записали въ тетради по одному въ строкѣ. Такой пріемъ побудитъ дѣтей съ особеннымъ вниманіемъ от-

пицами. Когда же имъ какъ-либо удавалось прошибить эту китайскую стѣну, то они часто даже становились въ первыхъ рядахъ по успѣхамъ. Такъ какъ школа должна главнымъ образомъ заботиться о слабѣйшихъ ученикахъ, то я, желая облегчить ученикамъ (по возможности, всѣмъ) сразу стать въ правильныя отношенія къ учебнику, научиться пользоваться имъ, какъ слѣдуетъ, предлагаю изложенный Вамъ пріемъ. Хотя къ этой цѣли стремятся и всѣ уроки объяснительнаго чтенія, но на нихъ доминирующее положеніе часто занимаетъ главная мысль статьи, а содержаніе ея играетъ служебную роль, а при чтеніи историческихъ статей все вниманіе обращается на твердое усвоеніе фактовъ. Это разъ. Во-вторыхъ, правильные пріемы объяснительнаго чтенія не всегда примѣняются въ школѣ и учителю (особенно новичку) приходится съ этимъ считаться. Какъ болѣе легкій, пріемъ мой долженъ употребляться вначалѣ, а потомъ постепенно можно перейти къ Вашему. При болѣе счастливыхъ условіяхъ можно сразу пользоваться Вашимъ пріемомъ. Нельзя не согласиться съ этими вполне основательными соображеніями.

несть къ словамъ статьи. Въ классѣ до чтенія статьи они заявляютъ, какія слова имъ непонятны и записываютъ объясненіе ихъ, данное учителемъ.

Объясненіе въ классѣ прочитанной дома статьи освѣтитъ ее учащимся съ новыхъ сторонъ, и она можетъ оказаться для нихъ болѣе занимательной, чѣмъ та, которая читается ими въ первый разъ.

2) Выразительность чтенія учителя служитъ однимъ изъ могущественныхъ средствъ сознательнаго чтенія. Выразительность чтенія, особенно лирическихъ произведеній, для пониманія имѣетъ очень большое значеніе. Подобныя произведенія могутъ быть какъ слѣдуетъ поняты только тогда, когда они вызовутъ выраженные въ нихъ чувства.

Учитель выразительнымъ чтеньемъ не только объясняетъ читаемое, но и развиваетъ у учащихся любовь къ литературнымъ произведеніямъ и даже къ самому себѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что тотъ, кто не умѣетъ выразительно читать, не долженъ быть учителемъ, особенно учителемъ родного языка и словесности.

Отъ всякаго учителя должно требовать умѣнья выразительно читать, потому что этому искусству каждый можетъ научиться, — стоитъ только соблюдать правила, преподанныя Фамусовымъ Петрушкѣ: „читай не такъ, какъ пономарь, а съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“.

Если же по какой-либо причинѣ учитель не можетъ выразительно читать, то пусть лучше самъ не читаетъ, а составляетъ сдѣлать это того ученика, который выдѣляется изъ среды товарищей выразительностью чтенія ¹⁾.

Пока учащіяся плохо владѣютъ процессомъ чтенія, ученики слѣдятъ по книгамъ, когда читаетъ учитель; но когда они болѣе или менѣе уже овладѣютъ имъ, учитель читаетъ,

1) При посѣщеніи одной изъ эстонскихъ начальныхъ школъ, я былъ удивленъ чисто русскимъ произношеніемъ словъ дѣтьми-эстонцами. Оказалось, что они подражали произношенію русской ученицы, перенявъ отъ нея тонъ и манеру говорить.

ученики, не смотря въ книги, слушаютъ. Благодаря этому, они привыкають составлять цѣльное впечатлѣніе, дѣлають усиліе уловить и удержать въ памяти содержаніе прочитаннаго, учатся правильному и выразительному произношенію.

Дальнѣйшій разборъ долженъ служить однимъ только пополненіемъ къ тому, къ чему они сами пришли, слушая статью.

Послѣ учителя учащіеся читають ее по частямъ и останавливаются на томъ, что имъ не понятно.

Прежде всего, конечно, объясняются непонятныя слова и выраженія, указывается логическая связь между отдѣльными мыслями.

3) Объясненіе словъ и выраженій, или такъ называемый матеріальный (вещественный, реальный) разборъ; выясненіе связи между предложеніями, или такъ называемый логическій разборъ.

Кромѣ словъ, требующихъ объясненія до чтенія статьи, встрѣчаются слова и выраженія, которыя умѣстно разъяснить только при чтеніи. Къ такимъ словамъ нужно отнести: а) слова съ суффиксами и префиксами; б) фигуральныя выраженія; в) слова, обозначающія отвлеченныя понятія; г) слова и выраженія, которыя можно пояснить тождественными по значенію словами и выраженіями; д) слова, поясняемая сопоставленіемъ съ однокоренными; е) слова сложныя; ж) слова и выраженія, способствующія художественному выраженію главной мысли.

а) Изъ словъ съ суффиксами чаще всего требуютъ объясненія слова уменьшительныя, ласкательныя и презрительныя.

Смысль ихъ опредѣляется или тономъ всей фразы, или содержаніемъ цѣлой статьи. Поэтому при встрѣчѣ съ такими словами нужно заботиться о возможно выразительномъ произношеніи фразъ, въ которыхъ они находятся или имѣть въ виду содержаніе всей статьи. Такъ, на примѣръ, изъ отдѣльной фразы: „Здорово, парнище! . . . Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу“ нельзя видѣть, въ какомъ значеніи упо-

треблено слово „парнище“. Чтобы объяснить его нужно обратить вниманіе на содержаніе всего стихотворенія¹⁾.

Слова съ суффиксомъ *ьк*, напр.: Васька, Ванька и т. д. могутъ быть употребляемы въ различныхъ значеніяхъ. Въ баснѣ „Волкъ и Котъ“ слово „Васька“ употреблено въ обычномъ значеніи; въ фразѣ: „Эй, Васька, пойди и принеси воды“ въ презрительномъ, а въ фразѣ: „Пожалѣйте моего парнишку Ваську“ въ ласкательномъ.

Требуютъ также объясненія глаголы съ суффиксами: *ну, ыва, ива*, напримѣръ, стукнуть, хаживать, покрикивать, сплевывать; прилагательныя съ суффиксами, показывающими обиліе качества: *ат, аст, ист, охонек, ехонек, ешенек*; съ суффиксами ласкательными: *еньк, оньк*; съ суффиксами уменьшительными: *оват, еват*.

Требуютъ иногда объясненія и слова съ префиксами, особенно съ префиксами существительныхъ *пра* и *па* (прадѣдъ, пасынокъ); съ ирефиксомъ существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ *пре* (престолъ, премудрый, преслѣдовать) и съ глагольными префиксами: *пере, за, об, от* и т. д.

Значеніе словъ съ указанными суффиксами и перефиксами можно выяснитъ дѣтямъ двояко: 1) или путемъ сравненія съ словами того же корня, но безъ суффикса или префикса; 2) или путемъ сопоставленія съ словами другихъ корней, но съ тѣми же суффиксами и префиксами. Напримѣръ, значеніе слова ручища черезъ сравненіе со словомъ рука вполне выясняется.

Если дѣти знакомы со значеніемъ слова ручища, то значеніе слова ножища можно выяснитъ простымъ сопоставленіемъ.

При объясненіи словъ съ суффиксами и префиксами въ однихъ случаяхъ удобнѣе прибѣгать къ сравненію, въ дру-

1) Такъ какъ оно обращено къ шестилѣтнему мальчику, то должно быть понимаемо не въ прямомъ значеніи, а въ переносномъ — насмѣшливомъ, ироническомъ (презрительномъ по грамматической терминологіи).

гихъ къ сопоставленію, въ третьихъ къ тому и другому. Напримѣръ, слово премудрый лучше выяснитъ сопоставленіемъ со словами пребольшой, презлой, прегадкій, потому что слово мудрый само по себѣ мало понятно дѣтямъ ¹⁾).

б) При объясненіи фигуральныхъ выраженій прежде всего необходимо обратить вниманіе на то, какого рода фигуральное выраженіе, и смотря по этому, вести его объясненіе.

Если оно зависитъ отъ выбора словъ, то его должно замѣнить обыкновеннымъ выраженіемъ: повисли перлы дождевые = повисли капли дождевыя; деревья въ зимнемъ серебрѣ = деревья въ инеѣ; золото, золото падаетъ съ неба = дождь, дождь идетъ съ неба; ковши круговые, запѣнась, шипятъ = напитокъ, находящійся въ ковшахъ, запѣнась, шинитъ.

При объясненіи подобныхъ фигуральныхъ выраженій иногда необходимо сказать, почему одно названіе употреблено вмѣсто другого. Такъ, напримѣръ, нужно объяснить, почему капли дождевыя названы перлами, почему дождь названъ золотомъ, почему ячейка сота называется келейкой ²⁾).

1) Для образца привожу, какъ Зимницкій ведетъ объясненіе подобныхъ словъ: „Зайчика у елочки попрыгиваетъ . . . елочки отъ холоду потрескиваютъ. Лиса стукъ-стукъ хвостикомъ по сырому дубищу. Словомъ зайчикъ выражается, съ одной стороны, то, что рѣчь идетъ о небольшомъ зайцѣ, съ другой — ласковое, добродушное отношеніе къ нему. Словомъ попрыгиваетъ показывается, что зайчикъ не постоянно прыгалъ, а по временамъ, съ перерывами; въ такомъ же смыслѣ употреблено и слово потрескиваютъ. Дубищемъ называютъ дубъ, отличающійся большою высотой и толщиной. Стоитъ бычище, проклеваны бо чища. О какомъ быкѣ здѣсь говорится, — о быкѣ средней величины, очень большомъ или маленькомъ? — Дѣти прежде пѣвали эту пѣсню. Сколько разъ дѣти пѣли пѣсню — разъ ли только, два, или же много разъ? — Крестьянинъ разбрасываетъ зерна. Куда крестьянинъ бросаетъ зерна — въ одну только сторону, по одному направленію, или въ разныя стороны? Все ли равно сказать: я вижу дубъ, или я вижу дубище? — Онъ былъ прежде презлымъ мальчикомъ. Можно ли замѣнить слово презлымъ словомъ злымъ? Какая разница между этими словами?

2) Учитель Демидовичъ совѣтуетъ въ данномъ случаѣ ставить

Если фигуральное выражение зависит от пропуска словъ, то необходимо возстановить пропущенныя слова: мы села — въ пепель, грады — въ прахъ, въ мечи — серпы и плуги = мы села обратимъ въ пепель, города обратимъ въ прахъ, въ мечи перекуемъ серпы и плуги.

Если фигуральное выражение зависит от перестановки обычнаго порядка словъ или предложений, то должно размѣстить ихъ въ обыкновенномъ порядкѣ, и этого будетъ вполне достаточно, чтобы предложеніе стало понятнымъ: Звонковъ раздавались нестройные звуки = раздавались нестройные звуки звонковъ. Все птичку показать къ нему (отцу) онъ (мальчикъ) приступаетъ, что этакъ хорошо поетъ = онъ (мальчикъ) все приступаетъ къ нему (отцу), чтобы онъ показалъ птичку, что (которая) этакъ хорошо поетъ. Что волки жадны, всякій знаетъ = всякій знаетъ, что волки жадны.

Если встрѣчаются слова обращенія, то слѣдуетъ остановить вниманіе, дѣлается ли оно къ лицу присутствующему или отсутствующему, или же къ неодушевленному предмету.

в) При объясненіи словъ, означающихъ отвлеченныя понятія, можно пользоваться слѣдующими приемами: 1) родовое понятіе нужно разложить на видовыя, напримѣръ, мебель: столъ, стулъ и др.; порокъ: ложь, лѣность и др.; 2) въ другихъ случаяхъ соединить отвлеченное понятіе съ конкретнымъ представленіемъ: милосердіе — милосердный человѣкъ, потомъ сказать, кого называютъ милосерднымъ человѣкомъ. О высотѣ можно дать понятіе, указывая на высокіе предметы.

Иногда отвлеченное слово разъясняется содержаніемъ цѣлой статьи, напримѣръ, лестъ въ баснѣ „Ворона и Лисица“. Если послѣ прочтенія басни учащіеся отвѣтятъ на вопросъ, какъ лисица льстила воронѣ, то этимъ они покажутъ, что у

вопросъ: Чѣмъ одинъ предметъ похожъ на другой? руководясь тѣмъ соображеніемъ, что вопросъ, предлагаемый мной, не всегда понятенъ дѣтямъ и вызываетъ отвѣты неполные или же отвлекаетъ мысль ребенка въ поиски причины, почему это, положимъ, струя сравнивается съ саблей, а не съ зеркаломъ или другимъ блестящимъ предметомъ.

нихъ составилось понятіе о лести. Что такое хвастовство, видно изъ словъ зайца въ баснѣ „Заяцъ на ловлѣ“. О лжи даетъ понятіе басня Крылова „Лжецъ“.

г) Есть много словъ и выраженій, которыя станутъ понятны, если ихъ замѣнить тождественными по значенію словами и выраженіями, напр., издѣвался — смѣялся; не провели бы такъ меня — не обманули бы меня. Особеннаго вниманія заслуживаютъ идиотизмы языка, которые но большей части непонятны дѣтямъ, напр.: зарубить на стѣнкѣ = хорошо запомнить; духу придаетъ = иридаетъ смѣлости; изъ кожи лѣзутъ вонъ = стараются изо всѣхъ силъ.

д) Нѣкоторыя слова удобно пояснить однокоренными, напр., въ предложеніи: онъ нашъ покровитель — слово покровитель нужно сопоставить съ словами: кровъ, крыша. Кровъ защищаетъ насъ отъ непогоды, покровитель отъ злыхъ людей, охраняетъ отъ несчастья, помогаетъ въ бѣдѣ. Зги не видать. Зга, сга, стга, стежка, т. е. дорога, дорожка. Зги не видать = дороги не видать, такъ темно, что даже дороги не видно ¹⁾).

Мгновенье — мигать, мигъ; запятая, запнуться = остановиться: запятая — письменный знакъ, показывающій, что предъ нимъ нужно запнуться, остановиться. Точка — ткнуть, точка такой письменный знакъ препинанія, который можно написать, ткнувъ орудіемъ письма (карандашомъ, перомъ).

е) При объясненіи сложныхъ словъ достаточно понятіе, обозначенное ими, выразить въ той словесной формѣ, изъ которой сложное слово образовалось; самовидецъ = самъ видящій; косогоръ = косая гора; дровосѣкъ = сѣкущій или рубящій дрова; водолазъ = въ воду лазящій; бѣлокурый = съ бѣлыми кудрями.

ж) Въ поэтическихъ произведеніяхъ часто встрѣчаются такія слова и выраженія, которыя употреблены поэтомъ для того, чтобы сильнѣе выразить мысль и поставить ее въ болѣе

1) Впослѣдствіи слово зга стало обозначать тьму, отсюда выраженіе тьма тьмою.

тѣсную связь съ другими. Такъ, на примѣръ, въ баснѣ „Чиждь и Голубь“ слово „бѣдняжка“ употреблено для того, чтобы отгѣтить жалкое положеніе чижа. Однако это нисколько не мѣшаетъ голубю издѣваться надъ нимъ и даже хвастаться; поступаетъ онъ такъ потому, что молодъ, а слѣдовательно не опытенъ и не понимаетъ, что это дурно и что каждому грозитъ бѣда. Въ баснѣ „Зеркало и Обезьяна“ нужно обратить вниманіе на слово „тихохонько“. Обезьяна тихохонько толкнула медвѣдя потому, что слѣпо увѣрена въ томъ, что въ зеркалѣ видитъ другую обезьяну, а не свой собственный образъ.

При чтеніи басни „Стрекоза и Муравей“, нужно обратить вниманіе на слова: „и до вешнихъ только дней прокорми и обогрѣй“. Стрекоза проситъ муравья прокормить ее до того времени, когда она снова можетъ начать безпечную и лѣнливую жизнь. Этимъ и объясняется рѣзкій отвѣтъ муравья.

При чтеніи басни „Лиса и Волкъ“ нужно остановиться на словахъ: „накушавшись досыта и добрый воропекъ прятаявши въ запасъ“, чтобы тѣмъ сильнѣе отгѣтить эгоизмъ и издѣвательство лисы надъ волкомъ, которому она предлагаетъ сѣно, а не часть своего запаса.

При чтеніи басни „Волкъ и Журавль“ слѣдуетъ остановиться на предложеніяхъ: „не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть, пришло хоть ноги протянуть“, „и съ трудностью большою кость вытащилъ“ и пояснить, что журавль не легко, а съ большимъ трудомъ помогъ волку выйти изъ бѣды и притомъ изъ очень большой. Все это сильно отгѣняетъ неблагодарность волка.

Если обратить вниманіе на подобныя выраженія, то это облегчитъ дѣтямъ вывести главную мысль произведенія.

При объясненіи отдѣльных словъ и выраженій твердо нужно помнить, что останавливаться на нихъ нужно столько, сколько это необходимо для пониманія читаемаго произведенія ¹⁾.

1) Примѣчаніе. Дѣти, особенно не знакомыя съ литературнымъ языкомъ, не поминаютъ многихъ словъ не потому, что они незна-

Рядомъ съ матеріальнымъ, или вещественнымъ, разборомъ долженъ итти и такъ называемый логическій, или смысловой, т. е. должно указать связь между членами предложенья и предложеньями.

О томъ, какъ знакомить учащихъ со взаимнымъ отношеніемъ между членами предложенья, сказано въ „Обученіи грамотъ“¹⁾. Съ переходомъ къ чтенію отдѣльныхъ статей, за исключеніемъ крайнихъ случаевъ, этого уже не слѣдуетъ дѣлать, потому что подобный разборъ будетъ излишнимъ и кромѣ того затормозитъ ходъ объяснительнаго чтенія.

Нѣтъ также надобности указывать связь между главнымъ и придаточнымъ предложеньями, потому что придаточное предложенье имѣетъ такое же значеніе, какъ и простой членъ предложенья. Если учащіеся понимаютъ отношеніе между простыми членами, то значить для нихъ должно быть понятно и отношеніе между придаточнымъ и главнымъ предложеньями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчается придаточное, не соединенное съ главнымъ союзомъ, а только интонаціей голоса, достаточно связать его союзомъ, чтобы взаимное отношеніе между предложеньями стало яснымъ, напр.: Орелъ видитъ — дубъ его свалился = орелъ видитъ, что дубъ его свалился; поспѣшишь — людей насмѣшишь = если поспѣшишь, то людей насмѣшишь; хорошо — сгорите, если жъ нѣтъ = хорошо, если (вы т. е. Чацкій) сгорите, если жъ нѣтъ.

Наименѣе очевидно отношеніе между независимыми предложеньями, хотя и связанными по смыслу, но не соединенными

комы съ представленіемъ, обозначаемымъ этимъ словомъ, а потому, что самое слово имъ неизвѣстно. Въ данномъ случаѣ достаточно литературное слово замѣнить словомъ мѣстнаго употребленія; такъ, напр., въ Глуховѣ даже дѣти образованныхъ родителей говорятъ — дитенокъ вм. ребенокъ, доржчь вм. дождь и т. п.

При обученіи дѣтей малорусскихъ и бѣлорусскихъ первое время почти всѣ слова нужно замѣнить словами родного имъ языка.

1) Русская школа за 1904 годъ №№ 7—9 и отдѣльная брошюра.

соединительными словами ¹⁾, или же соединенныхъ раздѣлительными союзами: или — или, либо — либо.

Чаще всего подобныя предложенія находятся въ слѣдующихъ отношеніяхъ: они а) или описываютъ какой-нибудь предметъ, явленіе; б) или передаютъ послѣдовательный ходъ событій; в) или указываютъ причину какого-нибудь слѣдствія; г) или общую мысль разясняютъ частными; д) или одну мысль поясняютъ другой; е) или противопоставляютъ одну мысль другой съ тѣмъ, чтобы сильнѣе выразить ихъ; ж) или исполненіемъ одной мысли исключаютъ возможность исполненія другой.

Укажемъ разсмотрѣнныя отношенія между предложеніями на примѣрахъ.

а) Описаніе предмета: „Печальная береза у моего окна, и прихотью мороза разубрана она. Какъ гроздыя винограда, концы вѣтвей висятъ, и радостенъ для взгляда весь траурный нарядъ“.

Описаніе явленія: „Ужь небо осенью дышало, ужъ рѣже солнышко блистало, короче становился день; лѣсовъ таинственная сѣнь съ печальнымъ шумомъ обнажалась; ложился па поля туманъ; гусей крикливыхъ караванъ тянулся къ югу“.

При описаніи явленія нужно обратить вниманіе на то, что все сказанное о немъ происходитъ въ одно время.

б) Передача хода событій: „Попрыгунья-стрекоза лѣто красное пропѣла“ и т. д., или: „Шли два пріятели вечернею порой и дѣльный разговоръ вели между собой; какъ вдругъ изъ подворотни дворняжка тявкнула на нихъ, за ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмигъ со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалось съ полсотни“. При чтеніи такихъ произведеній нужно обратить вниманіе дѣтей, какъ послѣ одного событія слѣдуетъ другое — сейчасъ или же черезъ извѣстный промежутокъ времени. Такъ, въ приведенныхъ басняхъ со-

1) Ихъ соединяетъ интонація голоса, но она почти неуловима, едва замѣтна.

бытія слѣдуютъ немедленно одно за другимъ. Въ балладѣ: „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“ между событіями проходятъ значительные промежутки времени.

в) Указаніе причины какого-нибудь слѣдствія: „Были и лѣто и осень дождливы; были потоплены пажити, нивы; хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ; сдѣлался голодъ, народъ умиралъ“. Приведенныя предложенія выражаютъ не только послѣдовательный ходъ событій, но кромѣ того каждое изъ нихъ служитъ причиною слѣдующаго событія. Здѣсь умѣстны вопросы: что было слѣдствиемъ того, что лѣто и осень были дождливы? Что произошло оттого, что были потоплены пажити, нивы? и т. д.

г) Разъясненіе общей мысли частными: „Все живущее прячется, кто куда можетъ, лишь бы укрыться отъ холода и ненастья. Куры и голуби пріютились на своихъ жердочкахъ подъ навѣсомъ, воробей забился въ мягкое гнѣздо. Даже неугомонныя шавки и жучки комкомъ свернулись подъ телѣгами“. Тутъ умѣстенъ вопросъ, изъ чего видно, что все живущее прячется, кто куда можетъ.

д) Поясненіе одной мысли посредствомъ другой: „Что волки жадны, всякій знаетъ: волкъ, ѣвши, никогда костей не разбираетъ. Зато на одного изъ нихъ пришла бѣда: онъ костью чуть не подавился; не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть, пришло хотъ ноги протянуть.

е) Противопоставленіе одной мысли другой: „Я подошелъ къ нему и съ участіемъ сталъ спрашивать его, не больно ли ему. Но онъ разсердился на меня, топнулъ ногой и закричалъ такимъ голосомъ, который ясно показывалъ, что онъ больно ушибся“.

„Комнату лампада слабо озаряла.

Мать надъ колыбелью, наклонясь, стояла.

А въ саду сердито выла буря злая,

Подъ окномъ деревья темныя качая.

На малютку сына нѣжно мать глядѣла,

Колыбель качая, тихо пѣсню пѣла“.

Авторъ соиоставляетъ то, что дѣлается на дворѣ, съ тѣмъ, чѣмъ окружень ребенокъ, благодаря матери.

ж) Исполненіе одной мысли исключаетъ возможность исполненія другихъ: „Иль чума меня подцѣпитъ, иль морозъ окостенитъ, иль мнѣ въ лобъ илагбаумъ влѣпитъ непроворный инвалидъ“. Если, положимъ, исполнится первая мысль, то невозможно исполненіе другихъ.

4) Выдѣленіе частныхъ мыслей и выводъ изъ нихъ главной въ поэтическихъ произведеніяхъ; составленіе плановъ прозаическихъ статей ¹⁾.

Послѣ того, какъ въ прочитанной статьѣ объяснены непонятныя слова и выраженія, указано взаимное отношеніе между предложеніями, слѣдуетъ приступить къ выводу главной мысли, при чемъ къ выясненію ея можно итти двоякимъ путемъ.

Первый: выдѣляются сначала главные мысли каждой части. По отношенію къ главной мысли всей статьи онѣ будутъ частными. Изъ частныхъ выводится главная (всей статьи).

Второй: берется главная, потомъ отыскиваются частныя и посредствомъ ихъ разъясняется и подтверждается главная.

Такъ какъ частныя мысли находятся въ зависимости отъ главной, то ихъ можно видѣть въ произведеніи только тогда, когда понятна главная; на примѣръ, можно ли сказать, какая первая частная мысль въ баснѣ „Волкъ и Лисица“, если не имѣть въ виду главной всей басни? Кто не понимаетъ послѣдней, тотъ можетъ сказать: сытость лисы, или имѣнье лисой порядочнаго запаса курятинки, или отдыхъ лисы на сѣнѣ. Если же имѣть въ виду главную мысль всей басни (имѣющая запасъ мяса лиса умирающему отъ голода волку предлагаетъ ненужное ей сѣно), тогда очевидно будетъ,

¹⁾ Четвертое средство объяснительнаго чтенія излагается въ настоящей статьѣ совершенно иначе, чѣмъ въ статьѣ „Обученіе правильному, сознательному и выразительному чтенію“.

что первая частная мысль, которая имѣетъ отношеніе къ главной, это та, что у лисы порядочный запасъ мяса.

Приведенный примѣръ ясно говоритъ за то, что пока не прочитана вся статья, нельзя приступать, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, къ выдѣленію частныхъ мыслей, даже въ томъ случаѣ, когда учитель ведетъ учащихся къ пониманію главной отъ частныхъ. Учитель долженъ имѣть въ виду главную мысль и предлагать такіе вопросы, чтобы учащіеся изъ частей статьи выводили относящіеся къ главной частныя мысли. Такъ, напримѣръ, чтобы учащіеся удачно выдѣлили частныя мысли въ баснѣ „Оселъ и Соловей“, учитель предлагаетъ слѣдующіе вопросы: 1) отчего соловей улетѣлъ отъ осла за тридевять земель? (оттого, что оселъ несправедливо судилъ о его пѣніи). 2) Изъ чего можно заключить, что оселъ несправедливо судилъ? (все восхищалось пѣньемъ соловья) 3) Можетъ быть оселъ умышленно такъ отозвался о пѣніи соловья, чтобы отвязаться отъ его надоѣдливости?

Послѣ отвѣта на предложенные вопросы для учащихся станетъ очевиднымъ, на что нужно обратить вниманіе въ каждой части, какія частныя мысли нужно выдѣлить. Учитель спрашиваетъ и отвѣты записываетъ на доскѣ: такъ о чемъ говорится въ первой части? (оселъ проситъ соловья спѣть) 2) во второй? (соловей поетъ и всѣхъ восхищаетъ своимъ пѣньемъ) 3) въ третьей? (оселъ совѣтуетъ соловью поучиться у пѣтуха) 4) въ четвертой? (соловей улетаетъ отъ осла за тридевять земель). Послѣ этого должны быть предложены еще слѣдующіе вопросы: справедливо ли сужденіе осла? какое слѣдствіе такого несправедливаго сужденія? (отъ несправедливыхъ и невѣжественныхъ судей слѣдуетъ удаляться какъ можно дальше). Неудивительно, поэтому, что авторъ закончилъ басню пожеланіемъ, чтобы каждый изъ насъ былъ избавленъ отъ такихъ судей, какъ оселъ, т. е. невѣжественныхъ, несправедливыхъ.

Только послѣ приведеннаго разбора учащіеся могутъ дать вполне удовлетворительный пересказъ: („Оселъ попро-

силъ соловья спѣть, чтобы составить мнѣніе объ его пѣніи. Соловей пѣлъ и своимъ пѣньемъ плѣнялъ не только живую, но и бездушную природу. А осель посовѣтовалъ ему поучиться у пѣтуха. Отъ такого судьи соловей улетѣлъ за тридевять земель. Естественно каждому желать, чтобы Богъ избавилъ насъ отъ невѣжественныхъ и несправедливыхъ судей.“)

Чтобы выдѣлить частныя мысли въ баснѣ „Ворона и Лисица“, учитель предлагаетъ такіе вопросы: 1) Кто потерпѣлъ и кто выигралъ въ прочитанной баснѣ. 2) Почему ворона потерпѣла, а лисица выиграла? 3) Почему лиса льстила? 4) Что хотѣла ворона сдѣлать съ сыромъ?

„Такъ о чемъ говорится въ первой части басни?“ спрашиваетъ учитель. (Ворона собралась позавтракать сыромъ). „Во второй? (Лисица задумала выманить у нея сыръ). Въ третьей? (Лисица льститъ воронѣ). Въ четвертой? (Ворона поддается лести). Въ пятой? (подавшаяся лести ворона теряетъ свой завтракъ, а льстившая лисица получила его).

Главная мысль: лисица получила сыръ, потому что льстила, а ворона лишилась его, потому что поддалась лести. Лъстецы выигрываютъ путемъ униженія, конечно (кто льститъ, тотъ унижаетъ себя), слушающіе льстецовъ теряютъ, остаются въ дуракахъ. Слушать лести такъ же предосудительно, какъ и льстить: не будь слушателей лести, не было бы и льстецовъ.

Послѣ чтенія басни „Демьянова уха“ для вывода частныхъ мыслей достаточно предложить лишь слѣдующіе вопросы: Почему Фока убѣжалъ изъ дома Демьяна? Слѣдовательно, въ первой части о чемъ говорится? (о надоедливомъ угощеніи Фоки Демьяномъ). Во второй? (о бѣгствѣ Фоки отъ такого угощенія). Главная мысль? (отъ надоедливаго угощенія, какъ бы ни была вкусна пища и какъ бы угощаемый ни любилъ ее, убѣгаютъ).

По прочтеніи и объясненіи басни „Обезьяна“ учитель спрашиваетъ: почему басня заканчивается словами: „и не диковинка, мой свѣтъ, трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ“. (Чтобы объяснить, почему обезьяну не хва-

лили). А почему крестьянина хвалили? (Потому что трудъ его былъ полезенъ). Приведенные вопросы съ очевидностью покажутъ учащимся, что въ баснѣ двѣ части: первая — полезный трудъ крестьянина и похвалы за него; вторая — бесполезный трудъ обезьяны и отсутствіе, поэтому, похвалъ. Отсюда главная мысль: полезный трудъ заслуживаетъ похвалы, а на бесполезный не обращаютъ вниманія).

Теперь на примѣрахъ рассмотримъ, какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда главная мысль извѣстна.

Въ баснѣ „Квартетъ“ главная мысль выражена словами: „Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье и уши вашихъ понѣжней, а вы, друзья, какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь“.

Какими частными мыслями подтверждается эта главная?

1) Осель, козелъ, медвѣдь и мартышка имѣютъ музыкальные инструменты, изъ всѣхъ силъ стараются играть стройно, но ничего у нихъ не выходитъ.

2) Какъ они ни садятся, отъ этого игра не улучшается.

Слѣдовательно, басню можно раздѣлить на три части:

1) плохая игра участниковъ квартета, несмотря на все ихъ желаніе;

2) разсаживаніе ихъ по разнымъ мѣстамъ въ надеждѣ улучшить игру;

3) указаніе соловья на то, отчего у нихъ не удается музыка.

Въ нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеніяхъ главная мысль не выражена ни въ нихъ самихъ, ни ее нельзя вывести изъ частныхъ. Такъ, на примѣръ, изъ басни „Мышь и крыса“ слѣдуетъ только то, что, по мнѣнію крысы, кошка сильнѣе всѣхъ звѣрей. Но смыслъ басни, очевидно, не такой. Чтобы выяснитъ его, нужно предложить вопросъ, почему крыса такъ думаетъ. Ближайшій сильный врагъ кажется намъ самымъ сильнымъ, мы считаемъ самымъ сильнымъ того, предъ кѣмъ приходится испытывать страхъ.

Часто случается, что въ книгѣ, читаемой съ дѣтьми,

попадаютъ статьи, выражающія однѣ и тѣ же идеи. Поэтому, когда встрѣчается статья, идея которой такая же, какъ и въ статьѣ, раньше объясненной, слѣдуетъ послѣ разбора предложить вопросъ, не читали ли статьи, гдѣ выражена та же идея и какъ она тамъ выражена. Такія сравненія будутъ способствовать какъ лучшему пониманію указанной идеи, такъ и закрѣпленію ея въ памяти.

Такъ, на примѣръ, въ „Книгѣ для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ“ Паульсона находятся три басни, сходныя по идеѣ: „Золотые орѣхи“¹⁾ (10 стр.), „Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ“ (27), „Соловей и Чижъ“ (27). Во всѣхъ этихъ басняхъ выражена одна и та же мысль: нельзя судить по внѣшнему виду. То, что красиво съ виду, очень часто не обладаетъ тѣми хорошими качествами, какихъ мы ожидаемъ.

Послѣ того, какъ при чтеніи басни „Золотые орѣхи“ будетъ выяснено, что дѣвочка по красивому виду орѣховъ заключила, что въ нихъ должны быть вкусныя зерна, дѣти, при чтеніи басенъ: „Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ“ и „Соловей и Чижъ“ легко иоймутъ, что мышенокъ и мальчикъ рассуждаютъ совершенно такъ же, какъ и дѣвочка.

Сопоставленіе сходныхъ по идеѣ произведеній въ высшей степени способствуетъ тому, чтобы дѣти ясно поняли и усвоили ихъ идею.

1) Такъ какъ басня „Золотые орѣхи“ мало извѣстна, то привожу ее:

„Наканунѣ Рождества дѣти стояли вокругъ елки, на которой красовалось много зажженныхъ свѣчей, разноцвѣтныхъ вещицъ и гостинцевъ. Маленькой Леночкѣ болѣе всего бросались въ глаза золотые орѣхи, и она стала просить ихъ. „Эти орѣхи повѣшены только для украшенія“, сказала мать: „ѣсть ихъ нельзя. Вотъ тебѣ другіе орѣхи“. Но Леночка начала плакать. „Не хочу я темныхъ орѣховъ“, кричала она, „хочу золотыхъ; они вкуснѣе!“ Мать видитъ, что съ упрямницей ничего не подѣлаешь; она и дала ей золотые орѣхи, а прочіе роздала ея братьямъ и сестрамъ. Леночка очень обрадовалась и съ нетерпѣніемъ стала ихъ расколочивать. Но какова была ея досада, когда она увидѣла, что орѣхи всѣ пустыя. Такъ она и осталась безъ орѣховъ“.

Теперь разсмотримъ, какъ составлять планы научныхъ статей.

Планъ составляется для того, чтобы болѣе наглядно показать строеніе статьи и логическую связь между ея частями, а также и для того, чтобы помочь учащимся соединить всѣ части въ одно цѣлое, но совѣмъ не для того, чтобы заучивать его наизусть, какъ этого требуютъ многіе учителя. На планъ должно смотрѣть лишь какъ на одно изъ средствъ, способствующихъ лучшему пониманію и усвоенію статьи.

Планъ не долженъ быть скрупулезнымъ. Въ немъ необходимо отмѣчать лишь то, что относится къ главному предмету сочиненія — повѣствовательнаго, описательнаго, судительнаго. Въ планѣ повѣствованія необходимо отмѣтить послѣдовательность въ ходѣ событій; въ планѣ описанія — признаки, наиболѣе рельефно отгѣняющіе предметъ; въ планѣ разсужденія — причинную зависимость между признаками или явленіями. Что касается уклоненій отъ темы, которыя сплошь и рядомъ допускаются авторами, то они не должны имѣть мѣста въ планѣ изучаемой статьи. Особенно часто авторы высказываютъ свои впечатлѣнія по поводу изображаемыхъ событій или предметовъ. О нихъ (т. е. впечатлѣніяхъ) ненужно упоминать въ планѣ, а тѣмъ болѣе не нужно заставлять учащихся передавать ихъ, такъ какъ это будетъ пустой болтовней.

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ слѣдуетъ составлять планы, привожу образцы плановъ, извлеченныхъ изъ статей повѣствовательнаго, описательнаго и судительнаго характера, находящихся въ моей хрестоматіи, предназначенной для 5 и 6 годовъ обученія въ городскихъ училищахъ и среднихъ классовъ (3 и 4) среднихъ учебныхъ заведеній.

Планъ повѣствованія Карамзина „Славная Куликовская битва“. (Стр. 60).

I¹⁾ Событія, предшествовавшія битвѣ.

1) Извѣстно, что прозаическія произведенія обыкновенно состоятъ изъ вступленія, изложенія и заключенія. Въ планахъ всту-

- А. Событія 6-го сентября 1380 года :
1. обсужденіе, гдѣ ожидать монголовъ,
 2. письмо св. Сергія,
 3. вѣсть о движеніи Мамаю.
- Б. Событія 7-го сентября :
1. разыскиваніе броду,
 2. наведеніе мостовъ.
- В. Событія 8-го сентября до битвы :
1. молитва великаго князя Дмитрія,
 2. объѣздъ имъ войскъ и обращеніе къ нимъ съ рѣчью.
- II. Ходъ битвы.

- А. Начало битвы.
- Б. Самая битва :
1. общая битва русскихъ съ монголами,
 2. выступленіе изъ засады Владимира Андреевича,
 3. бѣгство монголовъ и преслѣдованіе ихъ русскими.

Планъ описанія Дмитріева „Кивачъ“ (стр. 109).

II. Описаніе водопада Кивачъ.

- А. Кивачъ съ платформы.
- Б. Кивачъ съ балкона дома :
1. днемъ,
 2. ночью,
 3. при восходѣ солнца.
- В. Кивачъ съ бельведера.
- III Указаніе на описаніе Кивача Державинымъ.

Планъ описанія „Индѣйскій океанъ“ (стр. 111).

II. Описаніе Индѣйскаго океана.

- А. Его границы,
- Б. глубина,

пление принято обозначать римской цифрой I, изложеніе — II, заключеніе — III. Часто въ сочиненіяхъ нѣтъ вступленія или заключенія, или того и другого. Если въ планѣ будутъ стоять цифры I, II, III, значитъ сочиненіе состоитъ изъ всѣхъ трехъ частей; если же только цифра II, изъ одной главной части, т. е. изложенія.

В. дно :

1. верхній слой дна,
2. образованіе этого слоя,
3. картина дна.

Г. Острова большіе и малые.

Д. Океанъ днемъ :

1. обыкновенный видъ океана ;
2. океанъ во время пассата и штиля ;
3. акулы, преслѣдующія корабль ;
4. океанъ въ полдень ;
5. океанъ во время и послѣ шквала.

Е. Океанъ ночью :

1. темнота,
2. „свѣченіе“ океана.

III. Душевное состояніе при долгомъ плаваніи по океану.

Планъ разсужденія Карамзина „О любви къ отечеству и народной гордости.“

II. Раздѣленіе понятія „любовь къ отечеству“ на видовыя понятія — физическую, нравственную и политическую.

A. Опредѣленіе любви физической и развитіе ея подь вліяніемъ слѣдующихъ условій :

1. воспоминаній дѣтства, связанныхъ съ воспоминаніями о началѣ нашего благополучія — жизни ; въ подтвержденіе этой мысли приведены ; а) сравненіе (друзья) и б) примѣръ (лапландецъ).

2. и приспособленія организма къ условіямъ родного климата, въ подтвержденіе чего Карамзинъ а) ссылается на свидѣтельство медиковъ, б) приводитъ въ примѣръ жителя суроваго Унтервальдена, в) указываетъ аналогію между растеніями и человѣкомъ, г) и въ концѣ концовъ ограничиваетъ свои положенія относительно воздѣйствія родины на развитіе любви къ ней.

Б. Опредѣленіе любви нравственной и развитіе ея подь вліяніемъ привычки къ окружающему обществу, въ подкрѣ-

плєніє чєго Карамзинъ приводитъ : а) примѣръ встрѣчающихся на чужбинѣ согражданъ и б) свидѣтельство голландца.

В. Условія развитія политической любви къ отечеству : 1) рассужденіе и 2) сознаніе зависимости личнаго блага отъ блага отечества ; въ подтвержденіе послѣдняго положенія приведена аналогія (о сынѣ и отцѣ).

III. Источникъ любви къ отечеству и источникъ народной гордости.

Что касается такъ называемыхъ нѣмыхъ плановъ, то о нихъ едва ли стоитъ и говорить : нѣтъ сомнѣнія, что они пи въ коемъ случаѣ не могутъ способствовать ни пониманію, ни усвоенію статей, т.-е. тому, къ чему только и нужно стремиться при объяснительномъ чтеніи. Помогаютъ ли нѣмые планы развитію способности обобщенія и абстракціи, какъ нѣкоторые думаютъ, судить не могу. Если даже допустить, что помогаютъ, то во всякомъ случаѣ едва ли благодарная задача развивать эти способности на нѣмыхъ планахъ.

Изъ сказаннаго о планахъ очевидно, что если только они не нѣмые, то могутъ помочь лучшему пониманію логическаго построенія статей, а потому вопросъ, нужна ли постройка плановъ, должно признать совершенно нразднымъ. Можно ставить вопросъ лишь о томъ, какъ составлять планы, чтобы они были возможно полезнѣе.

Дальше посмотримъ, всѣми ли указанными средствами объяснительнаго чтенія должно пользоваться сразу или же только нѣкоторыми, и если всѣми, то въ какихъ случаяхъ, а если не всѣми, то когда.

Если статья представляетъ болынія затрудненія для пониманія или даетъ подходящій для объясненія матеріалъ по содержанию и по изложенію, то она разсматривается съ особенной тщательностью, на объясненія идетъ больше времени, чѣмъ на чтеніе самой статьи. Чтеніе, сопровождаемое объясненіями такого рода, называется старымъ.

Если статья по содержанию проста или такова, что представляетъ больше интереса, какъ матеріалъ для усвоенія, чѣмъ

для толкованія, то можно ограничиться такъ называемымъ курсорнымъ чтеніемъ, т.-е. чтеніемъ, сопровождаемымъ самыми необходимыми и притомъ возможно краткими поясненіями. При курсорномъ чтеніи, смотря по содержанію статьи, можно воспользоваться однимъ-двумя средствами объяснительнаго чтенія. Для объясненія одной статьи достаточно предварительной бесѣды; для объясненія другой — выразительнаго чтенія учителя; при объясненіи третьей можно ограничиться разъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій; при чтеніи четвертой довольно остановиться на выдѣленіи частныхъ мыслей и главной; пятая станетъ вполне понятной, если ее сравнить съ подобной по идеѣ. При курсорномъ чтеніи иногда можно ограничиться однимъ или двумя изъ слѣдующихъ вопросовъ: какія лица въ ней главныя, какія второстепенныя, кто въ ней нравится или не нравится и почему. Словомъ, курсорное чтеніе возможно тогда, когда учитель не столько объясняетъ, сколько убѣждается въ томъ, понимаютъ ли ее учащіеся.

Чтобы покончить съ объяснительнымъ чтеніемъ, нужно еще сказать, какой формой обученія надо пользоваться при немъ ¹⁾. Наиболеѣ подходящей формой при объяснительномъ чтеніи нужно признать смѣшанную, т.-е. такую, гдѣ эвристическая чередуется съ монологической. Чѣмъ моложе возрастъ, тѣмъ болѣе должна преобладать первая, чѣмъ старше, тѣмъ болѣе вторая. Кроме того, выборъ формы объясненія долженъ находиться въ зависимости отъ читаемой статьи и отъ средства, которое примѣняется при объясненіи. Однѣ статьи въ большей степени требуютъ монологической формы, другія — эвристической.

Въ предварительной бесѣдѣ учитель самъ излагаетъ, что считаетъ нужнымъ сказать до чтенія статьи, заставляетъ учащихся повторить сказанное. При вещественномъ разборѣ онъ или самъ объясняетъ неопытные слова и выраженія, или

1) Вопросъ о формахъ обученія представляетъ обработку и дополненіе сказаннаго въ ст. „обученіе чтенію“.

побуждаетъ учащихся сказать, какъ они понимаютъ ихъ. При логичекомъ разборѣ слѣдуетъ пользоваться исключительно эротематической формой, чтобы вызвать учениковъ на размышленіе. При выдѣленіи частныхъ мыслей нельзя обойтись безъ вопросовъ. За выдѣленіемъ частныхъ мыслей и за выводомъ изъ нихъ главной долженъ слѣдовать связанный пересказъ безъ вопросовъ и выразительное чтеніе.

Чѣмъ болше учащіяся развиваются, тѣмъ менѣе учитель предлагаетъ вопросовъ и предоставляетъ имъ самимъ производить разборъ читаемыхъ статей.

Къ крайнему сожалѣнію, въ настоящее время рѣшительно всѣ составители методикъ но объяснительному чтенію болны страстью къ чрезмѣрному обилію вопросовъ. Такъ, напримѣръ, по поводу слѣдующихъ словъ: „Видѣлъ татаринъ во снѣ кисель, да ложки не было; легъ спать съ ложкой, киселя не видалъ“ — Д. Тихомировъ ставитъ слѣдующую вереницу вопросовъ: „Что приснилось татарину? — Почему же онъ не поѣлъ тогда киселя? — Что сдѣлалъ татаринъ? — Почему онъ легъ съ ложкой? — Поѣлъ ли киселя татаринъ? — Почему не поѣлъ? — А если бы была ложка, могъ бы татаринъ поѣсть киселя?“¹⁾ Такой вопросной пыткой подвергаетъ Тихомировъ ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей изъ-за какого-то догадливаго татарина, о которомъ, правду сказать, въ школѣ совѣмъ и читать не слѣдовало бы.

Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что при подобномъ способѣ веденія объяснительнаго чтенія у учащихся получается отвращеніе къ читаемымъ произведеніямъ. Вслѣдствіе того, что учитель ставитъ безконечное число вопросовъ, въ большинствѣ случаевъ не требующихъ умственного напряженія, умъ учащихся становится слабымъ, дряблымъ, безпомощнымъ, неспособнымъ къ проявленію дѣятельности безъ внѣшняго толчка — безъ вопроса²⁾.

1) „Опытъ плана и конспектовъ элементарныхъ занятій по русскому языку“.

2) Авторъ брошюры „Ученье и учитель“ говоритъ: „Учитель

Не хорошо также при объясненіяхъ уклоняться въ сторону и говорить больше, чѣмъ это необходимо для пониманія читаемой статьи. Такъ, на примѣръ, о животномъ, встрѣтившемся въ баснѣ, нужно сказать лишь то, что имѣетъ отношеніе къ баснѣ. Въ подробности можно вдаваться при чтеніи научной статьи о немъ. Но и въ данномъ случаѣ нужно быть осторожнымъ, чтобы не обременить памяти учащихся излишними свѣдѣніями.

Словомъ, объяснительное чтеніе научныхъ статей должно нѣсколько отличаться отъ объяснительнаго чтенія поэтическихъ, содержащихъ въ себѣ какую-нибудь идею. Чтеніе первыхъ должно способствовать образованію возможно полныхъ и точныхъ понятій о предметахъ и явленіяхъ или выясненію причинной зависимости между предложеніями, развивая въ то же время навыкъ путемъ анализа лучше и всестороннѣе изучать окружающій насъ міръ и находить причинную зависимость одного явленія отъ другого, однихъ признаковъ отъ другихъ. Чтеніе вторыхъ должно возбуждать лучшія чувствованія, направлять къ добру и на конкретныхъ примѣрахъ знакомить дѣтей съ важнѣйшими положеніями нравственной жизни, отношеній человѣка къ человѣку и природѣ одушевленной и неодушевленной. Поэтому, по прочтеніи и объясненіи каждой научной статьи необходимо составить ея планъ и потребовать, чтобы она тщательно была усвоена, а по прочтеніи и объясненіи поэтической, если есть возможность, слѣдуетъ поставить рядъ вопросовъ воспитательнаго характера. Такъ, напр.,

можетъ довести ученика до оупѣнія, прерывая мысль его въ чтеніи на каждомъ шагу и сбивая его съ толку вопросами и внушеніями. Чтеніе какой-нибудь басни превращается у иного учителя въ урокъ *de omni re scibili et quibusdam aliis* (Обо всемъ познаваемомъ и еще кой-о-чемъ другомъ): точно входитъ онъ въ лѣсъ и спотыкается на каждомъ кустикѣ и деревѣ, забывая совсѣмъ о существенномъ предметѣ урока. Неразумные поклонники этого метода, развивая его, любятъ составлять примѣрные уроки длинныхъ объяснительныхъ чтеній; служа образцами, эти уроки вводятъ одного слѣпца за другимъ въ яму, изъ которой не найдешь выхода.“ (Стр. 14).

при чтеніи басни „Муравей и голубка“¹⁾ можно поставить слѣдующіе вопросы: Хорошо поступила голубка? Почему поступокъ голубки нужно назвать хорошимъ? А муравей хорошо поступилъ? Почему поступокъ муравья слѣдуетъ назвать хорошимъ?

Благодаря поставленнымъ вопросамъ, дѣти не только проникнутся мыслью, что оказывать помощь другому весьма хорошо, но у нихъ самихъ явится желаніе помогать, потому что это считается хорошимъ и потому также, что муравей и голубка пользуются ихъ сочувствіемъ, а сочувствіе къ нимъ, усиленное ихъ бѣдственнымъ положеніемъ, должно особенно сильно содѣйствовать тому, чтобы высказанная мысль глубоко запала въ душу и чтобы окрѣпло стремленіе къ оказыванію помощи.

Вопросами подобнаго рода нужно пользоваться съ большою осторожностью; неумѣлыми вопросами можно наводить дѣтей на нежелательныя мысли.

Чтобы показать, насколько осторожно и строго-обдуманно должно ставить подобные вопросы, приведу для примѣра такіе, которые на первый взглядъ покажутся даже весьма подходящими. При разборѣ басни „Муравей и голубка“ за вопросомъ „что случилось съ муравьемъ“ и „что случилось съ голубкой“ — можно предложить вопросы: „Виноватъ ли былъ муравей, что съ нимъ случилась бѣда? — Виновата ли была голубка, что чуть было не попала въ бѣду? — съ тѣмъ, чтобы возбудить къ нимъ большее сочувствіе и большее право на помощь, такъ какъ ни муравей, ни голубка не виноваты въ своей бѣдѣ. Но эти вопросы нельзя считать удачными,

1) „Муравей спустился къ ручью; захотѣлъ напиться. Волна захлеснула его и чуть не потопила. Голубка несла вѣтку; она увидѣла — муравей тонетъ, и бросила ему вѣтку въ ручей. Муравей сѣлъ на вѣтку и спасся. Потомъ охотникъ разставилъ сѣтъ на голубку и хотѣлъ захлопнуть. Муравей подползъ къ охотнику и укусилъ его за ногу; охотникъ охнулъ и уронилъ сѣтъ. Голубка вспорхнула и улетѣла“.

такъ какъ они могутъ навести на мысль, что тѣмъ, которые попали въ бѣду по своей винѣ, не стоитъ и помогать. Или, напримѣръ, Д. Тихомировъ предлагаетъ такой вопросъ: „Почему муравей спасъ голубку?“ и отвѣчаетъ: „потому что голубка его спасла“. Пусть даже это справедливо, однако, такимъ вопросомъ онъ значительно умаляетъ воспитательное достоинство басни, ставя стремленіе помогать другому на эгоистическую точку зрѣнія, а не на альтруистическую: помогай другому потому, что и самъ можешь нуждаться въ его помощи; помогай тому, кто тебѣ помогаетъ.

Считаю не лишнимъ привести выработанные собраніемъ учащихся въ С.-Петербургскихъ городскихъ начальныхъ школахъ тезисы относительно того, чего слѣдуетъ избѣгать при чтеніи:

а) Не слѣдуетъ очень долго останавливаться на объясненіи отдѣльныхъ словъ.

б) Не слѣдуетъ вымучивать у ребенка точныхъ опредѣленій.

в) Надо умѣло и осторожно пользоваться такъ называемыми наводящими вопросами, особенно при чтеніи художественныхъ статей, иначе мы рискуемъ достигнуть совсѣмъ обратныхъ результатовъ, а именно: вмѣсто пробужденія въ душѣ ребенка высокихъ гуманныхъ чувствъ, пробудить только скуку и утомленіе и за долгими и сложными объясненіями мелочей сдѣлать для него незамѣтными и красоту формы, и поэтическія красоты, и высокую идею читаемаго произведенія; однимъ словомъ, слѣдуетъ помнить, что долгимъ и скучнымъ объясненіемъ подробностей мы можемъ достигнуть не любви и интереса къ чтенію, а отвращенія къ нему.

г) Не слѣдуетъ знакомить дѣтей во время чтенія съ незнакомыми предметами, если продолжительная бесѣда о нихъ отвлекаетъ вниманіе дѣтей отъ главнаго предмета; лучше всего въ подобныхъ случаяхъ знакомить дѣтей съ неизвѣстными предметами до чтенія статьи, сгруппировавъ нѣсколько однородныхъ предметовъ.

д) Не слѣдуетъ требовать передачи стихотвореній и басень непременно „своими словами.“

е) Не слѣдуетъ допускать чтенія ни слишкомъ быстро, ни монотоннаго, особенно надо избѣгать ложнаго „пауза.“

Что касается лирическихъ произведеній, прибавлю отъ себя, то пересказа ихъ не слѣдуетъ требовать. Въмѣсто этого, лучше лишій разъ выразительно читать ихъ, а если они заслуживаютъ, то и выучить наизусть. Не безынтересно къ случаю привести изъ драмы Отто Эрнста „Фляксманъ, какъ воспитатель“ слѣдующія слова школьнаго совѣтника и профессора Преля объ урокъ учителя Флемминга: „Вчерашній урокъ по объяснительному чтенію былъ особенно хорошгъ. Я думалъ, что дѣти не въ силахъ понять истинно лирическихъ произведеній. Но теперь я вижу, что этого можно достигнуть. Вы не раздергивали стихотворенія и не оципывали съ него листьевъ. Вы осторожно подготовили дѣтей къ его разумѣнью, вы подготовили соотвѣтствующее настроеніе; вы подготовили для стихотворенья почву въ дѣтской душѣ, а затѣмъ разомъ подняли вы живое растеніе, — все, со всѣми тонкими его корнями и посадили его въ дѣтское сердце, — прямо, непосредственно въ сердце, а не въ одну лишь голову“.

Вотъ и все, чего можно требовать отъ объяснительнаго чтенія, какъ средства, ведущаго къ сознательному чтенію, къ пониманью смысла читаемаго.

Остается сказать о второмъ и третьемъ средствахъ, ведущихъ къ сознательности — пересказъ читаемаго и повторы прочитаннаго.

2.

Пересказъ читаемаго.

Значеніе пересказа; способы веденія пересказа.

Пересказывающій, дѣлая усиліе воспроизвести и выразить то, что читалъ, начинаетъ еще лучше понимать объясненное.

При пересказѣ мысли автора какъ будто становятся мыслями пересказывающаго ихъ.

Пересказъ прочитанныхъ произведеній закрѣпляетъ въ памяти мысли и ихъ выраженіе; служитъ прекрасной подготовкой къ правильному и связному изложенію собственныхъ мыслей; развиваетъ способность припоминанія, воспроизводящаго воображенія и даже мышленія, — мышленія потому, что при пересказѣ нужно отдѣлять существенное и важное отъ несущественнаго и неважнаго.

Умѣнье хорошо пересказать имѣетъ громадное значеніе въ жизни: имъ очень часто необходимо пользоваться.

Въ виду всего этого на пересказъ прочитанныхъ произведеній нужно обращать большое вниманіе и нужно приучать къ такому пересказу, который воспроизводилъ бы весь главный ходъ мыслей.

Къ подобному пересказу нужно приучать постепенно.

На первыхъ порахъ пересказъ дается съ трудомъ и учитель по мѣрѣ надобности помогаетъ вопросами, которые напоминаютъ учащемуся содержаніе и ходъ мыслей прочитаннаго, при чемъ учитель долженъ предоставлять свободу учащимся отвѣчать или своими словами, или словами книги.

На слѣдующей ступени, когда учитель будетъ предлагать вопросы, касающіеся только главнаго хода мыслей, въ отвѣтахъ сама собой проявляется самостоятельность изложенія. Уклоненіе отъ книжныхъ выраженій и необходимость въ самостоятельныхъ нужна будетъ еще въ большей степени, когда учитель станетъ требовать возможно краткаго изложенія содержанія статьи, воспроизводимаго по плану.

Какъ вести пересказъ на первой, второй и третьей ступеняхъ, покажемъ на примѣрахъ.

Къ пересказу на первой и второй ступеняхъ нужно готовить вопросы.

Возьмемъ басню Крылова „Лисица и виноградъ“. Подготовительные вопросы на первой ступени: Куда залѣзла лиса?

Что было въ саду? Гдѣ находился виноградъ? Достала ли лиса виноградъ? Что она сказала, уходя изъ сада?

Послѣ этихъ вопросовъ и данныхъ на нихъ отвѣтовъ нужно потребовать связнаго пересказа, который долженъ представлять рядъ отвѣтовъ на предложенные раньше вопросы:

Голодная лиса залѣзла въ садъ. Въ немъ былъ очень зрѣлый виноградъ. Онъ висѣлъ высоко. Лиса никакъ не могла достать его. Уходя изъ сада она съ досадой сказала, что онъ еще зеленъ.

Когда дѣти привыкнутъ отвѣчать на подобные вопросы и подробно передавать содержаніе прочитаннаго, слѣдуетъ предлагать вопросы, касающіеся только главнаго хода мыслей, и такъ предлагать ихъ, чтобы отвѣчать нужно было своими словами. Напримѣръ при чтеніи басни: „Обезьяна“ можно предложить слѣдующіе вопросы: Усердно ли трудился крестьянинъ? Какъ относились прохожіе къ его труду? Почему прохожіе хвалили трудъ крестьянина? Какъ обезьяна трудилась? Какъ отнеслись къ ея труду? Почему такъ отнеслись къ ея труду?

Послѣ отвѣта на предложенные вопросы нужно потребовать связнаго пересказа, который приблизительно будетъ такимъ:

Крестьянинъ трудился очень усердно. Прохожіе хвалили его, потому что трудъ его былъ полезенъ.

Обезьяна трудилась гораздо усерднѣе крестьянина, но ея никто не похвалилъ, потому что ея трудъ былъ бесполезенъ.

Еще больше самостоятельности представляетъ пересказъ по плану безъ подготовительныхъ вопросовъ. Такъ, на примѣръ, имѣя одинъ только планъ басни „Волкъ и журавль“:

- 1) бѣда съ волкомъ,
- 2) помощь и просьба журавля,
- 3) отвѣтъ волка на просьбу — гораздо труднѣе будетъ рассказать басню, чѣмъ тогда, когда были предложены подготовительные вопросы.

На дальнѣйшей ступени обученія учащіеся безъ плана должны при пересказѣ передавать только главный ходъ мыслей.

На высшей ступени обученія сознательному чтенію можно ограничиваться однимъ изложеніемъ прочитаннаго. Если учащійся передаетъ только важнѣйшее, имѣющее отношеніе къ главной мысли, то этимъ самымъ онъ показываетъ, что понимаетъ идею произведенія. Такого изложенія можно достигнуть только на 5-мъ или 6-мъ году обученія и то въ томъ случаѣ, если объяснительное чтеніе велось строго систематически. Изложеніе должно содержать распространенно выраженную главную мысль. Примѣръ такого изложенія басни „Стрекоза и Муравей“ :

Стрекоза беззаботно пѣла все лѣто. Съ наступленіемъ зимы она отправилась къ муравью просить пріюта. Въмѣсто раскаянія въ своемъ бездѣльѣ, она хвасталась имъ. Муравей, убѣдившись, что имѣетъ дѣло съ неисправимой лѣнницей, отказалъ ей въ помощи.

Твердо нужно помнить, что рядомъ съ устными пересказами должны идти и письменные. Сначала письменные служатъ лишь повтореніемъ устныхъ; когда же учащійся достигнетъ извѣстнаго совершенства въ письменномъ пересказѣ, слѣдуетъ требовать письменныхъ безъ предварительныхъ устныхъ.

Не безынтересенъ еще и слѣдующій вопросъ: нужно ли закрывать книги для чтенія во время пересказа или нѣтъ.

Зимницкій отвѣчаетъ на него утвердительно. „Иначе“, говоритъ онъ, „ученики, вмѣсто того, чтобы внимательно слѣдить за передачей содержанія прочитанныхъ предложеній, производимой ихъ товарищемъ, нерѣдко разсматриваютъ какую-либо картину, находящуюся въ книгѣ, читаютъ дальше по книгѣ и т. п. Допустимъ даже, что ученики, смотря въ книги, будутъ не постороннимъ чѣмъ-либо заниматься, а слѣдить за передачей содержанія предложеній, — и въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ позволять имъ этого, потому что они должны слѣдить за товарищемъ не по книгѣ, а по памяти, насколько усвоено ими содержаніе прочитаннаго. Только такого рода отношеніе дѣтей къ передачѣ однимъ изъ нихъ

содержанія прочитаннаго содѣйствуетъ развитію во всѣхъ нихъ навыка легко и вѣрно схватывать мысли читаемыхъ предложеній, потому что въ такомъ случаѣ упражненіемъ въ разсматриваемой передачѣ занятъ не одинъ тотъ ученикъ, который вслухъ производитъ ее, но и всѣ остальные ученики, съ тѣмъ лишь различіемъ отъ перваго, что они производятъ ее про себя и вмѣстѣ съ тѣмъ критически относятся къ работѣ своего товарища“. Зимницкій даже совѣтуетъ, какъ именно слѣдуетъ закрывать книги во время пересказа: онѣ должны быть обернуты лицомъ къ столу тѣми страницами, по которымъ ведется чтеніе. Такъ необходимо поступать, но его мнѣнію, чтобы не было „никакой потери времени при закрытіи книгъ и приведеніи ихъ снова въ такое положеніе, какое обыкновенно дается имъ при чтеніи.“ Указанный способъ закрыванія читаемаго портитъ книги: не лучше ли, поэтому, требовать, чтобы учащіеся прятали книги подъ столъ развернутыми, или же имѣли при книгѣ для чтенія закладку и просто закрывали ихъ, когда нужно, на столѣ.

Во время письменнаго пересказа, особенно на первыхъ порахъ, книги непременно должны лежать раскрытыми иередь учащимися, чтобы они могли посмотреть, какъ пишется то или иное слово. Когда же они достаточно окрѣпнутъ въ орфографіи, книги должны быть спрятаны.

3.

Повтореніе прочитаннаго.

Значеніе повторенья; какъ вести повтореніе прочитанныхъ статей.

Какъ бы учитель хорошо ни объяснилъ прочитаннаго произведенія, какъ бы учащіеся хорошо ни пересказывали его, однако всего этого не вполне еще достаточно для совершеннаго пониманія читаемаго произведенія. Идеи произведеній въ совершенствѣ усваиваются и понимаются нами только тогда,

когда мы неоднократно возвращаемся къ нимъ, неоднократно обдумываемъ ихъ. Такова природа нашего ума и съ этимъ должно считаться. Поэтому крайне антипсихологически ноступаютъ тѣ учителя, которые всѣми мѣрами добиваются, чтобы учащіеся за одинъ разъ усвоили и въ совершенствѣ поняли прочитанное произведеніе.

Совершенное усвоеніе и пониманіе дается только путемъ повторенія черезъ извѣстные промежутки времени. Что сегодня неясно и непонятно, то станетъ вполне яснымъ и понятнымъ черезъ два-три мѣсяца безъ посторонней помощи. Потому-то постоянно нужно прибѣгать къ новторенію и смотрѣть на него, какъ на могущественное средство сознательнаго чтенія. Кромѣ того, повтореніе способствуетъ усвоенію содержанія статей и ихъ языка, а также возобновляетъ тѣ чувства, которыя были испытаны при первомъ чтеніи. Такимъ образомъ, повтореніе имѣетъ образовательное и воспитательное значеніе.

Чѣмъ моложе возрастъ учащихся, тѣмъ короче долженъ быть срокъ для изученія новаго матеріала. На первыхъ порахъ должно повторять пройденное въ теченіе мѣсяца, потомъ двухъ-трехъ. Къ повторенію одного и того же слѣдуетъ возвращаться въ продолженіе года раза два-три.

Что повтореніе дѣйствительно имѣетъ громадное значеніе для сознательнаго отношенія къ читаемому, каждый изъ насъ можетъ провѣрить наблюденіемъ надъ самимъ собой — стоитъ только прочесть трудную для пониманія книгу. Не смущаясь тѣмъ, что она мало понятна или даже совсѣмъ непонятна, нужно дочитать ее до конца. Черезъ нѣсколько времени снова приняться за ея чтеніе, — она окажется уже болѣе понятной. Пропустивъ два-три мѣсяца, снова прочесть. Несмотря на то, что прошелъ такой короткій срокъ, мы, къ удивленію, увидимъ, какъ намъ становится вполне яснымъ то, что раньше было совершенно темно.

Одинъ изъ извѣстныхъ въ настоящее время профессоровъ философіи „Этику“ Спинозы понялъ только при седьмомъ разѣ чтенія.

Покойный профессор С. С. Гогоцкій часто говаривалъ, что философію Гегеля онъ вполне выразумѣлъ лишь послѣ тридцатилѣтняго изученія произведеній этого философа. „Фаустъ“ Гете всемірно извѣстнымъ произведеніемъ вышелъ потому, что обдумывался своимъ творцомъ въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ. Великое можетъ быть создано только послѣ частныхъ и долгихъ обдумываній. И произведенія въ совершенствѣ могутъ быть поняты только послѣ повторныхъ чтеній.

Повторительное чтеніе должно вести нѣсколько иначе, чѣмъ объяснительное.

При объяснительномъ учитель заботится, чтобы учащіеся поняли читаемыя произведенія; при повторительномъ онъ лишь убѣждается, понимаютъ ли они ихъ. Для этого одно произведеніе онъ заставляетъ выразительно прочесть, другое пересказать, третье раздѣлить на части; въ четвертомъ указать, какія дѣйствующія лица нравятся и почему; какія не нравятся и почему; въ пятомъ главную мысль подтвердить частными.

М. Тростниковъ.

Объ основахъ педагогической дѣятельности ¹⁾.

Лишь тѣмъ, кто передъ трудомъ
Не отступить, силъ не пожалѣеть,
Правда ликъ рѣшится свой открыть.
„Мечты и жизнь“ Шиллера.

Въ день открытія и первое засѣданіе нашего Педагогическаго Кружка мнѣ хотѣлось бы, господа, подѣлиться съ вами нѣкоторыми мыслями, близко касающимися тѣхъ цѣлей и задачъ, которыя долженъ поставить себѣ всякій, готовящійся быть педагогомъ.

Кому изъ васъ не приходилось наблюдать, какъ часто родители беззавѣтно любятъ своихъ дѣтей, какъ горячо желаютъ дать имъ отъ жизни возможно лучшее. И нерѣдко всѣ эти старанія, даже при полномъ забвеніи личныхъ, эгоистическихъ интересовъ, не только не достигаютъ своей цѣли, а наоборотъ: всѣ благія намѣренія приводятъ къ совершенно нежелательнымъ результатамъ. Почему же? Вѣдь, горячая, преданная любовь, безкорыстное желаніе блага, повидимому, такія могучія силы! Да, эти силы, дѣйствительно, могучи; онѣ способны двигать горами, но при одномъ непременномъ условіи — онѣ должны быть разумны. А можно ли это утвердительно сказать въ большинствѣ случаевъ относительно родительской любви? Нельзя отрицать, что невѣжество часто черезчуръ густымъ туманомъ заволакиваетъ предъ людьми настоящую дорогу, оставляя имъ только ложные, проторенные

1) Рѣчь при открытіи Студенческаго Педагогическаго Кружка при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ (31 окт. 1904 г.).

рутиной пути. Для истиннаго же блага необходимо, чтобы люди въ своей безиредѣльной привязанности къ дѣтямъ не шли исключительно нутемъ слѣпой инстинктивной любви животнаго, а находили себѣ опору въ умѣ, въ знаніи. Ихъ чувство любви должно оставаться только въ качествѣ интенсивнаго стимула, а путеводной звѣздой все же должно быть знаніе. Наука и выработанныя ею истины — единственная вѣрная дорога къ разумному благополучію и счастью человѣчества. Сама же цѣль тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе можетъ быть достижима, чѣмъ болѣе сознательно будетъ относиться къ ней общество и чѣмъ шире допустить въ свою среду примѣненіе научныхъ выводовъ.

Достаточно бросить хотя бѣглый взглядъ на картину современной культуры съ ея упорными стремленіями къ опредѣленнымъ цѣлямъ, чтобы убѣдиться, какую массу энергіи и силъ можетъ проявить человѣкъ. Каждая выработанная мысль, каждое открытіе и изобрѣтеніе — ничто иное, какъ результатъ тяжелаго, медленнаго прогресса, которое человѣчество дѣлало шагъ за шагомъ, передавая свой трудъ въ видѣ наслѣдства изъ поколѣнія въ поколѣніе. Само даже слово „культура“ мы понимаемъ не иначе, какъ объединеніе всѣхъ наиболѣе цѣнныхъ приобрѣтеній человѣчества, ранѣе жившаго и теперь живущаго. Какъ дѣло слишкомъ важное и сложное, культура требуетъ много заботъ для введенія въ нее молодого поколѣнія. Эти заботы и беретъ на себя воспитаніе (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова). Культуру до известной степени можно сравнить съ великимъ скульпторомъ. Тяжелый молотъ и рѣзецъ въ рукахъ его — это воспитаніе. Изъ грубой и безформенной глыбы мрамора сильными ударами своего молота и рѣзца великій скульпторъ стремится создать все болѣе и болѣе совершенную статую.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ основное вліяніе въ дѣлѣ воспитанія всегда было со стороны такъ называемой интеллигенціи. Изъ этой общей группы въ свою очередь всегда выдѣляются отдѣльныя личности дѣятели — науки, писатели,

художники и т. п., которые оказываютъ руководящее и воспитательное вліяніе на общество, являясь учителями въ школѣ жизни. Конечно, не всѣ могутъ разумно дѣлать выборъ и заимствовать непосредственно у этихъ учителей жизни. Проводникомъ же этого воспитательнаго элемента на подрастающее поколѣніе, популяризаторомъ его является педагогъ, который потому и долженъ быть до извѣстной степени типичнымъ представителемъ интеллигенціи. Вполнѣ понятно, что къ человѣку, посвятившему себя педагогическому дѣлу, можно предъявлять и требованія, соотвѣтствующія такой великой цѣли.

Но кто же можетъ быть педагогомъ? На этотъ вопросъ въ общемъ его понятіи очень удачно отвѣчаетъ одинъ изъ современныхъ писателей. „Тотъ, кто къ жизни и къ ученью своему относится съ полной серьезностью, безъ всякаго эгоизма; кто тяжелой борьбой достигъ мудрости, которой не только поучаетъ, но и слѣдуетъ въ жизни; кто, кромѣ того, благодаря своимъ дарованіямъ можетъ дѣйствовать на людей своими художественными произведеніями или высокими дѣяніями, — тотъ долженъ быть воспитателемъ народа“. „Дѣйствительное воспитаніе исполнимо только философомъ“, замѣчаетъ по тому же поводу Спенсеръ. Доказать эту истину было бы и не трудно, ссылаясь на исторію древней Греціи и Рима. Но хотя философы нашего времени рѣдко бываютъ заняты воспитаніемъ, однако каждый, взявшійся за это великое и отвѣтственное дѣло, не долженъ прежде всего забывать надписи, сдѣланной древними греками на дверяхъ храма оракула: „учись познавать себя.“

Воспитывая другихъ, педагогъ въ то же время необходимо долженъ слѣдить зоркими критическими глазами за самимъ собой и прежде всего воспитывать самого себя. Побѣдить, перевоспитать самого себя — это одна изъ болѣе славныхъ побѣдъ человѣка въ жизни. Необходимо признать, что на многотрудное дѣло воспитанія можетъ потому съ успѣхомъ посвятить себя единственно только тотъ, кому оно дорого и мило, кто можетъ быть преданъ ему всей душой и готовъ ему

собою всецѣло жертвовать. Единственно только тотъ и будетъ въ силахъ осуществить великую и высокую цѣль воспитанія. Любовь и интересъ къ своему дѣлу — это основныя условія его успѣшности. Они, эти двигатели, главнымъ образомъ въ состоящіи поднять и возбудить въ работникѣ ту силу воодушевленія, безъ чего его трудъ не выйдетъ изъ сферы служебнаго формализма и неминуемо свернетъ на путь сухой чиновничьей лямки. Педагогъ изъ числа тѣхъ „добрыхъ, благородныхъ, сильныхъ, любящихъ душой“, которые дѣйствительно вкладываютъ свою душу и освящаютъ всѣ свои силы дорогому для нихъ дѣлу воспитанія, никогда не сможетъ даже вогнать свою работу и свое рвеніе въ рамки схоластически черстваго формализма, никогда не будетъ грубымъ рутинеромъ. Какъ человѣкъ работающій по убѣжденно и любящій свое дѣло, онъ вѣритъ въ него и тѣмъ самымъ дѣлаетъ его полнымъ своеобразной поэзіи и прелести. Онъ не дойдетъ до того, что сдѣлается похожимъ на „старый, съ пожелтѣвшими листьями, истрепанный учебникъ, въ захватанномъ, старомъ переплетѣ, жиденькій и тощій, въ которомъ все давнымъ давно извѣстно, и изъ котораго не вычитаешь ни одной новой мысли, ни одного новаго слова“, какъ характерно выразился о себѣ одинъ изъ представителей педагогіи въ рассказѣ Ломакина „Старый учебникъ“. Онъ не дойдетъ также и до состоянія общеизвѣстнаго чеховскаго „человѣка въ футлярѣ“. Его безпредѣльная любовь къ своему дѣлу въ видѣ награды всегда должна найти себѣ живой откликъ. Она сдѣлаетъ его полезнымъ для всѣхъ, съ кѣмъ такой педагогъ придетъ въ соприкосновеніе въ жизни и дастъ ему вѣрный ключъ къ возможному для человѣка счастью.

Задача воспитанія черезчуръ сложна и отвѣтственна и потому ничего нѣтъ болѣе возмутительнѣе педагоговъ-ремесленниковъ, смотрящихъ на свое дѣло исключительно съ точки зрѣнія бюрократической карьеры. Быть подведеннымъ подъ общій ранжиръ бюрократической работы педагогическое дѣло не можетъ по самому своему существу.

Кто можетъ взять на себя великое дѣло воспитанія, тотъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть твердо убѣжденъ въ полной разумности и состоятельности выработаннаго имъ въ этомъ отношеніи идеала. Своему выработанному идеалу педагогъ необходимо долженъ быть искренно преданъ, такъ какъ сама истинная педагогическая дѣятельность не можетъ быть иначе, какъ дѣятельностью разумнаго убѣжденія и совѣсти.

Если педагогическая дѣятельность будетъ выражаться главнымъ образомъ въ передачѣ фактическихъ свѣдѣній, практическихъ приѣмовъ, она неизбежно окажется процессомъ подготовленія тѣхъ сторонниковъ общественной рутины и гнета, „культурныхъ дикарей“, по характерному опредѣленію проф. Милюкова, которые съ перваго взгляда, внѣшнимъ образомъ, и могутъ производить впечатлѣніе людей образованныхъ. Люди этой категоріи могутъ имѣть въ достаточной степени теоретическихъ свѣдѣній, а въ то же время самое элементарное развитіе ихъ чувствованій будетъ стоять далеко не на томъ же уровнѣ. Одно фактическое усвоеніе знаній не въ силахъ оказать достаточнаго вліянія на нравственный кругозоръ чловѣка и потому не въ силахъ повліять вполне благотворно на характеръ его душевной дѣятельности. Самый способъ обученія при такихъ условіяхъ далеко уже не будетъ воспитывающимъ, какъ было бы желательно. Его скорѣе можно будетъ назвать сложной и довольно трудной выучкой, но ужъ далеко не тѣмъ гуманизирующимъ образованіемъ, къ которому должны быть направлены стремленія педагога.

Задача учительства оказывается несравненно шире и сложнѣй. На педагога въ сущности возлагается требованіе: мало того, что сообщать фактическія свѣдѣнія своимъ питомцамъ, но въ то же время вырабатывать изъ нихъ „истинныхъ людей“. Какъ прямое слѣдствіе — это возникновеніе у нихъ сознанія своихъ обязанностей въ отношеніи общества, сознаніе, которое постепенно формулируется по мѣрѣ усвоенія плодовъ культуры. Если чловѣкъ сознательно и дѣятельно работаетъ для общаго блага и по мѣрѣ силъ дѣлаетъ свой

вкладъ въ совмѣстную культурную работу, онъ всегда будетъ цѣнить собственный трудъ, высоко ставить личное достоинство и параллельно съ этимъ будетъ относиться съ уваженіемъ къ личности другого. Входя въ тѣсный союзъ съ себѣ подобными и гармонически сливаясь съ ними, онъ не утратитъ своей личности, если будетъ ставить свои собственные интересы въ зависимость отъ общихъ.

Настоящее учительство немислимо, какъ безъ пробужденія въ людяхъ опредѣленнаго чувства, желанія и стремленія работать и развиваться умственно и нравственно, такъ и безъ стремленія неменьшаго со стороны самого учительствующаго продолжать постоянно работать надъ собственнымъ совершенствованіемъ. Дѣло воспитанія — дѣло живое и въ силахъ развиваться и итти впередъ лишь тогда, когда развивается и совершенствуется прежде всего самъ педагогъ. Дистервегъ того мнѣнія, что „учитель учитъ до тѣхъ поръ, пока самъ учится. Кто бросилъ ученье, пересталъ образовываться, тотъ не можетъ образовывать другихъ . . . Безъ чувствъ и стремленій къ дальнѣйшему образованію въ человѣкѣ умираетъ учитель.“

Вполнѣ естественно, что человѣкъ не въ состояніи двигать своего дѣла впередъ, если самъ остановился на точкѣ замерзанія. Въ сущности онъ не вправѣ и вести его. Педагогъ почившій на лаврахъ и вообразившій себя донеднимъ до предѣла совершенства, чуждъ общей работы, какъ человѣкъ остановившійся. Такой именно педагогъ не развиваетъ, а только бываетъ способенъ дѣлать чисто механическое сообщеніе знаній. Для него трудно поддерживать тотъ огонь въ другихъ, который у него самого уже иогасъ окончательно. Потому естественно, что между подобнымъ педагогомъ и воспитанникомъ не можетъ возникнуть связи, которая бы сдружила, сроднила ихъ.

Воспитывая другого руководитель, какъ старшій, естественно передаетъ ему опредѣленные убѣжденія, мнѣнія, взгляды и до извѣстной степени стремится оказать свое вліяніе на весь

строй и укладъ его жизни. Онъ дѣлится съ воспитанникомъ своимъ пережитымъ опытомъ, своими глубоко продуманными, прочувствованными и можетъ быть даже выстрадавшими идеями. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ между воспитателемъ и его воспитанникомъ должна возникнуть та внутренняя связь, которая можетъ наложить прочное начало будущему человѣку, и, если будетъ поддерживаться надлежащимъ образомъ, то будетъ въ силахъ способствовать воспитанію одного изъ нихъ и усовершенствованію другого. Нельзя не притти къ выводу, что часто въ продолженіи всей жизни человѣка все теченіе его мыслей и чувствъ можетъ находиться въ тѣсной связи и зависимости отъ привычекъ, случайно сложившихся подъ вліяніемъ личности воспитателя. Въ прямой зависимости отъ этого условія можетъ произойти и тяготѣніе человѣка къ положительному или отрицательному полюсу этики. Конечно, педагогъ не въ силахъ создать цѣликомъ міровоззрѣній своего воспитанника. Окончательная выработка міровоззрѣній является всегда результатомъ самостоятельной дѣятельности каждаго въ его дальнѣйшей жизни. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать и того, что педагогъ можетъ съ своей стороны заложить ихъ твердый и прочный фундаментъ. Дѣло же педагога дать своему питомцу первоначальный разумный взглядъ на весь окружающій его внѣшній міръ и міръ людей. Его обязанность — указать въ чемъ заключается жизнь природы, какова въ ней роль человѣка и тѣмъ самымъ дать ясное представленіе объ окружающихъ условіяхъ и о требуемомъ въ данномъ случаѣ характерѣ дѣятельности. Такимъ образомъ педагогъ и положить до извѣстной степени основы убѣжденій своего питомца и первый начнетъ формулировку и направление въ ту или другую сторону его міровоззрѣній. Если же воспитаніе не будетъ упрочено на твердыхъ устояхъ, воспитанникъ можетъ быть всецѣло преданъ впоследствии во власть чисто внѣшнихъ и случайныхъ условій жизни и борьбы за существованіе.

Дѣло педагога можно сравнить въ нѣкоторомъ родѣ съ

дѣломъ проводника. Знающій и опытный проводникъ всегда увѣренъ въ себѣ и ведетъ за собой также увѣренно. Ему хорошо знакомъ и извѣстенъ цѣлый рядъ извилистыхъ и запутанныхъ тропинокъ, по которымъ онъ можетъ вывести на просторъ, на широкую дорогу. Окажись проводникъ, сверхъ ожиданій, неопытнымъ или черезчуръ самонадѣяннымъ и путникъ въ большой опасности. Ему предстоитъ долго и томи-тельно блуждать по дебрямъ и можетъ быть окончательно сбиться съ дороги. При этомъ каждому проводнику болѣе или менѣе и самому должно быть извѣстно, что чѣмъ болѣе онъ сосредоточенъ и не отвлекается въ сторону, тѣмъ цѣль его лучше достижима.

Дѣлая сравненіе педагога съ проводникомъ, на опытность послѣдняго мы указали, какъ на одно изъ главныхъ условий успѣха. Дѣйствительно, педагогу не менѣе, чѣмъ инженеру необходимо техническое умѣнье, которое пріобрѣтается только практикой. Если бы эта практика не имѣла теоретическихъ основаній, сама по себѣ она могла бы быть, конечно, вредна, одинаково, какъ и теорія, не связанная съ опытомъ, мало плодотворна. Теоретикъ съ своими отвлеченными формулами такъ же далеко не уйдетъ, какъ и практикъ съ своими всегда готовыми рецептами. Ясно, что теоретическая подготовка должна лечь въ основу педагогической дѣятельности, а опредѣленные пріемы, умѣнье и наблюдательность необходимо выработать самому педагогу. Каждый предусмотрительный земледѣлецъ, прежде чѣмъ дѣлать посѣвъ, изучаетъ и примѣняется къ почвѣ, чтобы опредѣлить безъ ущерба для себя, какія растенія могутъ пустить въ ней корни и какія безплодно заглохнуть. На томъ же основаніи и для педагога существуютъ не одни абсолютные законы, которыхъ онъ долженъ придерживаться неуклонно. Приступая къ своему дѣлу онъ также старается составить себѣ вполнѣ ясное представленіе, какъ объ индивидуальныхъ качествахъ своего воспитанника, такъ и о состояніи той среды и общества, которыя его окружаютъ. Примѣниться къ этимъ условіямъ имѣетъ большое

значеніе. Въ обыденной жизни бываетъ, вѣдь, часто труднѣе разобратся, чѣмъ въ самыхъ мудреныхъ клинообразныхъ надписяхъ. Въ жизни за той условностью, которую мы сами же въ нее вложили, чуется всегда что то свое, особенное. Иной разъ намъ кажется, что мы шагнули въ жизни сильно впередъ, но, едва мы хотимъ твердо опереться на что либо, начинаемъ замѣчать, что у насъ подъ ногами не твердая почва, какъ мы могли разсчитывать, а дымное облако, грозящее разсѣяться, какъ сонная греза. Сама человѣческая натура въ сущности тотъ же сложный музыкальный инструментъ. Въ рукахъ опытнаго музыканта клавиатура инструмента даетъ стройные, гармоническіе звуки. Но въ то же время отдѣльные клавиши то и дѣло способны поражать музыканта чѣмъ либо неожиданнымъ и потому онъ всегда долженъ чутко прислушиваться къ ихъ тонамъ.

Проникнутый убѣжденіемъ, что среди самаго лучшаго общества, какъ нѣтъ вполнѣ безупречно нравственныхъ людей, такъ и нѣтъ ужъ такихъ закоренѣлыхъ злодѣевъ, въ которыхъ бы случай или опытное руководство не могли зажечь огня высокаго чувства, педагогъ не станетъ относиться враждебно къ недостаткамъ и порокамъ отдѣльныхъ личностей или цѣлаго общества. По мѣрѣ силъ и возможности, онъ будетъ считать своею обязанностью стремиться исправлять недостатки, противодѣйствовать имъ и парализовать ихъ вредное вліяніе. Педагогъ во многихъ случаяхъ тотъ же врачъ, котораго не можетъ и не долженъ пугать ужасный видъ язвъ его націентовъ. Подобно врачу, онъ хорошо уже знакомъ со всѣми условіями, способствовавшими развитію этихъ язвъ. Какъ раньше лѣченія, такъ и раньше воспитанія необходима постановка опредѣленнаго діагноза; необходимо отдѣлить врожденные качества воспитанника отъ пріобрѣтенныхъ, необходимо изучить его основныя способности и индивидуальныя особенности. И только этимъ путемъ есть возможность уяснить себѣ тѣ или другіе переходы въ развитіи даннаго лица. Подобно врачу, педагогъ долженъ свыкнуться съ идеей, что его долгъ состоитъ

въ томъ, чтобы мужественно переносить и явленія, вызывающія отвращеніе, и даже обиды со стороны своихъ больныхъ. Проникнутый убѣжденіемъ, что все глупое и безнравственное, совершающееся наперекоръ знаніямъ и логикѣ, есть та же болѣзнь, онъ только съ безиредѣльной любовью проявитъ готовность, по силѣ и возможности, уврачевать эти недуги, но ужъ ни въ коемъ случаѣ не возьметъ на себя роль палача.

Если мы примемъ за правило положеніе Канта, что чело-вѣкъ — художникъ прежде всего и искусство — его истинное назначеніе на землѣ, то видѣть въ лицѣ педагога художника одно изъ болѣе желательныхъ.

Наблюденія и опытъ могутъ указать на каждомъ шагу, что знаніе и способность передать его другому, умѣнье — далеко не одно и то же. Умѣнье передать это въ своемъ родѣ искусство и, какъ каждое искусство, можетъ быть доведено до степени художественности. Но обладаетъ вполнѣ этимъ искусствомъ, къ сожалѣнію, меньшинство.

Казалось бы, чѣмъ обширнѣе познанія педагога, тѣмъ больше плодотворности можно ожидать въ его дѣятельности. Но, такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Вѣдь, бываютъ случаи, что педагога можно считать чело-вѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова образованнымъ, къ тому же еще владѣющимъ обширными свѣдѣніями по своей спеціальности. Повидимому, все на сторонѣ того, что само дѣло будетъ итти образцово, а между тѣмъ въ результатѣ оказывается иное. Причина въ томъ, что при всей широтѣ своихъ познаній педагогъ не умѣетъ передать ихъ, не обладаетъ искусствомъ примѣниться къ пониманію и запросамъ своихъ воспитанниковъ и поэтому не въ силахъ заинтересовать ихъ въ достаточной степени. Сама передача знаній въ этомъ случаѣ будетъ механической, которая не въ состояніи возбудить самодѣятельности у слушателей и вмѣсто желанной пользы производящая подчасъ какой то беспорядочный и досадный сумбуръ въ ихъ головахъ. Но, если педагогъ — настоящій художникъ своего дѣла, картина совершенно измѣняется. У такого педагога,

будетъ ли это классъ или аудиторія, будетъ вполнѣ его студія. Очень можетъ быть, что по своимъ научнымъ познаніямъ онъ будетъ и ниже стоять перваго, но онъ умѣетъ вести свое дѣло, умѣетъ вліять на учениковъ и его уроки не пройдутъ безслѣдно. Присутствіе искры художественности дастъ возможность человѣку съ меньшимъ сравнительно научнымъ багажемъ вести удачно свое дѣло. Искра художественности всегда производитъ сильное впечатлѣніе на чуткую душу молодежи, и если впечатлѣніе къ тому же умѣло поддерживается, оно всегда оставитъ глубокой слѣдъ. Да и можетъ ли быть иначе, если преподаваніе педагога-художника ведется такъ тепло, согрѣто такой искренней задушевностью, которая чувствуется всегда, даже явно не высказываясь.

Какъ въ каждой сферѣ художественнаго творчества, веденіе дѣла педагогомъ-художникомъ всегда будетъ имѣть субъективный оттѣнокъ. Всякій истинный художникъ творитъ до известной степени самобытно и не можетъ быть рабомъ самыхъ образцовыхъ программъ и предначертаній. А. Мюссе очень характерно выразился, сказавъ о себѣ: *mon verre est petit, mais je bus de mon verre* (хотя мой стаканъ малъ, но пью изъ моего стакана). Въ сущности этого маленькаго „verre“ и скрывается вся тайна вліянія и успѣха. Что можетъ сдѣлать при такихъ условіяхъ выдающійся талантъ, болѣе или менѣе известно каждому. Но будь даже талантъ такого педагога и не изъ выдающихся, если вдобавокъ къ нему есть характеръ, есть свой отчетливый, ясный взглядъ на вещи и определенное настроеніе, педагогъ этотъ не пройдетъ безслѣдно. Онъ оставитъ послѣ себя, можетъ и не грандіозное, но все же непремѣнно что либо цѣльное.

Педагогъ не можетъ быть названъ художникомъ, если онъ не психологъ. Не говоря уже о его теоретическихъ познаніяхъ въ области психологіи, его умѣнье наблюдать даетъ ему возможность скоро замѣтить, что всѣ знанія, добываемыя его питомцемъ, идутъ для него медленнымъ, послѣдовательнымъ путемъ. И лишь тѣ знанія, которыя будутъ построены на

фактахъ и въ чемъ питомецъ убѣдится болѣе или менѣе самъ, — тѣ знанія окажутся для него вполне существенными. Однимъ словомъ, педагогъ-художникъ всегда будетъ сторонникомъ того вывода, что только самобытно созданное человекомъ можетъ составить вполне реальное его пріобрѣтеніе. Основываясь на этомъ, сама передача знаній такимъ педагогомъ ни въ коемъ случаѣ не будетъ догматической, какъ и правилъ нравственности — на вѣру. Онъ пойметъ, что такое воспитаніе, уничтожая у ученика навыкъ къ анализу, подавить вмѣстѣ съ тѣмъ у него стремленіе провѣрять чужія мысли фактами и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ ослабить даже способность мышленія. Если же педагогъ позволитъ себѣ увлечься и будетъ побуждать ученика дѣлать рѣзкія скачки, такая антигигіеническая гимнастика укажетъ только на недостатокъ опытности у педагога. Какъ истый художникъ, живущій всегда среди міра красокъ и образовъ, такой воспитатель, особенно въ началѣ дѣла, на первый планъ будетъ стремиться выдвигать все, говорящее болѣе чувствамъ, фантазіи, все болѣе легко усваиваемое. Онъ во всемъ и всегда сторонникъ большей наглядности. Изложеніе имъ каждаго знанія живо, образно. Сама привлекательность науки безусловно находится въ зависимости не отъ однихъ ея научныхъ данныхъ и свойствъ, но и отъ живого и разнообразнаго ихъ изложенія. Каждому болѣе или менѣе извѣстно, что одна и та же наука можетъ и выигрывать, и проигрывать въ своей притягательной силѣ для учениковъ, все смотря но преподаванію. Примѣръ преподавателя всегда заразителенъ. Живой интересъ къ наукѣ со стороны его способенъ увлечь и побудить заниматься иногда повидимому самымъ сухимъ предметомъ и наоборотъ его индифферентизмъ найдетъ въ той же мѣрѣ свое отраженіе въ его ученикахъ.

Достоинства педагога-художника находятся также въ тѣсной зависимости отъ его способности и умѣнья спускаться до точки зрѣнія и чувствъ, возможныхъ въ періодъ возраста

его питомца. На этомъ основаніи настоящій педагогъ никогда не станетъ навязывать воспитаннику что либо свое, личное, а будетъ болѣе наблюдать за его естественнымъ развитіемъ и стремиться его улучшить, усовершенствовать. Если педагогъ не забылъ своей школьной поры, своей молодости, онъ будетъ требовать отъ воспитанника лишь то, что въ силахъ тотъ дать въ данное время, но ужъ, конечно, никоимъ образомъ не позволить себѣ примѣненія къ нему своего собственнаго масштаба.

Передъ своими учениками педагогу мало быть учителемъ, преподавателемъ, а надо быть прежде всего человѣкомъ, который съумѣлъ бы согрѣть и освѣтить теплыми и яркими солнечными лучами ихъ утро жизни. Поэтому педагогъ въ полномъ смыслѣ этого слова всегда знаетъ болѣе или менѣе насколько для него необходимъ и цѣненъ тактъ и умѣнье опредѣлить состояніе интеллекта своего воспитанника въ каждый изъ моментовъ воспитанія, на столько же ему необходима при этомъ достаточная сила самоуправленія. Выработавъ ее и обладая ею, онъ будетъ въ состояніи сдерживать свои порывы, спускаясь до умственно-нравственнаго уровня своего питомца.

Задача педагога — задача черезчуръ трудная и требующая для своего рѣшенія очень многого. И если педагогъ, минуя всѣ терніи на своемъ пути, достигнетъ своей возвышенной цѣли и, привлекая къ себѣ людей, окажется способнымъ вызвать въ нихъ энтузіазмъ ко всему великому и возвышенному въ жизни, этимъ онъ докажетъ присутствіе въ себѣ той искры прометеева огня, который нѣкогда былъ похищенъ у боговъ Олимпа и принесенъ въ даръ страждущему человѣчеству.

Вотъ тѣ общія мысли, которыми я хотѣлъ подѣлиться съ вами, господа! Онѣ могутъ показать вамъ, какъ я смотрю на нашъ Педагогическій Кругъ, чего могу ждать отъ него и при какихъ условіяхъ. Мы не должны здѣсь задаваться широкими цѣлями, здѣсь лишь маленькое дѣло: наша дѣятель-

ность здѣсь маленькій узенькій мостикъ, который мы перебрасываемъ къ будущей практической дѣятельности. Ту работу, которая вамъ предстоитъ на первыхъ порахъ вашей самостоятельной дѣятельности, мы переносимъ сюда, въ стѣны Университета. Попытаемся же сдѣлать ее общими силами. Правда, предъ нами не будетъ того многосторонняго матеріала въ лицѣ нашего младшаго, подросткающаго поколѣнія, но и это къ лучшему. Немного освоившись съ разнообразными педагогическими вопросами, съ разными вопросами педагогической техники, вы затѣмъ будете подвергать менѣе мучительной вивисекціи своихъ будущихъ питомцевъ. Я боюсь подробнѣ говорить о предстоящей дѣятельности нашего Кружка, предварительно подробно начерчивать ходъ нашихъ занятій. Какъ то невольно вспоминается при этомъ, что, вѣдь, у насъ былъ цѣлый рядъ предшественниковъ, съ строго выработанной, опредѣленной фізіономіей — въ лицѣ Педагогическихъ Курсовъ, Институтовъ. Исторія педагогическихъ учреждений покажетъ вамъ, что у насъ много разъ назрѣвала мысль о недостаточности прохожденія лишь одного университетскаго курса для будущихъ педагоговъ. Мысль созрѣвала, получала воплощеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не получалось нужныхъ результатовъ. Какимъ трагическимъ, въ сущности, финаломъ нашихъ педагогическихъ учреждений является основаніе филологической семинаріи въ Лейпцигѣ! Неужели же и нашему кружку выпадетъ на долю одна изъ прежнихъ проторенныхъ дорожекъ? Но здѣсь является и маленькая надежда на лучшее: вѣдь, кружокъ созданъ вашей инициативой, онъ ваше дѣтище, а не что либо навязанное вамъ, и потому вы же должны поддержать и развить, воспитать его. Наша школа переживаетъ въ настоящее время трудную долю. Она терпитъ перестройки. Раздаются голоса за полную ея ломку, за то, что не стоитъ накладывать заплатъ, что необходимо новое зданіе. Среди общества раздаются рѣзкіе отзывы о негодности программъ, учебниковъ, о томъ, что составляются будто-бы эти программы и учебники не съ точки зрѣнія живой дѣтской

и юношеской души, а съ точки зрѣнія какой-то черезчуръ отвлеченной, далекой отъ жизни, что вся наша средняя школа это „какіе то объѣдки со стола ученаго, спутанные и испорченные черновики ученыхъ конспектовъ“. Но часто не программы виноваты. Дѣло — въ исполнителяхъ, а ихъ то общество еще и не успѣло создать. Но важень уже этотъ періодъ критики. Какая разница, на примѣръ, въ отношеніи теперь съ тѣмъ, что было раньше.

Есть еще и нѣкоторыя другія, чисто мѣстныя особенности нашего Университета, могущія способствовать развитію нашего Кружка: среди студентовъ разныхъ факультетовъ есть лица, посвящавшія себя педагогической дѣятельности, прошедшія суровую школу народнаго учительства. И хотя членами Педагогическаго Кружка являются лишь студенты историко-филологическаго факультета, мы рады видѣть въ числѣ своихъ гостей и студентовъ всѣхъ другихъ факультетовъ. Мы рады были бы видѣть не только въ числѣ своихъ гостей, но въ качествѣ референтовъ студентовъ физико-математическаго факультета, такъ какъ мы должны помнить, что работа предстоитъ общая, что все средне-учебное воспитаніе должно сводиться не къ спеціализации, а составлять нѣчто общее, гармоничное, должно вести къ цѣльному образованію, необходимому для каждаго. Намъ пріятно было бы видѣть въ качествѣ своихъ сотрудниковъ и студентовъ-медиковъ: намъ нужно будетъ считаться съ ихъ воззрѣніями на многіе вопросы.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы высказать свою благодарность студентамъ историко-филологическаго факультета, выразившимъ желаніе имѣть меня руководителемъ Кружка.

Ваше, господа, дорогое для меня довѣріе и расположеніе я не склоненъ, конечно, истолковывать въ томъ смыслѣ, что вы не могли избрать себѣ лучшаго руководителя. На нашемъ факультетѣ есть профессора съ научной уже извѣстностью и съ богатымъ педагогическимъ опытомъ, имъ по праву принадлежитъ руководство Кружкомъ. И, если вашъ взоръ остановился на мнѣ, то, конечно, въ силу того, что Вы хо-

тѣли имѣть во мнѣ скорѣе старшаго товарища въ разрѣшеніи одинаково занимающихъ насъ вопросовъ. И я согласился принять ваше предложеніе, видя полное сочувствіе вашему начинанію со стороны моихъ старшихъ товарищей, заручившись ихъ общаніемъ постояннаго содѣйствія, помощи. Итакъ мы можемъ надѣяться, что, наряду съ студенческими рефератами, мы будемъ слушать здѣсь и рефераты специалистовъ, будемъ пользоваться ихъ постоянными указаніями.

Н. Грунскій.

Памяти Н. И. Пирогова.

При открытіи Кръжка ¹⁾, ставящаго своею задачею разработку педагогическихъ вопросовъ, не лишне и вполне въ время вспомнить и старыхъ дѣятелей педагогики, дѣятелей прошлаго. Особенно тѣхъ, кто начиналъ у насъ это дѣло, старался поставить его на надлежащую почву, кто, недовольный тѣмъ, что его окружаетъ, старался „проложить себѣ новые пути“.

1) Настоящая статья — первый студенческій рефератъ, читанный въ засѣданіи недавно открытаго при нашемъ Университетѣ студенческаго Педагогическаго Кръжка. Въ теченіе менѣе мѣсяца Кръжокъ имѣлъ 3 засѣданія. Были доложены рефераты — „Коменскій и Руссо“ (проф. И. И. Квачала), „К. Д. Ушинскій“ (студ. Тихомировъ), „Памяти Н. Ѳ. Бунакова“ (студ. Ильинскій и студ. Путинцевъ), „Дѣтскій міръ въ произведеніяхъ Никитина“ (студ. Путинцевъ). Послѣдній рефератъ вызвалъ оживленные дебаты, чему немало способствовало назначеніе оппонентовъ, ознакомившихся заранѣе съ трудомъ. Одинъ рефератъ (студ. Соколова) „О дѣятельности Москов. Педагог. Общества“ былъ отложенъ. Для ближайшихъ засѣданій были назначены и отчасти разработаны нѣкоторые вопросы спеціального характера — по технику преподаванія (по преподаванію грамматики — студ. Гальковскій, по веденію уроковъ исторіи — студ. Дрейманъ, объ условіяхъ выразительнаго и худож. чтенія — студ. Козицкій и пр.) Предположено было устраивать засѣданія какъ можно чаще, при чемъ не ограничиваться самостоятельными рефератами, но и подвергать обсужденію выдающіяся педагог. сочиненія, особенно по отдѣльнымъ вопросамъ педагог. техники.

Остается пожелать, чтобы настоящая печатаемая статья явилась началомъ ряда другихъ печатныхъ трудовъ членовъ нашего Кръжка.

Руководитель Кръжка Доцентъ Н. Грунскій.

Къ числу такихъ дѣятелей въ области нашей русской педагогики несомнѣнно принадлежалъ Николай Ивановичъ Пироговъ. Его тѣмъ болѣе не лишне и во время вспомнить теперь намъ, что имя его тѣсно связывается, правда, по другому поводу, съ именемъ г. Юрьева-Дерпта и нашего Университета.

Н. И. Пироговъ не былъ педагогъ по профессіи. Медикъ-анатомъ, специалистъ-хирургъ, онъ первую половину своей жизни посвятилъ себя исключительно на служеніе любимой имъ наукѣ — медицинѣ, профессорствуя сначала въ Дерптѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ. Его интересы вращались преимущественно въ кругу медицины. Изъ его дневника можно видѣть, какъ мало онъ интересовался педагогическими вопросами. Ничто не говорило, что изъ знаменитаго хирурга выйдетъ хорошій педагогъ. Его первый практическій опытъ воспитанія былъ болѣе, чѣмъ неудаченъ: его воспитанникъ, какъ передавали Пирогову, получилъ мѣсто въ Московской полиціи. „Могъ-ли я ожидать,“ говоритъ съ горечью Пироговъ, „что сдѣлаюсь воспитателемъ квартальныхъ.“

Но занимаясь медициной, Пироговъ не былъ кабинетнымъ лишь ученымъ. Свои знанья онъ старался прилагать на практикѣ, быть, сколько возможно, полезнымъ обществу. Съ этою цѣлью онъ учредилъ, напр., свои хирургическія поѣздки по Прибалтійскому краю, — это, такъ называемая, „Чингизхановы нашествія“, названныя такъ по массѣ производимыхъ операцій и по массѣ проливаемой при этомъ крови. То же желанье принести своими знаньями пользу заставило Пирогова отправиться и въ Крымъ, на театръ военныхъ дѣйствій. Что сдѣлалъ Пироговъ въ Крымскую кампанію для больныхъ и раненыхъ, — говоритъ, конечно, лишне: это извѣстно всѣмъ.

Крымская кампанія, кромѣ того, что доставила Пирогову извѣстность и славу, сыграла въ его жизни и другую роль. Это время было, такъ сказать, поворотнымъ пунктомъ въ жизни и дѣятельности Пирогова. 1856-й годъ можно считать началомъ его педагогической дѣятельности. Въ этомъ году на

страницахъ спеціального журнала — „Морской Сборникъ“ — появляется первая его педагогическая статья — „Вопросы жизни“.

Надо замѣтить, что время, когда появилась статья Пирогова, было временемъ сильнаго подъема, сильнаго стремленія нашего общества къ прогрессу. Неудачная война показала самымъ дѣломъ, какъ мы отстали отъ Европы. Всѣ тѣ, кто предъ войной былъ увѣренъ въ превосходствѣ Россіи надъ врагами, вѣрилъ въ могущество русскихъ шапокъ, теперь поняли, какъ подобная увѣренность не соответствовала фактамъ. Прогрессъ Россіи былъ только кажущійся. Первый ударъ враговъ, — и мечты о превосходствѣ и прогрессѣ Россіи разлетѣлись. Наступило время горькаго разочарованія. Но разочарованіе не было безнадежнымъ. вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ сознаниемъ полной своей отсталости, вспыхнулъ сильный порывъ впередъ, къ прогрессу. Съ беспощаднымъ самоосужденіемъ явилось и желанье передѣлать, перевоспитать себя и, какъ можно скорѣе, поднять свое отечество, униженное предъ Европой.

Въ это-то время, отвѣчая назрѣвшимъ потребностямъ общества, и выступаетъ Пироговъ съ своими „Вопросами жизни“, съ своимъ, въ буквальномъ смыслѣ „новымъ словомъ“. „Трудъ этотъ,“ — говоритъ В. Я. Стоюнинъ — „вполнѣ соответствуетъ своему названію, касаясь не одного какого-либо учрежденія, не одной какой-либо стороны жизни, а самыхъ основныхъ вопросовъ тогдашней русской жизни“¹⁾.

Впечатленіе, произведенное статьей Пирогова, было громадное. „Вопросы жизни“ — по словамъ Н. А. Добролюбова, — „поразили всѣхъ — и свѣтлостью взгляда, и благороднымъ направлениемъ мыслей автора, и пламенной, живой діалектикой, и художественнымъ представленіемъ затронутаго вопроса. Всѣ, читавшіе статью г. Пирогова, были отъ нея въ восторгѣ, всѣ

1) В. Я. Стоюнинъ. „Педагогическія задачи Пирогова“. Ист. Вѣстн. 1885 г. кн. IV. стр. 167.

о ней говорили, разсуждали, дѣлали свои соображенія и выводы.“ Это „тѣмъ болѣе замѣчательно, — прибавляетъ критикъ далѣе, что статья Пирогова вовсе не отличается какими нибудь сладкими разглагольствованіями или пышными возгласами для усыпленія нерадивыхъ отцовъ и воспитателей, вовсе не старается поддѣлаться подъ существующій порядокъ вещей, а, напротивъ, бросаетъ прямо въ лицо всему обществу горькую правду; не обинуясь говорить о томъ, что у насъ есть дурного, смѣло и горячо, во имя высочайшихъ, вѣчныхъ истинъ, преслѣдуетъ мелкіе интересы вѣка, узкія понятія, своекорыстныя стремленія, господствующія въ современномъ обществѣ 1).

Пироговъ выступилъ со своею статьей уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, умудренный опытомъ, знатокомъ жизни и людей. Всматриваясь глубоко въ жизнь, присматриваясь къ людямъ, наконецъ, будучи въ качествѣ хирурга на войнѣ, гдѣ приходилось ему сталкиваться съ людьми, власть имущими, и самымъ дѣломъ узнать весь механизмъ жизни Россіи, Пироговъ понималъ, чегó главнымъ образомъ не хватаетъ Россіи для истиннаго прогресса — не хватаетъ ей людей. „Оказалось, что знаменитый хирургъ, — говоритъ В. Я. Стоюнинъ, — не только разсѣкалъ человѣческія тѣла и анализировалъ ихъ; но онъ точно также анализировалъ и цѣлое человѣческое общество, — и тѣло и душу его и нашелъ тамъ застарѣлыя болѣзни, которыя нужно было лѣчить радикальными средствами“ 2). Анализируя общество, Пироговъ находилъ, что оно, въ сущности, представляетъ изъ себя инертныя толики — большія и мелкія. Общее между всѣми этими, двигающимися по инерціи, толпами одно — отсутствіе истиннаго идеала. Членамъ толпы не доставало одного общаго идеала — идеала человѣка-гражданина. Воспитаніе и школа шли лишь за жизнью и требованіями ея — они приготавливали чиновниковъ различныхъ категорій,

1) Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изд. 2-е. СПб. 1871 г. Т. I. стр. 237—238.

2) Стоюнинъ. „Педагогическія задачи Пирогова“. Ист. Вѣстн. 1885 г. IV кн. стр. 167—168.

нисколько не заботясь о приготовленіи людей. При такомъ положеніи дѣлъ ждать истиннаго прогресса, конечно, невозможно. Истинный прогрессъ возможенъ лишь при наличности существованія людей — гражданъ, преданныхъ дѣлу и родинѣ. Таковъ былъ діагнозъ знаменитаго хирурга. Радикальнымъ средствомъ избѣжать этого недостатка въ будущемъ, по мнѣнію Пирогова, являлась перемѣна системы воспитанія. Нужно позаботиться о воспитаніи людей-гражданъ, а не чиновниковъ. Только въ этомъ случаѣ мы можемъ разсчитывать на прогрессъ. „Истиннаго прогресса мы можемъ достигнуть однимъ единственнымъ путемъ воспитанія“ (Сочин. т. II, стр. 62).

Пироговъ не далъ намъ цѣльной, систематической теоріи воспитанія. Онъ не былъ педагогъ-теоретикъ, да въ то время, когда онъ выступалъ на педагогическое поприще, и не нужны были теоріи. Время требовало не теорій, а дѣла. Нужна была разработка тѣхъ педагогическихъ вопросовъ, которые болѣе всего касались жизни, представляли большую практическую важность. Это и сознавалъ Пироговъ и въ своихъ чисто-педагогическихъ статьяхъ онъ трактуетъ лишь о вопросахъ, прямо соприкасающихся съ жизнью и дѣйствительностью.

Но хотя у Пирогова мы не находимъ строго выдержанной системы воспитанія: онъ затрогивалъ не всѣ его стороны; тѣмъ не менѣе его педагогическія статьи представляютъ глубокой интересъ. Пироговъ былъ глубокой мыслитель, знатокъ жизни и людей, человѣкъ съ философской складкой ума. Это былъ „человѣкъ“ въ полномъ смыслѣ этого слова и въ высшей степени владѣлъ тѣми основными свойствами, безъ которыхъ, въ сущности, немыслимъ педагогъ. Это-то и даетъ его педагогическимъ статьямъ по самымъ разнороднымъ вопросамъ воспитанія — внутреннее единство; во всѣхъ его статьяхъ есть одинъ основной взглядъ.

Я не буду излагать всѣхъ взглядовъ Пирогова на разнообразныя вопросы педагогики, не буду даже затрогивать всѣхъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ трактовалъ Пироговъ въ своихъ педагогическихъ статьяхъ: это потребовало бы слишкомъ много

времени. Пироговъ отзывался на всѣ животрепещущіе вопросы педагогической практики того времени, — кстати сказать, — вопросы, имѣющіе значеніе вопросовъ и до сего дня. Каждый въ отдѣльности вопросъ, затронутый Пироговымъ, могъ бы быть предметомъ спеціального реферата. Я же остановлюсь лишь на томъ принципѣ, который былъ положенъ Пироговымъ въ основу разрѣшенія педагогическихъ вопросовъ и который онъ проводилъ въ своей педагогической практикѣ, будучи попечителемъ сначала Одесскаго, а затѣмъ Кіевскаго учебныхъ округовъ.

Въ одной изъ рѣчей, сказанныхъ Пирогову при его прощаніи съ Кіевскимъ учебнымъ округомъ, ораторъ, подводя итоги всему, что говорилось до него, замѣчаетъ: „прислушиваясь къ рѣчамъ, только что произнесеннымъ, я не могъ не замѣтить одной идеи, ихъ проникающей. Присутствующіе высказались ясно, что началомъ вашей многосторонней дѣятельности было полное уваженіе къ человѣку“ (Сочин. т. II стр. 543).

Уваженіе къ человѣку, довѣріе къ человѣческой личности и вѣра въ личность, — вотъ основной, руководящій принципъ всей дѣятельности Пирогова, какъ педагога. Тотъ же принципъ онъ проводилъ и въ своихъ статьяхъ по педагогическимъ вопросамъ, того же онъ требовалъ и отъ воспитателей юношества. „Могли-ли мы всѣ, — говорилъ онъ, прощаясь съ Кіевскимъ округомъ, — могли-ли мы всѣ, какъ въ жизни, такъ въ наукѣ и въ школѣ, какъ въ ребенкѣ, такъ и въ юношѣ, въ возмужаломъ и въ старикѣ, не уважать человѣческое достоинство, нравственную свободу духа и личность.“ (Сочин. т. II. стр. 432.)

Человѣческой личности Пироговъ придавалъ громадное значеніе въ жизни. Безъ вѣры въ личность и безъ ея свободного участія невозможны никакія реформы, никакой прогрессъ. „Я былъ свидѣтелемъ, — говоритъ онъ, — какъ весьма дѣльныя перемѣны въ уставахъ, но не поддержанныя личною силою исполнителей, остались безъ всякаго результата“ (Соч. т. II. стр. 103). „Для коренного преобразованія чего бы

то ни было нужны не одни новые законы, а новые люди. Кто искренно жаждет истиннаго прогресса, тотъ не долженъ много разсчитывать на дѣйствія такихъ мѣръ, какъ перемѣна уставовъ, распредѣленій и проч., которыя однѣ, сами по себѣ, хотя и бытро измѣняются, но только не сущность дѣла, а форму. Между тѣмъ, первое и главное условіе прогресса есть твердая вѣра въ образовательную, творческую силу человѣческой личности. Безъ нея всѣ хитросплетенные уставы — мертвая буква.“ (Сочин. т. II. стр. 102).

Значеніемъ личности въ жизни, ея ролью въ прогрессѣ опредѣляется и система, и строй воспитанія и образованія. Истинный прогрессъ предполагаетъ наличность живыхъ, личныхъ силъ — людей-гражданъ. Ихъ воспитаніемъ и нужно озаботиться прежде всего. Прежде и воспитаніе, и школа ставили своею задачею готовить спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ знанья. Ненормальность такой постановки теперь очевидна. Заботясь о приготовленіи чиновниковъ, школа не готовила людей. Родители съ самаго ранняго возраста готовили дѣтей къ извѣстной спеціальности, не заботясь объ ихъ общечеловѣческомъ образованіи. Новое время предъявляетъ и новыя требованія. Отрицать совершенно спеціальное образованіе, игнорировать имъ, конечно, нельзя, но слишкомъ ранняя спеціализація вредна. Сначала надо дать общечеловѣческую основу. „Дайте сначала выработаться и развиться внутреннему челоѣку, дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы, а главное у васъ будутъ люди и граждане. Уже давно оставленъ варварскій обычай выдавать дочерей замужъ по неволѣ, а невольный, преждевременный бракъ сыновей съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привилегированъ; заказное ихъ вѣнчаніе съ наукой празднуется и прославляется, какъ вѣнчаніе дожа съ моремъ“.

Такимъ образомъ, главною задачею образованія является — не выучка, а болѣе серьезная, болѣе глубокая задача —
— сдѣлать насъ людьми. —

Что-же нужно, чтобы быть человѣкомъ? Настоящій человѣкъ долженъ разрѣшить себѣ вопросы жизни, потому что только „два рода людей не задаютъ себѣ вопросовъ при вступленіи въ жизнь: во первыхъ, тѣ, которые получили отъ природы жалкую привилегію на идіотизмъ; во вторыхъ, тѣ, которые, подобно планетамъ, получивъ однажды толчекъ, двигаются по силѣ инерціи въ данномъ имъ направленіи. Хотя оба эти рода не принадлежатъ къ исключеніямъ въ обществѣ, но и не могутъ считаться правилами“ (Сочин. т. II. стр. 3). Настоящему же человѣку нужно составить „опредѣленные, твердыя убѣжденія, которыя бы и руководили всею жизнью“. Средствомъ къ ихъ образованію служить „познанье самого себя и, по возможности, полное самопознанье.“

Собственно, по мнѣнію Пирогова, отвѣты на всѣ вопросы, которые необходимо разрѣшить настоящему человѣку, должно дать воспитаніе. „Собственно воспитаніе должно бы было намъ класть въ ротъ отвѣты“ (Соч. т. II. стр. 4). Тоже должна дать и школа.

Въ системѣ воспитанія школѣ Пироговъ отводитъ главное мѣсто. Онъ неудовлетворенъ тѣмъ положеніемъ школы въ ея отношеніи къ жизни, какое онъ видѣлъ въ дѣйствительности. Школа всецѣло подчинялась жизни. „Общество и государство, примѣняясь къ настоящему и дѣлая воспитаніе своею монополіей, употребляютъ школу, во первыхъ, какъ проводникъ къ распространенію въ будущемъ поколѣніи однихъ только извѣстныхъ убѣжденій, взглядовъ и понятій; во вторыхъ, какъ разсадникъ специалистовъ, ему необходимыхъ для достиженія извѣстныхъ обыденныхъ цѣлей. Отцы, примѣняясь къ тому же направленію общественнаго воспитанія, посылаютъ дѣтей въ школу: во первыхъ, чтобы воспитать ихъ для хлѣба . . . во вторыхъ, чтобы воспитать ихъ въ духѣ того сословія, къ которому принадлежатъ сами, и, разумѣется, въ тѣхъ же самыхъ убѣжденіяхъ и предубѣжденіяхъ“ (Сочин. т. II стр. 285).

Такое взаимоотношеніе жизни и школы, когда „общество является потребителемъ, а школа фабрикою, приготовляющею

товаръ для потребленія“ (Соч. т. II. стр. 284), Пироговъ считалъ ненормальнымъ. Школа воспитываетъ молодое поколѣнiе, она способствуетъ выработкѣ ихъ міросозерцанія и идеала, — все, слѣдовательно, будущее поколѣнiе въ ея рукахъ. Она-то и должна руководить жизнью, а не обратно. „Все будущее жизни находится въ рукахъ школы, и, слѣдовательно, ей принадлежитъ гегемонія“ (Соч. т. II. стр. 285). Въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ главенства школы надъ жизнью, долженъ рѣшаться вопросъ о ихъ взаимоотношеніи. „Прямое назначеніе школы, — говоритъ Пироговъ, — быть руководителемъ жизни на пути къ будущему“ (Соч. т. II. стр. 286).

Убѣжденіе о превосходствѣ школы надъ жизнью, взгляды на школу, какъ на руководительницу жизни, у Пирогова логически вытекаютъ изъ его взгляда на науку и научную истину. Наукѣ онъ приписываетъ не только образовательную, но и воспитательную силу. „Всякій, кто самъ учился не напрасно, долженъ знать по опыту, что въ каждой наукѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ каждой группѣ наукъ, есть своя образовательная сила, которая не останется безъ дѣйствія на духъ и на характеръ ученика“ (Соч. т. II. стр. 275). „Живое слово науки говоритъ не одному только уму, оно проникаетъ глубже и облагораживаетъ сильнѣе, чѣмъ всѣ официальные и дисциплинарные надзоры“ (Соч. т. II. стр. 404). „Въ наукѣ кроется такой нравственно-воспитательный элементъ, который никогда не пропадетъ, какіе бы ни были ея представители. Наука беретъ свое и, дѣйствуя на умъ, дѣйствуетъ и на нравы. Въ этомъ всего лучше убѣждаютъ насъ люди, вынесшіе изъ школы одну привязанность — къ наукѣ, едва узнавъ первые ея начатки. Безъ всякаго надзора и приготовленія къ жизни, брошенные въ жизнь, въ борьбѣ съ лишеніями и нуждами они въ одной наукѣ находятъ и утѣшеніе, и крѣпость, и мужество въ борьбѣ“ (Соч. т. II. стр. 394). „Если кто и воспитываетъ человѣка у насъ, то это только наука“ (Соч. т. II. стр. 355).

Школа должна стремиться улучшить нравственность учениковъ, — это ея задача. Къ этому школа и стремилась

всегда, придумывая различныя, чисто нравственныя мѣры. Чтобы парализовать вредное вліяніе жизни на молодое поколѣніе, у насъ со временъ И. И. Бецкаго лучшимъ средствомъ стали считаться закрытыя учебныя заведенія. Но всѣ средства, какія не принимались съ этою цѣлью, въ большинствѣ случаевъ не достигали своей цѣли. Даже закрытыя учебныя заведенія не спасали воспитанниковъ отъ тлетворнаго вліянія жизни; оно проходило и чрезъ стѣны. Между тѣмъ въ рукахъ педагоговъ находилось и находится лучшее средство вліять на нравственность молодого поколѣнія — это наука. Обычно въ нашихъ школахъ воспитаніе и образованіе отдѣляется одно отъ другого. Кромѣ преподавателей науки есть цѣлый сонмъ воспитателей, и наука является лишь какъ средство пріобрѣтенія знаній, — и только. Между тѣмъ „наука нужна не для одного только пріобрѣтенія свѣдѣній, въ ней кроется — иногда глубоко, и потому для поверхностнаго наблюдателя незамѣтно — другой важный элементъ — воспитательный. Кто не сумѣетъ имъ воспользоваться, тотъ еще не знаетъ всѣхъ свойствъ науки и выпускаетъ изъ рукъ такой рычагъ, которымъ можно легко поднять большія тяжести“ (Соч. т. II. стр. 312). И въ школѣ, вмѣсто того, чтобы изобрѣтать различныя средства улучшенія нравственности, „не будетъ-ли надежнѣе . . . сосредоточить всѣ силы на распространеніе науки словомъ и дѣломъ? Не будетъ-ли вѣрнѣе вмѣсто всѣхъ попытокъ, столько разъ неудавшихся, улучшить нравственность путемъ чисто-нравственныхъ мѣръ, обратить всю дѣятельность на развитіе здраваго смысла путемъ науки? Развивъ его въ новомъ поколѣніи, намъ не нужно будетъ много опасаться за его нравственность, она всегда лучше тамъ, гдѣ болѣе здраваго смысла . . . а безъ здраваго смысла всѣ правила нравственности ненадежны“ (Соч. т. II. стр. 395).

Такимъ образомъ, если школа и оказываетъ и можетъ оказывать вліяніе на жизнь, улучшить нравы учениковъ, а, слѣдовательно, и всего будущаго поколѣнія, то этимъ вліяніемъ

она обязана наукѣ. „Школа одолжена своимъ мощнымъ вліяніемъ, — говоритъ Пироговъ, — наукѣ — и, — скажу прямо мое убѣжденіе, — одной только наукѣ“ (Соч. т. II. стр. 394).

Говоря о школѣ и ея значеніи, приписывая наукѣ и образовательную и воспитательную силу, считая ее средствомъ къ улучшенію нравственности будущаго поколѣнія, Пироговъ не могъ, конечно, обойти молчаніемъ и того важнаго вопроса, который и до сихъ еще иоръ занимаетъ общество и до сихъ поръ является все еще неразрѣшеннымъ и неразрѣшимымъ вопросомъ, а не такъ давно вызывалъ горячіе споры и толки и въ обществѣ, и въ прессѣ. Я разумѣю вопросъ, каково должно быть образованіе въ школѣ — классическое или реальное?

Самъ лично Пироговъ высказывался за классическое образованіе, что и вызвало полемику съ нимъ К. Д. Ушинскаго. Но, высказываясь за классическое образованіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что для спора вопросъ этотъ является довольно труднымъ. Все зависитъ отъ личнаго убѣжденія, такъ какъ „преимущества и выгоды различныхъ способовъ образованія такъ очевидны и такъ значительны, что нѣтъ возможности въ настоящее время сказать, который лучше“ (Соч. т. II. стр. 295). При томъ же Пироговъ признавалъ, что, въ сущности, этотъ вопросъ не такой уже первостепенной важности, какъ кажется. Съ точки зрѣнія образованія общечеловѣческаго, на которой и стоялъ Пироговъ, вопросъ о классическомъ или реальномъ образованіи является неинтереснымъ, неважнымъ. „Если у васъ есть больное дитя, — говоритъ онъ, — то развѣ для васъ не все равно, по какой методѣ его будутъ лѣчить, — лишь бы возвратили здоровье. Для чего же вамъ спорить, хлопотать, теряться въ недоумѣніяхъ: что полезнѣе вашему сыну — учиться-ли по-латыни и по-гречески, или по-французски и по-англійски? Повѣрите, въ рукахъ дѣльнаго педагога и древніе и новые языки, и всѣ предметы общечеловѣческаго образованія не останутся безъ пользы для развитія умственныхъ способностей. Ищите убѣдиться въ другомъ — и въ самомъ главномъ — въ личности людей, которымъ вы

повѣряете образованіе вашего сына. Посредствомъ-ли изученія древнихъ языковъ и математики, или посредствомъ новыхъ и естественнѣдѣнія совершится общечеловѣческое образованіе вашего сына — все равно, — лишь бы сдѣлало его человѣкомъ“ (Соч. т. II. стр. 294—295).

Такъ просто, повидимому, разрѣшается вопросъ, изъ-за котораго много было сломлено перьевъ, много испорчено крови. Но это только „повидимому“. Подобнымъ разрѣшеніемъ вопросъ нисколько не разрѣшается, а только устраняется. Центръ тяжести переносится на другой предметъ — на личность преподавателя. „Ищите убѣдиться въ другомъ — и въ самомъ главномъ — въ личности людей, которымъ вы повѣряете образованіе вашего сына.“ Все дѣло, слѣдовательно, не въ классической или реальной системѣ, — а въ преподавателѣ. Теперь и вся забота должна обратиться на приготовленіе хорошихъ, дѣльныхъ педагоговъ. Личности преподавателя Пироговъ придаетъ въ дѣлѣ воспитанія громадное значеніе. „Никто, даже самые родители, не могутъ равняться по вліянію, оказываемому на молодые умы дѣльнымъ и любимымъ наставникомъ“ (Соч. т. II. стр. 404). А если это такъ, то и „нужно обратить вниманіе на личность самихъ наставниковъ и серьезно заняться ихъ приготовленіемъ“ (Соч. т. II. стр. 113). Подготовка преподавателей, подготовка серьезная, научная и должна „быть теперь нашимъ краеугольнымъ камнемъ, если мы хотимъ жить въ будущемъ“ (Соч. т. II. стр. 307).

Я не буду подробно останавливаться на тѣхъ проѣктахъ Пирогова, которые онъ высказывалъ по этому вопросу. Скажу только, что главнымъ средствомъ къ подготовкѣ дѣльныхъ педагоговъ Пироговъ считалъ педагогическіе курсы. На нихъ поступаютъ тѣ, кто стремится къ педагогической дѣятельности, но поступаютъ, окончивъ уже курсъ наукъ.

Но нельзя ограничиваться только подготовкой преподавателей, — это было бы лишь полумѣрой. Недостаточно подготовить наставниковъ, надо и поставить ихъ въ школѣ въ надлежащее положеніе. Педагогъ въ дѣлѣ воспитанія можетъ

играть громадную роль. Вліяніе наставника можетъ быть сильнѣе даже вліянія родителей. Но чтобы онъ могъ оказывать благотворное вліяніе на учениковъ, онъ долженъ внушить къ себѣ ихъ довѣріе. Безъ довѣрія со стороны учениковъ къ наставнику все дѣло воспитанія останется безрезультатнымъ. Но довѣріе учениковъ можетъ быть въ томъ только случаѣ, когда въ дѣйствіяхъ наставника будетъ бѣльшая свобода, бѣльшая самостоятельность. Только въ этомъ случаѣ онъ можетъ внушить къ себѣ довѣріе, какъ къ личности. Нужно „дать бѣльшій просторъ дѣйствію личности наставниковъ“ (Соч. т. II. стр. 103).

Принципъ личности для Пирогова является принципомъ жизни. Все въ жизни должно быть построено на уваженіи къ человѣку, на твердой вѣрѣ въ личность. Самый прогрессъ не возможенъ, если не будетъ дана свобода личности, и личность не будетъ уважаема. „Первое и главное условіе прогресса есть твердая вѣра въ образовательную, творческую силу человеческой личности“. Тотъ-же принципъ уваженія къ личности, довѣрія къ ней долженъ быть положенъ и въ основу воспитанія, — съ самыхъ малыхъ лѣтъ нужно воспитывать въ человѣкѣ сознаніе личности, но и личность должна быть уважаема во всѣхъ — и въ ребенкѣ, и во взросломъ. „Если дѣти не имѣютъ ни силы, ни способовъ нарушать законы нашей жизни, то и мы не имѣемъ права безнаказанно и произвольно ниспровергать столь же опредѣленные законы міра дѣтей. Безъ сомнѣнія отцы и общество должны заботиться о будущности дѣтей, но это право ограничивается обязанностью развивать всецѣло и всесторонне все благое, чѣмъ надѣлил ихъ Творецъ. Другого права нѣтъ и быть не можетъ безъ посягательства на личность, которая одинаково неприкосновенна и въ ребенкѣ и во взросломъ“ (Соч. т. II. стр. 282).

Изученіе законовъ міра дѣтей, изученіе личности человѣка, его характера, темперамента — это главное для педагога, и одно изъ условій успѣха воспитанія. Изучивъ воспитанника,

нужно и примѣняться къ его личнымъ особенностямъ, сообразно съ ними построить и планъ, и систему воспитанія. „Въ наше время, когда глубокіе умы посвятили себя изученію духовной стороны даже умалишенныхъ, когда начинается обнаруживаться, что и эти отверженцы человѣческаго общества имѣютъ свою собственную логику, свою послѣдовательность въ дѣйствіяхъ, когда наука, проникнувъ въ ихъ особый міръ, ищетъ въ немъ связей съ нашимъ, должны-ли мы, говорю, — именно теперь оставаться хладнокровными къ духовному міру нашихъ дѣтей и не изучать его во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ“ (Соч. т. II. стр. 74—75). Оставаясь хладнокровными къ собственному міру дѣтей, мы не должны рассчитывать на успѣхъ воспитанія, и нечего удивляться, что мы изъ дѣтей получаемъ не то совершенно, что бы было нужно. „Съ дѣтскою жизнью, мы думаемъ, нѣтъ еще надобности много церемониться; ее можно, мы полагаемъ, и сжать, и расширить, какъ намъ угодно; ее можно влить въ какую угодно форму и изъ нея вылѣпить, что намъ, взрослымъ, заблагоразсудится“ (Соч. т. II. стр. 281). „Мы, взрослые, безпрестанно нарушаемъ гармонію дѣтскаго міра. Мы, насильственно врываясь въ него, переносимъ ребенка, на каждомъ шагу, къ себѣ, въ нашъ свѣтъ. Мы спѣшимъ ему внушить наши взгляды, наши понятія, наши свѣдѣнія, пріобрѣтенныя вѣковыми усиліями уже зрѣлаго чловека. Мы отъ души восхищаемся нашими успѣхами, полагая, что ребенокъ насъ понимаетъ, и сами не хотимъ понять, что онъ понимаетъ насъ по своему. Кто же теперь виноватъ, что мы такъ рано замѣчаемъ у нашихъ дѣтей несомнѣнные признаки двойственности души?“ (Соч. т. II. стр. 72). А между тѣмъ, задача воспитанія — воспитать нравственно-цѣльныхъ личностей, у которыхъ бы не было глубокой пропасти между „быть и казаться“.

Тѣмъ же принципомъ — уваженія къ личности должна руководствоваться и школа. „Жизнь школьника есть такая-же самостоятельная, подчиненная своимъ законамъ жизнь, какъ и жизнь взрослыхъ учителей“ (Соч. т. II. стр. 282). Въ школѣ

должна приниматься во вниманіе личность каждаго отдѣльнаго ученика; при преподаваніи должно имѣть въ виду индивидуальность воспитанниковъ. „Нельзя всѣхъ и каждаго стричь подъ одинъ гребень, а дѣйствовать нужно разумно, примѣняясь къ свойству самого предмета, къ личности и степени развитія ученика вотъ въ чемъ заключается главное дѣло педагогическаго искусства“ (Соч. т. II. стр. 277).

Но если гдѣ и нужно особенно провести принципъ уваженія и довѣрія къ личности, такъ это въ отношеніи самихъ преподавателей. Въ воспитаніи громадную роль играетъ личность преподавателя, и чѣмъ болѣе дано будетъ личности преподавателя простора, возможности дѣйствовать самостоятельно и независимо, тѣмъ лучше для дѣла. Воспитаніе все зиждется на нравственномъ довѣрїи воспитанниковъ къ воспитателю — это краеугольный камень воспитанія, и если нѣтъ довѣрія, то все воспитаніе останется безъ результата. Но нравственное довѣріе учениковъ къ воспитателю возможно лишь тогда, когда воспитатель является живою, личною силою, когда онъ въ своихъ дѣйствіяхъ независимъ. Бюрократизмъ нигдѣ не приноситъ столько вреда, какъ въ дѣлѣ воспитанія: преподаватели, принужденные дѣйствовать по однообразнымъ и опредѣленнымъ отъ начальства предписаніямъ, невольно дѣлаются чиновниками; они лишаются возможности индивидуализировать, а съ этимъ вмѣстѣ дѣлается невозможнымъ и примѣненіе одного изъ самыхъ основныхъ правилъ педагогики — сообразоваться въ каждомъ данномъ случаѣ съ нравомъ, темпераментомъ и способностями воспитанника. Нужно „дать болѣе просторъ дѣйствію личности наставниковъ“. Однимъ изъ средствъ поставить преподавателя въ надлежащее положеніе въ школѣ, чтобы онъ могъ оказывать должное вліяніе на учениковъ, Пироговъ считаетъ коллегіальное начало въ школѣ. Одно только коллегіальное начало можетъ хоть нѣсколько ослабить произволъ непосредственнаго начальства учебныхъ заведеній и дать болѣе просторъ дѣйствію коллегіи наставниковъ, а, увеличивъ значеніе цѣлой коллегіи наставниковъ, мы тѣмъ

самымъ увеличимъ значеніе и каждаго въ отдѣльности. И этимъ поднимется и значеніе науки, и все дѣло воспитанія. „Наставникъ же, не имѣющій голоса въ учебно-воспитательныхъ, а, слѣдовательно, въ административныхъ дѣлахъ училища, связанный по рукамъ и по ногамъ властью директоровъ и инспекторовъ, подвергается двумъ крайностямъ, обоюднo-вреднымъ для цѣлаго учрежденія: онъ или играетъ жалкую роль въ глазахъ учениковъ, или же старается вознаграждать потерянный авторитетъ путемъ заискиванія у начальниковъ и стараньями пріобрѣсти популярность у учениковъ. А если онъ не избралъ ни той ни другой крайности, то впадетъ въ полную апатію, превращается въ наемника и будетъ считать себя лицомъ постороннимъ для цѣлаго дѣла. Не усиливъ сначала вліянія цѣлой коллегіи наставниковъ, можно-ли надѣяться усилить нравственное вліяніе и каждаго изъ нихъ? Не забудемъ еще, что дать болнія права начальникамъ учебныхъ заведеній, у насъ значитъ поставить ихъ въ отношенія чисто бюрократическія къ подчиненнымъ имъ учителямъ . . . а въ дѣлѣ науки и воспитанія все должно быть основано на призваніи, пониманіи дѣла и на дружномъ соединеніи для одной цѣли нравственныхъ и умственныхъ силъ всѣхъ воспитателей и наставниковъ. Не подчиненный долженъ быть учитель директору, а товарищъ въ общемъ дѣлѣ“ (Соч. т. II. стр. 403 до 404). „Не чиномъ, а одними только научными и педагогическими достоинствами долженъ директоръ отличаться и внушать къ себѣ уваженіе и сослуживцевъ, и общества“ (Соч. т. II. стр. 335).

Но мало дать наставникамъ право участія въ дѣлахъ административныхъ. Коллегіальность управленія николай, конечно, дастъ бoльшую свободу ихъ дѣйствіямъ, бoльшую ихъ самостоятельность, а, какъ слѣдствіе этого — они будутъ пользоваться и бoльшимъ авторитетомъ и бoльшимъ довѣріемъ со стороны учениковъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ преподаватели будутъ и къ своему дѣлу относиться болѣе добросовѣстно. Кромѣ того наставникамъ необходимо всецѣло поручить веденіе

учебнаго дѣла. „Нужно дать право каждому учителю выразить свое мнѣніе о способѣ и объемѣ преподаванія своего предмета“ (Соч. т. II. стр. 406). Кому, конечно, лучше знать предметъ и способъ и объемъ его преподаванія, какъ не преподавателю? Онъ лучше знаетъ и предметъ, и своихъ учениковъ, и, сообразуясь съ ихъ способностями, установитъ объемъ и способъ преподаванія предмета и, притомъ, не съ бѣльшимъ-ли рвеніемъ, не съ бѣльшею-ли любовью преподаватель будетъ вести свое дѣло, если это дѣло всецѣло поручено ему безъ регламентаціи со стороны? Страхъ, что нѣкоторые преподаватели, по своимъ личнымъ качествамъ, не могутъ внушить къ себѣ довѣрія и опасно дать имъ самостоятельность, излишенъ. Изъ того, что для нѣкоторыхъ нужна опека, нельзя выводить правило о необходимости опеки надъ всѣми. „Лучше оказать болѣе довѣрія и тѣмъ, которые его не совѣмъ заслуживаютъ, нежели мало довѣрять вполнѣ заслуживающимъ“ (Соч. т. II. стр. 340). Преподавателю же, и только ему, нужно вполнѣ довѣрять и оцѣнку успѣховъ учениковъ. Экзамены, какъ таковыя, не достигаютъ своей цѣли — опредѣлить степень знанья учениковъ, а, кромѣ того, они, являясь какъ бы контролемъ надъ преподавателемъ и его системой преподаванія, ни о чемъ иномъ не говорятъ, какъ только о недовѣрїи къ личности преподавателя. „Однимъ наставникамъ исключительно должно поручаться рѣшеніе вопроса о способѣ изложенія науки и о свѣдѣніяхъ и способностяхъ учениковъ“ (Соч. т. II. стр. 340).

Преподаватель, самостоятельный въ своихъ дѣйствіяхъ, свободный отъ произвола начальства, не связанный по рукамъ и по ногамъ предписаніями и циркулярами, будетъ тѣмъ самымъ поставленъ и въ лучшія отношенія къ ученикамъ. Онъ будетъ внушать больше довѣрія къ себѣ, — а это необходимое условіе успѣха преподаванія. Въ школѣ все должно быть основано на нравственномъ довѣрїи и уваженїи. Если самъ попечитель округа, по выраженію Пирогова, является не столько начальникомъ, сколько миссіонеромъ, который не приказываетъ, а убѣждаетъ; то тѣмъ болѣе убѣжденіями

долженъ дѣйствовать преподаватель. Но убѣжденіе возможно лишь при наличности довѣрія и уваженія къ убѣждающему. Преподаватели-чиновники, дѣйствующие механически по строго опредѣленнымъ, не ими лично, плану и программамъ, не могутъ, конечно, внушать къ себѣ довѣрія, какъ къ личности. Какъ могутъ они убѣдить учениковъ дѣлать дѣло „за совѣсть“, когда сами дѣлаютъ его „за страх“? Такія личности могутъ только приказывать, но и должны будутъ довольствоваться только формальнымъ исполненіемъ приказанія, — не больше! Но это уже не будетъ воспитаніемъ человѣка, а выучка исполнять приказанія, — о живомъ дѣлѣ рѣчи уже быть не можетъ.

Съ такими идеалами, съ такими взглядами на педагогическую дѣятельность вступалъ Пироговъ на педагогическое поприще. Это не были его теоретическіе лишь взгляды. Пироговъ былъ личность цѣльная, — у него слово и дѣло не были въ разладѣ. Онъ не высказывалъ только свои взгляды, а проводилъ ихъ и въ жизнь. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ, выражаясь его же словами, миссіонеромъ принципа неприкосновенности, уваженія и довѣрія къ личности и свою дѣятельность, какъ попечителя учебныхъ округовъ, онъ основывалъ на нравственномъ довѣрїи и уваженїи къ личности. Онъ не приказывалъ, какъ начальникъ, а убѣждалъ. Прощаясь съ кїевскимъ округомъ, уходя съ педагогическаго поприща, онъ былъ правъ, когда говорилъ: „Ученье и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствїе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ, но и въ слабыхъ я чтилъ человѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою“ (Соч. т. II. стр. 438). Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня понапрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ . . . Но не всѣ знаютъ, что и молодость должно уважать . . . Кто не забылъ свою молодость и

изучалъ чужую, тотъ не могъ не различать и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Бывъ попечителемъ университета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ-ли я иначе за него взяться, когда помня и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленія, которыя тогда меня одушевляли; вспоминая, уважалъ ихъ въ себѣ . . . Я зналъ, что немногіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще; зналъ, наконецъ, и то, что меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣнни и въ гонѣнбѣ за популярность; но все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло остановить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣрїи къ ея благородству мыслей и стремленію къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потому что не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило бы для меня перестать жить (Соч. т. II. стр. 433—435).

Я кончилъ. Моею задачею не было представить полное, систематическое изложеніе взглядовъ Пирогова; я даже затронулъ не всѣ вопросы, которыхъ касался Пироговъ въ своихъ педагогическихъ статьяхъ. Я ставилъ себѣ задачею лишь показать, какой принципъ считалъ Пироговъ необходимымъ для педагога и какимъ онъ самъ руководился въ своей педагогической дѣятельности. Можно, конечно, не соглашаться съ Пироговымъ относительно его частныхъ взглядовъ, можно возражать противъ его рѣшеній отдѣльныхъ педагогическихъ вопросовъ; — Пироговъ не былъ педагогомъ по профессіи; въ его взглядахъ, въ его статьяхъ можно найти и увлеченія, и крайности. Но это былъ „человѣкъ“ въ полномъ смыслѣ

этого слова и въ высшей степени владѣлъ тѣми основными свойствами, безъ которыхъ, въ сущности, немислимъ педагогъ. Онъ убѣждалъ любить и уважать дѣтство, а не распоряжаться имъ безконтрольно. Онъ проводилъ мысль о взаимномъ довѣрїи и уваженїи учащихъ и учащихся, а это главное условїе успѣха воспитанїя. Онъ убѣждалъ любить юношество и уважать его высюня и благородныя стремленїя къ истинѣ и совершенству. Онъ проводилъ мысль, что въ педагогикѣ главное — убѣжденїе, а не приказанїе. Наконецъ, — и самое главное, — онъ былъ миссіонеромъ принципа уваженїя человѣческаго достоинства и неприкосновенности личности. „Личность неприкосновенна и въ ребенкѣ, и во взросломъ.“ Это основное правило педагога, и въ устахъ Пирогова оно не было фразой. Онъ не только самъ лично проводилъ его въ жизнь, но и старался ввести его въ сознанїе тѣхъ, кто призванъ воспитывать будущее поколѣнїе. Не его вина, если и теперь еще мы можемъ говорить только лишь о желательности всего этого. Пироговъ сдѣлалъ свое дѣло. Отъ своихъ современниковъ онъ получилъ справедливо названїе „человѣка“ и вполнѣ, я думаю, заслужилъ память и въ потомствѣ, заслужилъ то, что самъ онъ назвалъ „безсмертїемъ земли“.

Л. Ильинскій.

Къ вопросу о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости.

„Ты, чадо, непрестанно хвали свою вѣру и подвижайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого либо нагимъ, или голоднымъ, или подвергшимся бѣдствію, — будь ли то еретикъ, или латынянинъ, — всякаю помылуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь; и ты не погрѣшишь предъ Богомъ, который питаетъ и православныхъ христіанъ и неправославныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется . . .“ Изъ посланія преп. Θεодосія печерскаго къ вел. князю Изяславу. (Макарій. Исторія русской церкви. Т. II, стр. 136.)

„Совѣсть человѣческая одному Богу токмо подлѣжитъ и никакому государю не позволено оную силою въ другую вѣру принуживать . . .“ (Грамота Петра Великаго польскому королю Августу II 9-го марта 1718 года.)

Поляки безвозбранно да чтуть Господа Бога по латинскому обряду, рускіе же люди искони были и будутъ православными и вѣрять съ Царемъ и Царицей выше всею чтуть и любятъ родную Православную Церковь. (Слова, собственноручно начертанныя нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ во 2-ой день іюля 1898 года.)

Вопросы о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости въ настоящее время занимаютъ не только печать и русское общество, но и наши высшія правительственныя сферы: какъ извѣстно, вопросы эти обсуждаются теперь, согласно Высочайшему указу отъ 12 декабря 1904 года, въ засѣданіяхъ Комитета Министровъ, который, по газетнымъ сообщеніямъ, намѣтилъ уже нѣкоторыя изъ основныхъ началъ для разрѣшенія этихъ дорогихъ для человѣка, но въ тоже время, и весьма сложныхъ, вопросовъ права и жизни.

Въ ожиданіи успѣшнаго законодательнаго разрѣшенія указанныхъ вопросовъ, сдѣлаемъ, съ своей стороны, хотя въ малой степени, попытку содѣйствовать этому разрѣшенію; укажемъ, съ своей стороны, нѣсколько данныхъ по вопросу о взаимныхъ

отношеніяхъ между отдѣльными вѣроисповѣданіями, стараясь въ дальнѣйшемъ изложеніи сохранить полное безпристрастіе и избѣгнуть всякой односторонности.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ должно смотрѣть одно вѣроисповѣданіе на сосуществованіе съ нимъ другихъ вѣроисповѣданій?

Каждая церковь (Православная, римско-католическая, евангелическо-лютеранская, армяно-грегоріанская и др.), считая только одну себя истинною Христовою Церковью, принадлежность къ которой въ дѣлѣ спасенія является безусловно необходимою, объявляетъ только свое ученіе единственно истиннымъ, исключаяющимъ другія ученія, какъ ложныя, и всѣхъ къ ней непрінадлежащихъ называетъ иновѣрцами, относится къ этимъ послѣднимъ совершенно отрицательно, смотритъ на нихъ, какъ на лицъ, заблуждающихся въ истинѣ, и заботится обратить ихъ въ свое лоно. Иначе не можетъ и быть. Такъ какъ истина едина сама въ себѣ и двухъ противоположныхъ истинъ быть не можетъ, то не можетъ быть и двухъ истинныхъ, но различныхъ по существу своего ученія, христіанскихъ церквей; истинная Христова Церковь есть и должна быть едина.

Отсюда вытекаютъ слѣдующіе выводы:

1. Ни одна церковь не можетъ имѣть внѣшней юрисдикціи надъ послѣдователями другихъ вѣроисповѣданій и не можетъ принудительнымъ образомъ распространять свои уставы и обряды на лицъ, къ ней не принадлежащихъ.

Это правило весьма строго соблюдала по отношенію къ неправославнымъ христіанамъ русская церковная и государственная власть. Такъ напр., когда въ 1673 году лютеряне представили на разрѣшеніе патріарха дѣло о двоеженствѣ одного датчанина, то патріархъ отвѣтилъ имъ, что это дѣло не иодлежитъ его суду. Далѣе, на просьбу посла англійской королевы Елизаветы Елизара Флечера, — не дѣлать англійскимъ купцамъ, пріѣзжающимъ для торговыхъ дѣлъ въ Россію, принужденія въ ихъ вѣрѣ, русское правительство (при царѣ Θεодорѣ Іоанновнчѣ), какъ видно изъ одного документа, сохранившагося

въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностран-
ныхъ Дѣлъ, отвѣчало: „а что написано въ рѣчехъ твоихъ
(т. е. посла Флечера), чтобъ волно было тѣмъ гостемъ или ихъ
прикащикомъ, или ихъ слугамъ, или хто учнетъ отъ нихъ
торговати, и имъ бы волно было жить по своей вѣрѣ и въ
своёмъ законѣ, и къ иной бы вѣрѣ ихъ не велѣтъ принуживати,
и на то отвѣтъ до ихъ вѣры и дѣла нѣтъ
Хто какъ захочетъ, тотъ такъ и живетъ въ своей вѣрѣ“.
. . . „Въ Московскомъ государствѣ, читаемъ мы въ другомъ
актѣ, много разныхъ вѣръ, и мы ни у кого воли не отнимаемъ,
живутъ, кто какъ хочетъ . . . , а что до лютеранъ, то въ
Россійскомъ государствѣ всякихъ вѣръ люди многіе живутъ,
и своимъ обыкновениемъ“ Наконецъ, когда (30 августа
1721 г.) былъ заключенъ между Россією и Швеціей Ни-
штадтскій мирный трактатъ, по которому Швеція уступила
Россіи всѣ свои права на Лифляндію, Эстляндію и островъ
Эзель, всѣмъ жителямъ вновь присоединенныхъ къ Россіи зе-
мель оставлены права, привилегіи, обыкновения и преимущества,
которыми они пользовались при Шведскомъ правительствѣ;
въ частности, относительно дѣлъ религіозныхъ постановлено
(статья 10): „въ уступленныхъ земляхъ не имѣтъ быть
введено принужденіе въ совѣсти, а напротивъ того Евангели-
ческая вѣра, церкви и училища, и что къ тому принадлежитъ,
на томъ основаніи, на которомъ при послѣднемъ Свѣйскомъ
правительствѣ были, оставлены и содержаны будутъ съ тѣмъ
однакожъ, чтобы въ нихъ и вѣра греческаго исповѣданія
впредь также свободно и безъ всякаго помѣшательства могла
быть отправляема“. Побѣдитель оставляетъ такимъ образомъ
побѣжденнымъ полную свободу въ дѣлахъ религіозныхъ и лишь
выговариваетъ такую же свободу въ отправленіи вѣры гре-
ческаго вѣроисповѣданія во вновь приобрѣтенныхъ областяхъ
самому себѣ.

И дѣйствующее наше законодательство строго запрещаетъ
одному вѣроисповѣданію вмѣшиваться въ религіозныя дѣла
другого, а также духовнымъ лицамъ какого либо вѣроиспо-

вѣданія исправлять духовныя требы для лицъ, къ нему непринадлежащихъ (Т. XI. ч. 1. Уст. иностр. исповѣд. стт. 256, 502, 779, 1110; Т. XIV. Уст. о предупр. и пресѣч. преступл. ст. 77; Т. XV. Улож. о наказ., ст. 195 и др.).

II. Ни одна церковь, не можетъ быть обязана къ преподаванію своихъ духовныхъ благъ лицамъ, къ ней не принадлежащимъ.

Совершенно непонятною и неосновательною была бы поэтому, напримѣръ, жалоба на отказъ со стороны духовнаго лица православнаго исповѣданія совершить ту или другую потребу для лица неправославнаго. А между тѣмъ подобныя жалобы бывали. Припомнимъ, сколько жалобъ и нареканій на якобы обнаруженную Православною церковью нетерпимость вызвало, даже со стороны нѣкоторыхъ православныхъ, не дозволеніе литовскимъ и виленскимъ архіепископомъ Ювеналіемъ совершить торжественную панихиду въ кафедральномъ соборѣ по скончавшемся командующемъ войсками виленскаго военнаго округа генералѣ Гурчинѣ, который, при своей жизни былъ, какъ извѣстно, ревностнымъ католикомъ! Сколько разговоровъ вызвалъ этотъ случай, не смотря на то, что виленскій архіепископъ поступилъ, съ точки зрѣнія каноническаго права, совершенно правильно. Между тѣмъ, въ самой католической церкви такого вопроса по отношенію къ лицамъ православнымъ не можетъ даже и возникнуть¹⁾.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда за совершеніемъ религіознаго акта обращаются два лица, изъ которыхъ одно не принадлежитъ къ той церкви, къ которой обращена просьба (напр. при смѣшанныхъ бракахъ), церковная власть, если найдетъ возможнымъ совершеніе такого акта, можетъ потребовать отъ лица иновѣрнаго соблюденія извѣстныхъ условій (напр. относительно крещенія и воспитанія дѣтей).

1) Надо при этомъ замѣтить, что домашнія молитвы и панихиды по неправославнымъ христіанамъ, при жизни относившимся съ уваженіемъ къ Православной церкви, у насъ допускаются нѣкоторыми іерархами; такія молитвы допускалъ, между прочимъ, и знаменитый митрополитъ Филаретъ.

Такъ, по дѣйствующему русскому законодательству (Т. X. ч. 1. ст. 67) „если женихъ или невѣста принадлежатъ къ Православному исповѣданію, въ семъ случаѣ вездѣ, кромѣ Финляндіи, требуется: 1) чтобы лица другихъ исповѣданій, вступающія въ бракъ съ лицами Православнаго исповѣданія, дали подписку, что не будутъ ни поносить своихъ супруговъ за Православіе, ни склонять ихъ чрезъ прельщеніе, угрозы или инымъ образомъ, къ принятію своей вѣры, и что рожденныя въ семъ бракѣ дѣти крещены и воспитаны будутъ въ иривилахъ Православнаго исповѣданія; 2) чтобы при вступленіи въ сіи браки непременно исполнены и соблюдены были всѣ правила и предосторожности, для браковъ между лицами Православнаго исповѣданія вообще постановленныя; 3) чтобы сіи браки были вѣнчаны Православнымъ Священникомъ въ Православной Церкви¹⁾).

Въ крайности церковь можетъ снизить до совершенія извѣстнаго акта (напр. погребенія) и для лица, къ ней не принадлежащаго.

III. Признаніе церковною властью дѣйствительности религіознаго акта (напр. рукоположенія, смѣшаннаго брака), совершеннаго въ другой церкви, зависитъ отъ отношенія къ нему этой власти, причемъ она въ своихъ сужденіяхъ руководствуется законами своей церкви.

Такъ, по дѣйствующему русскому законодательству,

1) Правило объ обязанности давать подписки, отмѣненное по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ въ 1865 году, было вновь восстановлено въ 1885 году. Это составило одну изъ самыхъ благодѣтельныхъ и рѣшительныхъ мѣръ незабвеннаго императора Александра III къ огражденію Православія въ Прибалтійскомъ краѣ, ибо въ продолженіе почти 20 лѣтъ, послѣ того какъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ ослаблено было требованіе примѣненія этого закона, населенію края постоянно внушаемо было, что господствующею, если даже не единственною, вѣрою въ краѣ должна быть лютеранская вѣра, и что всѣхъ дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ обязательно крестить въ лютеранство. (Состояніе отечественной Церкви по всеподданнѣйшему отчету Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1886 г. Христ. Чтеніе 1889 г. ч. 1, стр. 105.)

„когда въ числѣ брачныхъ лицъ одно принадлежитъ къ православному вѣроисповѣданію, то разсмотрѣніе вопроса о томъ, былъ ли бракъ и законно ли онъ совершенъ, равно опредѣленіе уважительности причинъ къ его расторженію, во всякомъ случаѣ подлежитъ рѣшенію духовнаго суда Православной церкви. Рѣшеніе сіе имѣеть быть твердо въ отношеніи къ обоимъ лицамъ“. (Т. XVI. ч. 2. Зак. о судопр. гражданск., ст. 454.)

IV. Каждая церковь, признавая принадлежность къ ней необходимою для спасенія, не можетъ поэтому относиться къ другимъ вѣроисповѣданіямъ равнодушно и допускать безразличіе (индифферентизмъ) въ дѣлахъ вѣры; а тѣмъ болѣе терпѣть прозелитизмъ, а также обязана заботиться о распространеніи своего ученія среди лицъ, къ ней не принадлежащихъ, избѣгая однако при этомъ средствъ Христовой Церкви не свойственныхъ.

Совершенный индифферентизмъ мы находимъ у римлянъ, которые, оставляя покореннымъ народамъ ихъ мѣстное богопочитаніе, только переносили чужихъ боговъ въ Римъ и ставили ихъ въ рядъ своихъ. Наши предки, напротивъ того, были необычайно привязаны къ своей вѣрѣ, т. е. Православію, считая одну Православную вѣру истинно-христіанскою и лучшею изъ всѣхъ вѣръ. Непоколебимую стойкость православныхъ въ своей вѣрѣ прекрасно характеризуетъ еще Гербиній: *измучьте русскихъ 100, умертвите 1000, и изъ нихъ едва одинъ отпадаетъ отъ вѣры своихъ отцовъ.* Съ полною вѣротерпимостью относились наши предки и къ послѣдователямъ прочихъ вѣръ, но до тѣхъ только поръ, пока послѣдніе не нарушали правъ Православной церкви и не совращали съ свою вѣру лицъ православныхъ. Такъ, на примѣръ, предки наши позволяли латинянамъ жить въ русскихъ городахъ и даже открыто исповѣдывать свою вѣру. Всего болѣе исповѣдниковъ римской вѣры жило въ Кіевѣ, вѣроятно, переселившихся изъ сосѣдственной Польши, Венгріи, Богеміи. Около 1231 г. они основали даже, съ позволенія князя Владиміра Рюриковича,

на оболонѣ близъ Кіева доминиканскій Богородицкій монастырь. Допуская, однакожъ, по отношенію къ латинянамъ такую вѣротерпимость, напѣ князья отнюдь не позволяли имъ распространять въ Россіи своей вѣры и совращать православныхъ: и тотъ же князь Кіевскій Владиміръ Рюриковичъ, какъ только услышалъ, что пріоръ (Мартинъ Сендомирскій) и братія доминиканскаго кіевскаго монастыря начали порицать православную вѣру и восхвалять свою, немедленно выгналъ ихъ (1233) изъ обители и запретилъ туда возвращаться.

Излагая наставленія, какъ держать себя по отношенію къ чужой вѣрѣ (латинской) и ея послѣдователямъ, преподобный Θεодосій печерскій въ посланіи къ вел. князю Изяславу даетъ рядъ слѣдующихъ наставленій: 1) надобно всѣми мѣрами блюстися чужой вѣры, особенно тѣмъ, которые живутъ посреди латинянъ, потому что только въ православной вѣрѣ можно спастись, а въ вѣрѣ латинской или сарацинской (магометанской) нельзя¹⁾; 2) не должно хвалить чужой вѣры, потому что кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ хулитъ свою и есть двоевѣрецъ и близокъ къ ереси²⁾; 3) еслибы кому пришлось и умереть за православную вѣру — долженъ умереть, не отрицаясь отъ того, по примѣру Святыхъ; 4) съ послѣдователями варяжской (латинской) вѣры не должно имѣть общенія ни по дѣламъ брачнымъ, ни въ причастіи Христовыхъ таинъ, ни въ пищѣ, — впрочемъ, когда они попросятъ пищи, накормить

1) „Нѣтъ, говоритъ препод. Θεодосій въ упомянутомъ посланіи къ великому князю Изяславу, иной вѣры лучше, какъ вѣра наша, едина чистая и честная, и святая, т. е. вѣра правовѣрная. Живущіе въ сей вѣрѣ могутъ и освободиться отъ грѣховъ, и избѣгнуть вѣчной муки, и быть причастниками вѣчной жизни, и безъ конца радоваться со Святыми. А сущему въ иной вѣрѣ, ли въ латинской, ли въ армянской, ли въ срачиньской, нѣсть видѣти жизни вѣчныя, ни части съ Святыми“. Макарій, т. II, стр. 324—325.

2) Если кто скажетъ тебѣ: ту и другую вѣру далъ Богъ, — ты отвѣчай: развѣ Богъ двоевѣренъ? Не слышишь ли что сказано: единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе? И не сказалъ ли апостоль Павелъ: аще и ангель благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаеема да будеть“. Макарій, т. II, стр. 136.

ихъ, только въ ихъ собственныхъ сосудахъ, а не въ своихъ; въ случаѣ же крайности — и въ своихъ, которые потомъ вымытъ и освятить молитвою¹⁾. — Кромѣ этихъ общихъ наставленій, преп. Θεодосій, обращаясь собственно къ князю, говоритъ: . . . „ты же, чадо, непрестанно хвали свою вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого либо нагимъ, или голоднымъ, или подвергшимся бѣдствію, — будетъ ли то еретикъ или латынянинъ, — всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь: и ты не погрѣшишь предъ Богомъ, который питаетъ и православныхъ христіанъ и неправославныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется“ . . .

На сколько Русь берегла свою Православную вѣру, видно, между прочимъ, изъ того, что въ смутное время, когда единственное спасеніе Россіи стали видѣть въ избраніи на русскій престолъ сына польскаго короля Сигизмунда — королевича Владислава, въ переговорахъ своихъ съ поляками русскіе послы не думали домогаться какихъ либо политическихъ вольностей, или же подтвержденія сословныхъ правъ, а всѣ усилія свои склоняли къ тому, чтобы Владиславъ принялъ греческую вѣру, обязался сохранять свято Православіе, оберегать и умножать церкви и монастыри, принять помазаніе на царство отъ патріарха; говорятъ, что Салтыковъ заплакалъ, когда сталъ просить короля о сохраненіи греческой вѣры.

V. Ни одна церковь не можетъ допустить свободнаго выхода изъ своего состава и перехода въ другое религіозное

1) . . . „Христіаномъ же своихъ дочерій не достоинъ давати за нихъ, ни поймати у нихъ за себе, ни брататися съ ними, ни кумитися, ни цѣлованіа съ ними имѣти, и не ясти съ ними, ни пити изъ единаго съсуда; тѣмъ же (т. е. латынянамъ) просящимъ у васъ дайте имъ Бога ради ясти, но въ ихъ съсудѣхъ; аще ли не будетъ въ нихъ съсуда, въ своемъ дати и потомъ измывъ съсудъ, молитву дати Иже кто ублюдется отъ нихъ, чисту вѣру нося, и предъ Богомъ станеть одесную радуась; аще же самоволіемъ приблизится къ нимъ, то съ ними станеть ошуюю, плачася горко“. Гр. А. Толстой, Римскій католицизмъ въ Россіи. С.-ПБ. 1876. Т. 1, стр. 11.

общество. Такой переходъ и даже совершенный выходъ изъ церкви, безъ присоединенія къ другому религіозному обществу, даже право „ни во что не вѣрить“ признаеть на Западѣ государство, но никогда не признавала ни одна христіанская церковь.

Такъ, во Франціи государствомъ официально признана свобода совѣсти внѣ религіи. Количество лицъ, не иринявшихъ крещенія и не принадлежащихъ ни къ какой религіи, все увеличивается; „sans religion“ — звучитъ тамъ такъ же просто и естественно, какъ православный, католикъ, лютеранинъ и проч. Закона Божія, какъ предмета преподаванія, давно уже не существуетъ въ государственныхъ школахъ. вмѣсто катехизиса тамъ преподають la morale. Однако церковь такъ равнодушно относится къ христіанской религіи не можетъ.

У насъ, въ Россіи отступленіе отъ Православія, даже вызванное неблагопріятными обстоятельствами, никогда не допускалось и строго наказывалось. Такъ напр., въ наказахъ, данныхъ посламъ о большомъ дѣлѣ (т. е. о принятіи королевичемъ Владиславомъ греческой вѣры), сказано, что отступники отъ греческой вѣры должны были подвергаться смертной казни, а имущества ихъ отбираться въ казну, потому что въ Россіи никогда не дозволялось православнымъ переходить въ другую вѣру и напередъ этого быть не можетъ, безъ возмущенія всего государства; на этомъ велѣно было посламъ непременно настоять.

И въ настоящее время Православная церковь, признавая одну себя единою истинною Церковью Христовою, принадлежность къ которой является необходимымъ условіемъ для спасенія, не допускаеть для своихъ послѣдователей свободы перехода изъ Православія въ иное, хотя бы христіанское исповѣданіе, и разсматриваетъ лицъ, отпадшихъ отъ Православной вѣры, какъ заблуждающихся, заботясь о возвращеніи ихъ въ Православіе. Этотъ взглядъ Православной церкви не является исключительнымъ: не только Православная, но и всякая иная,

церковь не допускаетъ для лицъ, къ ней принадлежащихъ, свободы выхода и перехода въ другое вѣроисповѣданіе и не считаетъ такого выхода актомъ правомѣрнымъ¹⁾.

VI. Всякое принужденіе въ дѣлѣ вѣры недопустимо.

„Не свойственно, говоритъ Тертуллианъ, одной религіи дѣлать насиліе другой. Религія должна быть принимаема по свободному убѣжденію, а не насильственно; жертвы Богу должны быть приносимы отъ свободного сердца“. Богъ, Владыко міра, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, Онъ не нуждается въ вынужденномъ послушаніи; Онъ не требуетъ вынужденнаго исповѣданія: Онъ хочетъ не лицемѣрія, а истиннаго почитанія . . . Истина превозглашается не мечомъ, не копьемъ, не силою войска, но путемъ убѣжденія и назиданія . . . Истинное благочестіе не понуждаетъ, а убѣждаетъ, ибо Господь никого не понуждалъ, но предоставлялъ выборъ свободной волѣ каждому, говоря ко всѣмъ: „кто хочетъ послѣдовать за Мною“ — и вопрошая Своихъ учениковъ: „не хотите ли и вы отойти“? — Св. Иринеи ліонскій (+ 202) прямо выражаетъ мысль, что Церковь потому и несокрушима, что ничто не можетъ отнять у отдѣльнаго ея члена того, что воспринято дѣйствіемъ личной свободы. „Богъ, писалъ св. Иринеи, сотворилъ человѣка свободнымъ, имѣющимъ свою власть добровольно исполнять волю Божію, а не по принужденію отъ Бога, ибо у Бога нѣтъ насилія. Богъ внушаетъ совѣтъ, увѣщая насъ къ покорности, но не принуждая. Вѣра принадлежитъ человѣку, такъ какъ онъ имѣетъ свою собственную волю“. — Въ сочиненіи о мученикѣ Вавилѣ св. Іоаннъ Златоустъ прямо высказываетъ, что христіанину недозволено уничтожать заблужденій насиліемъ или понужденіемъ; они могутъ содѣйствовать спасенію людей только путемъ убѣжденія, разумнаго увѣщанія и оказанія услугъ любви. Оружіе борьбы съ заблужденіями

1) О взглядѣ римско-католической церкви на выходъ изъ ея общества, какъ на одно изъ самыхъ тяжкихъ церковныхъ преступленій, см. въ сочиненіи Dr. Arthur B. Schmidt. *Der Austritt aus der Kirche*. Leipzig. 1893, стр. 17.

должно быть духовнымъ, а не матеріальнымъ; единственный мечъ, которымъ Церковь можетъ пользоваться, есть слово; это оружіе — любовь соединенная съ кротостію и терпѣніемъ, любовь, желающая всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити (Тим. 2, 4). — О свободѣ вѣры позаботился самъ Господь, говоритъ Блунчли, „такъ какъ Онъ облекъ внутреннюю жизнь духа защищающимъ покровомъ тѣла. Люди не видятъ насквозь внутренняго святилища мысли и чувства другъ друга, а потому нѣтъ у нихъ силы властвовать надъ вѣрой отдѣльныхъ лицъ“.

Восточная, и въ частности, русская церковь строго слѣдовала этому примѣру и требовала отъ лицъ, къ ней присоединяющихся, свободной воли и ясно выраженаго на то согласія (а отъ лицъ малолѣтнихъ согласія ихъ родителей). Вселенская Церковь, по выраженію восточныхъ патріарховъ, не принуждаетъ, не дѣлаетъ насилія, но призываетъ, увѣщаетъ, убѣждаетъ силою Духа Святаго. Въ формулѣ отреченія, принадлежащей XVI вѣку, католика, изъявившаго желаніе присоединиться къ Православно, читаемъ: „Язъ, имрекъ, иже отъ латынскія вѣры днесъ прихожду ко истинному православному христіанскія непорочныя вѣры закону, преданному отъ святыхъ апостоль и утвержденному богоносными отцы святыхъ и великихъ всея вселенныя святыхъ седми соборовъ: прихожду не отъ нужды нѣкія и бѣды, или тѣсноты, или страха, или налога, или нищеты, или долга, или нѣкоей вещи на мя подвизаемой, или чести ради мірскія и благодарованій нѣкихъ, обѣщаемыхъ нѣкими, или всякаго нѣкоего прибытка, или лестію, или лицемѣріемъ, но отъ всея души и сердца чиста и не блазненна, Христа любящи, и того истинныя непорочныя вѣры животнаго закона желая получить“.

Совершенно согласно съ Православною церковью въ этомъ отношеніи была и власть государственная: „совѣсть челоувѣческая, писалъ Петръ В. въ грамотѣ польскому королю

Августу II (9 марта 1718 года), но поводу насильственныхъ присоединеній православныхъ въ унию, единому Богу токмо подлежить, и никакому государю не позволено оную силою въ другую вѣру принуждать“.

И въ настоящее время, даже по свидѣтельству „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Православная церковь относится „вполнѣ правильно и благодушно не только къ инославнымъ христіанскимъ, но и къ нехристіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Католическіе и христіанскіе храмы, еврейскія синагоги и магометанскія мечети свободно строятся въ нашихъ городахъ, и богослуженіе, сообразно соотвѣтствующему культу, совершается въ нихъ безпренятственно, съ единственнымъ условіемъ — не быть выносимымъ на улицу. Гуманнѣе, справедливѣе, вѣротерпимѣе поступить невозможно“¹⁾.

Къ сожалѣнію, не такъ поступали инья церкви, въ особенности церковь римско-католическая. „Двѣ разности, говоритъ архіепископъ Филаретъ, — отличали греческихъ миссіонеровъ отъ латинскихъ. Послѣдніе проповѣдывали вѣру съ мечомъ въ одной рукѣ и съ латинскою библіею въ другой; а ни того ни другого не было на Востокѣ. Въ Россіи евангельская проповѣдь не опоясывала проповѣдниковъ мечомъ, не проливали крови, не зажигала костровъ; греческій проповѣдникъ приходилъ къ Владиміру не съ войскомъ, а съ картиною страшнаго суда Божія; онъ имѣлъ дѣло только съ душою; сила его заключалась только въ силѣ слова Божія; онъ вводилъ совѣсть въ права ея надъ страстями и заблужденіями, не требовалъ земныхъ выгодъ“ (Филаретъ. Исторія русской церкви. Періодъ I., стр. 60—61).

VII. Каждая церковь, признавая принадлежность къ ней

1) С.-Петербургскія Вѣдомости отъ 2 ноября 1901 года № 301. Границы вѣротерпимости. По поводу моей статьи: „Къ вопросу о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости, помѣщенной въ № 9204 „Новаго Времени“ отъ 18 октября 1901 года. — См. также статьи Н. А. Знаменскаго по означенному вопросу, иодъ заглавіемъ „О христіанской вѣротерпимости“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 14 и 15 ноября 1901 г. №№ 314 и 315.

необходимою для спасенія, не можетъ допустить общенія лицъ, къ ней принадлежащихъ, съ послѣдователями иныхъ вѣроисповѣданій въ таинствахъ, религіозныхъ обрядахъ и, вообще, въ молитвахъ. И это совершенно справедливо съ точки зрѣнія самой Церкви; иначе допуская безразличіе въ церковномъ общеніи между людьми разныхъ вѣроисповѣданій, Церковь уничтожила бы сама себя.

Уже Ап. Павелъ не позволялъ религіознаго общенія съ людьми, не послѣдующими апостольскому ученію. Наши русскіе архіереи, предъ рукоположеніемъ, давали обѣтъ, что они не позволяютъ никогда въ своихъ епархіяхъ никому изъ православныхъ ни брачнаго сочетанія, ни кумовства, ни братства какъ съ армянами, такъ латинянами: „не оставити во всемъ своемъ предѣлѣ, говорилось въ клятвенномъ обѣщаніи, даваемомъ епископномъ, ни единого отъ нашея православныя вѣры къ арменомъ свадьбы творити, такожде и къ латиномъ; аще ли же который поитъ отай мене сотворитъ, мнѣ иовѣдати о томъ господину моему митрополиту“. Такое же обѣщаніе давали и сами митрополиты при своемъ поставленіи. О томъ же напоминали и всякое отступленіе обличали пастыри — каждый въ своей епархіи. — Съ другой стороны, наши великіе князья выдавали своихъ дочерей за иновѣрцевъ только подъ условіемъ — не принуждать ихъ къ перемѣнѣ православной вѣры, и при томъ только въ исключительныхъ случаяхъ, когда думали способствовать, при помощи такихъ брачныхъ союзовъ, выгодамъ государства, примѣромъ чего можетъ служить бракъ дочери великаго князя Ивана III Елены съ литовскимъ великимъ княземъ Александромъ.

Справедливо замѣчаютъ даже поклонники новаго государства, что религіозная терпимость, проистекающая изъ безразличія къ дѣлу религіи, находится въ близкомъ родствѣ съ преслѣдованіемъ, что индифферентизмъ есть самая опасная форма враждебности религіи.

VIII. Ни одна церковь не можетъ относиться враждебно къ лицамъ, къ ней не принадлежащимъ, и не должна забывать, что всѣ люди суть братья и ближніе.

Евангеліе, которому собственно и принадлежитъ ученіе о вѣротерпимости, предписываетъ христіанамъ одинъ способъ дѣйствованія по отношенію къ людямъ, принадлежащимъ къ ложнымъ религіознымъ или неправымъ христіанскимъ исповѣданіямъ: долготерпѣніе, любовное обращеніе, убѣжденіе, просвѣщеніе. Ап. Павелъ тоже не допускаетъ нетерпимости въ христіанствѣ, религіозной вражды между разномыслящими, презрительнаго или злобнаго отчужденія отъ иномыслящихъ, а внушаетъ сохранять къ нимъ братскія чувства¹⁾. Такъ и относились къ неправославнымъ пастыри русской церкви (напр. препод. Ѳеодосій печерскій), слѣдуя этому апостольскому завѣту. Православная церковь не только не питаетъ никакой ненависти или презрѣнія къ разномыслящимъ съ нею въ вѣрѣ, но любитъ ихъ, любитъ не только въ челоуѣчествѣ, а во Христѣ, какъ призванныхъ къ спасенію и могущихъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, получить Божественную благодать, а также молится о соединеніи всѣхъ разномыслящихъ во единое стадо единаго Пастыря.

Въ заключеніе мы должны замѣтить, что лучшею формулою отношеній церковной и свѣтской власти къ живущимъ въ Россіи иновѣрцамъ, намъ кажется, можетъ служить слѣдующій завѣтъ, оставленный намъ въ Бозѣ почивающимъ незабвеннымъ Государемъ Императоромъ Александромъ III: Православной вѣрѣ господство; каждой вѣрѣ почитаніе; русской народности подобаетъ всеобъединяющая и всеподчиняющая сила; но каждой народности да будетъ свобода во всемъ, что этому объединенію и подчиненію не препятствуетъ. Иной формулы, если наше отечество хочетъ и впредь остаться Православнымъ русскимъ государствомъ, придумать нельзя.

М. Красноженъ.

1) Но не считайте его за врага, а вразумляйте, какъ брата. (II Ѳессал. III, 15.)

Л и т е р а т у р а .

- Бердниковъ И.** Новое государство въ его отношеніи къ религіи. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ годичномъ собраніи Казанской Духовной Академіи. Казань. 1888.
- Bluntschli.** Geschichte des Rechtes der religiösen Bekenntnissfreiheit. Vortrag. Elberfeld. 1867. 5—6.
- Grenzstein A.** Herrenkirche oder Volkskirche? Jurjew. 1899.
- Кипарисовъ В.** О свободѣ совѣсти. Вып. 1. Москва. 1883.
- Красноженъ М.** Иновѣрцы на Руси. Т. 1. Положеніе неправославныхъ христіанъ въ Россіи. 3-е изд. Юрьевъ 1903.
- Къ вопросу о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости. Новое Время 1901 г. № 9204.
- О неправославныхъ христіанахъ въ Россіи. Русскій Вѣстникъ. 1904. 1.
- Отношеніе Православной восточной церкви къ лицамъ неправославнымъ. Юрьевъ. 1900.
- Отношеніе русской церковной и государственной власти къ иновѣрцамъ. Юрьевъ. 1900.
- Положеніе неправославныхъ христіанъ по дѣйствующему законодательству. Юрьевъ. 1900.
- Эстонцы и нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ. Юрьевъ. 1900.
- Макарій.** Исторія русской церкви.
- Schmidt Arthur Dr.** Der Austritt aus der Kirche. Leipzig. 1893.
- Соколовъ В.** О соединеніи церквей. Публичное чтеніе: Сергіевъ Посадъ. 1898.
- Соколовъ И.** Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Москва. 1880.

- Состояніе** отечественной церкви по всеподданнѣйшему отчету
Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1886 годъ. Христ. Чтеніе.
1889. Ч. 1.
- Суворовъ Н.** О происхожденіи и развитіи русскаго раскола.
- Тернеръ О.** Свобода совѣсти и отношенія государства къ церкви.
Сборникъ государст. знаній, подъ редакціею В. П. Безо-
бразова. Т. III. СПб. 1877.
- Толстой Д. гр.** Римскій католицизмъ въ Россіи. СПб.
- Цвѣтаевъ Д.** Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ куп-
цовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Москва. 1895.
Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI
и XVII вѣкахъ. Москва. 1886.
Протестанты и протестанство въ Россіи до эпохи преобразо-
ваній. Москва. 1890.
- Филаретъ,** архіеп. Черниговскій. Исторія русской церкви. Изд. 5-е.
Москва. 1888.

Къ вопросу объ оцѣнкѣ земель въ Лифляндской губ. ¹⁾.

Въ Іюнѣ 1901 г. изданъ законъ объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ въ Лифляндской губ. для обложенія ихъ земскими сборами. На основаніи сего закона выработана и въ Январѣ 1904 г. утверждена инструкция объ оцѣнкѣ подлежащихъ обложенію недвижимыхъ имуществъ въ Лифляндской губ. Въ настоящее время на основаніи этой инструкции, предстоятъ: выработка и утвержденіе классификаціонныхъ таблицъ и тарифныхъ ставокъ для ближайшаго, такъ сказать, руководства при оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, при чемъ на всѣ расходы по означенной оцѣнкѣ ассигновано 600 тыс. рублей изъ земскихъ сборовъ по Лифляндской губ. Наконецъ, съ разныхъ сторонъ получаютъ извѣстія и о началѣ оцѣночныхъ работъ на мѣстахъ ²⁾.

Все это вмѣстѣ взятое даетъ намъ поводъ, хоть въ краткихъ чертахъ, ознакомить читателей съ развитіемъ оцѣночнаго дѣла въ Лифляндіи, указавъ, на чемъ оно было основано тамъ при пиведскомъ владычествѣ, (а слѣд. и до сего времени), каковы въ главныхъ чертахъ новыя правила оцѣнки недвижимыхъ имуществъ, каково, затѣмъ, отношеніе этихъ иравиль, съ одной стороны, къ правиламъ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ

1) Докладъ, читанный въ засѣданіи Учено-Литерат. Общества при Имп. Юрьевскомъ Университетѣ 20-го Ноября 1904 г.

2) Рижскій Вѣстникъ отъ 25-го Ноября 1904 г. № 263.

въ 34 земскихъ губерніяхъ 1893 и 1899 г. ¹⁾, а съ другой — къ такъ называемому саксонскому кадастру, равно какъ и къ первоначальнымъ проектамъ правилъ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ въ Лифляндіи ²⁾ и наконецъ, на сколько новыя правила оцѣнки вытекаютъ изъ закона 4-го Іюня 1901 г., насколько онѣ соотвѣтствуютъ уровню современной науки и слѣд. гарантируютъ оцѣночному дѣлу правильное теченіе. Однако, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію всего этого, мы должны оговориться, что въ дальнѣйшемъ будемъ касаться лишь оцѣнки земель, оставляя въ сторонѣ оцѣнку другого рода недвижимостей.

Впервые оцѣнка земель въ Лифляндской губ. была произведена еще во времена шведскаго владычества, а именно въ концѣ XVII-го ст. Цѣль означенной оцѣнки состояла въ томъ, чтобы точнѣе опредѣлить размѣръ всѣхъ повинностей, которыя отбывались крестьянами отдѣльныхъ имѣній въ пользу помѣщиковъ б. ч. по усмотрѣнію послѣднихъ. Сообразно съ этой цѣлью въ 1688 году былъ произведенъ первый кадастръ, состоящій въ томъ, что всѣ земельные участки, предоставляемые помѣщиками въ пользованіе крестьянъ, были занесены въ особыя книги (вакенбухи) иодъ названіемъ земли крестьянской или податной съ опредѣленіемъ приносимаго ими средняго дохода и на этихъ данныхъ установлены по каждому имѣнію нормы податныхъ, денежныхъ, и натуральныхъ повинностей крестьянъ въ пользу помѣщиковъ. Вся остальная площадь земель каждаго имѣнія, остававшаяся въ непосредственномъ распоряженіи помѣщиковъ, получила названіе земли мызной и признавалась свободной отъ податныхъ платежей.

1) Высочайше утвержденныя 8-го Іюня 1893 г. правила оцѣнки недвижимыхъ имуществъ въ 34 земскихъ губерніяхъ для обложенія земскими сборами.

Высочайше утвержденное 18-го Января 1899 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта объ измѣненіи правилъ 8-го Іюня 1893 г. оцѣнки недвижимыхъ имуществъ для обложенія земскими сборами.

2) Законъ 4-го Іюня 1901 г. и проектъ инструкціи объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ Лифляндской губерніи для обложенія земскими сборами. Рига 1901 г.

Что касается, затѣмъ, способа оцѣнки земель по шведскому кадастру, то способъ этотъ, исходя изъ различій земель въ иочвенномъ отношеніи, основывался на томъ предположеніи (имѣвшемъ въ свое время реальное основаніе), что земельный участокъ лучшаго качества, равный 14,000 шведскихъ квадратныхъ локтей, за вычетомъ расходовъ на продовольствіе крестьянской семьи и уплату повинностей, можетъ дать, при среднемъ урожаѣ, одну тонну (бочку) ржи, которая и признана законнымъ доходомъ помѣщика. Доходъ этотъ былъ оцѣненъ въ 1 талеръ и приравненъ 30 рабочимъ днямъ пѣшаго рабочаго или $22\frac{1}{2}$ днямъ коннаго рабочаго. Отсюда и произошелъ терминъ талеръ земли, который, такимъ образомъ, означалъ не извѣстную земельную площадь, а количество дохода, поступающаго въ пользу помѣщика въ хлѣбѣ, работѣ или деньгахъ съ отведенныхъ въ пользованіе крестьянъ земель. При счетѣ же на десятины, талеръ лучшей земли приблизительно равнялся около 0,47 десятинъ (т. е. лофу); для земли худшаго качества онъ достигалъ размѣровъ 7 десятинъ.

Такимъ образомъ, уже по самому существу своему, талерная система оцѣнки земель допускала крайнюю неопредѣленность и даже неустойчивость въ обозначеніи размѣровъ земельныхъ владѣній, а это въ свою очередь уже а priori должно было сдѣлаться источникомъ новыхъ, еще большихъ аграрныхъ замѣшательствъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи положенія о лифляндскихъ крестьянахъ 1804 года, въ первой четверти минувшаго столѣтія, новая оцѣнка крестьянскихъ земель была произведена опять таки по шведской талерной системѣ, при чемъ по каждому имѣнію были составлены особыя ва-кенбухи.

Мы не думаемъ касаться здѣсь подробностей аграрныхъ замѣшательствъ, которыя были слѣдствіемъ означеннаго способа оцѣнки земель. Желających ближе познакомиться съ ними мы отсылаемъ къ извѣстному очерку развитія аграрныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами Лифляндіи Н.

Бордоноса 1). Укажемъ здѣсь только на то, что главнымъ слѣдствіемъ примѣненія талерной оцѣнки было постепенное уменьшеніе площади крестьянской земли 2).

Помимо ненормальныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, талерная оцѣнка сама по себѣ отличалась крайней односторонностью, такъ какъ, принимая въ расчетъ лишь качество почвы (и то опредѣлявшася на глазъ, по однимъ лишь наружнымъ признакамъ), она игнорировала многія другія условія вліяющія на цѣнность земель. Вслѣдствіе этого, при выполненіи означенной оцѣнки на дѣлѣ допускаясь столь значительный произволъ, что онъ въ высшей степени отрицательно вліялъ на равномерное распределеніе натуральныхъ и иного рода повинностей крестьянъ. Талерная оцѣнка, какъ оказывается, признавалась неправильной еще въ Высочайше Утвержденномъ Комитетѣ для устройства быта лифляндскихъ крестьянъ. Это видно между прочимъ изъ протокола засѣданія Комитета 24 мая 1846 г., въ которомъ прямо указано, что практикуемый въ Лифлянді „способъ сортировки земель потворствуетъ произволу оцѣнщика 3)“.

Кромѣ означеннаго, старая система оцѣнки сама собою постепенно утрачивала всякое значеніе, вслѣдствіе несоотвѣтствія ея слагавшимся въ теченіе всего XIX ст. новымъ аграрнымъ отношеніямъ и новому правопорядку вообще. Достаточно упомянуть здѣсь о томъ, что по старой системѣ оцѣнкѣ подлежали лишь пахотныя земли; лѣса же, выгоны и приносящія доходъ неудобныя земли оцѣнкѣ, а слѣдовательно и обложенію, не подлежали.

Въ виду означенныхъ особенностей старой системы оцѣнки земель, лифляндское дворянство, въ лицѣ Ландтага приступило въ срединѣ 90-хъ годовъ истекшаго столѣтія къ изысканію новыхъ основаній для этого важнаго дѣла; при чемъ за обра-

1) Основы поземельныхъ отношеній въ Лифляндской губерніи, Н. Н. Бордоноса. Могилевъ на Днѣпрѣ, 1904 г.

2) *Ibidem*, стр. 104—107.

3) Н. Бордоносъ, стр. 106.

зещь оцѣночныхъ работъ была принята извѣстная система саксонскаго кадастра ¹⁾. По саксонскому кадастру оцѣнка земель основывается главнымъ образомъ на нѣкоторыхъ внѣшнихъ, физическихъ особенностяхъ почвы, положеніи мѣстности надъ уровнемъ моря и относительной высотѣ ея. Кромѣ этихъ естественно - историческихъ основаній оцѣнки земель у саксонскаго кадастра имѣются однако и экономическія основанія. Вотъ это то взаимодействіе природныхъ и экономическихъ факторовъ и имѣло особенную важность въ глазахъ сторонниковъ новой оцѣнки земель въ Лифляндскомъ Ландтагѣ, не говоря уже о предстоящемъ расширеніи площади обложенія.

Чтобы приступить къ осуществленію на практикѣ саксонскаго кадастра, по распоряженію Лифляндской Ландратской Коллегіи, въ 1896 и 1897 гг. во всѣхъ уѣздахъ Лифляндской губерніи были произведены почвенныя изслѣдованія, на основаніи которыхъ составлена даже почвенная классификація. Но такъ какъ означенныя почвенныя изслѣдованія были ведены лишь спорадически, а не на всей обширной площади губерніи, то поэтому понятно, что настоящей почвенной карты изслѣдованнаго района изготовлено не было, а вмѣсто того въ 1899 году лифляндскимъ дворянствомъ были представлены въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ законодательныя предположенія о новой оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ съ пространными мотивами къ нимъ. Для разсмотрѣнія этого проекта оцѣночнаго закона при Департаментѣ Окладныхъ Сборовъ Министерства Финансовъ была образована особая комисія, имѣвшая своей задачей соглашеніе его съ общероссійскимъ оцѣночнымъ закономъ 1893 г. и съ доиолненіями къ нему 1897 г. По окончаніи означенной работы комисіи, выработанный ею проектъ закона объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ Лифляндской губерніи 10 Марта 1901 года былъ представленъ на разсмотрѣніе Госу-

1) Законъ 4-го Іюня 1901 г. и т. д. Рига 1901 г., стр. 38.

дарственного Совѣта, а 4-го Іюня того же года получилъ Высочайшее одобреніе 1). Чтобы намъ имѣть ясное представленіе о томъ, въ какой мѣрѣ законъ 4-го Іюня приводился съ теченіемъ времени въ исполненіе изложимъ вкратцѣ его содержаніе.

Означенный законъ распадается на три части: 1) объ оцѣночныхъ учрежденіяхъ и оцѣнщикахъ; 2) объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ и 3) о порядкѣ установленія и утвержденія оцѣнки.

Оцѣночными учрежденіями кромѣ Ландтага, дѣйствовавшаго главнымъ образомъ при возникновеніи дѣла переоцѣнки имуществъ Лифляндской губерніи, являются: Губернская и Уѣздныя оцѣночныя комисіи, Губернская Кадастровая Комисія, Ландратская Коллегія и приходскія оцѣночныя комисіи. Оцѣнщиками являются т. н. регистраторы и таксаторы.

Оцѣнкѣ, согласно новому закону, подлежатъ все разряды земель, включая и неудобныя, лѣса, строенія и прочія недвижимыя имущества. Недвижимыя имущества должны оцѣниваться по средней чистой доходности ихъ. Для этой цѣли, земли, подлежащія оцѣнкѣ, дѣлятся на угодья, и послѣднія — на разряды по соображенію съ качествомъ почвы и другими естественными условіями производительности земель (§ 16). Далѣе, по каждому разряду земель отдѣльно должны быть собраны конкретныя свѣдѣнія за послѣдній десять лѣтъ относительно: а) производительности почвы (слѣд. урожаяевъ), б) стоимости обработки и удобрения полей подъ посѣвы, стоимости уборки хлѣбовъ и травъ и относительно другихъ расходовъ производства и в) о цѣнахъ на главнѣйшіе сельскохозяйственные продукты. На основаніи всехъ этихъ данныхъ и опредѣляется, согласно но-

1) Журналъ комисіи образованной при Департаментъ Окладныхъ Сборовъ Министерства Финансовъ для разсмотрѣнія выработаннаго Ландтагомъ лифляндскаго дворянства законопроекта объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ Лифляндской губ. для обложенія земскими сборами.

вому закону, средняя по губерніи чистая доходность десятины каждаго разряда угодій при обычныхъ условіяхъ хозяйства; причемъ эта средняя доходность можетъ быть при оцѣнкѣ повышена или понижена для отдѣльныхъ мѣстностей, отличающихся особенно благопріятными условіями сбыта с. х. продуктовъ (§ 17).

Для опредѣленія чистой доходности лѣсовъ Лифляндская губернія дѣлится на мѣстности, сообразуясь съ условіями сбыта лѣсныхъ матеріаловъ. Въ каждой изъ мѣстностей лѣса главнѣйшихъ древесныхъ породъ дѣлятся на разряды по величинѣ средняго годового прироста насажденія, соотвѣтственно его возрасту. Къ стоимости средняго годового прироста прибавляется стоимость побочнаго пользованія насажденіемъ. Изъ полученной суммы валового дохода вычитаются расходы: на управленіе, охрану и возобновленіе лѣса.

Доходность даннаго владѣнія въ цѣломъ опредѣляется номноженіемъ всего количества десятинъ пахатной земли и лѣсовъ каждаго разряда на среднюю доходность одной десятины даннаго разряда.

Данныя для регистраціи, классификаціи и оцѣнки земельныхъ имуществъ собираются непосредственно приходскими оцѣночными комисіями, сообразуясь съ особой инструкціей, которая должна быть выработана Губернской Оцѣночной Комисіей на строгомъ основаніи закона 4-го Іюня 1901 г. На основаніи данныхъ приходскихъ комисій, а также и иныхъ, Лифляндская Ландратская Коллегія¹⁾ вычисляетъ доходность отдѣльнаго недвижимаго имущества, которая своевременно и сообщается соотвѣтствующему владѣльцу. Этотъ послѣдній, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, имѣетъ право заявить свои претензіи на оцѣнку Ландратской Коллегіи въ Уѣздную и Губерн-

1) Такъ называется коллегіальный исполнительный органъ Лифляндскаго Ландтага (или Дворянскаго Собранія), состоящій изъ 12 выбранныхъ дворянствомъ ландратовъ. Онъ, подобно земскимъ управамъ внутреннихъ губерній, и ведетъ все земское хозяйство Лифляндской губернии.

скую оцѣночныя комисіи. По предмету означенной претензіи, Губернская Оцѣночная Комисія, со своей стороны, по сношенію съ Ландратской Коллегіей постановляетъ свое рѣшеніе, на которое жалоба подается Министру Финансовъ.

По изданіи вышеизложеннаго закона, лифляндское дворянство, совмѣстно съ Губернской Оцѣночной Комисіей составило т. н. инструкцію, долженствующую служить оцѣнщикамъ для руководства при примѣненіи на практикѣ основныхъ правилъ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ 4-го Іюня 1901 года и въ особенности при пользованіи ими оцѣночными таблицами, также выработанными дворянствомъ и снабженными имъ подробными мотивами¹⁾. Однако, будучи представлены въ Министерство Финансовъ въ 1901 году означенныя инструкция и оцѣночныя таблицы не получили утвержденія въ своемъ первоначальномъ видѣ, а были переданы имъ въ особое совѣщаніе при Департаментѣ Окладныхъ Сборовъ для надлежащаго согласованія съ новымъ оцѣночнымъ закономъ. Главнѣйшей основой для этой работы совѣщанія послужили возраженія противъ принятыхъ Лифляндскою Губернскою Оцѣночною Комисіею общихъ основаній оцѣнки недвижимыхъ имуществъ Лифляндской губерніи Управляющаго Лифляндскою Казенною Палатою Н. Васильева, вообще надо замѣтить, очень много потрудившагося, совмѣстно съ чинами податной инспекціи, надъ выясненіемъ дѣла оцѣнки недвижимыхъ имуществъ въ Лифляндіи въ правительственныхъ сферахъ.²⁾

Особенное вниманіе новаго совѣщанія при Д-тѣ Окладныхъ Сборовъ было обращено на точное выполненіе § 17-го закона 4 Іюня 1901 года, содержащаго указаніе на то, какія данныя слѣдуетъ принимать для установленія средней по гу-

1) См. Законъ 4 Іюня 1901 г. и проектъ инструкции и т. д., Рига 1901 г.

2) Журналъ Совѣщанія образованнаго при Д-тѣ Окладныхъ Сборовъ для разсмотрѣнія возраженій Управляющаго Лифляндскою Казенною Палатою противъ принятыхъ Лифляндскою Губернскою Оцѣночною Комисіею общихъ основаній оцѣнки недвижимыхъ имуществъ Лифляндской губерніи. 1902 г. 18, 20 и 22 Ноября.

берни чистой доходности каждаго разряда земельных угодій при обычныхъ условіяхъ хозяйства. Кроме сего, въ томъ же параграфѣ оцѣночнаго закона заключается указаніе и на необходимость собиранія конкретныхъ свѣдѣній по веѣмъ этимъ даннымъ (объ урожаяхъ, расходахъ эксплуатаціи и цѣнахъ на продукты) за послѣднія 10 лѣтъ. Между тѣмъ, лифляндское дворянство, составляя свой оцѣночный тарифъ для пашень, садовъ и огородовъ, исходило не столько изъ данныхъ о существующихъ хозяйствахъ, а теоретически предположило пахатный участокъ, состоящій изъ 90 лофштелей пашни одинаковаго качества, подраздѣленный на 9 полей, по 10 лофштелей въ каждомъ, и для этого участка исчислило возможный при 9-польномъ сѣвооборотѣ валовой урожай хлѣбовъ. Затѣмъ, этотъ урожай былъ оцѣненъ на деньги по среднимъ рыночнымъ цѣнамъ и изъ полученной суммы исключены расходы эксплуатаціи, исчисленные также по предположительнымъ даннымъ¹⁾.

Однако, такъ какъ этотъ способъ установленія данныхъ для вывода чистой доходности оказался явно несоотвѣтствующимъ § 17 закона 4-го Іюня 1901 г., то онъ и былъ отвергнутъ Совѣщаніемъ при Д-тѣ Окладныхъ Сборовъ, а вмѣсто того лифляндскому дворянству рекомендовано принять мѣры для собранія фактическихъ данныхъ объ урожаяхъ и расходахъ эксплуатаціи по каждому разряду угодій, каковыя данныя и положить въ основаніе губернскаго оцѣночнаго тарифа. При этомъ объ одномъ, однако, слѣдуетъ пожалѣть, а именно о томъ, что столь ясное указаніе Совѣщанія при Д-тѣ Окладныхъ Сборовъ о порядкѣ составленія оцѣночнаго тарифа не оставило никакого, можно сказать, слѣда въ „Инструкціи объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ Лифляндской губ.“. утвержденной Министерствомъ Финансовъ 15 Января 1904 г.²⁾;

1) Законъ 4-го Іюня 1901 г. и проектъ инструкціи и т. д., стр. 40 и слѣд., Рига 1901 г.

2) Инструкція объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ Лифляндской губ. на основаніи Высочайше Утвержденнаго Мнѣнія Государственнаго Совѣта. Изданіе 4-го Іюня 1901 г. В. К. Фогель. Рига 1904 г.

между тѣмъ какъ его такъ легко было бы вставить въ эту инструкцію между § 11 и 12. Вслѣдствіе означеннаго пробѣла въ инструкціи оцѣнщикамъ, у населенія, имущество котораго подвергается оцѣнкѣ, можетъ явиться недовѣріе, какъ къ самимъ оцѣнщикамъ, такъ и къ предъявляемымъ ими оцѣночнымъ таблицамъ, на которыя въ инструкціи есть частыя указанія, но происхожденіе которыхъ не достаточно ясно. Такъ въ означенной инструкціи нѣтъ даже яснаго указанія на то, что классификаціонныя таблицы и „дѣйствующій“ въ губерніи оцѣночный тарифъ должны быть составлены на основаніи § 17 закона 4 Іюня 1901 г. О необходимости же напечатанія этихъ таблицъ во всеобщее свѣдѣніе также нигдѣ нѣтъ никакихъ указаній. Нельзя не сознаться, что такая неопредѣленность въ практическомъ выполненіи оцѣнки земель способна въ наши дни породить нежелательныя недоразумѣнія.

Такимъ образомъ, хотя у совѣщанія при Д-тѣ Окладныхъ Сборовъ были самыя серьезныя попытки поставить дѣло оцѣнки пахатныхъ земель въ Лифляндской губ. на правильное, законное основаніе, но, судя по изданной въ 1904 г. „инструкціи“, попытки эти не получили надлежащаго осуществленія, т. к. онѣ не получили ни всеобщей извѣстности, ни законной силы ¹⁾. Есть основаніе думать, однако, что вся энергія Совѣщанія была направлена на коренную переработку изданныхъ первоначально лифляндскимъ дворянствомъ оцѣночныхъ таблицъ; причемъ за эту работу населеніе Лифлянді, если бы оно знало о ней, могло бы сердечно поблагодарить его.

Всего болѣе недоразумѣній, однако, означенные недостатки (а въ особенности отсутствіе гласности) въ разработкѣ Совѣщаніемъ при Департаментѣ Окладныхъ Сборовъ основныхъ положеній закона 4-го Іюня 1901 г. способны породить при практическомъ выполненіи на мѣстѣ почвенныхъ изслѣдованій,

1) Означенное Совѣщаніе также много трудилось и надъ правильной постановкой дѣла оцѣнки лѣсовъ въ Лифляндской губерніи; но и эти его труды не оставили яснаго слѣда въ инструкціи для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ.

въ виду того, что ни въ работахъ означеннаго совѣщанія, ни въ инструкціи 15 Января 1904 года нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній на точное выполненіе въ этомъ отношеніи §§ 16 и 17 закона 4-го Іюня 1901 г. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли выше (стр. 200), законъ этотъ требуетъ: 1) распредѣленія оцѣниваемыхъ земель на угодья и разряды по соображенію съ качествомъ почвы и 2) собиранія по губерніи конкретныхъ оцѣночныхъ данныхъ по каждому изъ разрядовъ угодьевъ. Само собою понятно, что всѣ означенныя работы оцѣнщикамъ естественнѣе всего было бы производить именно послѣ составленія общей почвенной карты Лифляндской губерніи. На этой картѣ отдѣльныя почвенныя области весьма рѣзко отграничились бы другъ отъ друга, а это въ свою очередь дало бы возможность наилучшимъ образомъ распредѣлить по площади Лифляндской губ. и экономическое обследованіе мѣстностей съ строго опредѣленными почвенными особенностями. При этомъ слѣдуетъ добавить, что соответствующія статьи закона 4 Іюня 1901 года были бы выполнены наиболѣе надлежащимъ образомъ, если бы составленіе общегубернской почвенной карты было поручено особымъ спеціалистамъ этого дѣла, работающимъ по методу проф. Докучаева и не имѣющимъ по возможности ничего общаго съ мѣстными жителями, такъ или иначе заинтересованными въ направленіи дѣла оцѣнки земель.

Хотя, такимъ образомъ, изъ оцѣночнаго закона 4-го Іюня 1901 г., въ силу цѣлесообразности, совершенно послѣдовательно вытекаетъ необходимость картографіи почвъ Лифляндской губерніи, тѣмъ не менѣе, ни въ работахъ извѣстнаго намъ Совѣщанія, ни въ инструкціи 15-го Января 1904 г. ни слова не говорится о способѣ производства почвенныхъ изслѣдованій въ Лифляндской губерніи, не говоря уже о составленіи почвенной карты ея современными научными способами.

Кромѣ необходимости въ составленіи почвенной карты Лифляндской губ. въ силу почти прямого требованія закона, здѣсь слѣдуетъ еще нѣсколько подробнѣе указать и на весьма

важное значеніе этой карты для успѣха всего оцѣночнаго дѣла въ Лифляндіи, которое, при оцѣнкѣ земель, опирается главнымъ образомъ на точное опредѣленіе характера почвы данной мѣстности. Въ самомъ дѣлѣ, при составленіи почвенной карты въ точности по способу проф. Докучаева устраняются: всякая субъективность, произволъ и даже разномысліе оцѣнщиковъ и вмѣсто того достигается возможно точное и научное установленіе естественныхъ границъ почвенныхъ районовъ, а слѣд. и прочное отдѣленіе другъ отъ друга разрядовъ одноименныхъ угодій. Отсюда въ свою очередь проистекають: полная возможность публичнаго обсужденія результатовъ произведенной работы и полная возможность основательнаго обжалованія допущенныхъ въ ней погрѣшностей.

У читателя, однако, можетъ явиться вопросъ: чѣмъ же гарантируются обществу всѣ перечисленныя цѣнныя качества работы по составленію почвенной карты каждой данной мѣстности. Такъ какъ подробное описаніе способовъ составленія почвенныхъ картъ, какъ въ западной Европѣ (по Орту, Лоренцу, Делесу и др.), такъ и у насъ (по Докучаеву) не составляетъ предмета этой статьи¹⁾, то мы по поводу поставленнаго вопроса ограничимся лишь слѣдующими замѣчаніями. Почвенная карта каждой данной мѣстности по способу пр. Докучаева составляется на основаніи совершенно объективныхъ данныхъ б. или м. подробной топографической карты, результатовъ точнаго химическаго и механическаго анализовъ почвъ, а равно и другихъ столь же строго научныхъ изысканій, вполне доступныхъ критикѣ. При этомъ все дѣло почвенной картографіи ведется изслѣдователемъ при постоянномъ сознаніи, что онъ является связаннымъ по рукамъ въ виду предстоящаго опубликованія его работы съ одной стороны, и полной возможности ея провѣрки съ другой. Нѣтъ сомнѣнія, что и при работѣ по способу пр. Докучаева часто допускается лишь приблизительная точность достигнутыхъ

1) Со всѣми подробностями этого дѣла студенты-агрономы Юрьевскаго Университета знакомятся на лекціяхъ почвовѣдѣнія.

результатовъ, однако эта приближенность является отнюдь не произвольною, а въ свою очередь регулируется научными способами. И тѣмъ не менѣе, не смотря на свою несомнѣнную научность, дѣло составленія почвенной карты по способу пр. Докучаева есть дѣло не трудное, вполне удобное, стоящее сравнительно недорого и некоепотливое, на что указываетъ не малое количество уже готовыхъ и опубликованныхъ разными земствами и частными лицами почвенныхъ картъ разнаго масштаба¹⁾. Поэтому и Лифляндская губернія, въ лицѣ своей Ландратской Коллегіи, могла бы смѣло приняться теперь же за это дѣло и вскорѣ съ честью окончить его, какъ и многія другія мѣстности въ коренной Россіи. При этомъ Лифляндской Ландратской Коллегіи необходимо имѣть въ виду, конечно, что всѣ ея работы по составленію почвенной карты, а равно и всѣ экономическія данныя по оцѣнкѣ земель должны быть преданы гласности путемъ печати и главнымъ образомъ въ видѣ картъ и графикъ, доступныхъ пониманію всякаго грамотнаго плательщика Лифляндіи. Времени для всей этой научной работы лифляндскаго дворянства впереди еще довольно; имѣющихся средствъ — также будетъ достаточно, такъ какъ, что касается, по крайней мѣрѣ, почвен-

1) Для примѣра укажемъ на слѣдующія изъ извѣстныхъ намъ, почвенно-картографическихъ работъ.

В. В. Докучаевъ: Матеріалы по оцѣнкѣ земель Нижегородской губ., вып. XIV, 1886 г.

Карта почвъ „Заполья“ и его ближайшихъ окрестностей. А. Георгіевскаго. 1892 г.

Докучаевъ: Матеріалы по оцѣнкѣ земель Полтавской губ., вып. XVI, 1894 г.

Пады, имѣніе В. Л. Нарышкина. Составл. подъ ред. В. В. Докучаева П. Земятченскимъ, А. Силантьевымъ и В. Траншелемъ. 1894 г.

П. Отоцкій: Краткая характеристика почвенныхъ типовъ центральной части Саратовской губ. 1899 г.

Сборникъ матеріаловъ по оцѣнкѣ земель Вятской губ. 1904 г.

Кромѣ указанныхъ мѣстностей обширныя почвенныя изслѣдованія произведены въ губ.: Псковской, Таврической, Черниговской, Казанской и др.

ныхъ изслѣдованій, дѣло идетъ отнюдь не о сотняхъ, а лишь о десяткахъ тысячъ рублей.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о первоисточникѣ, изъ котораго проистекаютъ вышеуказанныя, ошибочныя съ точки зрѣнія современной науки, предположенія лифляндскаго дворянства о выполненіи дѣла оцѣнки земель въ Лифляндіи, а именно о саксонскомъ кадастрѣ. Сначала однако слѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о кадастрѣ вообще.

Въ основаніи всякаго поземельнаго кадастра постоянно лежала мысль о возможно точномъ и согласномъ съ дѣйствительностью опредѣленіи чистаго дохода съ земельныхъ имуществъ съ цѣлью справедливаго распредѣленія поземельнаго налога. Сначала, однако, при опредѣленіи чистаго дохода даннаго земельного владѣнія долгое время пользовались (какъ напр. въ Силезіи въ XVI ст., въ Австріи и Франціи въ XVIII ст., въ Баваріи и у насъ въ XIX и т. д.) показаніями самихъ владѣльцевъ и ихъ сосѣдей, даваемыми б. ч. подъ присягой, комбинируя ихъ съ нѣкоторыми, б. ч. отдѣльно взятыми объективными факторами, напр.: арендными цѣнами на землю, или размѣрами земельныхъ угодій, или характеромъ почвы. Прагматическій саксонскій кадастръ, произведенный въ Саксонскомъ Королевствѣ въ концѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, явился въ свое время первой наиболѣе совершенной попыткой обоснованія оцѣнки земель на однихъ объективныхъ данныхъ, устанавливаемыхъ особо назначенными для этого государственными чиновниками, а слѣд. лицами б. ч. совершенно непричастными къ мѣстному землевладѣнію, съ участіемъ, впрочемъ, представителей и этого послѣдняго. Государственными чиновниками и производился главнымъ образомъ выводъ чистаго дохода даннаго землевладѣнія, причемъ они всегда комбинировали между собою данныя естественно-историческія и экономическія. Примѣненіе саксонскаго кадастра было настолько удачно въ его отечествѣ, что онъ вскорѣ перешелъ оттуда въ Пруссію, а затѣмъ и другія европейскія государства. Чтобы судить, однако, о томъ, слѣдуетъ ли пере-

носить его во всей неуприкосновенности въ нашу Лифляндію, въ началѣ XX-го ст., отмѣтимъ здѣсь наиболѣе характерныя черты его организаціи, направляя желающихъ подробнѣе ознакомиться съ нимъ напр. къ диссертациі Целлинскаго ¹⁾).

Саксонія, страна отличающаяся весьма значительнымъ разнообразіемъ климата, почвъ и экономическихъ условій, почему выполненіе кадастра является здѣсь дѣломъ особенно труднымъ; но зато и результаты его имѣютъ весьма важное значеніе для изученія оцѣночнаго дѣла вообще. Передъ выполненіемъ кадастра въ Саксоніи была выработана особая инструкция ²⁾, въ основаніе которой положена мысль, что земельное обложеніе должно быть пропорціонально чистому доходу, который земли способны давать при неисключительныхъ способахъ веденія хозяйства. Вся организація кадастровыхъ работъ распалась на слѣдующія части: 1) измѣреніе площадей владѣній, составленіе плановъ ихъ и перепись всего, что входитъ въ составъ владѣнія; 2) опредѣленіе средней высоты мѣста надъ уровнемъ Нѣмецкаго моря; 3) провѣрка состава недвижимаго имущества, его классификація и въ частности — земель подлежащихъ обложенію и 4) вычисленіе, на основаніи собранныхъ оцѣночныхъ данныхъ (въ особомъ бюро въ Дрезденѣ), какъ идеальнаго, такъ и дѣйствительнаго чистаго дохода. Признаками, на основаніи которыхъ опредѣлялся чистый доходъ земельныхъ угодій, были: площадь ихъ, климатическія условія, качество почвы, качество дорогъ, ведущихъ къ земельнымъ участкамъ, удаленность угодій отъ усадьбы, удаленность усадьбы отъ населенныхъ мѣстъ и рынковъ, рыночныя цѣны на рожь за послѣднія 14 лѣтъ. Для установленія всѣхъ этихъ данныхъ Саксонія была раздѣлена на 45 округовъ, причемъ въ каждомъ изъ нихъ выбиралось для детальнѣйшаго изслѣдованія лишь одно типичное земельное владѣніе. Съ нимъ впослед-

1) Zellinsky. Einige Erörterungen zur Beleuchtung des neuen Grundsteuerkatasters im Königreich Sachsen. Dorpat, 1841 г.

2) Geschäftsanweisung zur Vorbereitung eines neuen Grundsteuersystems. Dresden, 1838.

ствіи и сравнивались всѣ прочія владѣнія округа. Мѣриломъ климатическихъ особенностей даннаго владѣнія служили: высота мѣста, господствующіе вѣтры, близость лѣсовъ и водныхъ бассейновъ, направленіе склона участка земли. Характеръ почвы опредѣлялся на основаніи ея: глубины, мѣстоположенія, свойства подпочвы и въ особенности — отношенія ея къ водѣ, на основаніи содержанія въ почвѣ глины, песку, гумуса, извести и желѣза, на сколько объ этомъ можно судить исключительно по внѣшнимъ признакамъ, отнюдь не прибѣгая къ точному химическому анализу, считавшемуся въ то время совершенно безцѣльнымъ. Классификація почвъ, выработанная кадастромъ въ Саксоніи, была, однако, смѣшанной т. е. не только естественноисторической, но въ одно и то же время и хозяйственной; причѣмъ почвы различныя по составу, но одинаковыя по урожайности, помѣщались въ одну группу. Всѣ почвы Саксоніи были разбиты на 12 главныхъ классовъ, 10 промежуточныхъ и много подклассовъ, а всего ок. 43 почвенныхъ разностей. Никакой почвенной карты въ то время составлено не было, т. к. и почвенныя изслѣдованія, подобно ирочимъ, производились лишь спорадически. Наконецъ, при оцѣнкѣ луговъ принимались во вниманіе: свойства почвы и подпочвы, мѣстоположеніе, отношеніе къ водѣ и характеръ растительности.

Принимая все сказанное нами во вниманіе, мы приходимъ къ заключенію, что саксонскій поземельный кадастръ, покоясь, въ общемъ, на совершенно правильной, объективной и слѣд. научной основѣ, въ настоящее время является уже положительно устарѣвшимъ въ отношеніи важнѣйшихъ изъ употреблявшихся въ немъ практическихъ приѣмовъ. Главными недостатками его въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать именно: спорадичность изслѣдованія многихъ оцѣночныхъ данныхъ, отсутствіе картографіи почвъ, смѣшанный характеръ почвенной классификаціи и полное пренебреженіе точными анализами почвъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что всѣ эти недостатки, при мало-мальскій невнимательномъ отношеніи къ

своему дѣлу оцѣнщиковъ (въ особенности же благодаря оцѣнкѣ ими нѣкоторыхъ факторовъ „на глазъ“), первоначально и сообщали весьма произвольный характеръ всей ихъ работѣ, но въ послѣдствіи коллегіальный характеръ работы казенныхъ оцѣнщиковъ сгладила, по свидѣтельству Целлинскаго, этотъ недостатокъ.

Въ заключеніе, сопоставивъ между собою извѣстную намъ сущность саксонскаго кадастра и первоначальныя предположенія лифляндскаго дворянства относительно оцѣнки недвижимыхъ имуществъ Лифляндской губ., въ основу которыхъ имъ положенъ, будто бы, именно означенный кадастръ¹⁾, мы должны признать, что лифляндское дворянство, по недостатку критическаго отношенія къ старой саксонской системѣ, думало заимствовать изъ нея, какъ кажется, больше недостатковъ, чѣмъ положительныхъ сторонъ

Юрьевъ, 2-го Мая 1905 г.

С. Богушевскій.

1) Законъ 4-го Юня 1901 г. и проектъ инструкціи и т. д., стр. 38. Рига, 1901 г.

Организація души.

(Отривокъ изъ новой эволюціонной монадологiи.)

Величайшее чудо — душа;
Но не всякій его замѣчаетъ.

Введеніе.

Передъ всѣми метафизическими теорiями ученія о монадахъ представляютъ нѣкоторыя несомнѣнныя преимущества. А именно, 1) они устраняютъ пропасть между мірами матеріальнымъ и духовнымъ, образовавшуюся въ ученіяхъ дуалистическихъ: устанавливая тѣсную связь между этими двумя мірами (или двумя „сторонами бытія“) монадологическія ученія вмѣстѣ съ тѣмъ не отрицаютъ реальности ни того ни другого міра, что дѣлается въ ученіяхъ матеріализма и субъективнаго идеализма. 2) Монадологическія ученія лучше всѣхъ другихъ объясняютъ разнообразіе и индивидуализацію живыхъ существъ, а равно и возможность ихъ совершенствованія въ рядахъ поколѣній. 3) Эти ученія удовлетворяютъ и нравственнымъ запросамъ мыслящаго человѣка: выдвигая впередъ цѣлесообразность и совершенствованіе жизни, они даютъ прочное основаніе вѣрѣ въ Мировой Разумъ и въ высокое назначеніе человѣчества.

Монадологическія ученія, правда, не пользуются сочувствіемъ и распространенностью среди широкихъ массъ читающей публики, которая и въ философіи прежде всего ищетъ наглядности и простоты: первобытному мышленію

всего доступнѣе матеріализмъ, съ котораго беретъ начало философская мысль и въ Греціи, и въ Китаѣ. Это міровоззрѣніе проще всѣхъ: оно обыкновенно обходитъ молчаніемъ самые трудные и самые основные вопросы, каковы вопросы: о познаніи, о душѣ и жизни, о сознаніи, о цѣлесообразности, о нравственномъ долгѣ и т. п. Монадологическія ученія, напротивъ, стремятся главнымъ образомъ къ разрѣшенію этихъ самыхъ трудныхъ вопросовъ: поэтому первое изъ нихъ возникло только въ новѣйшее время — всего два вѣка тому назадъ; а именно, впервые такое изложено систематически и опредѣленно формулировано Лейбницомъ ¹⁾. Затѣмъ оно встрѣтило сочувствіе и дальнѣйшее развитіе у перворядныхъ философовъ истекшаго вѣка, каковы Герbartъ ²⁾ и Лотце ³⁾; и у Бэнэке нѣкоторыя метафизическія понятія близки къ монадамъ Герbartа ⁴⁾. Новое развитіе, въ особенности примѣнительно къ соціологіи, далъ этому ученію нашъ знаменитый математикъ Н. В. Бугаевъ ⁵⁾. Наконецъ, на рубежѣ 20-го вѣка Рэнувье совмѣстно съ Л. Пра опубликовали свою весьма обстоятельную „Новую монадологію“, которая своими положеніями метафизическими стремится объяснить и явленія психическія, и біологическія, и социальныя, вмѣстѣ съ тѣмъ давая обоснованіе и этикѣ ^{*}). По разносторонности матеріала это сочиненіе превосходитъ всѣ подобныя прежнихъ философовъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшился опубликовать настоящій отрывокъ изъ своей эволюціонной монадологіи: онъ служитъ метафизическимъ обоснованіемъ моей теоріи памяти, которой я коснулся во II ч. моего изслѣдованія „О памяти“ ⁶⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ объясненіе такихъ общихъ явленій психической жизни, которыя до сихъ поръ необъяснимы существующими метафизическими гипотезами, не исключая и монадологическихъ. Дѣло въ томъ, что и послѣдняя монадологія Рэнувье-Пра совсѣмъ не касается нѣко-

1) Примѣчанія нумерованныя помѣщены въ концѣ главы.

*) Ch. Renouvier et L. Prat, La nouvelle Monadologie. P. 1899.

торыхъ основныхъ явленій и свойствъ души. Таковы напр.: узость сознанія (вниманіе), бессознательные душевные элементы и процессы, упражненіе, эволюція въ ряду поколѣній. Другія же явленія психической жизни она объясняетъ несогласно съ фактами внутренняго опыта или же съ нѣкоторыми изъ своихъ же метафизическихъ предпосылокъ, о чемъ будетъ рѣчь въ дальнѣйшемъ. И эта монадологія не совсѣмъ свободна отъ пробѣловъ и недостатковъ, отмѣченныхъ мною относительно психологической теоріи Гербарта ⁷⁾. Сверхъ того, упомянутыя монадологіи, исключая Лотце, не даютъ гносеологическаго оправданія своего ученія. Наконецъ, не связывая своихъ тезисовъ съ фактами опыта, эти метафизическія ученія являются какъ бы оторванными отъ непосредственно данной дѣйствительности, и у представителей конкретныхъ естественныхъ наукъ мало встрѣчали сочувствія ⁸⁾. Этыхъ недостатковъ я старался избѣгнуть, насколько это позволяетъ ограниченный объемъ, предоставленный мнѣ редакціей Сборника нашего Учено-Литературнаго Общества. Въ предлагаемомъ отрывкѣ я принялъ во вниманіе не только свои многолѣтнія психологическія наблюденія и факты, установленные описательной психологіей, но и факты изъ біологіи, а также новѣйшія теоріи физики ⁹⁾.

I. Предварительныя положенія гносеологическія и метафизическія.

1. Всякое человѣческое познаніе на высшихъ ступеняхъ душевнаго развитія обнаруживается въ сужденіяхъ. Каждое сужденіе состоитъ изъ трехъ существенныхъ частей, которыя объединяются мыслящимъ субъектомъ въ одинъ познавательный актъ. — Эти логическія составныя части сужденія слѣдующія: сказуемое, подлежащее и связка. Сказуемое на низшей ступени психическаго развитія обыкновенно представляетъ собою новый элементъ сознанія, возбудившій вниманіе мыслящаго субъекта; этотъ элементъ непосредственно данъ сознанію, часто и совершенно независимо отъ воли мыслящаго субъекта. Этотъ элементъ познающій субъектъ приводитъ въ связь съ другимъ элементомъ своего познанія, устанавливая извѣстное отношеніе даннаго сказуемаго къ опредѣленной группѣ ирреальныхъ представленій или образовъ памяти или же къ опредѣленному понятію, которое составляетъ подлежащее. Сознаніе установленнаго отношенія выражается связкой, которая можетъ быть или утвердительной, или отрицательной. Такимъ образомъ въ связкѣ заключается тотъ существенный элементъ сужденія, который отличаетъ сужденіе отъ простой ассоціаціи идей¹⁰).

2. Сужденіе, какъ познавательный процессъ, впервые образуемый въ сознаніи мыслящаго субъекта, психологъ отличаетъ отъ сужденія объективированнаго, которое есть результатъ

перваго. Сужденіе въ первомъ значеніи представляетъ собою творческій актъ познающаго субъекта, улавливающаго и устанавливающаго отношеніе между сказуемымъ и подлежащимъ. Этотъ психическій актъ доступенъ въ его непосредственномъ видѣ только мыслящему субъекту, его создавшему. Результатъ же его, выраженный символами мышленія (напр., словами, иисъмомъ, мимикой, жестами . . .), можетъ быть понятъ и другимъ мыслящимъ субъектомъ одинаковой духовной организаціи. Для этого достаточно одного только воспроизведенія связанныхъ съ символами представленій и понятій¹¹⁾.

3. Образовавшееся въ сознаніи сужденіе, превратившись въ ассоціацію, можетъ сдѣлаться подлежащимъ новаго сужденія. Въ концѣ концовъ даже большое сочиненіе, или цѣлая наука, или цѣлая группа наукъ, обозначаемая опредѣленными символами, могутъ быть подлежащимъ сужденій. Такимъ образомъ возможно постепенное усложненіе и исправленіе нашихъ познаній, несмотря на фактъ узости сознанія, устанавливающаго въ одинъ данный моментъ только одно сужденіе¹²⁾.

4. На низшей ступени познанія познаваемымъ объектомъ (сказуемымъ сужденія) есть дѣйствіе на познающій субъектъ внѣшняго возбужденія („аффицирующаго предмета“, „вещи въ себѣ“ Канта, или „субстанціи“ по старой терминологіи). На такое дѣйствіе познающій субъектъ реагируетъ, привнося въ этотъ процессъ элементъ изъ своего прошлаго психическаго запаса (подлежащее); такимъ образомъ сказуемое (ощущеніе) приводится въ связь съ прежнимъ познаніемъ или прирожденнымъ элементомъ познанія, и вслѣдствіе этого осуществляется „анперципированное“ воспріятіе. Такое всегда заключаетъ въ себѣ элементарныя сужденія (*Wahrnehmungsurteile*)¹³⁾.

5. Воспріятія воспринимающій субъектъ отличаетъ отъ своего „Я“: уже дитя смутно сознаетъ, что при извѣстныхъ условіяхъ оно не въ состояніи отрѣшиться отъ власти воспринимаемаго. Поэтому здравый смыслъ чловѣка иредполагаетъ, и притомъ совершенно основательно, что воспринимаемому соотвѣтствуетъ какая-то внѣшняя причина, не-

зависимая отъ воспринимающаго субъекта. Однообразіе въ сочетаніи и чередованіи извѣстныхъ воспріятій убѣждаетъ въ этомъ еще больше. Поэтому человѣкъ, даже первобытный, инстинктивно вѣритъ въ существованіе внѣшняго міра — какъ одушевленнаго, такъ и неодушевленнаго, который противопоставляетъ своему „Я“¹⁴). Этотъ внѣшній міръ человѣкъ большей частью представляетъ себѣ тождественнымъ съ воспріятіями. Это — точка зрѣнія „наивнаго реализма“, раздѣляемая обычнымъ сознаніемъ, и представителями естественныхъ наукъ, и въ особенности физики.

6. Философское мышленіе не удовлетворяется наивнымъ реализмомъ, сознавая различіе между нашими ощущеніями и воспріятіями съ одной стороны и соответственными имъ внѣшними причинами съ другой. Эти причины („вещи въ себѣ“, или субстанціи), поскольку онѣ дѣйствуютъ на познающій субъектъ, познаются какъ акты сознанія; но эти акты сознанія разсматриваются за символы самыхъ „вещей въ себѣ“, или субстанцій, за символы міра, существующаго независимо отъ познающихъ субъектовъ. Самъ по себѣ этотъ міръ не похожъ на соответственные ему акты познанія; но онъ дѣйствуетъ на познающіе субъекты и въ этомъ смыслѣ познается ими¹⁵).

7. Непосредственныя дѣйствія „вещей въ себѣ“ на познающій субъектъ обнаруживаются въ видѣ преходящихъ актовъ сознанія — ощущеній и воспріятій. Но эти акты не исчезаютъ безслѣдно: они повторяются или подъ дѣйствіемъ тѣхъ же внѣшнихъ причинъ (въ видѣ ощущеній и воспріятій) или же подъ дѣйствіемъ причинъ, лежащихъ въ самой душѣ познающаго субъекта (въ видѣ воспроизведенія, памяти). Въ обоихъ случаяхъ мы сознаемъ тождество повтореннаго или воспроизведеннаго акта A_2 (по крайней мѣрѣ въ существенныхъ элементахъ) съ его оригиналомъ A_1 . Замѣчая среди постояннаго потока нашего сознанія эти тождества, затѣмъ постоянство сопровождающихъ ихъ обстоятельствъ, мы улавливаемъ причинную связь между актами сознанія съ одной стороны и

предполагаемыми ихъ причинами съ другой. Постигая однообразіе въ чередованіи извѣстныхъ перемѣнъ (актовъ сознанія) мы предполагаемъ у стойчивыхъ „носителей“ или дѣятелей, производящихъ эти явленія, т. е. — „субстраты“, „субстанціи“, „вещи въ себѣ“. Таковыхъ „носителей“ мы предполагаемъ какъ для нашихъ актовъ сознанія (память, сохраненные „слѣды“, расположенія въ мозгу, душа, духъ и т. п.) такъ и для явленій внѣшняго міра (тѣла, матерія, атомы, силы).

8. Такъ какъ наше непосредственное знаніе внѣшняго міра состоитъ въ претерпѣваніи его дѣйствій со стороны познающаго субъекта, и такъ какъ эти дѣйствія мы считаемъ за символы самыхъ „вещей въ себѣ“ (субстанцій): то и всякое болѣе сложное, болѣе отвлеченное, болѣе отдаленное познаніе міра, выражаемое словами (символами воспріятій и понятій) должно соответствовать знанію непосредственному, т. е. нашимъ воспріятіямъ¹⁶). Только такое соответствующее нашимъ воспріятіямъ познаніе внѣшняго міра мы считаемъ истиннымъ. Самые же факты нашего сознанія безъ отношенія ихъ къ причинамъ, ихъ производящимъ (т. е. къ носителямъ ихъ, или субстанціямъ) мы считаемъ за первичныя несомнѣнныя данныя *).

9. Всякая дѣйствительность, какъ это показываетъ самое слово, состоитъ въ дѣйствіяхъ, дѣяніи или въ возможности дѣйствовать. О дѣйствительно существѣ, или о бытіи, мы говоримъ постольку, поскольку оно способно дѣйствовать на что-нибудь другое (по меньшей мѣрѣ на воспринимающій субъектъ), и поскольку это другое способно претерпѣвать отъ дѣйствующаго. Только такая дѣйствительность можетъ быть предметомъ познанія и мышленія¹⁷).

10. Каждое дѣйствіе, т. е. происшедшая перемѣна, предполагаетъ съ одной стороны дѣятеля, или причину, съ другой стороны — претерпѣвающій предметъ, въ которомъ произошла

*) Истинъ „формальных“, основанныхъ на логическихъ операціяхъ, главнымъ образомъ на дедукціи, я здѣсь не касаюсь.

перемѣна, т. е. дѣйствіе. Таковъ истинный смыслъ закона причинности. Хотя понятіе о причинности и не создается однимъ только опытомъ особи (въ теченіе его индивидуальной жизни), но все же оно не есть чисто субъективная „форма мышленія“ (категорія Канта), которой, какъ полагають кантіанцы, ничто не соотвѣтствуетъ въ реальномъ (трансцендентномъ) мірѣ; наоборотъ, это понятіе обозначаетъ самый основной и реальный признакъ всякой дѣйствительности, всего сущаго. Везъ него была бы немислима ни дѣйствительность, ни познаніе ея¹⁸⁾.

11. Физики и философы-матеріалисты считаютъ носителями явленій (причинами постоянно производимыхъ ими перемѣнъ) довольно сложныя субстанціи. Таковая, напр., — матерія физическая въ разныхъ видахъ: вода, воздухъ, огонь, земля древнихъ іонійцевъ, а равно и простые химическіе элементы новѣйшаго времени. Эти субстанціи физиковъ представляютъ собою нѣчто сложное и дѣлимое. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ такія же созданія нашего мышленія и познающаго духа, какъ и другія метафизическія сущности, напр., духъ, сила. Такъ какъ каждый познавательный актъ есть нѣкоторое отраженіе дѣйствительности, такъ какъ эти субстанціи физиковъ дѣлимы и въ дѣйствительности, и въ мышленіи, такъ какъ понятія о нихъ можно разложить психологическимъ анализомъ на многія составныя части (сужденія); то ихъ нельзя считать элементами и первоосновами бытія, вѣчными сущностями. Таковыми могутъ быть только простѣйшіе элементы дѣйствительности, которые недѣлимы и неразложимы.

12. То, что физики называютъ атомами, тоже не представляетъ собою простѣйшихъ элементовъ дѣйствительности: въ понятіе атома входятъ многія качества, которыя, въ свою очередь, состоятъ изъ еще большаго числа элементовъ познанія. Протяженность, непроницаемость, атомный вѣсъ, притяженіе и отталкиваніе, химическое сродство, подвижность — представляютъ собою качества атома, изъ коихъ каждое

въ нашемъ мышленіи можетъ быть разложено на множество болѣ простыхъ элементовъ познающаго духа. А такъ какъ каждому познавательному элементу, поскольку онъ отражаетъ дѣйствительность, соотвѣтствуетъ коррелятъ реального (трансцендентнаго) міра: то не только наше понятіе атома, но и самый предполагаемый реальный его коррелятъ должно признать за нѣчто очень сложное. Элементами бытія, первичными субстанціями могутъ быть непротяженныя, слѣдовательно нематеріальныя, но реальныя точки — монады.

13. Если дѣятельность атома, обнаруживаемая въ видѣ механическихъ движеній и химическихъ процессовъ, имѣетъ свой предѣлъ въ пространствѣ, то то же должно предполагать и относительно элементовъ атома, т. е. монадъ, изъ которыхъ построенъ матеріальный атомъ. Разъ мы считаемъ монаду за простѣйшій, неразложимый элементъ дѣйствительности: то и ея дѣйствіе не можетъ быть раздѣлено. Это дѣйствіе или обнаруживается или не обнаруживается — середины и промежуточныхъ ступеней этого дѣйствія не можетъ быть. Поэтому и дѣятельность монадъ должна быть ограниченной пространствомъ и временемъ. За извѣстную пространственную сферу, за извѣстный промежутокъ времени единичное дѣйствіе одной монады не распространяется¹⁹).

14. Монады по своимъ дѣйствіямъ (свойствамъ) довольно разнообразны, хотя съ усовершенствованіемъ нашего познанія быть-можетъ сведутъ ихъ къ немногимъ классамъ. Число же одинаковыхъ монадъ въ каждомъ классѣ должно считать огромнымъ и необъятнымъ нашимъ умомъ; но оно можетъ еще увеличиться²⁰). По источнику дѣятельности нужно различать между монадами два главныхъ разряда: 1) монады самодѣятельныя, 2) монады викарныя, или иередаточныя. По свойству дѣятельности — 1) монады физическія (матеріальныя), 2) монады духовныя.

15. Каждая самодѣятельная монада имѣетъ только

одну, ей присущую, дѣятельность, которая всегда остается той же неизмѣнной*). Монада викарная не имѣетъ своей собственной опредѣленной дѣятельности; но она способна претерпѣвать, т. е. испытывать дѣйствіе (силу) ближайшей самодѣятельной монады; въ свою очередь она, претерпѣвъ измѣненіе, вызываетъ такое же измѣненіе въ другой сосѣдней, а эта въ третьей и т. д. Викарная монада, приведенная разъ въ дѣятельное состояніе, сама по себѣ его не повторяетъ. Она подобно планетамъ, отражаетъ чужой свѣтъ, но все же способна вызвать или усилить дѣятельность другой монады, даже самодѣятельной.

16. Нѣсколько однородныхъ монадъ могутъ сближаться и соединяться въ одно цѣлое — „вещь въ себѣ“ или сложную субстанцію. Тогда онѣ обнаруживаютъ ту же по качеству дѣятельность (силу); но по количеству она превосходитъ дѣятельность одной монады. Дѣйствіе такого агрегата можетъ обнаружиться и на большемъ разстояніи, чѣмъ это бываетъ у одной монады²¹). Такое соединеніе монадъ есть основное условіе образованія атомовъ матеріи и вообще дѣйствительности, т. е. появленіе тѣлъ, движеній, формъ. Безъ такового взаимодѣйствія монадъ на разстояніи мы имѣли бы только потенціи, т. е. возможности бытія, но не самую дѣйствительность. Для ея обнаруженія необходимо воздѣйствіе одной монады на другую, одного агрегата монадъ на другой²²).

17. Соединеніе монадъ въ одинъ агрегатъ можно уподобить притяженію атомовъ въ одной молекулѣ; но ни это соединеніе, ни вообще первичныя качества монадъ, или же „первичныя качества“ матеріи, установленныя Локкомъ, нельзя отождествлять съ нашими познавательными процессами, символизирующими таковыя. Наши познавательные акты об-

*) Таковую я буду называть просто „монадой“. Когда же рѣчь будетъ о передаточныхъ монадахъ, то таковыя я буду обозначать полнымъ терминомъ.

условлены какъ нашей весьма сложной духовной организаціей, такъ и самыми взаимодействіями монадъ, образующихъ внѣшній міръ, объекты нашихъ познаній.

И основныя понятія физики, каковыя, напр. — сила, энергія, причина, претерпѣваніе, субстанція — не добыты внѣшними органами чувствъ: существенные элементы этихъ понятій (мускульное усиліе, чувствованія напряженія и своей активности, воспріятіе однообразія и устойчивости) принадлежатъ нашему внутреннему опыту²³).

18. И такъ называемые законы природы, добытые физиками, которые будто вѣчно управляютъ всей вселенной, не извлечены человѣкомъ исключительно изъ внѣшней природы, т. е. при помощи однихъ органовъ чувствъ. Вѣра въ вѣчность и неизмѣнность этихъ законовъ всей вселенной основывается, въ свою очередь, на другомъ предположеніи, которое тоже не можетъ быть извлечено изъ нашего ограниченнаго опыта. Это предположеніе состоитъ въ слѣдующемъ: вся вселенная подчинена одному и тому же закону причинности; міровой субстратъ вездѣ одинъ и тотъ же или по крайней мѣрѣ вездѣ заключаетъ въ себѣ нѣчто единое и общее. Это и есть основное предположеніе всякой индукціи, которое не можетъ быть извлечено изъ нашего ограниченнаго опыта: оно является постулатомъ нашего разума, нашей прирожденной духовной организаціи. Такимъ образомъ и являемый намъ физическій міръ есть произведеніе нашего познающаго духа съ участіемъ и нашего внутренняго опыта и унаслѣдованныхъ разумныхъ началъ; но все же мы увѣрены, что являемому міру соответствуетъ міръ „вещей въ себѣ“, реальный міръ; однако этотъ міръ не только не тождественъ съ познаніемъ его, съ процессами нашего сознанія, но даже не похожъ на него²⁴).

19. Каждая самодѣятельная монада имѣетъ свою внутреннюю дѣятельность, которая обнаруживается и независимо отъ воздѣйствій на нее другихъ монадъ. Эта внутренняя дѣятельность прерывная, иеріодическая²⁵).

20. Между физическими тѣлами мы различаемъ тѣла живыя или жизнеспособныя отъ тѣлъ неживыхъ и неспособныхъ къ жизни. Спеціальное свойство живого существа, единственное въ своемъ родѣ, которое не имѣетъ прямыхъ аналогій въ матеріи неорганизованной, Клодъ Бернаръ видитъ въ его способности къ „жизненному созиданію или организирующему синтезу“. „Жизнь, по его словамъ, это — творчество или созиданіе“*). Г. Бунге сущность жизни видитъ въ активности **). Этого свойства недостаетъ мертвой матеріи, хотя бы она представляла сложный химическій составъ, вырабатываемый живыми организмами и изучаемый такъ называемой органической химіей. Монады, образующія мертвую матерію (химическіе атомы и молекулы) я называю физическими или матеріальными; а монады, обуславливающія появленіе жизни, т. е. живыхъ существъ — растений, животныхъ, а равно и человѣка — я называю духовными монадами. Послѣднія можно опять раздѣлить на монады формирующія, которыя образуютъ изъ мертвой матеріи отдѣльные органы и цѣлыя системы (организмы), и монады управляющія, которыя управляютъ какъ этими формирующими монадами, такъ и органами и организмами ²⁶).

21. Явленія мертвой матеріи физики сводятъ къ движеніямъ мельчайшихъ частицъ (молекулъ и атомовъ) или же къ движеніямъ цѣлыхъ тѣлъ. Разныя качества даннаго физическаго тѣла — цвѣтъ, плотность, вѣсъ, упругость — по моей теоріи можно объяснить тѣмъ, что физическія монады, входящія въ составъ этого тѣла, измѣняютъ положеніе монадъ въ сосѣднемъ тѣлѣ, соприкасающемся съ первымъ: монада,

*) Claude Bernard, Introduction à l'étude de la médecine experim. 1865, pag. 161. Телеологическіе взгляды подъ общимъ названіемъ „неовитализма“ въ новѣйшее время взяли верхъ среди выдающихся біологовъ.

***) G. von Bunge, Lehrbuch der Physiologie des Menschen 1901. I. Cap. рус. перев. подъ ред. проф. Фаусека въ сборникѣ статей „Сущность жизни“. СПб. 1903. стр. 167.

претерпѣвшая измѣненіе въ своемъ положеніи, благодаря періодичности ея дѣятельности, возвращается въ свое прежнее положеніе, и такимъ образомъ получается ея колебаніе. Въ силу той же періодичности самодѣятельной монады это колебаніе постоянно возобновляется и въ свою очередь отъ ближайшей претерпѣвшей монады передается слѣдующей, а отъ этой — третьей и такъ далѣе, пока наконецъ не дойдетъ до воспринимающаго органа чувствъ. Подобными колебаніями монадъ (матеріи) объясняется передача свѣтовыхъ лучей черезъ пустое пространство (наполненное передаточными монадами, т. е. предполагаемымъ эфиромъ); такимъ-же образомъ объяснима передача электричества, магнетизма, тяготѣнія небесныхъ тѣлъ; наконецъ, такимъ-же образомъ объяснимы и всѣ молекулярныя движенія въ жидкостяхъ и газахъ — передача теплоты, звуковыхъ волнъ. Нѣкоторые химики объясняютъ и химическіе процессы перемѣщеніями атомовъ ²⁷).

22. Движеніе твердыхъ тѣлъ отъ удара или толчка можно объяснить тѣмъ, что монады толкающаго тѣла (не измѣняющія своего взаимнаго положенія въ данный моментъ) одновременно дѣйствуютъ на монады толкаемаго, при чемъ послѣднее со всѣми своими монадами претерпѣваетъ дѣйствіе отъ перваго; послѣ этого толкаемое тѣло въ свою очередь дѣйствуетъ на окружающую среду такъ же, какъ и первое, мѣняя въ томъ же направленіи свое положеніе по отношенію къ средѣ.

Но при мгновенномъ ударѣ, общая сила котораго превосходитъ силу сцѣпленія молекулъ, частицы, т. е. агрегаты монадъ, претерпѣвшіе ударъ, отдѣляются отъ остальныхъ, на которыя дѣйствіе удара не успѣло распространиться: тогда ударяемое тѣло или получаетъ дыру или углубленіе въ мѣстѣ прикосновенія обоихъ тѣлъ, или же оно разбивается на части, смотря по силѣ удара и молекулярнымъ силамъ сцѣпленія и упругости.

Движенія, независимаго отъ окружающей среды, т. е. въ пустомъ пространствѣ, движенія безотносительнаго къ ближай-

шимъ предметамъ, не бываетъ въ дѣйствительности: 1) не существуетъ абсолютнаго пустого пространства; 2) всякое движеніе есть нѣчто относительное — измѣненіе мѣстоположенія матеріальной точки по отношенію къ окружающей средѣ или тѣламъ ²⁸).

23. Внутреннюю дѣятельность душевной монады можно уподобить простѣйшему элементу нашего сознанія: или минимальной замѣчаемой точкѣ спектра, или ощущенію на тепловой точкѣ человѣческой кожи, или ощущенію моментальнаго прикосновенія къ одной точкѣ кожи, или же еле-замѣтному простому тону минимальной силы и продолжительности, или же минимальному мускульному усилю, или же одному опредѣленному влеченію (стремленію). Но отождествлять ее отнюдь нельзя ни съ однимъ изъ перечисленныхъ элементовъ сознанія: и эти мы получаемъ благодаря нашей очень сложной духовной организаціи и благодаря очень сложнымъ умственнымъ процессамъ — благодаря психологическимъ анализамъ ²⁹).

24. Въ тѣлахъ живыхъ или жизнеспособныхъ должно предполагать, помимо общихъ физическихъ свойствъ, т. е. дѣятельности физическихъ монадъ, еще наличность въ нихъ особыхъ дѣятелей, по моему — духовныхъ монадъ, которыя дѣйствуютъ цѣлесообразно ³⁰).

25. И органическая жизнь и одушевленность физическихъ тѣлъ обуславливаются съ одной стороны весьма сложной физической организаціей, (которая есть результатъ не одной только смѣси весьма сложныхъ химическихъ веществъ, реагирующихъ другъ на друга); съ другой — дѣятельностью особыхъ духовныхъ монадъ, которыя формируютъ организмъ, а послѣ совершившагося его развитія управляютъ дѣятельностію cadaго органа, направляя ее къ одной опредѣленной цѣли ³¹).

26. Благодаря сложной организаціи какъ духовныхъ такъ и физическихъ монадъ и внѣшній физическій міръ вліяетъ на жизнь живого или жизнеспособнаго тѣла; до извѣстной степени внѣшнія условія могутъ вліять и видоизмѣнять орга-

низацію или внѣшнюю форму живыхъ существъ — они же могутъ и прекратить жизнь: но сами по себѣ они не могутъ ни создать жизни, ни существенно измѣнить ее, ни уничтожить какую-нибудь изъ монадъ.

27. Одушевленность, каковой она представляется у высшихъ животныхъ, не есть нѣчто готовое и законченное, сразу появившееся въ природѣ. Она есть результатъ длиннаго процесса развитія въ теченіе безчисленнаго множества поколѣній. Какъ сравнительно легко указать, въ какомъ тѣлѣ заключается жизнь; такъ, наоборотъ, трудно установить тотъ простѣйшій организмъ, въ которомъ должно предполагать простѣйшую жизнь душевную — чувствительность, разумъ, сознательность. Вѣрнѣе предполагать зародышъ душевной жизни уже у низшихъ животныхъ и растительныхъ организмовъ, состоящихъ даже изъ одной клѣтки или комочка протоплазмы³²).

Примѣчанія ко введению и къ I. главѣ.

1) Leibnitz, Monadologie, ed. J. E. Erdmann; Op. philos. Berol. 1840. Самое слово „монада“ впервые употребилъ для обозначенія элементарныхъ частей бытія Джордано Бруно. Онъ себѣ ихъ представлялъ точками, одновременно матеріальными и одушевленными. Эти монады не возникаютъ и не погибаютъ; соединяясь и раздѣляясь, онѣ образуютъ духовный и матеріальный міръ. Богъ есть монада всѣхъ монадъ. Такимъ образомъ Бруно является предшественникомъ монадологіи Лейбница (G. Bruno, De la causa principio e d'uno, Ven. 1584, II. dial. aus d. Ital. übers. v. A. Lasson, Berlin 1872). Но зародышъ монадологическаго ученія нужно искать еще въ идеяхъ Платона (Plato, Res publica lib. VI et VII).

Впрочемъ, и Платонъ въ этомъ отношеніи имѣетъ предшественника въ лицѣ Анаксагора, который училъ, что до творческой дѣятельности Разума (νοῦς) „всѣ вещи были вмѣстѣ, безконечныя и по числу и по своему малому размѣру.“ (ὅμοῦ πάντα χεῖματα ἦν, ἄπειρα καὶ πλῆθος καὶ σμικρότητα. Diogenes Laërt. II. 6. Ср. также Plato, Phaed. 72). Эти безконечно малыя невидимыя вещи („зародыши“) Анаксагоръ считалъ элементами (στοιχεῖα) видимыхъ вещей: „изъ нихъ-де состоитъ, напр., и мясо, и кости, и все тому подобное (органическія тѣла); вѣздухъ же и огонь (которые Эмпедокль считалъ элементами), по мнѣнію Анаксагора, суть смѣси (μίγμα) изъ этихъ и остальныхъ зародышей (σπέρματα) всего сущаго.“ (εἶναι γὰρ ἑκάτερον αὐτῶν ἐξ ἀοράτων ὁμοιομερῶν πάντων ἡδρωισμένων. Aristoteles, De gener. et corr. I. 1).

Мнѣніе о зародышахъ вещей (semina rerum) впоследствии воспронявелъ и Лукрецій, хотя и не совсѣмъ согласно съ Анаксагоромъ. (См.: Lucretius Carus, De rerum natura l. 59, 875—896; II. 114—141). Но и Анаксагоръ и Лукрецій эти „зародыши вещей“ представляли себѣ матеріально. Платонъ же въ своихъ идеяхъ видитъ нематеріальное, вѣчное и неизмѣнное, самобытное начало, которое инертной матеріи даетъ опредѣленную форму. (См.: E. Zeller, Philos. d. Griechen III. Aufl. II. Th. I. Abt. S. 552—567.)

2) Гербартъ переименовалъ монады Лейбница въ „реальныя существа“ (=Realen) и признаеть взаимодействие между ними — то въ видѣ движеній, то въ видѣ измѣненій внутренняго состоянія этихъ простыхъ реальныхъ существъ. (Herbart, a) Hauptpunkte der Metaphysik §§ 1, 2, 5. — b) Lehrbuch zur Einl. in die Philos. §§ 97, 101, 113. — c) Psychologie als Wiss. I. Th. § 28, 34—37, 39, 57. Основные черты и критику теоріи Гербарта я представилъ въ своемъ сочиненіи „О памяти“, 2. изд. I. ч. гл. VIII стр. 80—88).

5) Н. Lotze, Grundz. d. Metaphysik, L. 1883. § 65—69. Впрочемъ, Лотце свои духовныя монады разсматриваетъ, какъ модификаціи единаго Абсолютнаго, т. е. субстанціальной причины міра; такимъ образомъ онѣ не представляютъ собою вполне самостоятельныхъ элементовъ бытія.

4) Бэнэке, правда, полемизируетъ съ Гербартомъ относ. его воззрѣнія на душу, какъ реальную непротяженную точку; но его предположеніе особыхъ силъ (=Vermögen) для каждаго сознательнаго акта, для каждаго его повторенія, и особаго „слѣда“ для каждаго сохраненнаго акта сознанія ближе стоитъ къ монадологическому воззрѣнію, чѣмъ къ другимъ гипотезамъ. (Ср. Вепеке, Lehrb. d. Psych. Berlin 1833. §§ 36, 40, 76, 104).

5) Н. Бугаевъ, Основные начала эволюціонной монадологіи, Вопр. филос. 1893 кн. 2 (17) стр. 27. Оцѣнку этой монадологіи читатель можетъ найти въ слѣдующихъ новѣйшихъ сочиненіяхъ: 1) Вопросы философіи . . . 1904. кн. 72 (II) въ рѣчи проф. Л. М. Лопатина, 2) П. А. Некрасовъ, Московская философско-математическая школа и ея основатели, М. 1904. 3) В. Г. Алексѣевъ, Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма, Юрьевъ 1905.

6) См. И. С. Проданъ, О памяти, психолог. изслѣдованія, II. ч. Юрьевъ 1905, XII. гл. стр. 325—375. Настоящій отрывокъ изъ моей монадологіи представляетъ собою воспроизведеніе двухъ докладовъ, сдѣланныхъ мною въ Учено-Лит. Общ. при Имп. Юрьев. Университетѣ, и не имѣетъ претензіи ни на полноту, ни на окончательную отдѣлку всѣхъ тезисовъ.

7) См. И. С. Проданъ, О памяти I. ч. 2-ое изд. гл. VIII. стр. 80—88. И монадологія Гербарта оставляетъ необъясненными множество обычныхъ явленій душевной жизни, каковы: забвеніе, воспроизведеніе по сходству, привычки, наслѣдственность, самосознаніе и наконецъ, — самую психическую эволюцію, которой еще Ламаркъ въ своемъ сочиненіи „Философія зоологіи“, изданномъ 1809 года, положилъ прочное основаніе. (Jean Baptiste Antoine Pierre Monet de Lamarck, Philosophie zoologique, Paris 1809, нѣм. перев. Jena 1875).

8) Приятное исключение въ этомъ отношеніи представляетъ ботаникъ и біологъ Рейнке; подъ названіемъ „доминантъ“ онъ вводитъ для объясненія разныхъ біологическихъ явленій особыхъ дѣятелей, которые больше всего приближаются къ „господствующимъ“ монадамъ Лейбница. (J. Reinke, a) Philosophie der Botanik, Leipzig 1905, Kap. 4. b) J. Reinke, Die Welt als That. Kap. XI. рус. перев. А. Г. Генкеля, подъ ред. проф. Фаусека въ сборникѣ статей „Сущность жизни“. СПб. 1903).

9) Моя монадологія сложилась у меня независимо отъ Н. В. Бугаева и Рэнувье-Пра, съ которыми я познакомился только непосредственно передъ опубликованіемъ моего отрывка. Съ Бугаевской она имѣетъ только то общее, что и она признаетъ за фактъ эволюцію; но Бугаевъ примѣнилъ свою эволюціонную монадологію только къ объясненію явленій социальныхъ и совѣмъ не объясняетъ явленій психическихъ, исключая одного случая. Напротивъ, Рэнувье-Пра не признаютъ эволюціи видовъ въ ряду поколѣній. И самое основное понятіе монады у меня существенно отличается отъ всѣхъ монадологій. Въ частностяхъ мои объясненія иногда совпадаютъ съ объясненіями Рэнувье-Пра и въ общемъ согласны съ телеологическими взглядами новѣйшихъ изслѣдователей по біологіи профессоровъ I. Рейнке, Г. Бунге и В. А. Фаусека.

10) Связка, равно какъ и подлежащее и сказуемое, можетъ состоять изъ нѣсколькихъ словъ, но она можетъ и отсутствовать, какъ отдѣльное слово; тогда она подразумѣвается въ флексіи сказуемаго или выражается инымъ способомъ, напр. передышкой (въ письмѣ — чертой) или интонаціей. И подлежащее можетъ быть не выражено особымъ словомъ, но оно всегда подразумѣвается или въ флексіи сказуемаго, или же въ предыдущемъ сужденіи, или же оно только символизуется, какъ нѣчто неизвѣстное, какъ это бываетъ въ безличныхъ предложеніяхъ. Въ сужденіяхъ тождественныхъ подлежащее и сказуемое могутъ быть переставляемы безъ измѣненія смысла. Напр., „четыреугольникъ, въ которомъ двѣ противоположныя стороны параллельны, называется трапеціей“. Или: „трапеція есть четырехугольникъ, въ которомъ двѣ противоположныя стороны параллельны“. (См. приложение „Къ теоріи сужденія“.)

11) И самъ субъектъ, создавшій сужденіе, въ послѣдствіи можетъ его воспроизвести чисто механически, на основаніи символовъ, съ которыми воспроизводятся по смежности и связанныя съ ними представленія и понятія. Но все же и это механически воспроизведенное сужденіе по содержанию не перестаетъ быть таковымъ; оно всегда отличается отъ простой ассоціаціи. Мы всегда различаемъ сужденіе „яблоко — кисло“ отъ ассоціаціи „кислое яблоко“: послѣдняя есть результатъ цѣлаго ряда сужденій того же мыслящаго субъекта или же другихъ субъектовъ.

12) Суть усложненія мыслительныхъ процессовъ еще недостаточно изслѣдована философами: ни одними ассоціаціями (синтезомъ), ни однимъ отвлеченіемъ (анализомъ) этой сложности объяснить нельзя, имѣя въ виду фактъ узости сознанія. Въ нихъ непременно нужно предполагать участіе огромнаго множества безсознательныхъ элементовъ. И самая сущность сужденія, какъ психическаго процесса, до сихъ поръ еще не выяснена. Отецъ логики и психологіи — *Аристотель* въ своей Первой Аналитикѣ опредѣляетъ сужденіе, какъ „изреченіе, которое утверждаетъ или отрицаетъ нѣчто о другомъ“. (*Aristoteles*, Anal. pr. I. 1). Въ своей Герменевтикѣ онъ его опредѣляетъ, какъ „изреченіе, въ которомъ заключается истина или ложь.“ (*Aristoteles*, De Interpretatione, с. 4. 17). Подъ истиной же Аристотель разумѣетъ соотвѣтствіе мысленія дѣйствительнымъ вещамъ. Эти опредѣленія и воззрѣнія Аристотеля съ незначительными варіаціями воспроизводились до конца истекшаго вѣка. Ихъ въ общемъ раздѣляютъ: *Хр. Вольфъ*, *Джонъ Ст. Милль*, *А. Бэнъ*, *Тренделенбургъ* и *Рождественскій*. *Локкъ*, *Зивартъ*, *Лотце*, *Ибервейгъ*, *М. Троицкій* и *Н. Ланге* нѣсколько измѣнили самое опредѣленіе сужденія; но суть его осталась та же. Ко взглядамъ Локка примыкаютъ съ незначительными измѣненіями: *Геттесонъ*, а у насъ, въ Россіи — *Лодій*, *Новицкій*, *Карповъ*, *Гошкевичъ*, *Свѣтилинъ* и другіе. Иного взгляда придерживается *Кантъ* и его послѣдователи, въ томъ числѣ и *Гамильтонъ*, которые разсматриваютъ сужденіе какъ апіорную дѣятельность разсудка безъ отношенія къ реальной дѣйствительности (т. е. трансцендентнаго міра). Совершенно неудачныя опредѣленія даютъ: *Мичневичъ*, *Владиславлевъ* и *Г. Струве*. (См. приложение „Къ теоріи сужденія.“)

13) Обычное сознаніе, а равно и фізіологи, разсуждающіе и пишущіе по воирсамъ психологіи, обыкновенно не различаютъ ощущеній отъ воспріятій. Но воспріятія въ психическомъ развитіи представляютъ собою уже вторичныя, и притомъ весьма сложныя, образованія, въ которыхъ участвуетъ и прошлый опытъ воспринимающаго, а равно и прирочденныя способности (опытъ предковъ). Весьма убѣдительно доказалъ участіе индивидуальнаго опыта въ воспріятіяхъ Сѣлли въ своемъ знаменитомъ сочиненіи объ иллюзіяхъ. (*Sully*, The Illusions, III. chap. Есть и нѣм. перев., изд. въ Лейпцигѣ 1884 г.) (Ср. также: *И. С. Проданъ*, О памяти, 2-ое изд. I. ч. гл. VI. стр. 61—64, гл. XIV. стр. 179—183 и II. ч. гл. XII. стр. 366—368).

14) Извѣстный психологъ проф. *Т. Липпсъ* такъ формулируетъ это разграниченіе съ точки зрѣнія чисто фѣноменической: «Первоначально „психическое“ составляютъ акты сознанія, какъ такыя, поскольку они непосредственно переживаются, какъ „мои“, какъ принадлежащія мнѣ. Этому первоначально „психическому“ противопоставлено первоначально „физическое“. Послѣднее дано въ тѣхъ актахъ познанія, которые мнѣ непосредственно представляются объективно дѣйствительными, т. е. обусловленными мною относительно

ихъ индивидуальнаго бытія (Dasein) и ихъ качествъ, какъ независимые отъ меня, какъ существующіе „безъ меня“, однимъ словомъ, какъ „Не—Я“.« Таково обоснованіе дѣленія дѣйствительности на субъективную и объективную, на внутренній и внѣшній опытъ, сдѣланное Липпсомъ. (Th. Lipps, *Psychische Vorgänge u. psych. Causalität*. Zeitschr. f. Psychol. Bd. 25. 1901. S. 161—224).

15) Требованіе познанія трансцендентнаго міра, т. е. „вещей въ себѣ“, или субстанцій, въ видѣ отождествленія ихъ съ познавательными актами сознанія есть „*contradictio in adjecto*“. Всякій гносеологическій монизмъ (будь то чистый идеализмъ Беркли, Фихте или Гегеля, будь то матеріализмъ въ любой его формѣ, а равно и „трансцендентальный идеализмъ“ Канта) основаны на недораазумѣніи — на неправильномъ употребленіи слова „познаніе“ и на неполномъ пониманіи развитія нашего мышленія и познавательныхъ процессовъ. Объ этомъ я подробнѣе разсуждалъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. (См.: 1) „О памяти“, I ч. 2-ое изданіе, Юрьевъ 1904, стр. 155 примѣч. 3, стр. 166 примѣч. 1, и въ особенности стр. 203 примѣч. 2, 2) — мой истор. очеркъ „Психологія внутренняго опыта...“ Юрьевъ 1904 стр. 51—72).

16) Каждый человѣкъ, свободный отъ односторонней метафизики, инстинктивно считаетъ воспріятія за несомнѣнныя реальныя данныя чего-то существующаго независимо отъ него и другихъ познающихъ субъектовъ. Этимъ фактамъ въ практической жизни довѣряютъ больше, чѣмъ своимъ сочиненіямъ, даже и тѣ философы-идеалисты, которые отвергаютъ самостоятельное бытіе матеріальнаго міра. Это совершенно вѣрно отмѣтилъ еще Ридъ полтора вѣка тому назадъ въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи о человѣческомъ умѣ. (См.: Th. Reid, *Inquiry into the human mind*. chap. V. sect. 7. and 8., chap. VI. passim). Поэтому все наши познанія отвлеченныя мы повѣряемъ опытомъ или своимъ или чужимъ, при чемъ руководимся сознательно или бессознательно основными законами логики (законами тождества и противорѣчія, достаточнаго основанія и другими). Въ исключительныхъ случаяхъ (при галлюцинаціяхъ и иллюзіяхъ) мы повѣряемъ свои чисто субъективныя воспріятія или своимъ прежнимъ опытомъ или же опытомъ (воспріятіями) другихъ лицъ, которымъ мы вѣримъ. Такимъ образомъ при нормальныхъ условіяхъ мышленія за критерій истины можно принять формулу, данную еще Аристотелемъ, а именно, что истинное познаніе состоитъ въ соотвѣтствіи нашего мышленія вещамъ. Но подъ вещами нужно разумѣть совокупность нашихъ воспріятій (или ихъ возможность) какъ символовъ „вещей въ себѣ.“

17) Этимъ я нисколько не утверждаю тождественности бытія (дѣйствительности) съ познаніемъ, подобно Беркли, который утверждаетъ, что *esse = percipi*. Можетъ существовать дѣйствительность, и не познанная. Но если мы о таковой говоримъ или мыслимъ,

то мы подразумѣваемъ, что предполагаемая дѣйствительность можетъ обнаружиться какимъ-нибудь способомъ, доступнымъ или нашему познанію или же познанію другого мыслящаго существа. И эту возможную дѣйствительность мы всегда выражаемъ элементами нашего сознанія. Бытіе, которое ни въ чемъ, никогда, нигдѣ, ничѣмъ не обнаруживается и не можетъ обнаружиться, есть пустое слово безъ смысла. Ср.: 1) Lotze, Grundzüge der Metaphysik, §§ 11—13. 2) Лопатинъ, Полож. задачи философіи, ч. II. стр. 224—236).

18) Ср.: a) Th. Lipps, Psychische Vorgänge u. psych. Causalität, Zeitschr. f. Ps. 1901 Bd. 2. S. 171. „Causaler Zusammenhang... ist zugleich Gesetzmässigkeit des realen Daseins und Geschehens... wir mögen es vorstellen oder nicht.“

b) Лопатинъ, loco cit.

19) Если наше познаніе внѣшняго міра проникаетъ въ даль звѣздныхъ міровъ: то это возможно 1) потому, что все безпредѣльное междузвѣздное пространство наполнено передаточными монадами (эѳиромъ), которыя по очереди передаютъ другъ другу дѣйствія, возбужденныя въ нихъ самодѣтельными монадами. 2) Эту передачу черезъ промежуточныя монады возможно воспринять и съ далекаго разстоянія какъ влѣдствіе физической организаціи нашего зрѣнія, такъ и влѣдствіе нашей душевной организаціи: и та и другая приспособлены въ длинномъ ряду поколѣній, къ воспріятію малѣйшихъ перемѣнъ (колебаній) передаточныхъ монадъ.

20) Лейбницъ полагаетъ, будто каждая монада чѣмъ-нибудь отличается отъ каждой другой, будто двухъ тожественныхъ монадъ не можетъ быть (Лейбницъ, Monadologia 1714 года, рус. пер. въ Трудахъ Моск. Психол. Общества, вып. IV. М. 1890, стр. 340, тезисъ 9). То же мнѣніе раздѣляютъ и Рэнувье и Пра (Renouvier et Prat, Nouv. Monadologie, Paris 1899, pag. 3, thèse V). Такое мнѣніе противорѣчитъ несложности самой монады, которая „не имѣетъ частей“; сверхъ того, оно дѣлаетъ непонятнымъ однообразіе какъ въ мірѣ реальномъ, такъ и въ познающихъ его мыслящихъ субъектахъ. Сама познаваемость реальнаго міра и возможность одной истины для всѣхъ познающихъ существъ при такомъ предположеніи становятся сомнительными. Какимъ образомъ при полномъ различіи элементовъ дѣйствительности — монадъ, образующихъ весь міръ, объяснить тожество силъ въ разныхъ атомахъ и молекулахъ, однородность въ мірѣ силы тяготѣнія, электричества, свѣта, магнетизма? Какъ объяснить тогда передачу нѣкоторыхъ силъ черезъ огромныя междузвѣздныя пространства? Какъ объяснить тогда тожество истины у всѣхъ мыслящихъ людей и постулатъ всякой неполной индукціи?

Предположеніе Лейбница отчасти оправдывается тѣмъ, что онъ каждую монаду считаетъ субстратомъ всѣхъ возможныхъ психиче-

скихъ актовъ, цѣлымъ микрокосмомъ, отражающимъ всю вселенную. На самомъ дѣлѣ такое мнѣніе только запутываетъ объясненіе психической дѣятельности. Заключая въ одну монаду дециліоны психическихъ элементовъ, (притомъ и отражающіе внѣшнюю дѣйствительность) мы можемъ объяснять все чѣмъ угодно, а въ сущности ничего: тогда совершенно необъяснимы и забвеніе, и воспроизведеніе, и законы ассоціацій, и сознаніе, и вниманіе; однимъ словомъ, вся психическая дѣятельность представляется чѣмъ-то случайнымъ.

21) Пространственныя отношенія, по моему, имѣютъ свой коррелятъ въ трансценд. мірѣ, но только въ предѣлахъ взаимодѣйствія монадъ. Въ этихъ предѣлахъ оно не реально. Пустое пространство безъ границъ есть только абстракція ума, и не всякій человѣкъ способенъ дойти до нея.

22) Я не раздѣляю мнѣнія Лейбница, будто монада не можетъ претерпѣвать отъ другой („монады не имѣютъ окошекъ“) и будто взаимодѣйствіе между духомъ и тѣломъ только кажущееся: будто явленія духа и тѣла идутъ параллельно всилу предустановленной между ними гармоніи. Такое воззрѣніе не мирится ни съ данными физики, ни съ данными психофизики и психологіи. Дѣяніе и претерпѣваніе, причина и дѣйствіе — понятія соотносительныя, входящія въ понятіе причинности. Если мы возьмемъ рядъ билліардныхъ шаровъ *ABC*, изъ коихъ шаръ *A*, получившій ударъ, толкаетъ шаръ *B*, а этотъ толкаетъ шаръ *C*: то *B* по отношенію къ *A* будетъ претерпѣвающимъ тѣломъ, а по отношенію *C* — дѣйствующимъ. Разъ мы признаемъ всеобщность закона причинности, то тѣмъ самымъ мы должны признать какъ претерпѣваніе, такъ и дѣйствіе и взаимодѣйствіе. Шаръ *B* не только дѣйствуетъ на *C*, но въ то же время и на *A*, останавливая его движеніе: его живую силу онъ самъ получаетъ и затѣмъ передаетъ шару *C*. Въ такомъ родѣ можно себѣ представить взаимодѣйствіе монадъ.

23) Даже непроницаемость и упругость тѣлъ есть наше субъективное истолкованіе нашихъ мускульныхъ и осязательныхъ ощущеній, испытываемыхъ нами тогда, когда наше тѣло сталкивается съ другими видимыми тѣлами. Такъ какъ при этихъ условіяхъ всегда испытывается то же ощущеніе, независимо отъ нашей воли: то мы заключаемъ, что этимъ ощущеніямъ соотвѣтствуютъ внѣшнія причины, внѣшніе дѣятели, которые противодѣйствуютъ движеніямъ нашего тѣла, которые препятствуютъ проникновенію нашего тѣла въ другое твердое (или жидкое) тѣло. Вотъ эту-то дѣятельность физическихъ монадъ (свойства тѣлъ) мы и называемъ протяженностью, плотностью, непроницаемостью; ее физики переносятъ и на тѣла газообразныя, считая ее основнымъ свойствомъ всѣхъ физическихъ тѣлъ. (Ср. Lewes, Problems of life and mind. v. II. ch. III. русс. перев. СПб. 1876, стр. 252—280).

24) И въ дальнѣйшемъ, если будетъ рѣчь о дѣятельности и о свойствахъ монадъ; то подъ ними нужно разумѣть только символы нашего мышления, которые совсѣмъ непохожи на соотвѣтствующіе имъ реальные коррелаты въ „трансцендентномъ“ мірѣ, т. е. въ монадахъ. Какъ отдѣльные элементы клинеписи — клинья непохожи ни на звуковые элементы, ими обозначаемые, и еще менѣе на представленія, связанныя съ этими звуками и ихъ сочетаніями: такъ и наши понятія о монадахъ непохожи на соотвѣтственныя имъ реальности, и еще менѣе похожи на ихъ сочетанія. Наше знаніе не можетъ выйти изъ круга элементовъ нашего сознанія — иного знанія быть не можетъ; но наше знаніе должно стремиться къ соотвѣтствію нашихъ символовъ мышления дѣйствующимъ на нашъ познающій духъ реальностямъ, т. е. монадамъ. Въ этомъ соотвѣтствіи только и можетъ состоять истина! (Ср. тезисы 8, 9 и 10 и примѣч. 15, 16 и 17).

25) Это мое положеніе навѣрно встрѣтитъ возраженія: дѣло въ томъ, что въ чистомъ видѣ это свойство монадъ — прерывной періодической дѣятельности — трудно уловить, такъ какъ мы вездѣ имѣемъ дѣло съ очень сложными явленіями. Но и въ физикѣ ни одинъ изъ такъ называемыхъ „законовъ“ въ чистомъ видѣ и безъ исключеній не былъ наблюдаемъ. Даже законъ сохраненія массы и энергіи встрѣтилъ серіозныя затрудненія въ явленіяхъ радіактивности. Тѣмъ не менѣе „законы“ физики часто распространяютъ на всю вселенную и на всѣ времена. (Ср. О. Д. Хвольсонъ, . . . законы физики, Вѣстн. и Библ. Самообр. 1905, №№ 14—17).

Періодическая дѣятельность душевныхъ монадъ и ихъ агрегатовъ будетъ доказана въ дальнѣйшемъ. Относительно монадъ, образующихъ матерію, я могу привести нѣсколько явленій, которыя объясняются моимъ предположеніемъ, но не объясняются законами физики: теорія твердыхъ и жидкихъ тѣлъ въ физикѣ еще не разработана. Возьмемъ 1-ый примѣръ. Если изъ какого-нибудь мягкаго тѣла (напр. свинца) сформировать довольно длинный цилиндръ и этотъ цилиндръ подпереть въ серединѣ, такъ чтобы онъ занималъ горизонтальное положеніе: то черезъ нѣсколько дней его концы отвиснутъ — вмѣсто прямой линіи, нижняя и параллельная съ ней верхняя сторона цилиндра обратятся въ кривыя линіи. По моему, это явленіе объясняется тѣмъ, что сцѣпленіе частицъ въ данномъ тѣлѣ то сильнѣе, то слабѣе: поэтому въ періоды убыли сцѣпленія притяженіе земли беретъ перевѣсъ надъ силой сцѣпленія и постепенно одолеваетъ ее. То же наблюдается и на очень твердыхъ тѣлахъ: и желѣзные стержни и полосы, если они достаточно длинны, не въ состояніи при подпорѣ ихъ въ одной точкѣ или же на обоихъ концахъ сохранять горизонтальное положеніе. Затѣмъ, извѣстенъ фактъ, что и самая упругія стальныя пружины подъ вліяніемъ тяжести со временемъ теряютъ свою упругость, т. е. и въ нихъ сила тяготѣнія преодолѣваетъ силу сцѣпленія. Если бы сцѣпленіе дѣйствовало непрерывно, то отношеніе его къ тяготѣнію оставалось бы неизмѣненнымъ, и не могли бы получиться

указанныя выше дѣйствія, совершающіяся постепенно. Поэтому желѣзные мосты съ теченіемъ времени теряютъ свою упругость и не способны переносить ту же тяжесть, которую они переносили вначалѣ. Вслѣдствіе этого въ концѣ концовъ каждый желѣзный мостъ долженъ обрушиться. Объясненіе этого факта сотрясеніемъ, отъ котораго сдѣявленіе между частицами ослабляется, не основательно: оно указываетъ на одну изъ возможныхъ причинъ, но не на существенную. Вѣдь, и безъ сотрясенія горизонтальныя полосы изгибаются вслѣдствіе одного тяготѣнія къ центру земли.

26) Этимъ дѣленіемъ монадъ, я отнюдь не утверждаю, что монады физическія совершенно различны отъ духовныхъ. Я допускаю, что и физическія монады имѣютъ свои внутреннія состоянія и перемѣны, аналогичныя духовнымъ монадамъ, какъ это полагаютъ Лейбницъ и его послѣдователи; но для объясненія физическихъ явленій неодушевленной матеріи не представляется надобности прибѣгать къ этому предположенію. Моя „физическая“ монада ближе всего подходитъ къ новѣйшему въ физикѣ понятію „электрона“; понятіе „іона“ уже представляетъ собою агрегатъ физическихъ монадъ; но и электронъ все же отличается существенно отъ моей монады: электронъ имѣетъ массу, протяженность, поверхность и тому подобныя матеріальныя качества, чего я не могу приписать безусловно простому элементу бытія, каковымъ должна быть моя монада. (Ср.: Dr. Joh. Stark, *Elektricität in Gasen*, pag. 23—35). Моя „духовная“ монада близка къ понятію „Vermögen“ у Бэнэке и къ понятію „Seelenkraft“ у I. Рейнке; мое понятіе „формирующей“ монады почти покрывается понятіемъ „Dominante“ у Рейнке. На различія будетъ указано въ дальнѣйшемъ (Ср. J. Reipke, *Philosophie der Botanik*, Leipzig 1905. Kap. 4).

27) Цвѣтъ физическихъ тѣлъ обнаруживается при дѣйствіи источника свѣта: въ виду неизсякаемости солнечнаго свѣта цвѣтъ кажется чѣмъ-то постояннымъ — неизмѣннымъ свойствомъ тѣла. Другія качества тѣла, каковы — упругость, плотность (сдѣявленіе), вѣсъ, теплота, электричество — обнаруживаются при нарушеніяхъ равновѣсія тѣла или матеріальныхъ его частицъ, т. е. молекулъ, или же передаточныхъ монадъ (эѳира). Поэтому, видимая дѣятельность монадъ въ этихъ случаяхъ обнаруживается извѣстное ограниченное время, — пока не наступитъ видимое равновѣсіе. На самомъ дѣлѣ и послѣ наступленія такового видимаго покоя (равновѣсія) дѣятельность монадъ не прекращается: твердое тѣло не перестаетъ давить на свое основаніе или подпорку; сдѣялемыя молекулы удерживаютъ другъ друга въ извѣстномъ разстояніи; тѣло охладившееся все же сохраняетъ свою теплоту въ размѣрѣ окружающей среды; наконецъ, нейтрализованное количество положительнаго электричества не исчезаетъ, а только связывается соотвѣтственнымъ количествомъ отрицательнаго. (Ср.: Dr. Joh. Stark, *Elektricität in Gasen*. L. 1902, II. Kap. 2, S. 25.)

28) Движеніе матеріальной частицы, которое оставалось бы вѣчно неизмѣннымъ, на землѣ не бываетъ; движенія небесныхъ свѣтилъ тоже постоянно испытываютъ измѣненія; но мы не всѣ эти измѣненія могли замѣтить при несовершенствѣ нашихъ орудій и при неточности нашихъ наблюденій. Относительно нѣкоторыхъ кометъ уже замѣчались замедленія въ движеніи, которыя приписываютъ препятствію ээира. Если это вѣрно и относительно планетъ, то со временемъ всѣ онѣ должны приближаться и наконецъ должны упасть на свое солнце.

29) Что обыкновенно называютъ ощущеніемъ или воспріятіемъ, считая таковое элементомъ сознанія, на самомъ дѣлѣ представляетъ собою сложный психическій агрегатъ, въ который иногда могутъ входить билліоны до квинтиліоновъ психическихъ элементовъ. По моей теоріи, въ такомъ сложномъ агрегатѣ принимаютъ дѣятельное участіе по меньшей мѣрѣ столько же и духовныхъ монадъ: каждому неразложимому психическому элементу соотвѣтствуетъ по меньшей мѣрѣ одна духовная монада. (См.: И. С. Проданъ, О памяти. 2-ое изд. 1. ч. Юрьевъ 1905, гл. VI. стр. 61—70 и гл. XIV. стр. 175—178).

Такимъ образомъ мое понятіе монады существенно отличается отъ монады Лейбница, Гербарта, Лотце, Рэнувье-Пра, и еще больше отъ монады Н. Бугаева. *Лейбницъ* считаетъ монаду „простой субстанціей“, „элементомъ вещей“, „истиннымъ безтѣлеснымъ атомомъ природы“: въ этомъ мое опредѣленіе монады сходится съ опредѣленіемъ Лейбница; но Лейбницъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаетъ въ каждой монадѣ „множественность состояній и отношеній“, хотя она „частей не имѣетъ“. Эта множественность состояній монады, по Лейбницу, состоитъ „въ воспріятіяхъ и ихъ измѣненіяхъ . . . болѣе или менѣе отчетливыхъ“, т. е. сознательныхъ или бессознательныхъ (См. Лейбницъ, Монадологія 1714 года, цитир. изд. тезисъ 1—21). Этого взгляда Лейбница въ общемъ придерживаются и Лотце и Рэнувье-Пра. Гербартъ не всѣ монады считаетъ таковыми; сверхъ того, онъ признаетъ существованіе между ними взаимодействій (Ср. выше — примѣч. 2 и 3). *Н. В. Бугаевъ* опредѣляетъ монаду иначе. Онъ ее даже не называетъ субстанціей. Монада, по Бугаеву, есть „живая единица, живой элементъ, самостоятельный и самодѣятельный индивидуумъ“. Подъ этимъ терминомъ онъ разумѣетъ не только атомы ээира и атомы матеріальные (химическіе), но и молекулы, клѣтки, живые организмы, человѣка, сообщества людей, народы, государства, все человечество и наконецъ всю вселенную. Подъ терминомъ „живой“ Н. Бугаевъ понимаетъ присущее монадамъ „потенціальное психическое содержаніе“ (См.: Н. В. Бугаевъ, Основныя начала эволюціонной монадологіи. Вопр. филос. 1893, кн. 2 (17) стр. 27 тезисъ 1 и 2, стр. 30. тезисъ 16 и стр. 41. тезисъ 148). *Рэнувье-Пра*, подобно Лейбницу, представляютъ себѣ каждую монаду, 1) какъ одаренную самосознаніемъ, 2) — способной ко внѣшнимъ воспріятіямъ, 3) — способной проявлять акты воли. (См. Renouvier et Prat, op. cit. thèse VIII—X.).

Моя монада, въ виду ея безусловной реальной простоты, тождественности и неизмѣнности ея существа, не можетъ имѣть и много логическихъ признаковъ. 1) Относительно ея „несложности“ должно замѣтить, что это есть понятие относительное въ противоположность множеству: это — чисто субъективное воззрѣніе познающаго субъекта, и какъ таковое не имѣетъ самостоятельнаго коррелата въ реальномъ мірѣ. 2) Относительно „реальности“ монады, т. е. самостоятельнаго ея бытія, независимаго отъ познанія (бытія, которое можетъ остаться и непознаннымъ) должно замѣтить, что реальность — самое общее свойство всего сущаго, и поэтому не можетъ подлежать логическому опредѣленію по своему содержанию. Она подразумѣвается въ каждомъ ощущеніи и воспріятіи, въ каждомъ актѣ познанія, который мы считаемъ непосредственнымъ отраженіемъ чего-то существующаго внѣ и независимо отъ познающаго субъекта. Поэтому реальность монады я не считаю особымъ реальнымъ признакомъ, отдѣлимымъ отъ качества каждой отдѣльной монады, а только логическимъ отвлеченіемъ, которое внѣ познающаго субъекта не существуетъ въ реальномъ мірѣ, какъ нѣчто отдѣльное отъ формы бытія. Эта реальность обнаруживается только въ дѣятельности монады — внутренней или выходящей наружу, переходящей на другія монады. (Сравнить тезисы: 7—10, 15, 23 и примѣчанія 16—18 и 22).

30) Въ новѣйшее время болѣе выдающіеся фізіологи и биологи, каковы: Кл. Бернаръ, Г. фонъ-Бунге, І. Рейнке, Густавъ Вольфъ, Дришъ, примыкая ко взглядамъ Спенсера, возстали противъ господствовавшаго до послѣдняго времени школьнаго догматизма, слѣдовавшаго механистическому направленію въ объясненіи жизни. Всѣ эти ученые придерживаются телеологическаго направленія, признающаго въ жизни организмовъ особыхъ дѣятелей. Къ этому направленію примыкаетъ и нашъ проф. В. А. Фаусекъ, говоря: „Господствующая школьная біологія или замазываетъ, затушевываетъ, замалчиваетъ фактъ существованія въ жизненномъ процессѣ явленій, не аналогичныхъ явленіямъ неорганическаго міра, или прямо его отрицаетъ. Я думаю, говоритъ проф. В. А. Фаусекъ, что эта неаналогичность живой природы съ неживой существуетъ, и мы должны это признать. Мы можемъ отказатьсь предварительно отъ всякаго объясненія, не предлагать никакой новой тсоріи, никакой новой причины — но не должны отрицать извѣстныхъ вещей только оттого, что никакъ не можемъ ихъ объяснить, и удовлетворяться мнимыми объясненіями. Жизненные явленія, продолжаетъ проф. Фаусекъ, характеризуются не тѣмъ, что это — «чрезвычайно сложныя химико-фізическія явленія», которымъ мы не можемъ пока дать механическаго объясненія въ силу ихъ сложности, но тѣмъ, что это — специфическія явленія, заключающія въ себѣ при своей физико-химической основѣ нѣчто такое, чего нѣтъ въ физико-химическихъ явленіяхъ мертвой природы, чего мы тамъ никакъ не можемъ найти“. (В. А. Фаусекъ, Сборникъ статей „Сущность жизни“ стр. VII. СПб. 1903).

Бунге относительно механическаго воззрѣнія на жизнь говорить слѣдующее: „Чѣмъ подробнѣе, многостороннѣе, основательнѣе мы стремимся изслѣдовать жизненныя явленія: тѣмъ болѣе мы приходимъ къ убѣжденію, что процессы, въ возможность объясненія которыхъ съ физич. и химич. точки зрѣнія мы уже были увѣрены, являются по природѣ своей гораздо болѣе запутанными и не допускаютъ пока никакого механическаго объясненія. Мы думали, напримѣръ, что явленія поглощенія, всасыванія пищи въ кишечникъ можно свести къ законамъ диффузіи и эндосмоса. Но теперь мы знаемъ, что отношеніе стѣнокъ кишечника во время всасыванія иное, чѣмъ у мертвыхъ оболочекъ. Мы знаемъ, что стѣнка кишечника одѣта эпителиальными клѣтками и что каждая клѣтка сама по себѣ есть организмъ, живое существо съ функціями, въ высшей степени сложными. Мы знаемъ, что путемъ активныхъ сокращеній своего пласматическаго тѣла эта клѣтка принимаетъ пищу точно такимъ же загадочнымъ образомъ, какой мы наблюдаемъ у свободной живущихъ одноклѣточныхъ животныхъ — амевъ, корненожекъ . . . Теперь мы знаемъ, что выборъ при принятіи пищи — годное принимать, а негодное или вредное отбрасывать — свойственъ всѣмъ одноклѣточнымъ организмамъ.“ (G. von Bunge, Lehrbuch der Physiologie des Menschen 1901, I Kap.).

По тому же вопросу *Рейнке* говорить слѣдующее: „Изслѣдователь неизбѣжно натывается на нѣкоторый иксъ (X), на факторъ, который какъ бы глумится надъ всѣми попытками объяснить жизнь физическими и химическими процессами. И этотъ иксъ, по словамъ Рейнке, . . . вмѣшивается повсюду, во всѣ процессы питанія; онъ представляется такимъ существеннымъ факторомъ всего механизма жизни, что однѣхъ химическихъ и физическихъ силъ оказывается недостаточно даже для того, чтобы поддерживать жизнь въ самомъ несовершенномъ организмѣ . . . Мы принуждены признать въ физиологіи самостоятельную науку, методы изслѣдованія которой далеко не исчерпываются одной физикой и химіей.“ (J. Reipke, Die Welt als That. III. Kap.). „Жизнь, по словамъ Рейнке, не приурочена къ какому-нибудь единообразному веществу, и потому не можетъ быть разсматриваема какъ химическое свойство какого-либо соединенія.“ (Ibid.)

И другіе биологи, чувствуя недостаточность однѣхъ извѣстныхъ намъ физическихъ и химическихъ силъ, прибѣгаютъ къ гипотезамъ особыхъ дѣятелей подъ разными названіями, каковы: геммулы, пангены или біофоры, которыхъ будто нельзя видѣть подъ микроскопомъ потому, что они по размѣру меньше того, что можно видѣть подъ микроскопомъ; но и такихъ они представляютъ себѣ матеріальными, составленными изъ извѣстной намъ матеріи. Подобныя гипотезы, по справедливому замѣчанію Рейнке, нисколько не устраняютъ затрудненій: и эти мельчайшія частицы матеріи, въ свою очередь, должны быть управляемы чѣмъ-то специфическимъ, отличнымъ отъ обычной мертвой матеріи, т. е. „доминантами.“ (Reipke, Philos. d. Botanik 1905, 4. Kap. S. 53—55).

Одинъ изъ старыхъ зоологовъ, А. Вейсманъ, хотя и всю жизнь былъ сторонникомъ универсальности теоріи отбора Дарвина и Уэллеса, объясняя ея всю цѣлесообразность въ развитіи видовъ (филогенезъ) а равно и развитіе особи (онтогенезъ), однако въ послѣднемъ своемъ капитальномъ сочиненіи онъ по поводу теоріи зародышевой пласмы все же дѣлаетъ уступку телеологическому объясненію, согласно съ Рейнке. А именно, по этому поводу онъ говоритъ слѣдующее: „Въ зародышевой пласмѣ должно находиться нѣчто, перемѣна чего [вѣрнѣе — дѣятельность чего] измѣняетъ опредѣленную частицу опредѣленнаго отдѣла [эмбриона]. Это нѣчто — „предрасположенія“ („Anlagen“), т. е. детерминанты [то же, что Рейнке называетъ „доминантами“ съ тѣмъ различіемъ, что Рейнке ихъ не считаетъ матеріальными]. Ихъ не должно представлять себѣ ни въ видѣ миниатюрныхъ образовъ, говоритъ Вейсманъ, ни прямо въ видѣ сѣменныхъ тѣлецъ опредѣленной части, но онѣ измѣняютъ клѣточку, въ которой онѣ начинаютъ дѣйствовать . . . И я себѣ представляю развитіе непрерывнымъ, продолжаетъ Вейсманъ, но такъ, что изнутри, отъ зародыша субстанціи исходятъ постоянно новыя отклоняющія и опредѣляющія вліянія“ (A. Weismann, Vorträge über Descendenztheorie, Jena 1902, I. Bd. S. 438. Сравнить также Vorwort S. VI u. VII.). Двумя страницами дальше Вейсманъ продолжаетъ: „Такимъ образомъ мы получаемъ со всѣхъ сторонъ указанія, что зародышевая пласма обязана своей чудесной силой развитія не только ея физико-химическимъ качествамъ въ ихъ совокупности . . . но тому обстоятельству, что она состоитъ изъ множества, и притомъ разнообразныхъ, предрасположеній“, т. е. изъ группъ живыхъ единицъ. Таковыя снабжены жизненными силами, способными принимать активное участіе свойственнымъ имъ особеннымъ образомъ; но онѣ способны оставаться и пассивными, въ скрытомъ состояніи, пока на нихъ не подѣйствуетъ разряжающее возбужденіе, вслѣдствіе чего онѣ получаютъ способность преемственно вліять на развитіе. Зародышевая клѣтка не можетъ быть простымъ организмомъ: она, по необходимости, представляетъ собою построение весьма различныхъ организмовъ или единицъ — цѣлый микрокосмъ“ (Ibid. pag. 440). Этотъ выводъ, согласный съ телеологическими объясненіями Рейнке, Вейсманъ сдѣлалъ на основаніи изслѣдованій Ровалевскаго и van Rees'a. А именно, эти ученые доказали, что въ кружкѣ мухъ (Muscidae) изъ распавшагося кишечника личинки остаются на значительномъ разстояніи жизнеспособныя клѣтки, которыя растутъ и размножаются и такимъ образомъ формируютъ клѣточные острова. Эти острова постепенно увеличиваются, пока не встрѣтятся съ сосѣдними, чтобы съ ними соединиться и образовать новый связанный кишечникъ для будущаго совершеннаго насѣкомаго (Imagodarm). Этотъ новый кишечникъ совершенно различенъ по формѣ и раздѣленію отъ кишечника личинки. Это новообразование и Вейсманъ объясняетъ тѣмъ, что въ уцѣлѣвшихъ отъ прежняго кишечника клѣткахъ „должны заключаться элементы, которые опредѣляютъ потомство клѣтокъ по числу, способности раз-

множенія, по размѣщенію и гистологической дифференцировкѣ, — другими словами, въ каждой изъ уцѣлѣвшихъ клѣтокъ, говоритъ Вейсманъ, должны заключаться дерминанты для опредѣленной отмежеванной части будущаго кишечника насѣкомаго“ (Ibid. pag. 435). Эти соображенія, принятые Вейсманомъ, безспорно, убѣдительно, такъ какъ подобнаго планомѣрнаго процесса никакъ не объяснишь слѣпыми материальными силами — ни физическими, ни химическими, ни законами физики и химіи, ни даже естественнымъ отборомъ: послѣдній можетъ объяснить только гибель неприспособленныхъ организмовъ, но не прогрессирующее развитіе, а еще менѣе метаморфозу личинки — превращеніе одного животнаго, живущаго въ водѣ, въ другое, живущее въ воздухѣ — въ насѣкомое.

Но своимъ объясненіемъ Вейсманъ не удовлетворяется. Дѣло въ томъ, что онъ эти „детерминанты“ не считаетъ элементарными силами, а составленными изъ „біофоровъ“ материальными и соединеніями; біофоры же въ свою очередь, по его мнѣнію, могутъ образоваться изъ зародышевой пласмы; а эта уже можетъ быть вѣчной, передаваясь изъ поколѣнія къ поколѣнію (Ib. 449). Но при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ и эта зародышевая пласма можетъ погибнуть, т. е. она можетъ разложиться на еще болѣе простые элементы. Спрашивается, на какіе? На молекулы или на атомы? Тогда, очевидно, вся жизнь сводится къ матеріи физиковъ, къ матеріи мертвой, изъ которой возникло нѣчто совершенно новое и различное — жизнь. Въ такомъ случаѣ спрашивается, къ чему же нужно было нагромождать столько новыхъ гипотезъ, чтобы поддержать одну? Не проще ли было бы тогда возвратиться къ матеріализму древнихъ іонійцевъ или же къ новѣйшему матеріализму современныхъ естествоиспытателей? А по моему, естественнѣе признать особыхъ нематериальныхъ дѣятелей (духовныя монады), которыя при благоприятныхъ условіяхъ формируютъ клѣтки въ извѣстномъ направленіи и которыя въ свою очередь подчинены одной монадѣ, управляющей всѣми духовными, а черезъ нихъ и всѣми материальными монадами. Въ этихъ условіяхъ эти духовныя монады не обнаруживаютъ своей дѣятельности, превращаясь въ потенціи; но погибать имъ не за чѣмъ, въ особенности, если онѣ должны быть первоосновами бытія. Послѣднее обстоятельство и Рейнке упустилъ изъ виду, такъ какъ онъ полагаетъ, что его „доминанты“ погибаютъ съ прекращеніемъ жизни организма.

Свою гипотезу относительно зародышевой пласмы Вейсманъ подкрѣпляетъ цѣлымъ десяткомъ именъ почтенныхъ изслѣдователей послѣдняго десятилѣтія, а именно: W. Roux, O. Hertwig, Chup, Driesch, Barfurth, Morgan, Conklin, Wilson, Crampton, Fischel (445). Однако, въ другомъ мѣстѣ Вейсманъ, желая поправить Рейнке, отождествляетъ свои „детерминанты“, съ „констелляціями энергій“, какъ выражался Фехнеръ, съ соединеніями материальныхъ частицъ (Zusammenordnungen von Stoffen) и присущими имъ энергіями (441). Все это не совсѣмъ вяжется съ тѣмъ, что было сказано выше относительно детерминантъ. Если однѣхъ физическихъ и химическихъ силъ и законовъ недостаточно для того, чтобы объяснить дѣятель-

ность зародышевой плазмы, то спрашивается, кѣмъ же или чѣмъ произведены въ зародышевой плазмѣ эти „конstellации“, дѣйствующія планомѣрно и разумно и размножающіяся до безконечности? Ужели мертвые атомы, входящія въ эти соединенія, создали то, чего у нихъ самихъ раньше не было, — цѣлесообразную, разумную дѣятельность строителя — жизнь?

31) Относительно зависимости развитія организма (роста и размноженія клѣтокъ) отъ особыхъ дѣятелей *Рейнке* говоритъ слѣдующее: „Для поддержанія роста однѣхъ химическихъ силъ оказывается мало. Только подъ влiянiемъ особыхъ импульсовъ (по моему, духовныхъ монадъ) вещества могутъ комбинироваться такъ, что изъ нихъ создается протопlasма, клѣточная ядра, внутренне и внѣшнiе органы . . . Зародышъ растений и животныхъ доводится до опредѣленной величины и формы взрослого организма благодаря дѣятельности нѣкоего невидимого строителя“ (*Die Welt . . . Cap. V.*) „Внѣшнiя силы никогда не превратили бы яйцеклѣтки въ готовое растение безъ направляющаго дѣйствiя импульса“ (по моему, духовной монады.) „Одинъ первый импульсъ (правильнѣе, наличность „строителя“ или по моему, духовной монады) призвавъ къ жизни эволюционную дѣятельность организма, создаетъ рядъ такихъ структуръ, которыя слѣдуютъ одна за другой, какъ бы по строго предначертанному плану строенiя.“ (*ibid.*)

Еще болѣе убѣдительные факты иротивъ механическаго объясненiя жизненныхъ процессовъ представляютъ факты размноженiя п наследственности, берущiе начало отъ одной или двухъ клѣтокъ. Такъ, напримѣръ, общеизвѣстенъ фактъ, что при посредствѣ одного сперматозоида (малой микроскопической клѣточки, коихъ 500 миллионовъ вмѣщаются въ одну кубическую линiю) унаследуются отъ отца сыномъ всѣ тѣлесныя и духовныя способности; эти особенности опять черезъ малую клѣточку, даже минуя сына, передаются внуку (*Ср. G. von Bunge, loco cit.*). Если при этомъ принять во вниманiе и психическiя способности отца, которыя состоятъ изъ децилионовъ психическихъ элементовъ: (См.: И. С. Проданъ, О памяти, 2-ое изд. 1. ч. стр. 61—70; и II ч. гл. XII стр. 364—367) то передача всего этого черезъ одну маленькую клѣточку съ точки зрѣнiя физико-химической представляется неразрѣшимой загадкой. „Физика, химiя и анатомiя, говоритъ *Бунге*, оставляютъ насъ здѣсь совершенно беспомощными.“ (*ibid.*) „Зародышевая клѣтка, говоритъ *Рейнке*, является носительницей особенностей даннаго вида изъ поколѣнiя въ поколѣнiе; въ строенiи своемъ она соединяетъ зачатокъ всѣхъ клѣтокъ и всего внѣшняго расположенiя взрослого организма“ „Въ зародышевую клѣтку должны были до ея отдѣленiя отъ материнской внѣдриться до извѣстной степени всѣ свойства каждой отдѣльной клѣтки и всего растенiя въ его совокупности . . . Такъ, напримѣръ, отводокъ ивы можно раздѣлить на множество кусочковъ, длиною въ нѣсколько миллиметровъ, и опытный экспериментаторъ сумѣетъ изъ cadaго такого кусочка вырастить новое ивовое дерево съ корнями, листьями, цвѣтами и

плодами. Такіе факты, говоритъ Рейнке, заставляютъ предполагать, что вообще въ каждой клѣткѣ даже высоко организованнаго растенія дремлютъ импульсы (духовныя монады) размноженія, которые только должны быть вызваны къ жизни (приведены въ дѣятельное состояніе) для того, чтобы дать начало новой особи.“ „Наслѣдственность, по мнѣнію Рейнке, состоитъ въ томъ, что всѣ свойства отца и матери концентрируются въ зародышевой клѣткѣ въ такой формѣ, которая не поддается изученію ни химическимъ ни микроскопическимъ путемъ. Здѣсь они дѣйствуютъ въ качествѣ импульса къ развитію (по моему, духовныхъ монадъ) на зародышъ и заставляютъ его развиваться въ особь того же самаго вида.“ „При наслѣдственности дѣйствуютъ силы (духовныя монады), придающія веществу видъ клѣтокъ, изъ которыхъ эти же силы путемъ различнаго ихъ расположенія создаютъ зданіе, какъ каменщикъ дѣлаетъ его изъ кирпичей.“ (Ibid. Cap. VII.) Въ заключительной XI. главѣ Рейнке эти „импульсы“, или „силы“ называетъ „доминантами“, соотвѣтственно „доминирующимъ монадамъ“ Лейбница и „силамъ второго порядка“ Лотце. (Ibid. XI. Sp.: J. Reipke, Philosophie der Botanik, L. 1905, Kap. 4).

32) Проф. В. М. Бехтеревъ не затрудняется признать „сознательную дѣятельность“ у простѣйшихъ одноклѣточныхъ животныхъ, каковы инфузоріи-охотники (*Didinium nasutum*) и корненожки (*Rhizopoda*) особенно *Actinophrys*, и даже у амебъ. Наконецъ, онъ такую признаетъ даже у низшихъ растительныхъ организмовъ, каковъ слизевой грибокъ *Aethalium* (См.: В. М. Бехтеревъ, О локализациі сознат. дѣятельности у животныхъ и человѣка, СПб. 1896, стр. 12—14). Такіе же примѣры сознательной дѣятельности описываетъ *Ценковскій*, которые онъ наблюдалъ у амебъ *Vampyrella Spirogyrae* и *Colpodella rugosa*. „Поведеніе этихъ монадъ, говоритъ *Ценковскій*, при отысканіи и принятіи пищи настолько замѣчательно, что кажется, будто предъ глазами имѣешь поступки одареннаго сознаниемъ существа“. (См. *L. Cienkowski*, Beiträge zur Kenntnis der Monaden, Archiv f. mikrosk. Anatomie 1865, I. Bd. S. 203). Вѣнскій профессоръ *Ф. Лукасъ* въ своемъ сочиненіи „Психологія самыхъ низшихъ животныхъ“ признаетъ съ одной стороны „невозможность съ полной увѣренностью отвѣтить на вопросъ, на какой ступени животнаго царства впервые появляется сознание“ съ другой же онъ видитъ „первый слѣдъ психической жизни только у гидрополиповъ, у которыхъ-де несомнѣнно доказана наличность нервной системы“ (*Dr. F. Lukas*, Psychologie der niedersten Tiere, Wien 1905, SS. 261, 5, 57, u. 71). У *Protozoa* Лукасъ движенія и добываніе пищи, согласно съ Ферворномъ, находитъ возможнымъ объяснять простой „раздражимостью“, механическими рефлексами, которые полезны организму (Ibid. pag. 46—57). Такое толкованіе основано 1) на теоріи психо-физическаго параллелизма и въ частности на клѣточной гипотезѣ, 2) на произвольномъ пониманіи термина „душа“, который и Лукасъ, согласно съ современными психологами-феноменистами, отождествляетъ съ сознаниемъ, и притомъ

очень развитымъ, какое мы знаемъ у человѣка. Сознательную психическую жизнь у протозоевъ отрицають весьма немногіе ученые — Перти, Ферворнъ, Флигель. Напротивъ, огромное большинство, по моему, весьма основательно приписываетъ имъ высоко развитую душевную жизнь. Таковы, кромѣ упомянутыхъ: Геккель, Мёбіусъ, Романсъ, Шнейдеръ, О. Шмидтъ, Шульце, Вундтъ, Эймеръ, Энгельманъ, Энтцъ (Ibid. pag. 45). Что же касается растительныхъ микроорганизмовъ, а равно и развитыхъ растений, то въ настоящее время биологи и философы не приписываютъ имъ душевныхъ свойствъ или силъ. Даже Рейнке, хотя онъ рѣшительно отстаиваетъ не случайную цѣлесообразность въ строеніи и отправленияхъ въ сѣхъ живыхъ организмовъ, однако въ послѣднемъ сочиненіи высказывается, что „у растений нельзя несомнѣнно доказать наличности „душевныхъ силъ“ (Reinke, Philos. d. Botanik, 1905, Kap. 4. S. 57).

II. Положенія психологическія.

28. Даже обиходному опыту достаточно извѣстно, что значительное большинство сознательныхъ актовъ повторяется, при чемъ нами сознается и тожество повтореннаго съ первичнымъ его оригиналомъ. Поэтому у всѣхъ людей существуетъ непосредственное убѣжденіе, что они обладаютъ памятью. Этого факта не можетъ отрицать даже самый закоренѣлый скептикъ и психологъ-фѣноменистъ. Фактъ памяти обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что отъ сознательныхъ актовъ или нѣчто сохраняется („слѣды“, „предрасположенія въ мозговыхъ клеткахъ“) или же, что носители (субстраты) актовъ сознанія (душа, мозгъ, душевная монада) удерживаютъ хоть на нѣкоторое время способность повторять ту же дѣятельность. Но эти объясненія неудовлетворительны: они не объясняютъ самаго акта узнаванія, т. е. сознаніе тожества между актомъ воспроизведеннымъ и его оригиналомъ. Сознаніе тожества есть первичное сужденіе, которое, какъ таковое, предполагаетъ три элемента мышленія: два сравниваемыхъ тожественныхъ элемента и самое отношеніе тожества, воспринимаемое или устанавливаемое мыслящимъ субъектомъ³³).

29. Это узнанное воспроизведеніе психическихъ актовъ не одинаково для всѣхъ элементовъ духа. Мало этого, даже одинъ и тотъ же фактъ психическаго прошлаго не во всякое время и не при всѣхъ обстоятельствахъ можетъ быть

воспроизведенъ. Слѣдовательно воспроизведеніе каждаго отдѣльнаго факта зависитъ отъ множества условій, въ томъ числѣ и отъ самыхъ субстратовъ памяти. Далѣе, факты вниманія и узости сознанія доказываютъ, что одни сознательные акты на время вытѣсняются другими; иногда же происходитъ попеременное чередованіе вытѣсненныхъ актовъ съ вытѣснившими ихъ: таковое нѣкоторые психологи (напр. гербарціанцы) считаютъ „борьбой представленій“³⁴).

30. Тщательные психологическіе анализы могутъ насъ убѣдить, что даже простѣйшій съ виду сознательный актъ, напр., воспріятіе извѣстной площади, можно разложить на огромное число психическихъ элементовъ, которые обыкновенно не сознаются отдѣльно. Изъ внутренняго опыта намъ достаточно извѣстно, что даже очень сложные процессы послѣ долгаго упражненія (т. е. извѣстнаго числа повтореній черезъ опредѣленные промежутки времени) происходятъ автоматически, безсознательно. Мы можемъ на основаніи этихъ фактовъ сдѣлать обобщеніе, что съ постепеннымъ усложненіемъ психическихъ процессовъ менѣе сложные, входящіе въ составъ сложныхъ, совершаются безсознательно³⁵).

31. Итакъ мы должны различать сознательные душевные процессы отъ такихъ же безсознательныхъ. Сознаніе, т. е. совокупность всѣхъ сознательныхъ процессовъ въ теченіе жизни субъекта отнюдь нельзя отождествлять ни съ совокупностью душевныхъ процессовъ, ни съ душой, т. е. съ субстратомъ этихъ душевныхъ процессовъ. Число сознательныхъ душевныхъ процессовъ несравненно меньше числа безсознательныхъ. Субстратъ (или субстраты) душевныхъ процессовъ мы называемъ душою; а дѣятельность души обнаруживается въ актахъ то сознательныхъ, то безсознательныхъ, которые обыкновенно идутъ параллельно, взаимно переплетаясь.

32. На основаніи чрезвычайной сложности сознательныхъ душевныхъ процессовъ, на основаніи ихъ разнородности и неодинаковой устойчивости воспроизводимыхъ элементовъ памяти, а равно и на основаніи множества другихъ фактовъ

приходится заключить, что акты сознанія суть проявленія дѣятельности не одного простѣйшаго неразложимаго элемента духа, не одного субстрата, не одной монады, а чрезвычайно большого множества монадъ ³⁶). По моему, каждый качественно и количественно различимый и неразложимый элементъ сознанія обусловливается дѣятельностью по меньшей мѣрѣ одной монады — субстанціи. Монаду только въ такомъ случаѣ можно считать простой, неразложимой и вѣчной субстанціей, если она обладаетъ только однимъ качествомъ, одной дѣятельностію.

33. Итакъ душу человѣка (и высшихъ животныхъ) мы должны представлять себѣ какъ очень сложную совокупность особыхъ духовныхъ монадъ съ особой духовной организаціей.

34. Эта духовная организація находится во взаимодействіи съ организаціей матеріальныхъ монадъ, образующихъ человѣческое тѣло. Органы чувствъ, нервы, мозговые клѣтки и нервные узлы представляютъ собою тѣ физическіе органы тѣла, черезъ которые по преимуществу происходитъ общеніе души съ тѣломъ; нервная и въ особенности мускульная система вмѣстѣ съ тѣмъ является посредникомъ между внутреннимъ и внѣшнимъ міромъ, между различными людьми ³⁷).

35. Всѣ сознательные душевные акты имѣютъ между собою нѣчто общее — а именно, что они сознаются мною какъ мои: они находятся въ связи съ моимъ „Я“ — не только даннаго момента, но и всего моего прошлаго. Изъ этого мы должны заключить, что опредѣленный сознательный процессъ *ABC* отличается отъ такого же бессознательнаго *abc* не только по степени интенсивности отдѣльныхъ его элементовъ, но и еще особымъ элементомъ, принадлежащемъ области моего „Я“. Этотъ элементъ сознательности именно и обусловливаетъ превращеніе соотвѣтственнаго бессознательнаго акта *abc* („нервнаго процесса“) въ актъ сознательный. По моей теоріи, сознательность привносится къ данному бессозна-

тельному психическому („нервному“) процессу дѣятельностью особой, высшей монады и ея системы. Слѣдовательно каждый сознательный актъ происходитъ отъ совокупной дѣятельности извѣстныхъ монадъ (сообществъ, системъ) низшихъ и порядковъ и дѣятельности „автомонады“ съ ея системой ³⁸⁾.

36. Духовную организацію монадъ мы должны себѣ представлять въ такомъ видѣ. Однородныя монады души уже отъ рожденія соединены въ одно цѣлое, которое дѣйствуетъ сообща, какъ одно индивидуальное сообщество; такихъ сообществъ монадъ чрезвычайно много ³⁹⁾. Но и эти сообщества не разрозненны: каждое сообщество, объединенное между собою, подчинено одной монадѣ высшаго порядка, которая управляетъ всѣмъ подчиненнымъ сообществомъ; такую монаду я буду называть архимонадой. Эта въ свою очередь соединена съ другими архимонадами, которыя всѣ вмѣстѣ подчинены одной архимонадѣ высшаго, второго, порядка; сообщество архимонадъ я буду называть системой архимонадъ; такихъ системъ тоже имѣется множество: и системы архимонадъ могутъ соединяться съ системами и сообществами. Нѣсколько системъ, соединенныхъ между собою, могутъ быть объединены и подчинены одной архимонадѣ третьяго порядка и такъ далѣе. Въ концѣ концовъ всѣ архимонады высшихъ порядковъ, а черезъ нихъ и всѣ системы и сообщества монадъ (какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ) подчинены одной — самой высшей монадѣ — авто-монадѣ ⁴⁰⁾. Эта черезъ посредство подчиненныхъ ей архимонадъ дѣйствуетъ на всю душу и на все тѣло — на всѣ монады того же организма. Такимъ образомъ, по моему, объясняется единство сознанія и всей души среди безпредѣльной множественности элементовъ и состояній ея.

37. Автомонада не только объединяетъ дѣятельность всѣхъ монадъ всего организма, но она и направляетъ его къ одной общей цѣли — къ самосохраненію особи, а черезъ нее — и къ сохраненію вида. Дѣятельность автомонады перво-

начально состоитъ въ направленіи отдѣльныхъ органовъ тѣла къ одной цѣли. Для этого необходима прежде всего оцѣнка каждой отдѣльной перемѣны, происшедшей въ организмѣ, въ отношеніи къ его общей цѣли. Это обнаруживается большей частью чувствованіями (эмоціями) (См. тезисы 38—41). Затѣмъ автомонада устанавливаетъ отношенія между происшедшей перемѣной и причиной, ее вызвавшей (внѣшнимъ міромъ). При дальнѣйшемъ развитіи ея дѣятельности устанавливаются отношенія между причинами непосредственной причины сознательнаго акта и т. д. Такимъ образомъ постепенно развивается познавательный интересъ, т. е. стремленіе узнать причинную зависимость сперва предметовъ внѣшняго, а затѣмъ и внутренняго міра, т. е. сознания и души. Таковое стремленіе возвышается наконецъ до стремленія постигнуть первоосновы бытія и причину всѣхъ причинъ, т. е. до религіи и философіи. Итакъ дѣятельностью автомонады обуславливается не только наша жизнь индивидуальная и социальная, но и наша личность, нашъ разумъ ⁴¹).

38. Въ автомонадѣ еще до рожденія человѣка какъ бы намѣченъ общій схематическій планъ будущей ея дѣятельности, направленной къ одной опредѣленной цѣли. Эта дѣятельность автомонады имѣетъ свою постепенность и планомѣрность: параллельно съ ней идетъ организація и дѣятельность подчиненныхъ ей системъ, какъ духовныхъ, такъ и тѣлесныхъ монадъ. Подчиненныя автомонадѣ системы, въ особенности физическія, до извѣстной незначительной степени приспособляются ко внѣшнимъ условіямъ органической жизни, но въ гораздо бѣльшей степени онѣ зависятъ отъ организаціи духовныхъ монадъ и въ особенности отъ автомонады ⁴²).

39. Съ автомонадой тѣснѣйшимъ образомъ связаны эмоціональныя монады, которыя вмѣстѣ съ ней образуютъ высшую систему автомонады — эмоціональную систему. Эта посредствомъ множества монадъ реагируетъ свойственнымъ каждой изъ нихъ образомъ на всѣ перемѣны духовныхъ монадъ, вступающихъ во взаимодействіе съ автомонадой, а также

и на главнѣйшія измѣненія въ органахъ живого тѣла; при этомъ автомонада дѣйствуетъ на эмоціональныя монады, вызывая въ нихъ соотвѣтственныя чувствованія. Безъ участія автомонады не бываетъ ни чувствованій, ни вообще сознательныхъ актовъ; но и дѣятельность одной автомонады еще не даетъ сознательнаго акта.

40. Всѣ органы тѣла, даже тѣ, которые функціонируютъ безсознательно, благодаря нервамъ, соединяющимъ ихъ со спиннымъ и головнымъ мозгомъ, постоянно находятся во взаимодействіи съ автомонадой и съ ея системой (эмоціональной). Это взаимодействіе обнаруживается въ видѣ неоиредѣленныхъ чувствованій „органическихъ“, совокупность которыхъ обозначается общимъ названіемъ „самочувствія“. Это самочувствіе никогда не покидаетъ насъ и образуетъ главное содержаніе нашего „эмпирическаго Я“, нашего самосознанія; но къ нему присоединяются еще и разныя представленія о нашемъ тѣлѣ, одеждѣ, общественномъ, служебномъ и семейномъ положеніяхъ, а также порою и такія же представленія изъ нашего прошлаго. Такимъ образомъ наше эмпирическое Я представляетъ собою очень сложный психическій агрегатъ; но дѣятельность автомонады и ея системы занимаетъ въ немъ центральное положеніе.

41. Элементарное чувствованіе есть своего рода первичное сужденіе. Если происшедшая въ организмъ перемѣна соотвѣтствуетъ назначенію опредѣленной системы монадъ (цѣлаго органа) или цѣлаго организма, или же цѣлаго человѣческаго общества: то автомонада реагируетъ пріятнымъ чувствованіемъ. Въ противномъ случаѣ она реагируетъ чувствованіемъ непріятнымъ. Непріятное чувствованіе, въ свою очередь, служитъ дѣятельнымъ началомъ задерживанія всего того, что его производитъ, т. е. оно является регуляторомъ и показателемъ того, что вообще вредно организму или человѣческому обществу, т. е. всего, что противодѣйствуетъ его назначенію или конечной цѣли.

42. Когда автомонада находится во взаимодействіи съ

опредѣленной системой монадъ, то въ силу ограниченности и несложности автомонады она въ тотъ же моментъ не можетъ дѣйствовать на всѣ монады: тогда она не можетъ вступать въ новую связь съ другими системами, которыя не имѣютъ ничего общаго съ первой, (кромѣ ихъ принадлежности къ той же душѣ). Этимъ объясняется фактъ узости, или ограниченности, сознанія⁴³).

43. Каждая духовная монада дѣйствуетъ прерывно періодически, т. е. ея дѣятельность чередуется съ періодомъ покоя. [Ср. тесисъ 19 и примѣч. 25]. Эта періодическая дѣятельность монадъ есть основное свойство самодѣятельныхъ монадъ⁴⁴).

44. Дѣятельность цѣлыхъ сообществъ монадъ несравненно интенсивнѣе такой же дѣятельности одной монады. Поэтому періоды у сообществъ гораздо продолжительнѣе — соизмѣрно съ числомъ входящихъ въ сообщество монадъ, чѣмъ періоды автомонады.

Такъ какъ автомонада только одна, то ея періоды чрезвычайно кратки. Перерывы ея дѣятельности для насъ незамѣтны. То же бываетъ и при зрительныхъ воспріятіяхъ: при нормальныхъ условіяхъ намъ кажется, будто зрительныя впечатлѣнія не прекращаются, хотя мы глаза постоянно закрываемъ вѣками. То же происходитъ и при потокѣ сознанія: онъ намъ кажется непрерывнымъ. Однако при болѣе тщательномъ самонаблюденіи оказывается, что и онъ останавливается на короткіе промежутки, приблизительно на десятые доли секунды⁴⁵).

45. Такъ какъ въ душѣ во всякое время и въ каждый моментъ есть дѣйствующія монады и такъ какъ и дѣятельность автомонады намъ кажется непрерывной: то не прекращается и взаимодействие автомонады съ нѣкоторыми изъ подчиненныхъ ей монадъ. Такимъ образомъ объясняется кажущаяся непрерывность потока сознательныхъ актовъ въ состояніи бодрствованія и сновидѣній.

46. Въ этомъ потокѣ сознанія не всѣ душевные эле-

менты участвуютъ въ одинаковой мѣрѣ. Такъ какъ они не одинаковой сложности и интенсивности, то естественно болѣе сложные и болѣе интенсивные, какъ дѣйствія большихъ сообществъ монадъ, имѣютъ болѣе продолжительные періоды: поэтому они дольше находятся во взаимодействіи съ автомонадой и ея системой. Болѣе продолжительная и усиленная сознательная дѣятельность въ одной области называется вниманіемъ ⁴⁶).

47. Одновременно съ сознательнымъ процессомъ продолжаютъ свою дѣятельность другія сообщества и системы монадъ независимо отъ автомонады, т. е. безсознательно. Когда же прекратится одинъ сознательный процессъ, то дѣлается сознательнымъ другой. Когда же и этотъ прекратится, то опять можетъ сдѣлаться сознательнымъ первый. Такимъ образомъ и сознательный процессъ можетъ періодически повторяться нѣсколько разъ. Этой періодической самодѣятельностью монадъ объясняются и колебанія памяти, и колебанія вниманія, и колебанія минимальныхъ воспріятій, и наши влеченія и страсти, періодически повторяющіяся, и сила характера, и тожество нашего самосознанія — нашего „эмпирическаго Я“, по терминологіи Канта.

48. Общеніе между душевными монадами, дѣйствующими одновременно, т. е. воздѣйствіе ихъ другъ на друга, объясняется 1) тѣмъ, что огромное большинство монадъ уже отъ рожденія связано между собою: этимъ обусловлены рефлексы, инстинкты, раздражательныя движенія, прирожденные ассоціаціи и вся такъ называемая апріорная дѣятельность человѣческаго духа. 2) Общеніе между душевными монадами возможно и потому, что промежутки между самодѣятельными душевными монадами и ихъ системами наполнены монадами передаточными (викарными; см. тез. 14. 15. и примѣч. 19.). Таковая викарная монада при дѣйствіи сосѣдней монады какъ бы резонируетъ въ унисонъ съ ней. вмѣстѣ съ тѣмъ она дѣйствуетъ на ближайшую викарную, которая въ свою очередь это дѣйствіе передаетъ дальше.

49. Передача дѣйствія черезъ викарныя монады обнаруживается легче всего въ мѣстахъ наименьшаго сопротивленія, а именно въ направленіи отъ дѣйствующей монады, къ автомонадѣ, поскольку тому не мѣшаютъ иопутныя сообщества монадъ. Дѣло въ томъ, что объединенныя сообщества монадъ имѣютъ свою опредѣленную дѣятельность, которую не можетъ остановить или измѣнить дѣятельность отдѣльныхъ передаточныхъ монадъ, временно приведенныхъ въ дѣятельное состояніе⁴⁷).

50. Системы монадъ есть различныхъ порядковъ. Первый порядокъ составляютъ монады ощущеній. Эти приходятъ въ дѣятельное состояніе тогда, когда нервы какого-нибудь органа чувствъ, возбужденные внѣшнимъ стимуломъ (движеніемъ матеріальныхъ монадъ), въ опредѣленной части мозга (головнаго или спиннаго) производятъ соотвѣтственную переменну. Отъ этого приходятъ въ дѣятельное состояніе соотвѣтственныя монады ощущеній, которыя въ свою очередь дѣйствуютъ на автомонаду; а эта на эмоціональную систему. Такимъ образомъ осуществляется сознательное ощущеніе; подъ вліяніемъ опыта и унаслѣдованной организациі оно переходитъ въ воспріятіе.

51. При актѣ ощущенія устанавливается связь между дѣйствовавшими одновременно монадами, вслѣдствіе чего онѣ и впоследствии дѣйствуютъ сообща. Сверхъ того, послѣ извѣстнаго числа повтореній это соединеніе монадъ черезъ автомонаду подчиняется одной изъ свободныхъ духовныхъ монадъ, не принадлежащихъ къ (прирожденной или развитой въ теченіе индивидуальной жизни) организациі монадъ. Эта вновь присоединенная монада становится архимонадой этого соединенія. Эта представляетъ собою носителя (субстратъ) чувственной памяти.

52. Если въ такомъ организованномъ соединеніи монадъ (потенціальной ассоціациі) одна или нѣсколько изъ нихъ приходятъ въ дѣятельное состояніе, то этимъ могутъ возбудиться къ дѣятельности и остальные и даже автомонада.

Тогда мы имѣемъ простое воспроизведеніе по смежности. Если же при этомъ приводится въ дѣятельное состояніе и соотвѣтственная архимонада, то воспроизведеніе сопровождается актомъ узнаванія. То же происходитъ и при ассоціаціи одновременныхъ разнородныхъ (disparate) ощущеній: монады различныхъ ощущеній объединяются и подчиняются одной архимонадѣ высшаго порядка, которая присоединяется къ прошлой организаціи. Такимъ образомъ съ возрастаніемъ опыта субъекта растетъ и его духовная организація, которая затѣмъ передается по наслѣдству.

53. Ассоціація по сходству (первичная), не сводимая къ ассоціаціи по смежности, объясняется тѣмъ, что монады тождественныхъ элементовъ ощущеній, представленій, идей находятся уже отъ рожденія въ тѣсной связи и непосредственномъ сообществѣ. (По всему вѣроятію, въ одной мозговой клѣткѣ вмѣщается множество такихъ сообществъ, сходныхъ по составу монадъ. Очень возможно, что нервныя клѣтки и волокна представляютъ собою только извѣстныя вмѣстилища или хранилища духовныхъ монадъ).

54. Благодаря тому, что схожія монады находятся другъ съ другомъ въ сферѣ ихъ дѣйствій, онѣ могутъ возбуждать дѣятельность въ ближайшихъ схожихъ монадахъ, даже безъ посредства передаточныхъ монадъ (или „ассоціативныхъ волоконъ“ мозга). Сходство сложныхъ идей сводится, какъ это доказалъ еще Гамильтонъ, къ ассоціаціи по смежности: тождественный элементъ въ идеѣ воспроизводящей и воспроизводимой воспроизводитъ остальные связанные съ нимъ смежные элементы воспроизводимой идеи ⁴⁸).

55. При каждомъ сложномъ процессѣ, производимомъ цѣлымъ сообществомъ или системой монадъ организованныхъ, къ нимъ присоединяются викарныя монады, находившіяся въ промежуткахъ между самостоятельными монадами. Такимъ образомъ отъ повторенія того же сложнаго процесса происходитъ приростъ сообщества или системы монадъ за счетъ промежуточныхъ монадъ, пока эти всѣ не войдутъ въ систему сообще-

ства. Вслѣдствіе этого прироста въ системѣ монадъ, привычный процессъ, ею производимый (ассоціація по смежности или навыкъ въ области мышечной), совершается все легче и быстрѣе. Но это совершенствованіе имѣетъ свой предѣлъ въ жизни одной особи. Въ потомствѣ, благодаря передачѣ потомству образовавшейся организаціи, оно можетъ совершенствоваться и дальше. Такимъ образомъ объясняется фактъ упражненія и приспособленія видовъ въ ряду поколѣній.

56. Такъ какъ отъ упражненія увеличивается число промежуточныхъ монадъ, вошедшихъ въ сообщество привычной ассоціаціи; то этимъ устанавливается значительный перевѣсъ монадъ низшей системы надъ монадами эмоціональными, участвовавшими при первоначальномъ образованіи сообщества (потенціальной ассоціаціи). Эмоціональныя монады, сверхъ того, состоятъ съ связи со множествомъ монадъ другихъ соединеній и системъ, и поэтому ихъ связь съ отдѣльной группой не можетъ быть очень устойчивой. Такимъ образомъ развившееся вполне сообщество монадъ, какъ бы обособляется отъ системы автомонады (лишается эмоціональныхъ элементовъ), и весь процессъ можетъ совершаться и безъ участія автомонады и ея системы, т. е. привычная ассоціація наконецъ совершается безсознательно⁴⁹).

57. Воспроизведеніе происходитъ не одинаково легко во всѣхъ направленіяхъ между связанными другъ съ другомъ монадами. Легче оно происходитъ въ направленіи къ автомонадѣ, чѣмъ обратно: дѣло въ томъ, что многія монады скорѣе могутъ возбудить дѣятельность одной архимонады, чѣмъ наоборотъ. Такъ, напримѣръ, легче происходитъ воспроизведеніе отъ воспріятой къ ихъ символамъ (словамъ, понятіямъ), чѣмъ наоборотъ. Воспроизведеніе легче происходитъ между однородными и родственными идеями, чѣмъ между разнородными: монады первыхъ уже отъ рожденія размѣщены близко другъ отъ друга; многія изъ нихъ уже отъ рожденія связаны между собою. Воспроизведеніе *ceteris paribus* легче

происходитъ въ хронологическомъ порядкѣ ряда фактовъ, чѣмъ въ обратномъ: въ первомъ случаѣ не приходится передаточнымъ монадамъ измѣнять свое уже установившееся направление передачи⁵⁰).

58. Образовавшаяся ассоціація, при перемѣнѣ впечатлѣній, въ силу узости сознанія можетъ не повториться, если дѣйствіе соотвѣтствующаго сообщества не достигнетъ автомонады и ея системы; а это бываетъ тогда, когда оно не получаетъ новыхъ импульсовъ извнѣ или изнутри. Тогда вновь присоединившіяся къ сообществу викарныя монады отторгаются сосѣдними сообществами, дѣйствующими подъ вліяніемъ новыхъ внутреннихъ или внѣшнихъ импульсовъ, и бездѣйствующее сообщество постепенно распадается: немногія самодѣйствующія монады сообщества слишкомъ слабы для того, чтобы привести въ дѣйствіе промежуточныя монады и черезъ нихъ вступить въ общеніе съ автомонадой и ея системой. Такимъ образомъ ассоціація, долгое время не повторявшаяся, теряетъ способность не только самопроизвольнаго воспроизведенія, но даже и воспроизведенія ассоціативнаго (подъ вліяніемъ внѣшнихъ или внутреннихъ импульсовъ). Этимъ объясняется постепенное забвеніе сложныхъ и не очень устойчивыхъ ассоціацій; этимъ же объясняется и фактъ, что при отсутствіи „практики“ (повторенія) теряется навыкъ, т. е. способность производить извѣстныя сложныя дѣйствія — мускульныя сокращенія и умственныя операціи⁵¹).

Если же въ цѣломъ ряду поколѣній какое-нибудь сообщество монадъ не дѣйствовало, то распаденіе его продолжается изъ поколѣнія въ поколѣніе, и наконецъ можетъ остановиться не только дѣятельность подчиненнаго ему органа, но даже и самъ органъ въ ряду поколѣній задерживается въ своемъ развитіи, а въ концѣ концовъ онъ можетъ исчезнуть совершенно. Этимъ объясняется фактъ атрофіи органовъ и біологическаго регресса⁵²).

59. При нарушеніи нормальной дѣятельности какого-нибудь органа тѣла или какой-нибудь системы духовныхъ

монадъ приходятъ въ дѣятельное состояніе промежуточные монады, не принадлежащія къ нарушенной системѣ. Ближайшія изъ нихъ передаютъ свое возбужденіе другимъ сосѣднимъ и затѣмъ по очереди — доставляютъ его автомонадѣ. Последняя, дѣйствуя на эмоціональныя монады, вызываетъ сознательный актъ, свидѣтельствующій о происшедшемъ нарушеніи нормальной дѣятельности. Такимъ образомъ возникаютъ органическія ощущенія боли.

60. Органическія ощущенія боли и страданій могутъ перейти въ сознательный волевой актъ — въ видѣ желанія устранить боль или въ видѣ желанія возстановить нормальную дѣятельность, временно нарушенную. Таковыя первичныя волевые акты — желаніе насыщенія, утоленія жажды, желаніе разрядить накопленную мускульную энергію (желаніе двигаться), желаніе возстановить дѣятельность органовъ чувствъ, дѣятельность железъ — происходятъ при участіи автомонады и эмоціональной системы.

61. Всякій сознательный волевой актъ имѣетъ въ виду установить условія, при которыхъ устраняется страданіе или же возстановляется нормальная дѣятельность, связанная съ чувствованіями удовольствія. То же бываетъ и при высшихъ интеллектуальныхъ волевыхъ актахъ. Безъ задержекъ нормальной дѣятельности не бываетъ сознательныхъ волевыхъ актовъ. Съ осуществленіемъ желаемаго прекращается желаніе. Итакъ сознательныя волевые акты представляютъ собою весьма сложные процессы, обусловливаемые или нарушеніями нормальной дѣятельности какого-нибудь органа тѣла, или же задержками дѣятельности какой-нибудь системы духовныхъ монадъ, или же несоотвѣтствіемъ дѣйствительности цѣлямъ особи, племени, народа, государства, человѣчества ⁵³).

Примѣчанія ко II. главѣ.

33) См.: И. С. Проданъ, О памяти, 2-ое изд. I. ч. гл. V. стр. 48—51. При полномъ узнаваніи всегда есть на лицо всѣ три сознательныхъ элемента сужденія. Но иногда мы имѣемъ и неполное узнаваніе, когда мы повторенное впечатлѣніе признаемъ какъ знакомое, но не можемъ воспроизвести соответственнаго ему первичнаго акта сознанія. (См. тамъ же: стр. 52—57).

34) См. цитир. соч. О памяти. I ч. гл. XV. стр. 185—206.

35) На необходимость предполагать бессознательные душевные процессы впервые указалъ Лейбницъ, вслѣдъ за нимъ все больше упрочивался этотъ взглядъ, недавно очень убѣдительно доказалъ это Т. Липпсъ. (См.: *Zeitschrift für Psychol.*, 1901, Bd. 25, S. 161—224). Липпсъ все взаимодействие между душевными процессами относить исключительно въ область бессознательнаго. „Der Ort, wo die causalen psychischen Wechselbeziehungen bestehen, ist nicht das Bewusstseinsleben“. „Reale Causalität der Bewusstseinsinhalte hat keinen Sinn.“ (Op. cit. pag. 201 et 202). Это утвержденіе я понимаю такъ, что не самъ актъ сознанія, (психич. процессъ) но его субстратъ дѣйствуетъ на другіе субстраты души. Предположеніе бессознательныхъ душевныхъ актовъ уже давно признается и болѣе вдумчивыми естествоиспытателями. Между прочими и проф. Бехтеревъ признаетъ ихъ за фактъ. (См.: В. М. Бехтеревъ, О локализациі сознательной дѣятельности, СПб. 1896. стр. 5—9). Изъ философовъ ихъ рѣшительно отвергаетъ Brentano и нѣкоторые приверженцы психо-физическаго параллелизма, которые вмѣсто нихъ предполагаютъ слабые нервные процессы, которые-де не могли усилиться до сознательности. (Brentano, *Psychologie* L. 1874, I. Bd. II. Cap. § 13).

Предполагать бессознательные психическіе процессы мы въ правѣ только тамъ, гдѣ въ аналогичныхъ случаяхъ мы можемъ констатировать внутреннимъ опытомъ сознательные элементы. Это бываетъ на низшихъ ступеняхъ индивидуальнаго психическаго развитія, напр., при навыкахъ: при игрѣ на фортепіано, при чтеніи

письма, при изученіи новаго языка; далѣе — при усложненіи мыслительныхъ процессовъ: при рѣшеніи сложныхъ задачъ, при актахъ творчества и т. д. Но объясненіе сложной психической дѣятельности бессознательными психическими процессами часто бываетъ и ни на чемъ не обосновано. — Впрочемъ, и инстинктивно, „бессознательно“, т. е. безъ размышленія, совершаемыя дѣйствія мы можемъ воспроизвести: слѣдовательно ихъ результатъ сознательный, а бессознательными остаются только предшествовавшіе ему акты — цѣль, или цѣлевая причина.

36) Эта множественность, разнородность и антагонизмъ между различными элементами сознанія и души никоимъ образомъ не мирится съ предположеніемъ одного субстрата для всѣхъ элементовъ, т. е. будто всѣ разнородные и безчисленные элементы сознанія, обнаруживаемые въ теченіе жизни субъекта, обусловлены дѣятельностью одной, простой, неразложимой субстанции (или одной монады), какъ это предполагаютъ всѣ спиритуалисты, а также представители монадологическихъ гипотезъ Лейбницъ, Лотце, Гербартъ, Рэнувье-Пра. Предположеніе одной простой субстанции съ безчисленнымъ множествомъ качествъ (или состояній) заключаетъ въ себѣ то же противорѣчіе „совмѣщенія (Inhaerenz) множества въ единомъ“, которое побудило Гербарта предполагать въ каждой вещи со множествомъ качествъ соединеніе множества разнородныхъ монадъ (Realen), изъ коихъ каждая обладаетъ только однимъ качествомъ. Однако того же взгляда Гербартъ не выдерживаетъ относительно монады - души: въ ней, и по его теоріи, оказывается чрезвычайное множество разнообразныхъ дѣйствій (реакцій, „самосохраненій“). Даже въ одинъ моментъ въ ней борется нѣсколько представленій; самыя представленія Гербарта суть нѣчто очень сложное и измѣнчивое, что не мирится съ его понятіемъ простой и неизмѣнной монады. По моему, гораздо естественнѣе безчисленные элементы духа приписать по меньшей мѣрѣ такому же числу монадъ, которыя могутъ вступать другъ съ другомъ во взаимодѣйствіе. (Самосознаніе будетъ мною объяснено въ дальнѣйшемъ). Изъ современныхъ выдающихся психологовъ Т. Липпсъ ближе подходит къ моему взгляду на сознаніе, но все же и онъ предполагаетъ одинъ субстратъ души со множествомъ „слѣдовъ“ памяти и множествомъ „состояній“, находящихся между собой въ единеніи и взаимодѣйствіи, однимъ словомъ — со сложной психической организацией.

37) Рейнке предполагаетъ въ видѣ гипотезы, что дѣятельность нервовъ и мускуловъ принадлежитъ къ „энергіямъ“, т. е. къ дѣятельнымъ силамъ, производящимъ работу; но что онѣ не могутъ быть сведены на неорганическія энергіи. Эти энергіи, по мнѣнію Рейнке, находятся во всякой живой протоплазмѣ, не исключая растительной, и должны быть превратимы въ другія энергіи; сами же онѣ, быть можетъ, произошли изъ химической энергіи. (Reinke, Philos. d. Botan. 4. Kap. S. 42).

Съ этой гипотезой я не могу согласиться, въ особенности относительно дѣятельности нервовъ. Противъ нея говорить фактъ упражненія и привычки. Почему привычной умственной или мускульной работы мы можемъ въ пять разъ больше сдѣлать въ одинаковое время, чѣмъ такой же непривычной? Я не отождествляю высшую психическую дѣятельность съ дѣятельностью нервовъ и мозговыхъ клѣтокъ; но все же признаю что послѣдняя служить однимъ изъ существенныхъ условій проявленія психической дѣятельности. Даже относительно мускульной энергіи, хотя она несомнѣнно производитъ механическую работу, еще не доказано, что она всецѣло производится за счетъ накопленныхъ въ животномъ организмѣ углеводовъ, способныхъ къ окисленію и производству теплоты и механической работы. Между тѣмъ есть факты, способные поколебать это предположеніе. Такъ напримѣръ, обыкновенный японскій рабочій, принимая въ сутки полъ фунта рису въ качествѣ пищи, можетъ въ теченіе многихъ недѣль производить работу механическую, очевидно, не въ счетъ накопленнаго въ его тѣлѣ жира, какового у него всегда ничтожное количество. Врядъ ли сгораніе полъ фунта рису въ состояніи произвести и десятую часть той работы, которую производитъ весь организмъ японца въ теченіе сутокъ. Относительно поднятія тяжести можно бы провѣрить экспериментально количество энергіи полуфунта рису.

Есть множество фактовъ и изъ жизни животныхъ, которые возбуждаютъ сомнѣнія относительно производства механической работы исключительно „сгораніемъ въ тѣлѣ углеводовъ“. Такъ напримѣръ, „тщательныя взвѣшиванія многихъ сотенъ перепелокъ“ до и послѣ ихъ перелета изъ Лионскаго залива въ сѣверную Африку показали „лишь ничтожный процентъ убыли въ вѣсѣ ихъ тѣла“; между тѣмъ онѣ совершаютъ этотъ перелетъ въ продолженіе 12—16 часовъ, нигдѣ не останавливаясь и не принимая пищи. (В. Л. Ранцовъ, Задача воздухоплаванія, статья въ Вѣстн. и Библ. Самообраз. СПб. 1905 № 10, столб. 301). Далѣе тотъ же авторъ сообщаетъ, будто орелъ способенъ поднять и „унести къ себѣ въ гнѣздо на вершину горы трехпудоваго барана“. (Тамъ же.) Этого факта я не провѣрялъ, но во всякомъ случаѣ общеизвѣстенъ фактъ, что коршунъ-ягнятникъ уноситъ ягнятъ въ пудъ и больше вѣса. По вопросу относительно полета птицъ современный проф. Людвигъ Карль въ своей „Механикѣ полета по воздуху“ вычислилъ, что орелъ, парящій въ воздухѣ, затрачиваетъ на каждый килограммъ своего вѣса работу въ 8,43 килограммометра въ одну секунду для того лишь, чтобы удержаться на одной и той же высотѣ; для этого какъ передаетъ г. Ранцовъ, будто нужно произвести работу, превышающую третью лошадиной силы. Слѣдовательно для поддержанія на одной высотѣ трехпудоваго барана понадобилось бы значительно больше четырехъ лошадиныхъ силъ. Это и мнѣ, спеціалисту, кажется мало вѣроятнымъ. Я допускаю, что вычисления профессора К. не совсѣмъ точны (что его числа слишкомъ велики); допускаю, что совершенство устройства орлиныхъ крыльевъ его работу значительно уменьшаетъ; но все же это несоотвѣтствіе вы-

численія профессора К. „закону сохраненія энергіи“, по моему, врядъ ли будетъ вѣрно объяснять одной ошибочною вычисленія, какъ это полагаетъ г. Ранцовъ. По моему, скорѣе невѣрна теорія относительно производства механической работы у животныхъ исключительно „сгораніемъ углеводовъ“. Объясненіе полета орла и „ошибки“ профессора К. совершенствомъ орлиныхъ крыльевъ и умѣніемъ орла пользоваться теченіями воздуха тоже не устраняютъ затрудненій въ пониманіи этого явленія: при подъемѣ орла съ земли съ ягненкомъ (или бараномъ) теченіе воздуха не при чемъ, и какъ бы ни совершенны были его крылья, все же ихъ работа для поддержанія всего вѣса (орла и ягненка) есть на лицо. Если даже допустить, что при взмахѣ крыльевъ вверхъ весь воздухъ проникаетъ черезъ открывающіеся внизъ „клапаны перьевъ“ и никакого не оказываетъ противодѣйствія движеніямъ крыльевъ вверхъ (чего, конечно, не бываетъ на самомъ дѣлѣ): то все же работа взмахиванія крыльями сверху внизъ, (когда „клапаны закрываются“) остается той же, что и при летательныхъ машинахъ. Слѣдовательно птицы при подъемѣ своего вѣса въ воздухъ все же должны произвести не меньше половины той работы, которую производитъ при подъемѣ вверхъ любая машина. Однако и при такой поправкѣ результировать далеко не соотвѣтствуетъ „закону сохраненія энергіи“ и теоріи производства работы при полетѣ однимъ „сгораніемъ въ тѣлѣ углеводовъ“. Въ этой работѣ животныхъ, по всему вѣроятію, дѣйствуетъ еще какой-то намъ неизвѣстный факторъ. Есть факты изъ жизни насѣкомыхъ, которые еще болѣе загадочны съ точки зрѣнія этихъ „законовъ“. Такъ напр., жукъ-олень, имѣющій вѣсу около 20 граммовъ, летаетъ, хотя и не очень быстро, при длинѣ крыльевъ, не превышающей длины его туловища, и все же скорость его полета равняется 2—3 метрамъ въ секунду, т. е., она равна скорости нѣмецкой почтовой лошади, а вѣсъ его тѣла въ 60.000 разъ меньше вѣса таковой лошади. Въ крыльяхъ насѣкомыхъ уже не имѣется перьевъ съ „клапанами“, открывающимися внизъ: слѣдовательно вся работа ихъ равна работѣ искусственной машины. При всемъ этомъ тотъ же жукъ-олень можетъ прожить безъ пищи отъ 10—20 лѣтъ, какъ это наблюдали энтомологи. Гдѣ же тутъ „сгораніе углеводовъ“? Относительно производимой работы не менѣе удивительна и саранча, которая способна пролетѣть сотни верстъ. Впрочемъ, и наша пчела ежедневно совершаетъ десятки верстъ. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что для преодоленія сопротивленія воздуху насѣкомыя должны чрезвычайно быстро двигать свои крылья. Такъ напр., комаръ по сообщенію Спенсера, производитъ до 10,000 взмаховъ въ одну секунду. (Это число получилось, по всему вѣроятію, отъ сравненія высоты тона, который получается отъ этихъ быстро смѣняющихся колебаній воздуха). Между тѣмъ химическіе процессы даже у взрывчатыхъ веществъ въ 0.0001 сек. не совершаются; а „сгораніе углеводовъ“ въ такой короткій промежутокъ времени и подавно не можетъ осуществиться, да и нервныя токи такъ скоро не дѣйствуютъ. Во всякомъ случаѣ, количество работы, производимой насѣкомыми, летающими и бѣгающими, а равно и количество

„продуктовъ сгорания“ не изслѣдованы физиологами; врядь ли имъ удастся на нихъ доказать соотвѣтствіе между этими количествами и „закономъ сохранения энергій“!

38) Намекъ на мое объясненіе можно найти у проф. Липпса (Ср.: Th. Lipps, op. cit. pag. 184 et 185): „... Das Dasein für das Bewusstsein, das ideelle Dasein, die Phänomenalität, das Erscheinen, das Vorgefundenwerden, kann keine Grade haben... das Ideelle (= Phänomen) existirt oder es existirt nicht, d. h. etwas hat das ideelle (= phänomenale) Dasein oder es hat dasselbe nicht“... „die Bewusstheit kann nicht stetig von einem Nullpunkt an werden. Es giebt... nur ein Bewusstsein von einem Momente an. Diesen Moment nennen wir Bewusstseinschwelle.“ Въ дальнѣйшемъ Липпсъ даетъ весьма убѣдительные психологическіе анализы, доказывающіе необходимость включать въ психологическія изслѣдованія и предполагаемые „слѣды“, и безсознательные процессы. (См.: слѣд. тезисъ 36.)

39) Это предположеніе подтверждается слѣдующими фактами: 1) оперированные слѣпорожденные сразу видятъ цѣлыя цвѣтныя пятна, не имѣя понятія о томъ, что таковыя состоятъ изъ цвѣтныхъ точекъ и что воспріятіе таковыхъ точекъ можетъ составиться отъ смѣшенія воспринимаемыхъ (безсознательно) элементарныхъ цвѣтовыхъ лучей. (Ср. Raehlmann, *Üb. d. Entwicklung der Gesichtswahrnehmungen*, Zeitschr. f. Psychol. 1890). Это явленіе можно объяснить тѣмъ, что монады, вызывающія ощущеніе точки опредѣленнаго цвѣта, уже отъ рожденія соединены между собою. (Ср.: Н. С. Проданъ, *О памяти*, 2. изд. I ч. гл. XIV. стр. 175 до 183). 2) Нѣкоторыя ощущенія и воспріятія, безъ всякаго предварительнаго опыта, невольно и безсознательно вызываютъ опредѣленныя двигательныя реакціи. Таковыя — рефлексы, инстинктивныя движенія, выраженія чувствованій (выдѣленія железъ подъ вліяніемъ чувствованій), сопутствующія симпатическія движенія (Mitbewegungen), раздражительныя движенія и другія. (Ср.: 1) Preyer, *Die Seele des Kindes*; 2) Lukas, *Psychologie der niedersten Tiere*, Wien 1905, Einl. S. 8—20). Всѣ эти явленія объяснимы только тѣмъ, что уже отъ рожденія соотвѣтственныя монады связаны между собою, такъ что при возбужденіи одной приходитъ въ дѣятельное состояніе и связанная съ ней монада. Клѣточная гипотеза и тутъ не выдерживаетъ серіозной критики.

40) Разъ мы признали за каждымъ элементомъ сознанія (и психической дѣятельности вообще) особаго носителя, особую монаду: то и за сочетаніями и преобразованіями таковыхъ, которыя обычному сознанію представляются за единичные акты сознанія, за элементы, которые обнаруживаютъ нѣкоторое единство и самостоятельность, мы должны признать нѣкоторое единство, нѣкоторое объединяющее начало. Къ тому же соображенію насъ приводятъ и акты узнаванія (См. мое цитир. соч. *О памяти*, I ч. гл. V. стр. 47—57;

а также тезисы: 7, 11, 12, 28 и друг.). Таковымъ объединяющимъ началомъ можетъ быть архимонада. Въ виду факта узости сознанія невозможно допустить, чтобы одновременно и непосредственно входили въ область сознанія билліоны элементовъ; соотвѣтственные монады могутъ дѣйствовать на монаду сознанія, на автомонаду только черезъ своихъ представителей, т. е. черезъ архимонады. (Ср. тезисы 3 и 4). То же предположеніе подтверждается процессами образованія высшихъ понятій и отношеніями ихъ — подчиненности и соподчиненности. Нѣчто подобное должно существовать и между монадами и архимонадами. Въ концѣ концовъ всѣ умственные процессы подчинены дѣятельности нашего „Я“, нашего „ума“, который управляетъ (сознательно или безсознательно) всей душой и всѣмъ тѣломъ. Чувствования приходится разсматривать за первичныя произвольныя реакціи высшей системы (эмоціональной).

41) Противъ такого понятія „автомонады“ можно возразить, что оно представляетъ собою сложный продуктъ нашего ума и не мирится съ предполагаемой простотой монады, какъ неразложимаго элемента бытія. Дѣйствительно, такую объединяющую всѣ системы души и тѣла, повидимому разумную, дѣятельность автомонады мы не можемъ выразить однимъ элементомъ нашего сознанія (Ср. тезисъ 22. и тез. 1—7). Дѣло въ томъ, что наши познавательные акты, даже самыхъ элементарныхъ реальностей, представляютъ нѣчто психически сложное — состоящее иногда изъ большого множества элементовъ психическихъ. Каждое сужденіе содержитъ три логическихъ элемента; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы познаваемый предметъ, „вещь въ себѣ“, каковой она существуетъ независимо отъ нашего познающаго сознанія, имѣла ту же сложность. И предполагаемая нами автомонада сама по себѣ, какъ реальное существо, не похожа на нашу мысленную ея символизацию: то что мы обозначаемъ множествомъ словъ, понятій и психическихъ элементовъ, можетъ въ реальномъ (трансцендентномъ) мірѣ быть простой субстанціей, и хотя бы до познанія ея мы добрались на основаніи дѣятельности всей нашей души, т. е. дециліоновъ монады.

42) Цѣлесообразную дѣятельность автомонады я вовсе не считаю сознательной, подобной нашимъ волевымъ процессамъ: таковыя обыкновенно очень сложны, и не могутъ быть отождествляемы съ трансцендентными реальностями, о которыхъ мы дѣлаемъ отвлеченныя догадки на основаніи нашего опыта: самъ опытъ является результатомъ весьма сложныхъ душевныхъ процессовъ, весьма сложной духовной организаціи, которая формировалась въ длинномъ ряду поколѣній

43) Клеточная гипотеза психо-физиковъ не можетъ объяснить и этого основнаго закона психической дѣятельности: при ея предположеніи, что каждому сознательному акту соотвѣтствуетъ особая клеточка или нейронъ въ мозгу, представляется не только возможнымъ но и весьма вѣроятнымъ одновременное функционированіе

милліоновъ клѣтокъ. Тогда спрашивается, почему мы никогда въ одинъ моментъ не сознаемъ больше одного акта, хотя бы при интроспективномъ психологическомъ анализѣ можно было разложить его на билліоны элементовъ? По относительно этого огромнаго числа элементовъ духа фізіологамъ еще и не снится до сихъ поръ; ихъ не отличаетъ обычное сознание. И другія гипотезы не могутъ объяснить факта узости сознания: онѣ обходятъ его молчаніемъ.

44) Въ моему предположенію періодической дѣятельности духовныхъ монадъ меня привели мои самонаблюденія надъ свободнымъ потокомъ мыслей. Хотя я раньше былъ приверженцемъ теоріи ассоціаціи идей въ ея всеобщности, по примѣру Джемса Милля и проф. М. Троицкаго; однако безчисленные факты въ теченіе многихъ лѣтъ, стенографически записанные мною подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ пережитаго, убѣдили меня вполне, что существуетъ воспроизведеніе идей самопроизвольное, независимое отъ непосредственно предшествовавшаго акта сознанія (впечатлѣнія или идеи). Впослѣствіи я сталъ искать въ ученой литературѣ подтвержденія моимъ самонаблюденіямъ и нашелъ таковыя въ сочиненіяхъ прежнихъ философовъ и ученыхъ относительно чувственныхъ образовъ и фантазій. Еще Аристотелемъ были отмѣчены таковыя относительно зрѣнія. (Aristoteles, De somniis, cap. I. et II.). Въ новѣйшее время на нихъ обратили свое вниманіе Нютонъ, Локкъ, Гертли; а въ истекшемъ вѣкѣ — Пуркинъ, Фехнеръ, Гельмгольцъ. Подобные преемственные образы слуха констатировалъ и изучалъ Урбанчикъ. А. Бэнъ и современные психологи ихъ обозначаютъ терминомъ „первичной памяти“. (См.: И. С. Проданъ, О памяти, I ч. 2. изд. стр. 14—15, 201—202. II ч. стр. 326—329). Однако не только чувственные образы воспроизводятся, помимо ассоціацій, но и болѣе сложныя психическія образованія: слова, фразы, музыкальныя мелодіи. На таковыя имѣются уже указанія въ новѣйшей спеціальной литературѣ. Впервые, безъ колебаній, ихъ отмѣтили А. Бине и В. Анри. Подъ разными названіями подобные факты приводятся даже приверженцами ассоціаціонной теоріи. Таковыя встрѣчаются въ опытахъ Эббингауза, Миллера и Шумана (Vorstellungen in Bereitschaft) у Г. Эккенера, у Р. Доджа и даже въ психологіяхъ И. Тэна и Гефдингга. (См.: цит. соч. О памяти, II ч. XII. гл. стр. 353 до 354 и II гл. стр. 36. III. гл. стр. 46. IV. гл. стр. 68 и др.).

Сюда же относятся и недавно подтвержденные экспериментальными изслѣдованіями Миллера и Пильцеккера „Perseverationstendenzen“ и „Reproductionstendenzen“ (См.: „Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane, L. 1900, Ergänzungsband I. G. E. Müller u. A. Pilzecker, Exper. Beiträge zur Lehre vom Gedächtniss. Cap. III u. IV. S. 58—83). И эти „Tendenzen“, не объясненные экспериментаторами, доказываютъ существованіе самопроизвольнаго воспроизведенія, независимаго отъ ассоціацій, о которомъ я сообщалъ еще до опубликованія изслѣдованій Миллера и Пильцеккера. (См. Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Имп. Юр. Унив. т. III. . Свою теорію самопроизвольнаго воспроиз-

веденія я на основаніі самонаблюденій изложилъ еще въ 1887 году въ своей диссертациі „Die Mechanik des Bewusstseins“. Но тогда моя теорія встрѣтила, въ особенности со стороны проф. Н. Грота, такія рѣшительныя нападки, что я не рѣшился ее опубликовать въ Россіи, хотя я былъ вполнѣ увѣренъ въ ея истинности. На нее я ссылаюсь въ своей статьѣ „О привычкахъ . . .“ (Измаилъ 1887 г.)

45) Это всего легче можно подмѣтить при потокѣ рѣчи. Не всѣ слова мы сливаемъ въ одно непрерывное сочетаніе звуковъ, а при отдѣленіи предложеній (гдѣ въ письмѣ мы ставимъ знаки препинанія) остановки довольно замѣтны. Послѣ окончанія предложенія (когда въ письмѣ ставится точка) перерывъ продолжается и полъ секунды и дольше. Болѣе продолжительныя остановки самосознанія (напр., во время обморока, глубокого сна или во время „самозабвенія“) объясняются не бездѣйствіемъ автомонады, но бездѣйствіемъ подчиненныхъ ей монадъ, въ особенности монадъ, управляющихъ кровообращеніемъ; а безъ взаимодействія съ низшими монадами не бываетъ сознательныхъ актовъ. Одна автомонада еще не даетъ ни сознанія, ни самосознанія.

46) Когда мы очень внимательны къ одному факту, то въ то же время мы невнимательны къ остальнымъ. Словомъ „вниманіе“ обозначается извѣстное преходящее состояніе сознанія, а не какая-нибудь особая способность души, какъ это еще до сихъ поръ предполагаетъ Вундтъ и его послѣдователи. (Ср.: Th Lipps, *op. cit.* pag. 178).

Вниманіе зависитъ еще и отъ другихъ условій, которыхъ я здѣсь не касаюсь. Объясненіе вниманія моторной теоріей Н. Ланге я опровергъ въ своемъ сочиненіи „О памяти, 2-ое изд. 2-ая ч. гл. XII.

47) Клѣточная гипотеза, считающая простѣйшимъ субстратомъ элемента сознанія мозговую клѣточку, противорѣчитъ нашему внутреннему опыту. Возраженія противъ клѣточной гипотезы изложены въ I ч. (2-ое изд.) моего психологическаго изслѣдованія „О памяти“ (гл. V—VII, стр. 42—78). Равнымъ образомъ я тамъ же показалъ, что и предполагаемые Флехсигомъ „ассоціативные центры“ не могутъ объяснить новыхъ ассоціаций по сходству (Тамъ же, стр. 74—75). Къ фактамъ изъ психологіи самонаблюденій можно присовокупить еще и факты изъ зоологіи низшихъ организмовъ. Какъ извѣстно, даже простѣйшія животныя, каковы одноклѣточные инфузоріи, напр. *Didinium nasutum*, или еще болѣе простыя корненожки (*Rhizopoda*), или же амѣбы (послѣднія не обнаруживаютъ никакихъ органовъ вообще), обладаютъ способностью распознавать предметы пищи, а также добывать ихъ при помощи цѣлесобразныхъ движеній. Это и заставляетъ безпристрастныхъ естествоиспытателей предполагать и въ нихъ сознательную жизнь. Таковую предполагаютъ даже у простѣйшихъ растительныхъ организмовъ, напр., у слизевого грибка *Aethalium* (См. Бехтеревъ

въ цитир. соч. стр. 12—14. Ср. выше I. гл. примѣч. 32). Эти факты, безспорно, доказываютъ возможность сознательной жизни не только безъ особыхъ мозговыхъ клѣточекъ и нервовъ но и вообще безъ организаціи въ общепринятомъ смыслѣ слова. Почему же у человѣка мозгъ считаютъ субстратомъ души, а не однимъ изъ множества условій органической жизни, или просто органомъ общенія души съ матеріальнымъ міромъ? Современные ученые физиологи, придерживающіеся этой гипотезы, полагаютъ, что она представляетъ собою завоеваніе новѣйшей науки. Между тѣмъ гипотеза, будто мозгъ есть субстратъ психической жизни, существовала уже въ глубокой древности, но затѣмъ была забыта. О ней упоминаетъ еще Бл. Августинъ говоря: „... иные считаютъ разумъ (mens) огнемъ, иные мозгомъ, иные — инымъ тѣломъ . . . однако всѣ знаютъ, что они размышляютъ (intellegere), и существуютъ, и живутъ . . .“ (Augustinus St Aur. De Trinitate lib. X. cap. X. Ср.: И. С. Проданъ, Психол. внутр. опыта . . . Юрьевъ 1904, стр. 24—30).

48) См.: мое соч. О памяти, 2. изд. I ч. стр. 119—122, 175—180, 193—194.

49) Привычныя потенціальныя ассоціаціи, т. е. соединеніе соотвѣтственныхъ монадъ, передается по наслѣдству (См. 27. 52. 55. тезисы). Этимъ объясняется бессознательное управленіе со стороны опредѣленныхъ центровъ мозга нѣкоторыми органами нашего тѣла. Такъ напр., дыханіе совершается бессознательно; но его можно производить и по произволу. Другіе органы совсѣмъ независимы отъ нашей воли, напр., дѣйствіе разныхъ железъ и бѣненіе сердца. Впрочемъ, передаютъ, что нѣкоторые факиры могутъ по произволу останавливать даже свое сердцебѣненіе.

50) Въ послѣднемъ случаѣ имѣетъ значеніе на воспроизведеніе ряда въ хронологическомъ порядкѣ и то обстоятельство, что первый членъ ассоціаціи не претерпѣваетъ противодѣйствія отъ слѣдующаго и что онъ сильнѣе возбуждаетъ эмоціональную дѣятельность, а таковая, какъ извѣстно, очень содѣйствуетъ закрѣпленію и возобновленію ассоціаціи. (Ср.: И. С. Проданъ, О памяти, II ч. II и III. гл. стр. 25—46). Дѣятельность большаго числа монадъ интенсивнѣе и поэтому скорѣе возбудитъ дѣятельность меньшей группы, чѣмъ наоборотъ.

51) Забвеніе сложныхъ ассоціаціи, какъ это констатировано экспериментальными изслѣдованіями, уже въ первый часъ быстро прогрессируетъ. Эббингаузъ, отличающійся хорошей памятью, констатировалъ на себѣ за первый часъ послѣ заучиванія ряда словъ, лишенныхъ значенія, убыль памяти почти въ 60%. (См. мое цит. соч. О памяти, II ч. таблицу II. и IX. гл. стр. 223—241). Это быстрое забвеніе сложныхъ ассоціаціи, не связанныхъ съ прошлымъ

матеріаломъ познанія, можно объяснить тѣмъ, что отношенія между отдѣльными качественными элементами сознанія устанавливаются передаточными монадами, которыя дѣйствуютъ только иодъ импульсами другихъ монадъ. Такъ какъ и самодѣйствующія монады имѣютъ свои періоды отдыха, то тогда отъ нихъ передаточныя монады увлекаются другими соединеніями; этимъ-то нарушается связь между качественными элементами ассоціаціи (т. е. между монадами самодѣйствующими), и самопроизвольное воспроизведеніе всей ассоціаціи становится невозможнымъ. При ассоціативномъ воспроизведеніи подобной неустойчивой ассоціаціи она чѣмъ-то отличается отъ соотвѣтствующаго ей оригинала. Въ ней оказывается отсутствіе даже нѣкоторыхъ качественныхъ элементовъ, напр. мускульно-моторныхъ ощущеній, которыя участвуютъ при реальныхъ воспріятіяхъ. Повидимому, воспроизводятся не всѣ качественные элементы, даже существенные въ данной ассоціаціи: вслѣдствіе этого воспроизведенная ассоціація какъ бы блѣднѣе и менѣе окрашена эмоціональными элементами. Тѣмъ не менѣе мы сознаемъ то же-ст-венность воспроизведенія съ ея оригиналомъ; вслѣдствіе этого мы должны заключать, что въ воспроизведенной ассоціаціи все же дѣйствуютъ тѣ же же монады, что и въ ея оригиналѣ, только въ послѣднемъ дѣйствовали еще и другія. (Ср. тезисы 28 и 52.)

То обстоятельство, что не всѣ психическія образованія (ассоціаціи) въ одинаковой степени обнаруживаютъ способность воспроизведенія — и въ частности самопроизвольнаго — нисколько не противорѣчитъ моему основному положенію о періодической дѣятельности нѣкоторыхъ изъ монадъ — какъ физическихъ, такъ и духовныхъ. А именно: 1) агрегаты монады могутъ состоять не только изъ совершенно равныхъ и одинаковыхъ монадъ, но и изъ разнородныхъ, по меньшей мѣрѣ въ одной части. Въ такомъ случаѣ возможно частичное противодѣйствіе между ними. не доходящее до ихъ разрыва, но устанавливающее между ними временное неустойчивое равновѣсіе, состояніе взаимнаго напряженія. Аналогію тому мы имѣемъ въ молекулахъ взрывчатыхъ веществъ. Стоить ихъ неустойчивое равновѣсіе нарушить хотя въ незначительной части, какъ распадается сложная молекула на болѣе простыя химическія соединенія. То же теперь утверждаютъ нѣкоторые физики относительно атомовъ, распаденіе которыхъ уже будто-бы наблюдалось съ обнаруженіемъ огромной энергіи. Существуетъ уже цѣлая теорія по этому предмету (См.: Stark, *op. cit.*). Нѣчто аналогичное мы можемъ предполагать и относительно соединенія духовныхъ монадъ. И въ таковыхъ можетъ установиться взаимное напряженіе между отдѣльными монадами, которое временно связываетъ ихъ дѣятельность. Когда же это напряженіе нарушается, тогда соединеніе распадается на меньшія группы съ обнаруженіемъ „новыхъ“ силъ, „новой“ дѣятельности. 2) Должно еще замѣтить относительно духовныхъ монадъ, что отсутствіе соотвѣтственныхъ имъ сознательныхъ процессовъ еще не доказываетъ такое же отсутствіе процессовъ безсознательныхъ, т. е. не доходящихъ до взаимодѣйствія съ автомонадой и ея системой.

52) На факты атрофіи безиозныхъ органовъ указывалъ еще Ламаркъ. (Op cit.). Регрессъ съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи отмѣчаютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и у человѣка. Сюда относится: потеря волосъ на тѣлѣ, потеря хвоста, неподвижность ушей и др. Примѣры атрофіи изъ жизни низшихъ животныхъ приводитъ А. Вейсманъ; но онъ ихъ объясняетъ иначе, а именно своимъ „отборомъ въ зародышевой плазмѣ“ (Germinalselection), которая у него и тутъ, какъ *deus ex machina*, появляется безъ малѣйшаго обоснованія. (См.: Aug. Weismann, Vorträge üb. Descendenztheorie II. Bd. Jena 1902, XXVIII. Votr. S. 211—215).

53) Для волевыхъ актовъ нѣтъ надобности предполагать особые субстраты, особыя монады — кромѣ передаточныхъ, познавательныхъ, эмоціональныхъ, затѣмъ архимонадъ и ихъ системъ и, сверхъ того, автомонады. Сила волевого акта зависить отъ силы дѣятельности всѣхъ монадъ, участвующихъ въ немъ, и, главнымъ образомъ, отъ автомонады и эмоціональной системы.

Современные вопросы.

(4 рецензии).

В. И. Добровольскій. Присяжный повѣренный. Бракъ и разводъ. Очеркъ по дѣйствующему брачному праву и по проекту новаго гражданскаго уложенія. С. Петербургъ. 1903. Стр. 247 (in 8⁰). Цѣна 1 руб.

Вопросы брачнаго права въ послѣднее время особенно интересуютъ русское общество и современную печать. Достаточно упомянуть недавно вышедшую въ свѣтъ своеобразную книгу публициста „Новаго Времени“ В. В. Розанова „Семейный вопросъ въ Россіи“¹⁾, нашедшую обширный кругъ читателей, „Курсъ семейнаго права“ профессора Новороссійскаго Университета Загоровскаго²⁾, рядъ изслѣдовацій по отдѣльнымъ вопросамъ брачнаго права, между прочимъ, по вопросу „о разводѣ“ профессора Харьковскаго Университета Л. Загурскаго³⁾, чтобы видѣть, какое большое вниманіе удѣляютъ вопросамъ брачнаго и семейнаго права современные ученые и публицисты.

-
1. С. Петербургъ 2 т. 1903 г.
 2. Одесса. 1902 г.
 3. „О разводѣ“. Актовая рѣчь. Записки Харьковскаго Университета 1903 г. Кн. 2. — См. также мою статью: „Старые и новые законы о разводѣ“, помѣщенную въ VII томѣ „Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ“. Юрьевъ. 1904 г.

Интересъ къ указаннымъ вопросамъ понятенъ самъ собою, такъ какъ вопросы эти затрогиваютъ самыя существенныя, самыя дорогія права людей. Нельзя также упустить изъ виду, что въ настоящее время вопросы брачнаго права имѣютъ еще особый современный интересъ, въ виду предполагаемый реформы нашего Гражданскаго Уложенія, важнѣйшую часть котораго составляетъ право брачное и семейное.

Г. присяжный повѣренный В. И. Добровольскій тоже заинтересовался этими вопросами и въ своемъ трудѣ: „Бракъ и разводъ“ задался цѣлью дать очеркъ по дѣйствующему брачному праву и по проэкту новаго Гражданскаго Уложенія.

Большая часть книги г. Добровольскаго представляетъ собою компиляцію вышедшихъ раньше его труда изслѣдованій по тѣмъ же вопросамъ; ничего новаго въ ней поэтому мы искать не будемъ, а лишь разсмотримъ, насколько успѣшно компиляторъ воспользовался имѣвшимися въ его рукахъ матеріаломъ и насколько правильно изложилъ его въ своей книгѣ, расчитанной, по видимому, на большой кругъ читателей.

Въ своемъ введеніи г. Добровольскій указываетъ слѣдующую систему своей работы. Изложенію догматической стороны онъ считаетъ необходимымъ предпослать небольшую историческую справку для выясненія происхожденія современнаго брачнаго законодательства; вторую часть составляетъ изложеніе формъ и условій вступленія въ союзъ брачный и послѣдствій, отсюда проистекающихъ въ личныя и имущественныя отношенія супруговъ; третья часть книги посвящена вопросу о расторженіи союза брачнаго; четвертая и послѣдняя составляетъ изслѣдованіе законодательныхъ положеній брачнаго права по новому проекту Гражданскаго Уложенія.

Историческій очеркъ (стр. 9—31) составляетъ самую слабую часть книги г. Добровольскаго. Особенно рѣзко

выступаетъ незнакомство автора съ законодательными памятниками брачнаго права, о чемъ онъ трактуеть на стр. 10—13 своего труда. Такъ, главнымъ законодательнымъ актомъ по вопросамъ брачнаго права, по мнѣнію г. Добровольскаго, надо признать положенія Стоглаваго собора 1551 года, постановленія котораго, какъ извѣстно, подверглись строгой критикѣ Большаго Московскаго собора 1667 года, который отозвался объ отцахъ Стоглаваго собора, что они многое написали „простотою своею и невѣжествомъ“¹⁾. Говоря о Кормчей книгѣ г. Добровольскій утверждаетъ, что „въ послѣдній разъ Кормчая книга издана въ 1839 году, подъ названіемъ: „Книги правилъ“ на греческомъ и русскихъ языкахъ“ (стр. 12). Неудивительно поэтому странное пожеланіе автора, чтобы „все семейное право было подвергнуто коренному пересмотру, а въ особенности правила церкви (sic!), дабы подчасъ не провѣренная (чѣмъ?) на нихъ ссылка не могла служить препятствіемъ къ поступательному движенію общегосударственнаго гражданскаго законодательства“ (стр. 206). А какъ Вамъ понравится слѣдующее утвержденіе автора: „со времени Петра I бракъ совершенно подчиняется (!) церкви и пріобрѣтаетъ значеніе таинства!“ (стр. 15)?

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, говоря о времени совершенія брака (вопросъ этотъ имѣетъ практическое значеніе и долженъ быть извѣстенъ юристу-адвокату), г. Добровольскій указывая время, закрытое для заключенія браковъ (*tempus clausum*), совершенно пропускаетъ (см. стр. 34—35) дни накануне коронаціи и восшествія на престолъ Государя Императора, дни Воздвиженія Креста Господня (14 сентября) и Усѣкновенія Главы Іоанна Крестителя²⁾.

Удовлетворительнѣе послѣдняя часть книги: „Брачное право по проекту новаго Гражданскаго Уложенія“ (стр.

1) Проф. А. Павловъ. Курсъ церковнаго права, стр. 170—175.

2) Ср. Н. Суворовъ. Учебникъ церковнаго права. Изд. 2-е Москва. 1902 г., стр. 379—380.

210—242), въ которой авторъ, между прочемъ, сѣтуетъ на то, что „составители проекта не только не облегчаютъ возможности развода, но стараются сдѣлать его недостижимымъ“ (стр. 242).

Однако, не смотря па указанныя недостатки, книга г. Добровольскаго въ общемъ является небезполезною. Написана она простымъ понятнымъ языкомъ.

М. М. Абрашкевичъ, приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, товарищъ прокурора Одесскаго окружнаго суда. Прелюбодѣяніе съ точки зрѣнія уголовного права. Историко-догматическое изслѣдованіе. Одесса. 1904. Стр. 640.

Обширный трудъ г. Абрашкевича появился совершенно вовремя. Прогрессивно возрастающее число супружескихъ измѣнъ, семейныхъ драмъ и внѣ-брачныхъ сожителствъ составляетъ характерную особенность современнаго русскаго общества, достояніе всѣхъ звачій и сословій. Напрасно пѣкоторые ищутъ причину столь печальныхъ явленій въ неудовлетворительности нашего брачнаго и семейственнаго законодательства, полагая, что, съ реформой этого законодательства, эти явленія исчезнутъ.

Немало толковъ въ печати вызвалъ и недавно опубликованный законъ, отмѣняющій 253-ю статью Устава Духовныхъ Консистерій и разрѣшающій лицамъ, разведеннымъ за прелюбодѣяніе, вступать на новый бракъ. Въ то время какъ одни горячо привѣтствовали изданіе этого закона, другіе видятъ въ немъ лишь уступку современнымъ распущеннымъ правамъ, уступку весьма опасную, подрывающую крѣпность брака, какъ таинства.

Ревностнымъ защитникомъ крѣпости брачныхъ узъ выступаетъ и авторъ вышеназваннаго ученаго изслѣдованія, отмѣчая, между прочимъ, въ своемъ введеніи (стр. 2)

тотъ фактъ, что „въ наши дни устои современнаго уклада — собственность и бракъ — вызываютъ яростныя нападки заклятыхъ ненавистниковъ существующаго строя, мечтающихъ о насажденіи ипыхъ новыхъ порядковъ.“

Видя въ прелюбодѣяніи оскорбленіе святости брака, какъ *религіознаго* или же какъ *общественно-государственнаго* института, г. Абрашкевичъ приводитъ рядъ доводовъ противъ мнѣнія о совершенномъ устраниеніи уголовной репрессіи прелюбодѣянія. „Дѣйствительно ли государство, вѣрное своему назначенію, говоритъ онъ, при существующихъ житейскихъ условіяхъ, можетъ и должно рѣшиться на такой шагъ? Привѣтствовать ли, при паличныхъ данныхъ, такое рѣшеніе, какъ истинный успѣхъ уголовного законодательства?“ (стр. 614).

„Микробъ преступленія, по выраженію Франца фонъ-Листа, вырастаетъ въ бульонѣ, который представляетъ общество“. Принципъ взаимной вѣрности обонхъ суруговъ, съ такимъ трудомъ выработанный прогрессомъ, воспринятый всѣми цивилизованными націями, далеко не пользуется надлежащею поддержкой общества, во всѣхъ слояхъ котораго наблюдается стремительное паденіе нравовъ. Въ наши дни адюльтеръ пріобрѣтаетъ права гражданства. Чистота семейныхъ нравовъ отступаетъ предъ нимъ все далѣе и далѣе. Вѣрность супружескому долгу рисуется особенною заслугой, изъ простой естественной обязанности возводится въ подвигъ. Бракъ изъ союза двухъ угрожаетъ обратиться въ сопряженіе трехъ, если не болѣе лицъ. Въ современной литературѣ, отражающей такъ печально сложившуюся жизнь, трудно отыскать произведеніе, которое бы не затрогивало такъ или иначе вопроса о нарушеніи супружеской вѣрности. Въ произведеніяхъ Максима Горькаго, философіей Ницше объявляется война идеаламъ, завѣщаннымъ предшествующими поколѣніями, какъ дорогое наслѣдство; подъ флагомъ возвеличенія личной свободы и мощи раздается апологія разнузданности, разыгрывается апоэозъ черно-

земныхъ силъ, порою напоминающій боевой кличъ знаменитаго философа порока Маркиза де Сада“ (стр. 614—616).

Бракъ и прелюбодѣянiе, по мнѣнiю почтеннаго автора, два непримиримые врага, два антипода, между которыми пѣтъ посредствующихъ звеньевъ. Отрицать вредоносность прелюбодѣянiя — значитъ отвергать необходимость брака, и, наоборотъ, отстаивая бракъ, нельзя терпѣть прелюбодѣянiя. Поэтому, пока государство видитъ въ бракѣ союзъ, имѣющій важное социальное значенiе, пока оно печется объ этомъ союзѣ, регламентируетъ его, возводитъ въ юридическiй институтъ — прелюбодѣянiе, какъ дѣйствiе, расшатывающее основы брака, не можетъ игнорироваться правомъ, оно должно влечь за собой наказанiе, какъ для прелюбодѣйнаго супруга, такъ и для его соучастника: бракъ долженъ быть святъ въ глазахъ всѣхъ и каждаго (стр. 619—627.)

Несомнѣнно при этомъ, что наказанiе за прелюбодѣянiе должно соответствовать достоинству брака, устои котораго оно подрываетъ. И дѣйствительно, всѣ законодательства, карающiя прелюбодѣянiе, назначаютъ строгiя наказанiя какъ прелюбодѣйному супругу, такъ и его соучастнику — тюремное заключенiе (иногда даже на срокъ болѣе года). Иначе посмотрѣло на прелюбодѣянiе наше новое Уголовное Уложенiе, видящее въ немъ не „тяжкое преступленiе“ и даже вовсе не „преступленiе“, а телько „проступокъ“, караемый арестомъ¹⁾. По новому Уголовному Уложенiю, супруга, сбѣжавшая съ любовникомъ отъ своего семейнаго очага, наказуется какъ „служащiй . . . виновный въ самовольномъ оставленiи парохода или морскаго судна, отправляющихся въ плаванiе или находящихся въ плаванiи, безъ уважительной причины, на время болѣе трехъ сутокъ“²⁾; супругъ, нарушившiй обѣтъ вѣрности, отдающiй свое вниманiе, ласки

1) Ст. 418.

2) Ст. 372, п. 2.

и средства посторонней женщины, наказуется наравнѣ съ тѣмъ, кто по легкомыслию присвоилъ предметъ цѣною менѣе 50 копѣекъ“¹⁾; доморощенный Донъ-Жуанъ, разбивающій иногда однимъ ударомъ счастье всей семьи, наказывается совершенно такъ же, какъ „виновный въ умысленномъ нанесеніи удара или ипомъ насильственномъ дѣйстви, нарушившемъ тѣлесную неприкосновенность“²⁾ и т. п. И такими мѣрами думаютъ купить уваженіе къ брачному союзу и страхъ передъ отвѣтственностью за посягательство противъ этого союза! . . . Мало того, почтенный авторъ той части проекта, которая охватываетъ преступленія противъ правъ семейственныхъ, И. Я. Фойпицкій, въ уголовной репрессіи прелюбодѣянія видитъ средство къ сокращенію саморасправы³⁾, словно тотъ, кто считаетъ необходимымъ смыть свой семейный позоръ кровью измѣнницы или ея возлюбленнаго, откажется отъ своей мести ради той перспективы, что виновные отсидятъ за то подъ арестомъ (стр. 636).

„Намъ кажется, заключаетъ авторъ, лучше совсѣмъ отказаться отъ уголовной репрессіи прелюбодѣянія, признать единственнымъ юридическимъ послѣдствіемъ его разводъ по жалобѣ оскорбленнаго супруга, чѣмъ оказывать общественной нравственности такія сомнительныя услуги, какъ наложеніе ареста на виновныхъ въ прелюбодѣяніи“⁴⁾.

Мы отмѣтили здѣсь лишь немногія, наиболѣе существенныя, мѣста интереснаго изслѣдованія г. Абрашкевича; желающихъ подробнѣе познакомиться съ обстоятельно раз-

1) Ст. 574.

2) Ст. 475.

3) Курсъ особенной части, стр. 136. Уголовное Уложеніе. Проектъ редакціонной комиссіи и объясненіе къ нему, 1895 г., т. IV, стр. 208.

4) Тотъ же взглядъ мы высказывали еще при обсужденіи проекта новаго Уголовнаго Уложенія. См. нашу статью: Профессоръ М. Красноженъ. „Старые и новые законы о бракѣ“. Юрьевъ. 1898 г., стр. 16: „Назначенное въ 359 статьѣ проекта Уголовнаго Уложенія, писали мы тогда, не можетъ удовлетворить обиженнаго, никого не устрашаетъ и никого не исправляетъ“.

смотрящимъ авторомъ вопросомъ отсылаемъ къ его книгѣ, которая, несмотря на свой обширный объемъ, читается легко, такъ какъ написана прекраснымъ литературнымъ языкомъ.

К. К. Арсеньевъ. Свобода совѣсти и вѣротерпимость Сборникъ статей. С.-Петербургъ 1905.

Настоящая книга, какъ говоритъ въ предисловіи къ ней самъ авторъ, образовалась изъ соединенія въ одно цѣлое ряда статей о религіозной свободѣ, напечатанныхъ имъ съ 1880-го по 1904 года въ „Вѣстникѣ Европы“ (въ видѣ внутреннихъ обзорѣній и общественныхъ хроникъ). Заглавіе книги „Свобода совѣсти и вѣротерпимость“ по соотвѣтствуетъ ея содержанію: напрасно читатель сталъ бы искать въ этой книгѣ разрѣшенія такихъ жгучихъ и столь сложныхъ вопросовъ, какъ вопросы о свободѣ личной религіозной совѣсти въ области права и жизни и о свободѣ вѣроисповѣданій. Нѣсколько теоретическихъ замѣчаній мы находимъ у автора лишь въ началѣ и въ концѣ книги; большая часть труда г. Арсеньева посвящена разсмотрѣнію и критикѣ отчетовъ оберъ-прокурора Св. Синода о положеніи въ Россіи раскола, сектантства, лютеранства, язычества и магометнства (ничего не говорится только о положеніи въ Россіи евреевъ). Особенно подробно г. Арсеньевъ останавливается на вопросахъ о расколѣ и сектантствѣ. Этимъ вопросамъ посвящены три статьи: первая, подъ заглавіемъ „Расколъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и законъ 3 мая 1883 г.“, вторая: „Расколъ послѣ закона 1883 года“, и третья: „Сектантство послѣ закона 3-го мая 1883 года“.

К. К. Арсеньевъ является ревностнымъ поклонникомъ свободы совѣсти, въ смыслѣ выбора каждымъ *ad libitum* того или другого вѣроисповѣданія, и очень сожалѣетъ, что мнѣніе двухъ членовъ редакціонной комиссіи по соста-

вленію новаго Уголовнаго Уложенія (Н. С. Таганцева и П. Я. Фойницкаго), находившихъ, что стремленіе къ обращенію въ свою вѣру (по просту пропаганды) является естественнымъ выраженіемъ религіознаго чувства и сомпѣвавшихъ, поэтому, въ наказуемости такого стремленія, не было принято ¹⁾.

Предоставленіе каждому опредѣлять свое вѣроученіе, свою принадлежность къ тому или другому религіозному обществу, и уравненіе исповѣданій, образовавшихся путемъ отдѣленія отъ православной церкви, съ издавна признанными инославными и иновѣрными исповѣданіями — вотъ, по мнѣнію автора, два условія, безъ осуществленія, которыхъ пемыслима у насъ въ Россіи вѣротерпимость. Только тогда сдѣлается доступнымъ для каждаго „свободное отправленіе его вѣры“ — не той вѣры, къ которой онъ „приписанъ“, а той, которую онъ почитъ въ своемъ сердцѣ, только тогда станетъ возможнымъ дѣйствительно свободное отправленіе богослуженія, составляющее неугасимую потребность вѣрующихъ“ (стр. 284).

Въ книгѣ г. Арсеньева есть много совершенно не относящагося къ дѣлу, какъ напримѣръ, полемика его по поводу статьи г. Дурново: „Колонизація Россіи иностранцами“ ²⁾, а также по поводу статьи г. Н. Субботина: „Нѣчто объ австрійскомъ согласіи въ расколѣ“ ³⁾ и др. Статьи эти съ успѣхомъ могли бы быть опущены.

1) Въ настоящее время мы уже видимъ, какою опасностью, послѣ изданія Высочайшаго указа 17 апрѣля 1905 года, угрожаетъ Православію воинствующій католицизмъ въ западныхъ губерніяхъ въ Россіи, а протестантизмъ въ здѣшнемъ Прибалтійскомъ краѣ.

2) Статья эта была помѣщена въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1893 годъ.

3) Напечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1904 годъ.

А. С. Будиловичъ. Наука и политика. Три статьи по злободневнымъ вопросамъ. С. Петербургъ. 1905. Стр. 109. Цѣна 50 коп.

Наше отечество въ настоящее время, безспорно, переживаетъ весьма важный историческій моментъ. Неотложность преобразовація нашего государственнаго строя еще на дняхъ подтверждена съ высоты Престола (въ отвѣтъ Государя Императора па обращенныя къ нему рѣчи ординарнаго профессора Московскаго университета князя С. Н. Трубецкаго и гласнаго петербургской городской думы М. П. Федорова). Всѣ истинно русскіе люди съ нетерпѣніемъ ожидаютъ устроенія нынѣ пришедшей въ разстройство земли Русской и устраненія препятствующихъ ея развитію недостатковъ, столь ясно обнаружившихся въ переживаемое нами тяжелое время. Представители русскаго ученаго міра — академики, профессора высшихъ учебныхъ заведеній и ихъ младшіе товарищи — приватъ-доценты, ассистенты, лаборанты и др., съ своей стороны, не остались равнодушными къ судьбамъ своего отечества и на бывшемъ въ С. Петербургѣ (25—28 марта с. г.) съѣздѣ 170 профессоровъ и преподавателей постановили рядъ резолюцій, направленныхъ, по ихъ мнѣнію, къ улучшенію состоянія внутренней жизни Россіи.

„Все общество, говорятъ 170 профессоровъ и преподавателей, сверху до низу пришло въ движеніе; всѣ старыя основы уже фактически рушились, между тѣмъ новыя формы еще не сложились и общество переживаетъ періодъ полнаго разстройства . . , каждая минута промедленія увеличиваетъ правительственную и отечественную анархію и смуту, которая грозитъ неисчислимыми бѣдствіями странѣ.“ На необходимость „полнаго и кореннаго преобразовація современнаго государственнаго строя Россіи“, путемъ „привлеченія свободно избранныхъ представителей всего народа къ

осуществленію законодательной власти и контролю надъ дѣйствіями администраціи“, указано было нѣсколько ранѣе также „въ Запискѣ 342 ученыхъ о нуждахъ просвѣщенія“.

Высказанные въ этой „Запискѣ“, а также въ резолюціяхъ 170 профессоровъ и преподавателей взгляды и пожеланія вызвали рядъ критическихъ замѣчаній со стороны извѣстнаго русскаго ученаго и публициста, бывшаго ректора Юрьевскаго университета, А. С. Будиловича. Эти критическія замѣчанія и возраженія его ученымъ коллегамъ собраны А. С. Будиловичемъ въ одно цѣлое въ только что вышедшемъ въ свѣтъ его сборникѣ подъ заглавіемъ: „Наука и политика“.

Въ сборникѣ помѣщены слѣдующія статьи г. Будиловича: 1. Нѣсколько критическихъ замѣчаній на „Записку 342 ученыхъ о нуждахъ просвѣщенія“; 2. Еще два слова о „Запискѣ 342 ученыхъ“; 3. О политическихъ мечтаніяхъ 170 профессоровъ и преподавателей. Первая изъ указанныхъ статей было напечатана въ газетѣ „Новое Время“ (17 февраля 1905 г. № 10,400), вторая — въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (апрѣль 1905 г.), а третья — издается здѣсь впервые. Мотто статьи: *Litteris et patriae* заимствовано г. Будиловичемъ изъ надписи на фронтонѣ страсбургскаго университета, какъ лапидарная формула духа и стремленій западной академической науки. Сборникъ посвящается памяти А. С. Хомякова, Людевита Штура и А. И. Добрянскаго. Тѣни Хомякова, Штура, Добрянскаго вызываются здѣсь во свидѣтельство истины и какъ три свѣточа, ярко освѣщающіе съ востока и запада тотъ историческій путь, который открывается нынѣ передъ русскимъ народомъ (предисловіе).

Въ двухъ первыхъ статьяхъ (на стр. 7—64) А. С. Будиловичъ подробно разбираетъ „Записку 342 ученыхъ о нуждахъ просвѣщенія“. Записка эта произвела на г. Будиловича тягостное впечатлѣніе своимъ высокоумнымъ догматизмомъ, явными преувеличеніями, отсутствіемъ

исторической перспективы, а кое-гдѣ и логическими противорѣчіями (см стр. 8).

Назвавъ свое заявленіе „Запиской 342 ученыхъ“, г.г. академики, профессеры и ассистенты должны бы, изъ уваженія къ читателю и обществу, представить достаточную мотивировку каждаго изъ своихъ — весьма спорныхъ въ столь категорической постановкѣ — тезисовъ, какъ это принято въ запискахъ лицъ ученыхъ. Въмѣсто того они предпочли возсѣсть на своего рода „лиюостротонъ“ и изречь оттуда *urbi et orbi* очень ужъ строгій приговоръ надъ своею собственною матерью — всею системою русскаго просвѣщенія, и притомъ подъ угломъ зрѣнія не столько науки, сколько политики, въ которой г.г. академики и профессеры не имѣютъ собственно компетентности профессиональной. Къ явнымъ преувеличеніямъ „Записки“ почтенный авторъ относитъ, между прочимъ, наименованіе нынѣшняго положенія нашего просвѣщенія „самымъ жалкимъ“. Между тѣмъ едва-ли авторы „Записки“ могутъ отыскать хотя бы одно конституціонное государство, въ которомъ народное просвѣщеніе въ сорокалѣтіе сдѣлало-бы столь быстрые успѣхи. — Что касается требованія „Записки“ безусловной „свободы преподаванія“, то, насколько извѣстно, ни въ Старомъ, ни въ Новомъ свѣтѣ не существуетъ университета, гдѣ преподаватель могъ бы преподавать съ кафедры все, что ему взбредетъ на умъ: вездѣ эта свобода ограничена законами страны и долгомъ патріотизма.

Крайнимъ преувеличеніемъ, по мнѣнію проф. Будиловича, представляется и увѣреніе „Записки 342“, будто наши профессора „низводятся на степень чиновниковъ, долженствующихъ слѣпо исполнять приказанія начальства“. Профессоры республиканской конституціонной Франціи куда зависимѣе въ этомъ отношеніи отъ своего начальства!... А если все-таки ихъ мать не въ Россіи, а, напримѣръ, въ западной Европѣ, то что мѣшаетъ такимъ пасынкамъ перебраться на „тотъ берегъ“, какъ это сдѣлали нѣкогда

князя Гагаринъ и Голицынъ, Мартыновъ, Герценъ и многіе другіе добровольные пасынки русской образованности?.. (стр. 9—13, 22).

Между прочимъ, г. Будиловичъ отмѣчаетъ тотъ интересный фактъ, что тѣ же лица, какъ приходилось слышать, которыя подписали „Записку“, или потомъ присоединились къ ней, очутились, по убѣжденію или изъ послѣдовательности, во главѣ совѣтскихъ партій, выдвигавшихъ разныя затрудненія къ возобновленію лекцій. Такимъ образомъ они, быть можетъ, и не сознательно, вызвали такія грустныя явленія, какъ *pronciamento* приватъ-доцентовъ и ассистентовъ, за ними преподавателей многихъ среднихъ школъ, а наконецъ, какъ логическій выводъ отсюда, забастовку студентовъ. Въ этомъ отношеніи дѣятели старшаго поколѣнія, руководящіе такой ядовитой пропагандой, называются эгоистичнѣе животныхъ: послѣднія прикрываютъ своихъ дѣтенышей отъ опасности, даже цѣною жизни, тогда какъ эти дѣятели употребляютъ своихъ дѣтей вмѣсто тарана въ борьбѣ съ правительствомъ или обществомъ! (стр. 45, 48).

Въ своей послѣдней статьѣ, помѣщенной въ сборникѣ, г. Будиловичъ подробно касается „политическихъ мечтаний 170 профессоровъ и преподавателей“, выраженныхъ ими въ цѣломъ рядѣ резолюцій на сѣздѣ въ Петербургѣ (25—28 марта с. г.). Прежде всего г. Будиловичъ отмѣчаетъ рядъ непонятныхъ странностей, въ родѣ, напр., слѣдующихъ: какъ совмѣстить существованіе профессорскаго союза и его устава только въ проектѣ съ его дѣятельностью на сѣздѣ? Почему члены сѣзда, не избранные ни совѣтами, ни факультетами, по принадлежности, какъ это отмѣчено, между прочимъ, харьковскимъ ректоромъ Куплеваскимъ („Новое Время“ № 10454) — титулуютъ, однако, себя въ резолюціи „мы, представители высшихъ учебныхъ заведеній“? На какомъ основаніи союзъ, задавшійся цѣлью „объединить дѣятелей ученыхъ и высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга (sic!), въ видахъ дости-

женія и обезпеченія нормальнаго устройства академическаго быта на началахъ академической свободы и автономіи“, счелъ себя въ правѣ принимать резолюціи общеполитическаго характера, притомъ такія, которыя были бы по плечу развѣ учредительному собранію народныхъ представителей? (стр. 67—68).

Обращаясь къ разсмотрѣнію сущности постановленій съѣзда, г. Будиловичъ шагъ за шагомъ доказываетъ полную ихъ несостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, осуществимо ли на практикѣ, напр., постановленіе о „немедленномъ упраздненіи всѣхъ существующихъ ограниченій свободы общественныхъ собраній, свободы печатнаго и устнаго слова“? Едва-ли! Вѣдь въ числѣ этихъ „собраній“ могли бы найтись и „черныя сотни“, заявившія себя уже въ разныхъ городахъ и всякъ Россіи прѣмами уличнаго самосуда по отношенію къ „интеллигенціи“! А затѣмъ, на ряду съ сотнями черными, могли бы вѣдь вновь выступить на сцену и „сотни красныя“, предводимыя какимъ-нибудь Гапономъ и другими анархистами, которые принялись бы, напр., преобразовывать отечество по образцу недавняго ялтинскаго разгрома. . . Наконецъ, примѣръ Московскаго сельско-хозяйственнаго общества доказываетъ, что и невинныя раньше организаціи могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, переродиться въ клубы яковинцевъ, чтобы подъ двуглавымъ орломъ разбрасывать по всѣмъ волостямъ Имперіи воззванія къ мятежу (стр. 75).

Что касается свободы печати, то она, говоритъ г. Будиловичъ, никдѣ въ мірѣ не существуетъ безъ извѣстныхъ законныхъ ограниченій. Иначе это была бы не свобода, а разгулъ произвола, который вызвалъ бы *bellum omnium contra omnes*, — предвкусеніе чего и замѣчалось уже у насъ въ пору вакханалій слова, подготовившихъ событія 9 января (стр. 76).

Далѣе, г. Будиловичъ подробно выясняетъ, что произошло бы, въ случаѣ постройки нашего народнаго предста-

вительства на началах „общаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права“, безъ обращенія вниманія на „національныя, вѣроисповѣдныя, сословныя и классовыя привилегіи и правоограниченія“. Не нужно забывать, говоритъ онъ, что по переписи 1897 г. въ Россіи насчитано на 84 милл. русскихъ до 24 милл. инородцевъ, такъ что, „при всеобщихъ и равныхъ выборахъ“, въ нашемъ народномъ представительствѣ должно бы быть не мепѣе 33% инородческихъ депутатовъ. Если же принять въ соображеніе относительную скудость русскаго образованнаго класса, въ сравненіи, напр., съ интеллигенціей нѣмецкой, польской, еврейской, и вспомнить такъ называемое оскудѣніе нашего центра въ пользу окраинъ, то слѣдуетъ опасаться, что указанный процентъ инородцевъ повысится въ нашей палатѣ до 50% и болѣе. А такъ какъ представители русскіе при этомъ раздѣлятся на разныя группы, изъ коихъ та, которую опекаютъ наши 170, примкнетъ къ инородцамъ и иновѣрцамъ, то возникаетъ вопросъ: какую же устойчивость можетъ имѣть подобное безпочвенное сооруженіе? (стр. 82—83).

Еще болѣе недоумѣній вызываетъ та резолюція сѣзда, въ которой выражается протестъ противъ якобы руссификаторской политики русскаго правительства. Если бы наше правительство дѣйствительно руководилось теперь или раньше руссификаторскими стремленіями, то развѣ возможны были бы у насъ эпохи Бирона и Петра III, возможны были бы времена, когда Ермоловъ ходатайствовалъ о производствѣ его въ нѣмцы, а Самаринъ вынужденъ былъ печатать „Окраины Россіи“ за границею? Развѣ успѣли мы, хотя отчасти, колонизовать русскимъ населеніемъ Финляндію, Прибалтійскія и Привислинскія губерніи, Крымъ, Кавказъ, Туркестанъ, Поамурье? Не видимъ ли, наоборотъ, быстро захвата инородцами и даже иноземцами нашихъ богатѣйшихъ по природѣ областей, не исключая ни Новороссіи, ни Кавказа, ни Урала, ни даже отдаленной Камчатки? Если же русское правительство принимало по

временамъ, хотя и очень нерѣшительныя, мѣры для распространенія русскаго языка и образованія въ средѣ своихъ инородцевъ, то развѣ не поступаютъ точно такъ же — только съ большей послѣдовательностью и энергіей — всѣ прочія государства, имѣющія, какъ и Россія, національную основу? Въ частности, развѣ не поступаетъ такъ Германія въ Познани, Голштиніи, Лотарингіи? Или Франція — въ Бретани, Аквитаніи, Провансѣ? Или, наконецъ, Англія — въ Уэльсѣ, Ирландіи, Шотландіи, а равно во всѣхъ колоніяхъ, не исключая даже Индіи, съ ея огромнымъ и даровитымъ индусскимъ населеніемъ? Да и Америкапскіе Штаты развѣ признаютъ „право на самоопредѣленіе“, хотя бы только въ школьной области, за входящими въ составъ республики народами, ромапскаго, нѣмецкаго и негрскаго происхожденія, представляющими каждый, вѣроятно, не менѣе 10 милліон. населенія?

Не должна же Россія изъ-за инородцевъ потерять свой національный характеръ, присущій ей въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія; не должна въ угоду полякамъ, евреямъ, нѣмцамъ превратиться въ федерацію областей и народностей по образцу Швейцаріи или Австро-Венгріи (стр. 88—89).

Въ заключеніе г. Будиловичъ рисуетъ ту, по истинѣ печальную, картину будущаго Россіи, въ случаѣ осуществленія болѣе чѣмъ странныхъ политическихъ мечтаній 170 русскихъ Солоновъ.

Вотъ эта картина. Святая православная Русь исчезнетъ, какъ таковая; она превратится въ Русь не православную, даже не христіанскую, а скорѣе всего въ масонскую; проектируемый патріархатъ не спасетъ нашей церкви отъ порабощенія. . . Съ правозглашеннымъ упраздненіемъ всѣхъ классовъ и сословій при выборахъ, быстро разложится у насъ и дворянство, и духовенство, и крестьянство, и все это сольется въ типахъ хищника, съ одной, а добычи, съ другой стороны; мобилизованная земля перейдетъ изъ рукъ помѣщиковъ и крестьянъ въ руки банкировъ и міро-

ѣдовъ; безземельный пролетаріатъ наполнить города и села и послужить отличнымъ матеріаломъ для экспериментовъ социализма; въ странѣ послѣдуютъ обширныя народныя передвиженія, причемъ инородцы устремятся въ поля черноземныя, въ области съ металлами, минералами и водяною силою, крестьянство же русское постепенно будетъ отодвинуто въ пески и тундры, пока не найдетъ себѣ надежнаго убѣжища отъ опасностей бѣлой и желтой — на необитаемыхъ островахъ Ледовитаго океана.

А между тѣмъ кто можетъ поручиться, что Россія дѣйствительно находится теперь, какъ увѣряютъ 170 профессоровъ, „на краю пропасти“? Не оптической ли это обманъ, обусловленный какимъ-нибудь маревомъ или гипнозомъ со стороны инородцевъ? Слишкомъ уже подозрительна суетливость всѣхъ этихъ союзовъ и сѣздовъ, вдругъ народившихъ безчисленныя деклараціи и резолюціи, гдѣ крайняя скудость доводовъ восполняется обиліемъ подписей. Не голосъ ли это іерихонскихъ трубъ, отъ котораго должны пасть не только картонныя стѣны русской бюрократіи, но и вѣковыя твердыни русскаго государства? Былъ въ исторіи моментъ, когда наше отечество дѣйствительно находилось „на краю пропасти“. А. С. Будиловичъ имѣетъ въ виду смутное время на Руси. Но, къ счастью, нашлись тогда люди, которые взяли на себя трудъ возсоздать „разсыпанную храмину русской земли“ по другому плану, не обращаясь за содѣйствіемъ ни къ Сигизмунду III, съ его панами и іезуитами, ни къ тушинскому вору, съ его казацкой вольницей. „Храмина“ была возсоздана по молитвамъ Гермогена, вдохновеніемъ Авраамія Палицина и геройскими усиліями Мининыхъ и Пожарскихъ, — возсоздана, въ видѣ прежняго восточно-христіанскаго царства, вѣрнаго всѣмъ завѣтамъ своего прошлаго, своей кирилло-меѳодіевской образованности.

Исцѣлеше всѣхъ золь Россіи г. Будиловичъ видитъ въ возрожденіи нашихъ старыхъ учрежденій, отгѣсненыхъ со

временъ Петра Великаго западнымъ вліяніемъ, въ частности же въ возстановленіи и развитіи нашего Земскаго Собора, въ его всесловномъ составѣ и національно общественномъ значеніи. „Вотъ нашъ историческій путь, говоритъ онъ, слѣдуя ему, Россія найдетъ надежный выходъ и изъ нынѣшнихъ невзгодъ, которыя напрасно многимъ представляются чѣмъ то неодолимымъ для богатырскихъ силъ русскаго народа“ (стр.

Быть можетъ, нѣкоторыя изъ опасеній, высказанныя г. Будиловичемъ въ деталяхъ изображенія слишкомъ мрачнаго будущаго нашего отечества, и преувеличены, но все таки этотъ предупреждающій голосъ истинно русскаго человѣка долженъ быть выслушанъ съ большимъ вниманіемъ.

Проф. М. Красноженъ.

Цѣна 2 рубля.

**Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ Т. I
(1898), Т. II (1899) и Т. III (1900) Ученымъ Комитетомъ
Министерства Народнаго Просвѣщенія, „рекомендованъ
для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учеб-
ныхъ заведеній, какъ всѣхъ вообще, такъ и въ осо-
бенности Рижскаго учебнаго округа“.**

Съ требованіями обращаться въ Учено-Литературное Общество
при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.
